

Some beasts aren't meant to be tamed...

IMMORTAL WARRIOR

LISA HENDRIX

First in an all-new paranormal romance series!

Проклятый злой колдуньей Квен Ивар Грэйклок должен жить вечно то в виде орла, то в человеческой форме. Ивар получает вознаграждение за победу под Моубрей и по приказу Вильгельма Руфуса, сына Завоевателя и короля Англии, он прекращает свое одинокое существование. Ивар отдал бы душу за имение, где он смог бы начать сначала и оставить свое прошлое позади. Вильгельм не только отдал ему Олнвик и приказал построить замок, но еще и предложил внучку Тайсона в жены! Леди Алейда именно та, кого хочет Ивар — красивая, вздорная и страстная. Ивар — добрый и страстный любовник ночью, но каждое утро он исчезает. Даже хуже, после ночей страсти и любви, Ивар внезапно перестает прикасаться к ней. В смятении из-за темного видения будущего, Ивар знает, что не может приговорить Алейду или будущие поколения к своей судьбе. Алейда могла бы владеть ключом к заклятию Квен, но освободит ли она их, или они навсегда погрязнут во тьме?

Лиза Хендрикс

Бессмертный воин

Куратор: KattyK

Переводчики: KattyK • povitrulya • Лапочка-дочка

• VikaNika • Mary-June • Margo • Elfni

• Zirochka • LiskaAliska • Milli • TiaP

Беты: LiskaAliska • Elfni • Zirochka • TiaP

Проклятый злой колдуньей Квен Ивар Грэйклок должен жить вечно то в виде орла, то в человеческой форме. Ивар получает вознаграждение за победу под Моубрей и по приказу Вильгельма Руфуса, сына Завоевателя и короля Англии, он прекращает свое одинокое существование. Ивар отдал бы душу за имение, где он смог бы начать сначала и оставить свое прошлое позади. Вильгельм не только отдал ему Олнвик и приказал построить замок, но еще и предложил внуку Тайсона в жены! Леди Алейда именно та, кого хочет Ивар — красивая, вздорная и страстная. Ивар — добрый и страстный любовник ночью, но каждое утро он исчезает. Даже хуже, после ночей страсти и любви, Ивар внезапно перестает прикасаться к ней. В смятении из-за темного видения будущего, Ивар знает, что не может приговорить Алейду или будущие поколения к своей судьбе. Алейда могла бы владеть ключом к заклятию Квен, но освободит ли она их, или они навсегда погрязнут во тьме?

Легенда

В давние времена набегов на Британию до Хейкона АйронТоя (Железного пальца). Высокого Вождя Норвегии, дошли слухи, рассказанные его рабами-саксами, что народ Одинсбригг в королевстве Англия хранит великое сокровище. Решив заполучить его, он послал самых свирепых воинов, которыми командовал Бранд Айнарссон, которого называли Молотом Тора, завоевать деревню и привезти золото ему. Но сокровище охраняли не только мужчины, вооруженные мечами, но и колдовские чары ведьмы Квен, которая создала воинов из своей крови и послала своего сына командовать ими.

Когда Бранд увидел, что его воины убиты, ярость охватила его, и он получил силу десяти берсерков. Он кинулся на призраков и резал, рубил, пока не попал по твердой плоти, и он убил сына Квен.

В ярости от горя Квен воспользовалась магией, взяла в плен Бранда и тех его людей, чьи сердца еще бились, отнесла их к сокровищу, которое они пришли украсть, и прокляла их. Она превратила их в тени зверей, которые были наполовину животными, наполовину людьми, каждый принял форму своего fylgja [Ц](#), духовного компаньона, чье изображение они носили на цепочке. Закончив, Квен забрала их амулеты и разбросала их по земле, а людей отвела в лес, чтобы на них охотились.

Когда слух о судьбе Бранда достиг Хейкона, он задрожал в страхе и приказал своим кораблям отплыть, но поднялась огромная волна, и его корабль исчез в морской пучине. Он так и не узнал, насколько серьезным было проклятие его воинов, так как Квен сделала их бессмертными, чтобы их муки продолжались. Вечно.

Сменялись поколения, народ Одинсбригга потерял интерес к своей охоте, и Бранд стал искать своих воинов и собрал их вместе. Но когда солнце садилось и вставало, звери становились людьми, люди превращались в зверей, и так далее, а отвратительная магия защищала их от смерти, но не от боли. Когда стало ясно, что они не могут жить вместе, каждый воин избрал свой собственный путь. Прежде чем они расстались, Бранд поклялся своим людям, что будет охотиться за Квен, пока не найдет ее, и заставит ее заплатить за то, что она совершила.

Проходили года, столетия, а Бранд все еще охотился. Понемногу его воины снова научились жить среди людей. Первым из них был Ивар, сын Торли, которого звали Грэйклок (Серый Плащ), который днем превращался в орла...

Из Диррекрской Саги Ари Старлассона

(перевод на англ. Э.Л. Бренсона, перевод на русский язык КаттиК)

Декабрь 1095

Безумие. Вот что это было.

Ивар стоял перед донжоном [\[2\]](#) замка Солсбери — его сердце глухо билось, словно он участвовал в битве — и задавался вопросом: что овладело им, раз он приехал в это место.

Все эти годы после Одинсбригга он никогда не находился среди такого множества людей. Обычно его призывали куда-нибудь в изолированное место — в сельскую часовню, в маленькое поместье, на лесную поляну — и только немногие доверенные лица знали, кто он и что сделал. Когда в редких случаях он осмеливался приехать в город, он держался окраин, где убежище леса было на расстоянии лишь нескольких шагов. Теперь, он был здесь, под опекой мощного замка, с армией, расположенной лагерем во дворе и во всем городе за стенами. Каждая косточка в его теле кричала, что это место было ловушкой, что его поймают здесь, в этих стенах, что подобие жизни, которую он, наконец, собрал по кусочкам за последние три десятилетия, будет разрушено.

Да, это, несомненно, было безумие, но все же он собирался идти в башню, потому что Вильгельм приказал ему приехать, и он хотел знать, почему. Ивар глубоко вздохнул и поднялся по ступеням к двери.

— Сэр Иво де Вэсси, — сообщил он страже, используя имя, под которым он был известен этим норманнам.

— Солар [\[3\]](#), — проворчал мужчина и открыл дверь.

От толпы у Ивара перехватило дыхание: дворяне, рыцари и слуги двигались и разговаривали друг с другом, собаки дрались за кости; *jongleur* [\[4\]](#) играл; а поверх всего этого — запах пота, меда, жира и дыма. Память о других временах и других залах, полных друзей, знакомых и родных, ныне давно мертвых, ударила Ивара в живот, словно бронированный кулак, и ему пришлось вдохнуть воздуха, чтобы удержаться на ногах. Он пересек зал, не глядя по сторонам, и взбежал вверх по лестнице. Войдя в солар, он остановился в нескольких шагах от румяного бочкообразного мужчины, играющего в какую-то настольную игру, и преклонил колено.

— Вы опоздали, де Вэсси, — сказал Вильгельм Руфус, сын Завоевателя и король всей Англии. — Я велел вам явиться ко мне в пятницу.

— Все еще пятница, Ваша светлость.

— Только-только, — проворчал, вставая, Вильгельм. Он медленно кружил вокруг Ивара, его зеленые домашние туфли шаркали по каменному полу, взглядом он сверлил макушку Ивара. — Колокола аббатства уже звонили для вечерней службы.

— Да, Ваша светлость. Но вы же не монах.

Домашние туфли остановились в поле зрения Ивара, и он приготовился к удару. Эта игра, в которую он играл с Вильгельмом, была опасна и могла плохо закончиться в любой момент — но не сегодня вечером. Вместо этого король фыркнул от смеха.

— Господь свидетель [\[5\]](#), нет, — Вильгельм толкнул Ивара унизанной кольцами рукой перед тем, как поцеловать, затем схватил и с раздражением поднял его на ноги. — Вставай, мужчина. Вставай. Все остальные — вон. Я желаю разговаривать с моим серым рыцарем наедине.

Благородные лорды, колеблясь, медлили у стола, и Ивар знал: каждый сейчас оценивающе смотрел на него и думал, бросит ли этот неизвестный выскочка вызов его положению. Маловероятно. Едва ли мужчина мог бросить вызов кому бы то ни было, когда он проводил дни, летая за голубями.

— Вон! — проревел Вильгельм, когда его бароны оказались не в состоянии двигаться достаточно быстро. Он ткнул пальцем в мальчика-слугу. — Ты. Наполни мой кубок прежде, чем уйдешь.

Мальчик бросился исполнять приказ, пока лорды, друг за другом, выходили. Когда за слугой закрылась дверь, Вильгельм поднял посеребренный кубок и отпил из него, отмеряя новый круг вокруг Ивара, на сей раз относительно близко от того.

— Как получается, что из года в год вы меняетесь так мало? Вы выглядели так же, когда начинали служить моему отцу.

Попался. Ивар отбросил эту мысль, принимая вино, протянутое Вильгельмом. Он сделал большой глоток, прежде чем ответить:

— Мне повезло, на меня не давит вес короны, которая покрыла бы меня морщинами.

— Это бремя, которое большинство мужчин несло бы охотно, — сказал Вильгельм.

— Большинство мужчин — дураки, Ваша светлость.

— Включая меня?

Ивар встретил воинственность короля с улыбкой.

— Вы были рождены для короны, Ваша светлость. Она прекрасно вам подходит, даже если действительно немало весит.

Вильгельм на мгновение возгордился, затем надавил:

— А для чего были рождены вы? Мои герольды не нашли ни одной записи о вашем рождении ни во Франции, ни в Англии.

— Я уверяю вас, я родился, Ваша светлость.

Он велел герольдам искать? Он что-то обнаружил.

— Но где? И кто был ваш отец?

— Мой ответ повлияет на то, как хорошо, по вашему мнению, я служу вам, Ваша светлость?

— Нет, — захохотал во все горло Вильгельм. — Благодаря вам, де Моубрей, Тайсон и остальные находятся в цепях, и мы снова прочно держим север. Ваше содействие дало нам быструю победу и позволило мне обратить свое внимание к вопросу в Уэльсе. Вы могли бы быть дьявольским отродьем и все еще иметь мою благодарность.

Ивар склонил голову в знак признательности, скрывая улыбку. В самом деле, отродье дьявола. Король понятия не имел, как близко он подошел к истине. Он дал Вильгельму то, что тот хотел услышать:

— Мой отец был *риддари* — рыцарем в наших землях. Ваш господин отец изменил мне имя, когда я впервые стал его человеком. Он сказал, что хочет, чтобы те, с кем я имею дело, были уверены, что я не саксонец. Что я и сделал.

— И хорошо. Они немногим больше, чем животные, — сказал Вильгельм. Он сел обратно за игральную доску и начал лениво передвигать фигурки с места на место. — Расскажите мне, как вам удалось принести мне планы Моубрея. Любой другой, которого я посылал, или терпел неудачу, или погибал.

— Да, Ваша светлость. Я видел, что некоторые из них умерли.

— Есть те, которые утверждают, что их убили вы.

— Только Монроза.

Лицо Вильгельма внезапно потемнело.

— Вы п-посмели признаться в убийстве вашему к-королю?

Иво проигнорировал заикание, возникающее, когда Вильгельм был в гневе.

— Убийство для защиты моего короля. Он бы предал вас.

Бешенство подняло Вильгельма со стула. В ярости он брызгал слюной:

— Алдарик М-монроз не был никаким п-предателем!

— Нет. Но он был неосторожен, — ответил Ивар, не отпустив головы, даже притом, что

Вильгельм был в нескольких дюймах от его лица. — Я сделал это не с легким сердцем, Ваша светлость. Он был взят и... допрошен. Одна стрела спасла вас от значительных неприятностей, а его — от рук Вильгельма д'Э.

Гнев Вильгельма исчез так же быстро, как возник, и он, развернувшись, прошел несколько шагов к камину. Он долго смотрел на угасающее пламя, сжимая челюсть с чувством, определять которое Ивар не испытывал желания. Честный Монроз, по слухам, был больше, чем другом для короля. Истинное или нет, признание гомосексуализма, полученное от мужчины под пыткой, возможно, означало конец правления Вильгельма — а д'Э нанял палача, обладающего некоторыми навыками.

— Я добуду яйца д'Э для о-ожерелья, — Вильгельм поклялся так тихо, что Ивар едва услышал его.

— Хотели бы вы, чтобы я принес их вам, Ваша светлость?

Прошла минута прежде, чем Вильгельм ответил:

— Нет. Я буду сам к этому стремиться, и получу огромное у-удовольствие.

Он сдержал себя и повернулся лицом к Ивару, каждой частицей тела вновь король.

— Вы еще раз хорошо послужили мне, *мессир*, даже если не так, как я предполагал. Что вы попросите в награду на этот раз?

Золото. Вот что всегда просил и получал Ивар, в количествах достаточных, чтобы сделать его жизнь терпимой, а временами приятной. И снова на кончике языка вертелось попросить его. Но громкий непристойный смех из зала ниже еще раз вызвал видение дома и компании друзей. Сколько времени прошло с тех пор, как он смеялся с другими людьми?

— Землю, — сказал он резко, и как только мысль была озвучена, она приняла очертание. Он хотел землю и дом, даже если только на время. Он знал, что заплатится бы за них. Рано или поздно его заметили бы превращающимся, или Вильгельм потребовал бы его присутствия при *Curia Regis* ^[6] днем, или какая-либо другая неудача постигла бы его. Ему следовало исчезнуть в чаще и начать снова в другом месте и времени, когда воспоминания померкнут. Но не сейчас... Он бы продал душу даже за месяц. — Поместье.

К его удивлению Вильгельм просто кивнул.

— Тогда хорошо, что мой отец дал вам другое имя. Крестьяне никогда не догадаются, что вы не один из нас.

У Ивара в голове пульсировало, словно он опустошил целую бочку вина.

— Какие крестьяне, Ваша светлость?

— Из Олнвика и любых других поместий Гилберта Тайсона в Нортумберленде. Я уже думал, чтобы передать вам часть его земель прежде, чем вы поднялись по лестнице в этом своем сером плаще. Ваша честность только подтверждает мое мнение на этот счет. Сказать королю правду, даже когда вы знаете, что ему это не понравится — исключительное мужество, *мессир*. Вы должны владеть Олнвиком, и вы должны построить мне замок, чтобы

сдерживать этих ублюдков шотландцев.

— Ваша светлость, я... — *Замок?*

— Ах, где теперь ваше остроумие? — смеясь, спросил Вильгельм. Он пересек комнату, распахнул широко дверь и проревел в нижний зал. — Слушайте, вы, все! Сходите за моим мечом и священником. И за писцом. Кстати, — сказал он, возвращаясь к Ивару, в то время как великие бароны Англии начали возвращаться в комнату, — У Тайсона есть внучка, хорошенькое рыжеволосое создание, как мне говорили. Вам надо утвердить свое право владения его землями, женившись на девушке.

Жена? Боги, он не учел того, что Вильгельм даст ему жену. Ногти Ивара вонзились в ладони, когда он подумал об удовольствии и опасности этого слова, *жена*. Как ему скрывать правду от жены даже короткое время? Воистину это было безумием. Но теперь Вильгельма было не остановить, так как он начал представлять Ивара людям, которые скоро будут равными ему. — Шаг вперед, лорд Иво Олнвик. Время выйти из тени, где вы прятались так долго.

Ивару потребовалось шесть ночей тяжелой скачки и шесть дней полета в незнакомых лесах, чтобы добраться до мест, где Бранд все еще охотился на Квен, и половину другой ночи, чтобы найти его лагерь. Это Ари, наконец, вывел его туда, бросая желуди и стрелы высоко в деревьях, ворон, столь же шумный, как и мужчина.

Наконец, Ивар заметил отблеск огня в основании тесной долины. Он спешил, чтобы отвести лошадь вниз, и, как только он сделал это, сверкнуло лезвие, и голос прорычал:

— Остановись или умри.

Ивар застыл.

— Легче, друг. Это всего лишь я.

— Ивар? О, Тор ^[7], Ивар! Как хорошо тебя видеть.

Ивар неожиданно оказался оторванным от земли руками, которые могли сокрушить быка.

— И тебя, — ответил он, как только Бранд опустил его.

— погоди. Я собирался помочиться, — сказал Бранд. Он повернулся спиной к Ивару и продолжил делать это прямо у ближайшего дерева. — Ты не должен подкрадываться к мужчине.

— Я не думал, что подкрадывался, с этой-то убийственной вороньей болтовней.

— Вот еще. Он все время так делает. Вот когда он становится тихим, я волнуюсь. — Бранд завязал штаны и опустил тунику. — Пойдем, садись к огню, где тепло. Раздели со мной жареных белок.

— У меня есть хлеб и мех с вином, — сказал Ивар.

— Хорошее вино?

— Короля. Я собственноручно украл его.

— Тогда достаточно хорошее. Мы устроим пир.

Бранд направился вниз в ущелье, задержался, чтобы ополоснуть руки в ручье, который бежал по дну, в то время как Ивар стреножил лошадей и принес вино и хлеб к огню. Они устроились перед полуразвалившейся хижинкой, и Бранд ткнул белок кончиком своего скрамасакса ^[8]. — Еще не готовы.

— Хорошее местечко, — проговорил Ивар, озираясь. — Я не смог увидеть твой огонь, пока не оказался прямо над тобой.

— Когда холодно, я иногда приезжаю сюда. Стены защищают от ветра, а неподалеку

есть пещера, где может спать медведь.

Ивар фыркнул.

— Ты разжился берлогой, пока я отмораживаю свои яйца на верхушках деревьев.

— *Fylgjur* выбирают, кого они выбирают, — сказал Бранд. — Во всяком случае, сегодня вечером тебе будет достаточно тепло. Передай вино.

Они немного выпили, поели, еще немного выпили, и Бранд, в конце концов, откинулся назад.

— Почему ты приехал?

— Ты знаешь, что я служил нормандским королям?

Бранд кивнул.

— Нынешний не очень любим теми немногими, с которыми я разговариваю. Особенно монахами.

— Его никто не любит, но он хорошо платит.

— Мужчина может простить многое за достаточное количество золота.

Иво сделал глоток вина из меха и передал его Бранду.

— В этот раз он не давал мне золота. Он дал мне землю. Поместье на севере, Олнвик.

Глаза Бранда расширились от удивления:

— И ты принял его?

— Хуже. Я попросил его. Потом я узнал, что он хочет, чтобы я построил ему замок. — Он слышал, как через листья удирают мыши, пока Бранд молчал. — Я знаю. Это безумие.

— Нет. Но это глупо. Ты знаешь, что это плохо кончится.

— Всегда кончается плохо, неважно, что мы делаем или как стараемся спрятаться. Сколько раз тебя гнали из леса? Я хочу пожить в своем собственном замке еще раз, даже если и недолго.

— Тогда ты так и должен сделать, — сказал Бранд. — Ты даже можешь продлить это немного. Ты передвигаешься среди них легче, чем остальные из нас.

— Не достаточно хорошо, чтобы делать это в одиночку. Поедем со мной, — ответил Ивар. — Твой французский теперь, несомненно, достаточно хорош. Ты брал уроки у того отшельника.

— Сносный, но я не могу поехать. Я еще не нашел ее.

Ивар тряхнул головой.

— Пришло время остановить охоту, мой друг. Квен давно мертва.

— Нет. Она заколдовала себя, когда закончила с нами. Ари видел это. Она жива.

— Ари ошибся. Она мертва, — тверже сказал Ивар. — Я нуждаюсь в вас обоих, чтобы помочь мне удержать Олнвик. Прежний лорд противостоял Вильгельму. Я не могу войти в замок один. И я нуждаюсь в Ари, который будет моим голосом в течение дня.

Снова тишина. Лицо Бранда стало напряженным в свете костра, и Ивар знал, что его друг также тосковал по старым временам и шумным залам Вэсса.

— Поедем со мной, — снова убеждал Ивар. — Сражайся со мной, если понадобится. А когда все станет плохо, как и должно быть, и нам снова придется исчезнуть в лесах, я приду охотиться на Квен с тобой. Тем временем будут теплые костры, хорошая еда и компания людей.

Ворон тихо ухнул, когда Бранд тяжело вздохнул.

— Как это было давно. Ты соблазняешь меня.

— Если ты не удержишься, тогда, по крайней мере, приезжай поддержать меня на

моей свадьбе, — сказал Ивар. — Вильгельм также дал мне жену.

— *Дал?* — У Бранда взлетели брови. — Она *тир*?

— Нет, никаких крепостных. Она благородного происхождения.

— Однако же король отдал ее, словно, она движимое имущество?

— По нормандским законам так и есть. Вильгельм конфисковал земли ее деда, и теперь он отдает мне девицу, чтобы закрепить на них право.

— Что если она не захочет выйти за тебя?

— У нее нет выбора. У меня тоже. Приказ короля.

Бранд пробормотал что-то мрачное и неприятное о происхождении мужчин, которые будут обращаться так со своими женщинами. Рабы и пленники это одно, но свободные женщины — совсем другое. Согласно закону и обычаю, норвежских женщин не заставляли выходить замуж против их воли.

— Не удивительно, что ты хочешь видеть нас там, — сказал Бранд. — Если люди старого лорда не вонзят нож тебе в спину, это, безусловно, сделает твоя жена. Как зовут девицу?

— Алейда.

В первый раз Ивар произнес ее имя вслух, и как только он сделал это, его тело напряглось от желания. Его собственная женщина, больше, чем для быстрого перепиха.

— Она хорошенькая? — спросил Бранд.

— Я не знаю. — Это не имело значения. Она была *его*. Он мог провести долгие зимние ночи, узнавая ее аромат и смех, и впитывая ее крики удовольствия. — Любая женщина достаточно хорошенькая, когда она под тобой.

— Так ты поедешь со мной? — спросил он еще раз Бранда, неожиданно сильно желая добраться до Олнвика.

— Да. *Мы* поедем. Но у тебя должен быть хороший эль, и много.

— Это я тебе обещаю. Кстати, норманны знают меня как Иво де Вэсси. Вам двоим придется звать меня так, пока мы там.

— Иво де Вэсси, — произнес Бранд, проверяя на звук. — Я полагаю, нам так же придется время от времени звать тебя «милорд».

— Ты мой предводитель и капитан. Я бы не просил тебя об этом.

— Я давно освободил тебя от тех клятв. Кроме того, в этом ты — командир. Мы сделаем, что должны, чтобы помочь тебе. — Бранд поднял глаза на участок неба над ними, определяя время по звездам. — Осталось недолго до рассвета, лорд Иво де Вэсси.

— Тогда мы начнем завтра, как только снова станем людьми.

О, Один ¹⁹¹. *Замок, жена и добрые друзья*, думал Ивар, отрывая кусок хлеба.

Сейчас он просто думал об этом, а не о том, что случится, когда Алейда из Олнвика обнаружит, что вышла замуж за мужчину, который становится орлом с каждым рассветом.

Январь 1096 года

Свечи в соларе мерцали на сильном сквозняке, который прорывался в комнату сквозь ставни и занавеси. Алейда дрожала от холода и пыталась сконцентрироваться на вышивке, лежащей у нее на коленях. Она вышивала ткань для покрытия алтаря в часовне, но изображения паломников смотрелись слишком яркими на простой ткани.

— Может быть, шеврон [\[10\]](#) из синей шерсти, — подумала она вслух.

— Это было бы идеально, миледи, — отозвалась старая нянька Алейды, Беата поднимая крышку ближайшего сундука. — Да и зеленый тоже неплох.

Алейда изучила моток каждого цвета, но так и не смогла выбрать. Нужно будет снова на них посмотреть при утреннем свете.

Было уже поздно, и ее дамы начинали готовить свои спальные места. Они все спали рядом с ней, на соломенных тюфяках, лежащих вокруг огромной кровати, которую занимали Алейда и ее нянька. Их присутствие в ее спальне было надежной защитой от посягательств холостяков, спавших внизу.

Едва новость о том, что ее дед был схвачен, распространилась по Нортумберленду, множество безземельных рыцарей и мелких лордов со всей Англии отправились к ее владениям в надежде заполучить ее руку и земли, которыми она владела, будучи его наследницей. И даже новость о том, что Вильгельм конфисковал Олнвик в пользу короны, не прогнала всех, некоторые воины остались, надеясь, что король подарит земли тому, кто заполучит внуку Гилберта Тайсона, хотя Алейда и не понимала, почему они на это надеялись, если она и раньше всех их отвергала. Большинство рыцарей уже уехали, но трое самых упорных все еще были внизу, поглощая вино.

Она презирала этих людей. Стервятники, вот кем они были, стервятники, накинущиеся на имущество деда, хотя он и был еще жив. Со дня на день, Вильгельм был готов простить ее деда, также как и де Моубрея с его сподвижниками, так же как восемь лет назад он простил Нортумберленда, когда тот восстал, поддерживая Роберта Куртгеза. Тогда *Grand-père* [\[11\]](#) вернется, займет подобающее место и выкинет этих галдящих дуралеев за уши.

Приготовления ко сну были почти завершены, когда раздался тихий стук в дверь. Беата приоткрыла дверь и о чем-то стала перешептываться с охранником, стоящим на лестнице, затем приоткрыла дверь шире, чтобы позволить одному из помощников конюха войти.

— Что случилось, Том?

— Освальд послал меня сообщить вам, что там двое мужчин в воротах спрашивают вас, м'леди. Он приказал мне тихонечко прийти, чтобы не поднимать волнения в зале.

— Что за мужчины?

— Я думаю это рыцари, м'леди, — сказал Том. — Один из них верхом на очень красивой лошади.

— Опять *они*, миледи! — воскликнула одна из служанок. — Заставьте их померзнуть. Мы можем разместить их вместе с остальными и спасти какого-нибудь кабанчика от убоя.

— Хадвиза! — Алейда была вынуждена прикусить губу, чтобы не рассмеяться вместе с остальными. — Том, скажи Освальду, что я сейчас выйду. Я желаю поговорить с этими мужчинами прежде, чем мы впустим их.

— Миледи, вам не следует этого делать, — сказала Беата. Но Алейда проигнорировала

ее.

— Иди, Том. Но не особо торопись.

— Да, м'леди. — Он открыл двери и исчез так же тихо, как и появился.

Алейда взяла платье, которое только что отложила в сторону.

— Помогите мне. Поторопитесь.

Беата повиновалась, продолжая тихо бормотать:

— Любой, кто приехал столь поздно явно несет с собой плохие вести. Позвольте им остановиться в деревне. Вы же простудитесь, обязательно простудитесь.

— Пока моего деда нет, я — хозяйка Олнвика. Это моя обязанность приветствовать путешественников... или отказать им в приюте, — сказала Алейда, одевая обувь. Она завернулась в плащ, и Беата сделала то же самое.

— Остальные дамы останутся тут и запрут за нами двери на засов.

Вино сделало свою работу, и мужчины растянулись по всему залу, некоторые на скамьях, некоторые на тюфяках, обернувшись пледами или мехами, некоторые же просто свернулись на полу, закутавшись в плащи. Она прошла мимо них, по дороге прикоснувшись к плечам полудюжины мужчин Олнвика. Они просыпались, но молчали, видя ее палец, предупреждающе прижатый к губам, и быстро вскакивали на ноги.

Снаружи Освальд, стареющий конюший ее деда, уже собрал нескольких мужчин из стражи и с конюшен [\[12\]](#). С теми, кого привела она, и с солдатами, уже стоящими на страже, у них было достаточно людей, чтобы дать отпор. Несколько слуг захватили факелы, помогая остальным, которые вооружались. Те, у кого не было мечей и копий, брали в руки все, что лежало рядом: дубинки или вилы, топоры или косы, пока Алейда смотрела наружу через трещины в дереве.

Их посетители и вправду были рыцарями, и одна из лошадей была на самом деле красива, с необыкновенной белой гривой и темной шкурой, гармонировавшими с всадником со светлыми волосами и в темной одежде. Она слабо могла рассмотреть в лунном свете второго мужчину, за исключением разве что его огромных размеров и большой птицы, сидящей у него на плече.

— Кто они? — спросила она Освальда, стараясь говорить тихо.

— Они лишь сказали, что прибыли от короля и будут говорить только с вами. Произношение у них как у настоящих дворян.

— Есть хоть какой-то намек на то, что они обманывают?

— Нет, миледи. Там Эдрик смотрит за границей, а он ничего не видел.

Если Эдрик ничего не заметил, а глаза у него были зорче чем у сокола, то значит, там и вправду ничего нет.

— Тогда впустите их, — распорядилась Алейда. — Но на наших условиях. Открывайте боковую калитку.

Мужчины встали с двух сторон от ворот, положив руки на свое оружие. Алейда тоже потянулась к своему клинку, висевшему в ножнах на талии, и схватилась за его рукоять, скрывая это под полами плаща. Освальд кивнул, и мужчины на воротах вытянули засов и начали открывать створки. Боковая калитка была сделана так, чтобы туда могла войти лишь лошадь, что заставило наездников спешиться и вести животных за повод. В свет факела ступил человек со светлыми волосами, явно выше по званию, остановился, оглядывая мечи, направленные на него, пока его взор не остановился на Алейде.

— Ваша предосторожность — это мудрый поступок, леди Алейда.

— Кто вы? — потребовала она ответа. — И какое право имеете требовать встречи со мной в столь поздний час?

— Меня зовут Иво де Вэсси, и такое право мне дал король, сделав новым бароном Олнвика. — Он мельком глянул на кинжал, зажатый в ее руке, затем поднял глаза и встретился с ней взглядом. Одна его бровь поднялась, и, к ее расстройству, мужчина принял такой вид, будто с трудом сдерживал смех.

Второй же мужчина даже не потрудился сдержаться и расхохотался в голос, когда увидел ее клинок.

— Говорил же я тебе, — сказал он, обращаясь первому, после чего обернулся к людям Алейды. — Почему все еще стоите? На колени перед своим новым лордом.

Все мужчины быстро опустились на колени, кроме Беаты, которая все еще стояла позади своей хозяйки. Освальд тоже не шелохнулся, его короткий меч был крепко зажат в руке.

— Я сказал на колени, — прорычал второй рыцарь, хватаясь рукой за рукоять меча. И огромный ворон, сидящий на его плече, отлетел в сторону, опустившись на стену, будто почувствовав напряженный момент.

— Человек может утверждать что угодно, — сказал Освальд со спокойствием, которого отнюдь не испытывал. — Я не видел королевского указа, и пока я его не видел, сэр Гилберт Тайсон — лорд Олнвика, и я служу ему и леди Алейде.

— Достаточно представлений, — светловолосый рыцарь потянулся к небольшому мешочку, притороченному к седлу, и достал оттуда свернутый пергамент. — Вы читаете на латыни, миледи?

— Достаточно хорошо, чтобы прочесть это. — Она вновь вернула свой клинок в ножны и взяла документ, подойдя с ним поближе к факелу. Рука, написавшая указ, была тверда, и легко было прочитать текст даже в мерцающем свете факела. Она смогла прочитать важные для нее слова: *Ivo de Vesci. Barea. Dominus. Alnwick*^[13]. И ниже была печать короля, отпечатанная в воске, она помнила этот оттиск по письмам деда. Весь страх, что она подавляла последние месяцы, медленно стал захватывать ее целиком. Ее голос был едва ли громче шепота, когда она спросила:

— Мой дедушка мертв, *монсеньор*?

— Нет, он заключен в тюрьму в Виндзоре вместе с Моубреем, но по последним данным он жив и здоровствует.

— Спасибо, милорд. — Она взяла себя в руки, вся будто подобралась и подняла подбородок, чтобы громко объявить остальным.

— Они от короля. Поприветствуйте своего нового лорда.

— Святые да сохраняют вас, — Беата перекрестилась и сделала быстрый книксен. Освальд вложил меч в ножны и, послав извиняющийся взгляд Алейде, опустился на колени перед новым хозяином.

— Прошу меня простить милорд, я лишь старался защитить мою леди.

Лорд Иво отмахнулся от его извинений, вскинув вверх руку в перчатке.

— Я ожидаю от тебя подобного усердия и в будущем. Как тебя зовут?

— Освальд, милорд. Я служу главным конюшим в Олнвике.

— Тогда встань на ноги, Освальд Конюший, и все остальные тоже поднимайтесь. Кто-нибудь займитесь нашими лошадьми.

Юный Том кинулся вперед, чтобы схватить под уздцы красавца-коня, в то время как

другой конюх взял второе животное, и вдвоем они увели их. Лорд Иво дошел до центра двора, затем медленно обернулся, и внимательно огляделся, замечая каждый камушек и щепку. Наконец, его взор остановился на Алейде, являясь таким же оценивающим взглядом, каким он смотрел на стены.

Проклятый Вильгельм. Он отдал ее этому захватчику, и это она осознавала также четко, как знала свое имя. Хорошо бы этот новоявленный лорд не счел ее подходящей невестой, или вообще бы не обратил на нее внимания. У нее было достаточно серебра, чтобы заплатить за убежище в каком-нибудь монастыре, и уже оттуда подавать прошения об освобождении деда. Она уехала бы уже на рассвете.

Но глаза Иво зорко следили за ней, и, казалось, он мог прочесть все ее мысли. Он снял перчатку и протянул ей руку.

— Ну, миледи, покажите мне мой новый зал.

Показать ему его зал? Будто это так просто, когда ей казалось, что сама земля трясется под ее ногами. Поглядите-ка, как стоит, протянув к ней руку и ожидая, когда она подойдет. Она сжала руки в кулаки и прижала к себе, в ее глазах ярко горел вызов. Позволить ему приказывать ей. Она — не собака.

Его глаза сузились. В три широких шага он подошел к ней настолько близко, что она могла чувствовать его дыхание на своей щеке. Но вместо того чтобы ударить, он наклонился еще ближе и, почти прижавшись к ее уху, прошептал:

— Не позволяйте всему между нами начинаться именно так, миледи. — Его голос был тихим и полным предупреждения, но кроме предостережения в тоне проскальзывали еще какие-то нотки... Доброта? Надежда? Это настолько обезоружило ее, что когда он отодвинулся, ее рука чудесным образом оказалась в его ладони. Его пальцы сжали ее кисть, требуя подчинения. Внезапно ей стало очень трудно дышать, и она поклялась себе, что эта капитуляция была временной, лишь способом притупить его бдительность, чтобы она легче могла сбежать уже утром.

— Кто-либо внутри будет оказывать сопротивление? — спросил он, пока вел ее дверям. Его спутник, Освальд и остальные люди Олнвика следовали за ними. Она проигнорировала двусмысленность его вопроса.

— Только не мои людей, я имела в виду теперь уже *ваши*, как только они увидят, что Освальд на вашей стороне. Но там есть несколько рыцарей-бакалавров [\[14\]](#), которые слоняются без дела, надеясь, что Олнвик перепадет им.

— Лишь Олнвик?

— Нет. — Ее щеки запылали, когда она услышала:

— Ну что ж, их ждет двойное разочарование.

— Бранд. Ты понял? — Тот подошел и занял свое место справа от Иво.

— Да. Мне просто выпотрошить их, или ты предпочитаешь более цивилизованный способ?

— Я был бы рад помочь вам выпустить им кишки, милорд, — предложил свои услуги Освальд. Позади него еще несколько мужчин пробормотали о своем согласии.

Похоже, что так и было, подумал Иво. Он понял это в ту секунду, как уловил в голосе Алейды отвращение, когда она произнесла *рыцари-бакалавры*.

— Сколько их там?

— Трое, — сказал Освальд. — И восемь мужчин вместе с ними.

— Их отцы и деды будут горевать по ним?

— Нет, м'лорд.

— Тогда давайте избавимся от них, — сказал Иво. — Но оставьте их потроха в покое, если, конечно, они не окажутся слишком глупыми, чтобы потерять их. Нам ни к чему лишние войны.

Они подошли к двери, и Иво распахнул ее пинком так, что она с грохотом отлетела. Собаки залаяли, и Освальд свистнул, чтобы успокоить их. Некоторые мужчины заворочались и потянули на себя одеяла, чтобы прикрыться от ветра, влетевшего в двери. Один из них пьяно поднял голову.

— Ты, свиная задница, закрой двери.

Прежде чем голова очнувшегося опять упала на руки, Иво стащил его к своим ногам.

— Следи за своим языком, чурбан, или мне придется надрать твою задницу. Зажгите факелы. Все до одного. — Он пнул ближайшего человека. — И пошустрее.

Тот быстро принялся за дело. Зал, разбуженный зажженными факелами, зашевелился. *Мой зал*, подумал Иво с глубоким чувством удовлетворения, которого он уже давно не испытывал. — Подъем!

Когда не все начали быстро подниматься, он кивнул Бранду и тот зашагал по залу, рыча и срывая с медлящих одеяла. Один из лежащих оторвался от своего тюфяка, размахивая кулаками, но Бранд поставил ему подножку и двинулся дальше, не останавливаясь.

Освальд следовал рядом, подгоняя мужчин Олнвика тоже пошевеливаться. К тому моменту, когда они достигли низкого помоста в конце зала, даже потенциальные соискатели руки Алейды уже бодрствовали, их глаза покраснели и были мутными от выпитого. Они потянулись к оружию и выступили вперед.

Иво оставил Алейду у двери и двинулся по очищенной Брандом дороге к центру зала. Один из рыцарствующих пиявок встретил его у края возвышения с наполовину вытащенным из ножен мечом.

Вспышка меча Иво, прижатого к горлу мужчины, остановила его и его людей. Некоторые из присутствующих в зале сделали шаг вперед. Бранд повернулся к ним, защищая спину Иво. Несколько мужчин Олнвика бросились ему на помощь, завязав небольшую потасовку, пока отбирали оружие.

— Как вы смеете поднимать меч против нового хозяина этих земель? — потребовал ответа Иво.

— Что за черт? Кто ты такой чтобы говорить с нами?

— Иво де Вэсси, — громко произнес он свое имя, чтобы быть уверенным, что все его расслышали и запомнили. — Барон Олнвика. Вы находитесь в моем замке, и вам пора бы уже отступить.

— Барон...? — Мужчина изо всех сил пытался осознать своим пропитанным винными парами мозгом смысл сказанных слов, и когда его попытки увенчались успехом, лицо его побледнело. — Этого не может быть.

— И все же это так. Я лично видела подтверждающие это документы, — сказала твердо Алейда, отходя от дверей, обращаясь не только к приезжим, но и к своим людям. — Теперь вложите в ножны свои мечи, *мессир*ы, прежде чем я попрошу милорда сделать мне подарок в виде ожерелья из ваших ушей. Я уверена, что они в довольно хорошем состоянии, учитывая, как мало их использовали в течение последнего месяца.

Лица рыцарей покраснелись, когда по залу разнесся смех, и они уступили, убрав оружие.

— Мои действия были неблагоприятны, милорд... Иво, не так ли?

Мужчина протянул руки и широко развел их, капитулируя, но его обманчивый тон все еще бросал вызов, когда он сказал:

— Простите меня. Я спал, и мой сон был полон битв. Пробудившись, мне все еще казалось, что я на войне.

— Возможно, у вас были бы более нежные мечты, если бы вы спали в другом месте, — сказал Иво. — Сегодня же.

Рыцарь поджал губы и выпрямился.

— Ну, друзья. Похоже, мы здесь более не желанные гости.

— Вы никогда ими и не были, — пробормотал Освальд.

— Вы желаете, чтобы мы уехали прямо сейчас? — спросил самый низкий из трех рыцарей, глаза его расширились от этой мысли. — *Ночью?*

— Я только что приехал из Морпета, и дорога была вполне безопасной, — сказал Иво. Он немного повернулся к Бранду, который стоял, достав меч и сжав его в руке, и внимательно смотрел по сторонам, будто наслаждаясь сложившейся ситуацией. — Однако мой друг не боится темноты. Он был бы счастлив проводить вас.

— Мы не нуждаемся в эскорте, — прорычал предводитель. Он проследовал к двери в сопровождении своих людей и рыцарей, остановившись лишь ненадолго, чтобы процедить оскорбление, направленное на Алейду. — Хорошо сделано, м'леди. Вы выбрали победителя, столь же невоспитанного, как вы сами.

— Но он и в половину не так груб, как вы, — ответила она, затем подошла к двери, чтобы закрыть ее за ними. — И если я услышу, что вы разбили в деревне хоть одно яйцо, я все же попрошу в подарок ваши уши.

Иво рассмеялся. У девицы была находчивость и острый язычок. Он должен последить за ней, чтобы не оказаться женатым на мегере.

Она вернулась в зал со сверкающими глазами, в которых застыло восхищенное осознание победы, и с огненными волосами, блестящими в свете факелов. Ветер подхватывал локоны ее волос и обвивал их вокруг ее лица, лаская ее глаза и брови подобно языкам пламени. *Айза — богиня домашнего очага.* Древнее изображение возникло в голове у Иво. *Она сама была огнем.* И внезапно с нечеловеческой силой он захотел эту женщину, и это не имело никакого отношения к земле или к королю, или к чему-то еще, кроме желания познать, как скоро ее огонь сможет охватить его.

— Я пойду и удостоверюсь, что они не потерялись между дверями зала и воротами, — сказал Бранд, возвращая его с небес на землю. Усмехающийся Освальд подал знак небольшому отряду из мужчин Олнвика, чтобы они принесли оружие, что они изъяли, и отдали его рыцарям.

Как только ворота за ними захлопнулись, зал наполнился людьми. Новые люди Иво, толпясь, продвигались вперед, чтобы стать на колени и поклясться в верности. И это еще более явно символизировало то, что они теперь служили ему, и Олнвик не принадлежал более Тайсону. Как только Алейда поняла это, ее душа рухнула вниз.

— Он это сделал, миледи, — взволнованно сказала Беата. — Он отослал их.

— Но кто отошлет *его*? — вслух спросила Алейда.

Никто. Он смотрелся так, будто место, где всегда стоял ее дед, было предназначено именно для него, будто принимая как должное его власть и командование. Благородный, начиная от угловатых черт лица и заканчивая манерой держаться. Даже его одежда выделяла

его среди других. Среди массы бесформенного коричневого и голубого, его одежда смотрелась богато, темно-серая ткань отличалась от кольчуги только тем, что последняя тускло светилась в унылом свете факелов. Его бледно-золотые волосы увенчивали его голову ореолом так, что он становился похожим на какого-то святого воина, может быть, святого Георгия, поскольку никто кроме этого святого никогда бы не осмелился так смотреть на женщину, как поверх голов мужчин смотрел на нее лорд Иво, так, будто он прямо сейчас возьмет ее и будет обладать где и как ему захочется. Ее щеки горели, но она не позволила себе отвести взгляда и тем самым доставить ему удовольствие.

— Он будет хорошим господином, — сказала Беата. — Я вижу это по его глазам. Он силен, но он знает, как владеть этой силой.

— Я надеюсь, что ты права, — спокойно сказала Алейда. — Попроси, чтобы Джеффри пришел ко мне.

Когда Джеффри появился, она отдала свои последние приказы как леди Олнвика: очистить постельное белье от грязи; послать вниз женщин, чтобы поприветствовать нового лорда; приготовить большое господское кресло; принести таз и кувшин для омовения и проследить, чтобы предложили хлеб, мясо и вино. Закончив, она дождалась, пока лорд Иво, в конце концов, отвернулся, и незаметно ускользнула в свои покои, несклонная более наблюдать за ним, и стремясь поскорее упаковать вещи, которые собиралась взять с собой в монастырь.

Иво не был уверен, когда она исчезла, он только отвлекся, чтобы посмотреть на коленопреклоненных мужчин, приносящих клятву верности, как она ушла. Он нахмурился, и глаза человека, стоящего перед ним наполнились беспокойством.

— Я оскорбил вас чем-то, милорд?

— Что? Нет, нет, это не ты. Иди. Мы закончим в другой раз. — Он повернулся к Бранду. — Где она?

— Наверху. Я видел, как она уходила, поскольку проходил мимо. Судя по ее лицу, я решил, что ты уже сказал ей.

— Еще нет, но она должна понимать. Я должен покончить с этим.

— Должен ли я сначала подняться и забрать ее маленький меч? Вероятно, она не собирается убивать тебя, но может ранить, хотя, похоже, ее язык может причинить не меньший вред. Те рыцари, которых мы прогнали сегодня, похоже, больше никогда не смогут ходить с чванливым видом.

Иво усмехнулся:

— Она взяла их за яйца, да? Одного понять не могу, отчего она не сделала этого раньше и не отослала их?

— Люди такого сорта понимают лишь язык стали, — улыбка Бранда исчезла. — Невеста, столь смышленная, может сделать наше рискованное предприятие очень коротким, мой друг.

— Что ж тогда оно и будет очень коротким. Однако, если я не возьму ее в жены, как приказал Вильгельм, то оно вообще никогда не начнется.

— Тогда иди и поговори со своей леди. Я останусь тут и, наслаждаясь твоим огнем, прослежу, чтобы наш друг-ворон держался подальше от вина.

— Ты напомнил мне, — Иво подозвал кивком Освальда и эконома Джеффри. — Я выеду на рассвете, чтобы осмотреть мои земли.

— У нас есть охрана, которая готова ехать с вами, милорд, — сказал Освальд.

— Нет! — поспешно отозвался Иво. Он глубоко вздохнул и проговорил более твердо. — Нет. Бранд — это вся охрана, в которой я нуждаюсь. Вдвоем мы осмотрим больше. Когда я уеду, прибудет еще один мой человек, его зовут сэр Ари. Он моя левая рука, в то время как Бранд — правая. Он будет сенешалем и управляющим замка, который будет построен, в то время как ты, Джеффри, останешься экономом в поместье. Знайте оба, что он и сэр Бранд говорят от моего имени и их слово столь же весомо, как и мое. Повинуйтесь им и окажите им тоже уважение, что и мне, и смотрите, чтобы каждый мужчина и каждая женщина поступали так же.

— Да, милорд. — Они поклонились ему и Бранду и ушли.

Иво встал, потянувшись и сбрасывая напряжение. Сделал последний глоток вина. Снова потянулся.

— Ты тянешь время, как будто эти ступеньки ведут к виселице, — засмеялся Бранд. — Ты и вправду готов к этому?

Иво закрыл глаза, вспоминая, как она выглядела, стоя там, у дверей, ее стать, ее огненные волосы, сверкающие в свете факелов. Бранд был прав. Она была слишком сообразительна, чтобы он чувствовал себя комфортно. Но она также была справедлива, и, по сути, она принадлежала ему. Он сделал глубокий вздох.

— Я, возможно, никогда не буду готов, но, боги, я действительно ее хочу. — Перепрыгивая через ступеньки, он слышал, как внизу смеется Бранд.

Она не возьмёт ничего из того, что не принадлежит ей.

Алейда проигнорировала шёлковый шенс [\[15\]](#), бывший частью придворного одеяния её деда, и, добравшись до дна большого сундука, нашла собственную шемизу из тонкого льна. Конечно, в аббатстве от неё никакого проку, но святые сёстры могли бы продать её в качестве части дара. Её лучшего гауна [\[16\]](#) вместе с драгоценностями наверняка хватит, чтобы купить место в одном из наиболее богатых приходов. Она отправится в Дарем... или, возможно, ещё дальше на юг. Она слышала об аббатстве в Эленстоу в Оксфордшире. Он никогда не найдёт её там.

— Куда собираетесь, миледи?

От испуга она резко развернулась, прижимая мягкую ткань к своей груди. Крышка сундука позади неё с грохотом захлопнулась и она подскочила.

— Ох!

— Я не кусаюсь. Ну, по крайней мере, после того, как хорошо поел.

Веселье в голосе Иво заставило её кровь закипеть. Он уже дважды посмеялся над ней, а ведь ещё не пробыл здесь и одной ночи.

— Вы испугали меня, *монсеньор*, вот и всё. Я не слышала, как вы вошли.

— Вы с головой углубились в тот сундук...

При этом вид от двери, без сомнения, открывался очаровательный. Она разжала пальцы, смертельной хваткой вцепившиеся в шемизу, и перекинула её через руку, чтобы не выглядеть смущённой. Или виноватой.

— Вам что-нибудь нужно, милорд?

— Да, вы... ответьте на вопрос. Куда вы собрались?

— Никуда, — солгала она.

— Странно.

Проложив себе путь мимо женских постельных принадлежностей, он подошёл к изножью большой кровати, где рядом с небольшим деревянным ларцом лежала груда аккуратно сложенной одежды. Он подцепил край гауна и пощупал вышитый подол, затем слегка коснулся открытой крышки ларца и вытащил серебряный пояс, лежавший сверху.

— Похоже, вы упаковываете вещи в поездку.

— Я просто думала забрать свои вещи. — Её сердце колотилось так громко, наверняка он должен слышать. — Комната теперь ваша, как и весь Олнвик.

Она не смогла сдержать горечи в голосе.

— В этом нет необходимости. — Он бросил пояс обратно к другим вещам. — Я переночую сегодня в зале.

— Тогда завтра я...

— Завтра у вас не будет нужды переносить свои вещи. Завтра мы будем женаты. Именно это я пришёл обсудить.

— Здесь нечего обсуждать.

— Вы должны знать, что король подарил мне вас наряду с землёй.

— Король! Король... — Она не могла подобрать слова, чтобы описать, что она думает о Вильгельме. — Я не стул, который можно отдать, чтобы какой-то рыцарь смог поудобнее усесться в зале моего деда.

— Брак закрепит мои притязания, — признал он, проводя рукой по тяжелому зелёному полотну, занавешивавшему кровать. — Но это не единственная причина, по которой я хочу жениться.

Было совершенно ясно, что он подразумевал. Она почувствовала жар, разливающийся по шее, и отвернулась, чтобы он ничего не заметил.

Ну, или, по крайней мере, она попыталась отвернуться.

Её гаун зацепился за что-то, да так крепко, что она смогла сдвинуться лишь на несколько дюймов. Краснея под его пристальным взглядом, всё ещё прикованным к ней, Алейда протянула руку назад в попытке нащупать то, за что зацепилось её платье.

— Ну, а я этого *не* хочу, — сказала она взволнованно, пытаясь нащупать место зацепки. — Найдите себе другую женщину, которая пойдёт за вас без принуждения. И земли получите ещё больше.

— Мне пока достаточно земли.

— И она есть у вас, со мной или без меня, так какая разница, если я у...

Она остановила себя слишком поздно, и он ухватился за её ошибку:

— Значит, вы планировали убежать. Куда?

— Никуда.

Нахмурившись, он направился к ней:

— Не лги мне, женщина. Куда вы собрались?

Всё ещё сражаясь с ярдами шерсти, Алейда ответила:

— Я не...

Фраза осталась незаконченной, поскольку он подошёл к ней, и она отскочила. Однако, запутавшись в юбках, она чуть не упала, но Иво подхватил её одной рукой за талию и крепко прижал к своей груди.

Алейда замерла, и в затянувшийся момент их обоюдного молчания она увидела, как постепенно его гнев угасает, сменяясь чем-то гораздо более опасным. Она хотела было отвести взгляд, но не смогла, попав в плен твёрдого взгляда его серо-голубых глаз, острого запаха пота и стали, но более всего тепла его тела, которое ощущалось даже через все слои одежды и кольчуги. Или это был её собственный жар? Сейчас она не была до конца уверена.

— Вы попались, — сказал он мягко.

Он протянул другую руку ей за спину и наклонил голову. Алейда подумала, что он собирается поцеловать её, и дыхание её прервалось тихим «ах».

Но нет, он продолжал тянуться через её плечо, пока не добрался до чего-то за её спиной. Раздался скрежет металла и она оказалась свободна от того, что не давало ей двигаться, но не от Иво. Выпрямившись, он продолжал её держать.

— Крышка захлопнулась на вашем гауне, — объяснил он.

— Б... — Она вынуждена была сглотнуть, чтобы обрести дар речи. — Благодарю вас, милорд.

— Я спрашиваю ещё раз, куда вы собрались?

— Нику... — Его рука слегка сжалась, ровно настолько, чтобы дать ей понять, что это сражение ей не выиграть. — В монастырь.

— Не могу представить себе женщину менее подходящую для монашества.

— Вы ничего не знаете обо мне и о том, для чего я подхожу. — Она попыталась высвободиться из его объятий, но с таким же успехом она могла бы попытаться сдвинуть

стену. — Вы совсем ничего обо мне не знаете. Отпустите меня.

— Вы никуда не пойдёте, Алейда. Смиритесь с этим фактом. — Не выпуская её из своих объятий, Иво слегка подвинул её таким образом, чтобы она была вынуждена смотреть прямо в его непреклонное лицо, оказавшееся от неё всего в нескольких дюймах. — И, относительно того, что я знаю... Я уже знаю, что вы обладаете языком, который может ранить сильнее, чем хлыст возницы. Я знаю, что вы обладаете духом, которому будет невыносима жизнь в монастыре. И я знаю, что вы задаётесь вопросом, хоть и не сознаетесь в этом, отчего я не поцеловал вас минуту назад, и каково бы это было, если бы я поцеловал.

— Вот ещё. Вы так же самодовольны, как сэр Невилл.

— Так его зовут? А *он* целовал вас?

Она содрогнулась при одной только мысли об этом.

— Нет.

— Хорошо, — сказал Иво.

А потом он сделал это. Поцелуй был коротким, но достаточным, чтобы кровь её забурлила. Она пыталась не обнаружить оказанного им воздействия, но по его улыбке поняла, что он знает, что сумел доказать свою правоту.

— Никакого монастыря, — сказал он.

Она не ответила и его улыбка растаяла.

— Клянусь чем...

Он сжал челюсти — было видно, что он старается сдержать свой темперамент. Когда он заговорил снова, его голос дрожал от усилия:

— Я был бы в праве сделать вас своей женой в течение часа, и вы сильно искушаете меня поступить именно так. — Говоря это, он провёл мозолистым пальцем по её щеке, словно стирая с кожи некий знак. — Но перед приездом я поклялся, что дам вам день, чтобы примириться с этим браком. Не заставляйте меня сожалеть о любезности. У меня нет желания провести следующие две недели, разнося аббатство по камням.

— Вы не посмеете.

— Посмею, и уже не в первый раз, — сказал он мрачно, и Алейда сердцем чувствовала, что он говорит правду. — Никакого монастыря, — повторил он. — Поклянитесь.

Что он за человек, если способен напасть на аббатство? Ответ был очевиден: человек Вильгельма. Вильгельма, который разорил целые графства просто для того, чтобы доказать свою власть. На что способен этот де Вэсси, чтобы доказать свою?

Что если он обрушит свой гнев на деревню? Испугавшись этой мысли, она сдалась, но всё же оставила себе лазейку.

— Никакого монастыря.

Были и другие места, кроме монастыря, где женщина могла найти убежище. Должны были быть.

— Хорошо, — сказал он и, удовлетворённый, отпустил её, твёрдо поставив на ноги. — Пойдёмте. Я хочу, чтобы люди увидели нас рядом перед тем, как они отправятся спать.

Алейде совсем не хотелось этого, но сопротивление ничему не послужило бы.

— Да, милорд.

— Никаких протестов? — нахмурился он в подозрении.

— Сначала вы требуете смирения, а потом удивляетесь ему, — огрызнулась она. — Действительно, милорд, вы должны определиться.

— Ах, ну, тогда пошли. — Посмеиваясь, он взял её за руку и повёл в зал.

Он удерживал её там далеко за полночь, принимая приветствия от остальных домашних, и поскольку она сидела справа от него, каждый знал — она признала его положение в доме. Затем, когда женщины направились обратно в солар, а мужчины начали доставать свои постели и готовиться ко сну, ему принесли учётные книги, и он вместе с Брандом детально изучал их, задавая бесчисленные вопросы и ей, и Освальду, и Джефффри. К тому времени, как он отпустил их спать, она была настолько измотана, что провалилась в сон, едва её голова коснулась подушки.

И даже тогда он продолжал терзать её, наполняя её сны поцелуями и ночные кошмары видениями горящих аббатств и разорённых деревень. К тому времени, как она проснулась хорошо за полдень, она знала, что не сможет убежать, даже если бы каким-то образом ей удалось придумать место, помимо монастыря, где можно скрыться.

Так что, она вызвала Беату и Джефффри и велела им готовиться к свадьбе.

— Мы уже готовимся, миледи, — сияя, ответила Беата.

Джефффри подтвердил:

— Лорд Иво сказал, что мы должны быть готовы к свадебному празднику, когда он вернется.

— Вернётся? Откуда?

— Он ускакал на рассвете, миледи, вместе с сэром Брандом. Сказал, что вернётся поздно, скорее всего после захода солнца.

— И тогда вы поженитесь, — добавила Беата. — Хотя я никогда не слышала, чтобы свадьбу справляли ночью. Утром то должно происходить, с тем, чтобы празднование началось в надлежащее время. Странно всё это.

Более чем странно, но ничто в этой ситуации не было обычным.

— Он уехал? На весь день?

— Да, миледи.

— Всю ночь не сомкнул глаз и теперь ездит весь день, чтобы осмотреть свои земли, — сказала Беата. — Говорю вам, из него выйдет хороший господин, раз уж у нас должен быть новый, да и муж тоже хороший.

На один короткий миг Алейда подумала, что пока его нет, у неё есть возможность успеть укрыться в Эленстоу, но потом отбросила эту мысль. Она не оставит Олнвик и его обитателей на милость этого нового лорда, но так же она не станет сидеть здесь и слушать пустую болтовню Беаты о его достоинствах.

— Делайте то, что должны. Я отправляюсь на прогулку.

Она достала свой кошелек и сдёргнула с вбитого в стену деревянного колышка свой плащ.

— Там грязно, миледи, и холод собачий, — сказала Беата. — Вы простудитесь.

— Тогда я буду чихать слова брачного обета.

— Но вы должны подготовиться, миледи, — вставила Хадвиза. — Какой гаун вы наденете?

— Воистину, мне всё равно, — ответила Алейда и выбежала вон.

Бывали времена, думал Ари, когда он сожалел, что не мог быть вороном и днём. Как сейчас. Было бы очень удобно иметь возможность подлететь к окну леди и посмотреть, какие козни она замышляет. Конечно, в качестве ворона он был бы не в состоянии помешать ей их замышлять, но, по крайней мере, он бы знал.

Ему было трудно поверить, что она так легко покорилась воле Ивара, но суматоха в доме, вызванная приготовлением к свадьбе, говорила об обратном. Женщины вымели с пола грязный тростник и заменили его новым, смешанным, для приятного запаха, с розмарином. В Лесбери за священником был отправлен гонец, а мальчишки притащили ветви и вьющиеся стебли для украшения зала. В держатели вставлены новые факелы и свечи — оставалось только зажечь их, и столы уже установлены на козлы и покрыты таким количеством новых белых скатертей, что их хватило бы на паруса для корабля-дракона [\[17\]](#).

И всё это происходило с момента прибытия Ари, когда ранним утром он, для отвода глаз, прискакал со стороны Морпета. Почти все ещё храпели, когда он вошёл в зал, а многие даже сейчас ещё зевали. И неудивительно, ведь Иво и Бранд заставили их бодрствовать всю ночь напролёт. Имея так мало времени, для жизни в облике человека, они все научились обходиться коротким сном, а зачастую и вовсе без сна, за исключением того сна, что удавалось урвать в облике зверя. Ари полагал, что обитатели Олнвика быстро приспособятся к распорядку их нового лорда — бодрствуя далеко за полночь и, соответственно, поздно просыпаясь, что отлично устроило бы Иво. Чем меньше народу будет видеть, как он с Брандом уезжает по утрам, а Ари возвращается, тем лучше.

Но сегодня жители замка были вынуждены подниматься в срочном порядке, чтобы наверстать потерянное время. Ари, со своей стороны, не мешал им, расположившись в зале и ожидая появления леди Иво. Он ждал довольно долго, успел даже придумать большую часть свадебного стихотворения.

Он как раз обдумывал заключительную строфу, когда хлопнула дверь. Ари взглянул вверх. Увидев Алейду в тот же самый момент, что и она увидела его, он поднялся на ноги. Она остановилась. Глаза с подозрением прищурились.

— Леди Алейда, я полагаю. — Ари выступил вперёд и преклонил колени. — Доброе утро. Я...

— Если вы очередной рыцарь, прибывший попытать счастья выиграть меня, то вы опоздали, — перебила она, и голос её был кислый, как айва. — Я выхожу замуж через несколько часов.

— Ах, я бы попытал счастья, прекрасная леди, но за подобную попытку Иво лишил бы меня моего мужского достоинства, а я очень трепетно к нему отношусь.

— Значит, вы один из его людей? Вы чересчур самоуверенны.

— Да, я таков. И я Ари, — сказал он, поднимаясь с колена. — Управляющий замка милорда.

— Хорошо. Тогда управляйтесь.

Она понеслась вниз по лестнице, выбежала за дверь и направилась через двор к воротам.

Ари, смеясь, поспешил за ней. Он подал знак одному из стражей на воротах, которые отступили, дав им пройти.

— Куда мы направляемся, миледи?

— Вы управляющий или тюремщик? — требовательно спросила она.

— Тюремщик — грубое слово. Давайте скажем... сопровождающий.

Мокрый колючий снег ударил ему в лицо, и он подумал о медведе и орле, мёрзнувших в лесу.

— Я не нуждаюсь ни в каком сопровождении. Я не собираюсь сбежать.

— Хорошо. Тогда мы сможем насладиться совместной приятной прогулкой, если хоть

какая-то приятность может быть в такую погоду. Так куда, вы сказали, мы направляемся?

— Я не сказала, но если вам необходимо знать, я направляюсь в деревню — напомнить самой себе *почему* я не собираюсь сбежать.

Жители Олнвика любили свою леди, как обнаружил Ари, когда следовал за ней по деревне. Замёрзшие лица озарялись улыбками, когда она проходила мимо; поздравления и добрые пожелания летели ей вослед. Она привела Ари на край поселения, к самой бедной из его разбросанных хижин. Там она пробыла достаточно долго, разведя огонь и накормив похлёбкой больную жену крестьянина-арендатора. Оставив на столе семь серебряных денег, Алейда перешла в соседнюю крошечную хижину, лишь на курицу богаче предыдущей, где выказала ту же заботу и милосердие.

Когда они покинули третью хижину, Ари дал волю своему любопытству:

— Миледи, почему вы даёте милостыню сейчас, а не *после* свадьбы?

— Потому, что могу.

— Простите, миледи, я не понимаю.

— Это *мои* деньги, — сказала она. — После свадьбы они станут его деньгами. Сегодня вечером я много чем поступлюсь, но это, по крайней мере, я делаю из собственных средств.

— Вы плохо представляете себе человека, за которого выходите замуж, если думаете, что он возьмёт ваш кошелёк.

— Он сам предупредил меня, что он за человек, — жёстко ответила она. — Он похвалялся, что однажды разнёс в пух и прах аббатство.

Более двухсот лет назад, подумал Ари, но едва ли он мог сказать ей это.

— Это было во время войны, и монахи были хорошо вооружены. Они снесли немало голов, насколько я припоминаю.

— Монахи? Не монахини? — Она казалась удивлённой, но быстро справилась с этим. — Не важно. Он сказал, что сделает это снова, если я присоединюсь к святым сёстрам.

Ари тихо выругался на тупоумие Ивара. Угрозы — не помощник в ухаживаниях за девицей; но с другой стороны, судя по тому, что он видел прошлой ночью, эта девица была не из числа самых нежных цветков Англии.

— Тогда, вероятно, сделает, если хочет вас достаточно сильно, — согласился он. — Он может быть жёстким человеком.

— Без сомнения. Он ведь, как-никак, человек Вильгельма.

— Вильгельм — король. Все рыцари и дворяне — его люди, а если нет, они очень быстро прекращают быть рыцарями и дворянами.

— Как мой дед.

— Мне жаль, миледи, — сказал он, увидев её лицо, искажённое от боли. — Но да, как ваш дед. Однако Ивар не такой как король. Он не бывает жесток ради забавы.

— Ивар?

— Что?

— Вы назвали его Ивар.

Олух. Ари мысленно пнул себя. На протяжении всего утра он был в состоянии придерживаться нового имени, а сейчас, при ней, оговорился...

Он начал быстро соображать.

— Когда я был маленький у нас в деревне жил один старик, которого звали Ивар. Иногда я оговариваюсь. — И для пущей убедительности добавил: — Я ведь не урождённый норманн.

— Ах, это всё объясняет. У вас незнакомый мне акцент. Даже когда вы говорите с крестьянами на саксонском, это звучит странно. Как и сэр Бранд.

— Мы с Брандом родом из одной и той же местности.

Она казалась удовлетворённой и, благодарение богам, не спросила ни откуда они, ни об Иваре — *Иво*. Очевидно, его владение нормандским французским было более совершенным, или просто он говорил не столь много, чтобы её ухо уловило какую-нибудь странность.

Снова будучи начеку, он следовал за нею, пока она заканчивала раздачу подаяний, по большей части держа рот на замке и повторяя про себя *Иво, Иво, Иво*.

К тому времени, как они закончили, ветер стих, но облака поднялись достаточно высоко, а солнце уже опустилось низко, из-за чего воздух становился всё холоднее. Ари с лёгкостью, отточенной столетиями необходимости, прикинул, сколько осталось до сумерек. Скоро ему надо будет улизнуть, но сначала он хотел кое-то выяснить.

— Теперь, миледи, не скажете ли вы мне, каким образом всё эта работа напомнила вам, почему вы не сбежите?

Она остановилась и посмотрела на него, словно оценивая, достоин ли он. Должно быть, она нашла его удовлетворительным, потому что сказала:

— Прошлой ночью мне приснился сон. Я сбежала, и ваш лорд, в наказание за мой побег, сжёг деревню дотла. Я хочу, чтобы лица моих людей стояли у меня перед глазами, поддерживая меня, когда в церкви я буду произносить свои клятвы.

— Ах, леди. — Ари покачал головой, ну, надо же какого страха его друг нагнал на бедную девочку. — Это был ложный сон. Я годами сражался с Иво бок о бок, видел его на войне, а потому знаю. Он бы никогда не заставил деревню расплачиваться за ваши поступки. Пусть не страх ведёт вас сегодня в часовню, а желание получить хорошего мужа и прекрасного лорда для Олнвика.

Она поднесла замёрзшие пальцы ко рту и попыталась слегка согреть их горячим дыханием перед тем, как посмотреть на него серьёзными карими глазами.

— А он будет таким?

— Будет, миледи, клянусь! А если нет, я лично помогу вам сбежать. — Он скорчил лицо словно от сильной боли. — Чтобы удрать от него, нам придётся бежать в Византию, а, может, даже в Рим, но я помогу вам.

Это преувеличение заставило её улыбнуться.

— Так-то лучше. Теперь, пойдёмте, миледи, — сказал он. — А вот и ворота замка, и у вас осталось совсем немного времени подготовиться ко встрече с женихом.

Она двинулась вперёд, затем остановилась и обернулась:

— Благодарю вас, сэр Управляющий. Вы были самым замечательным сопровождающим.

Ари стоял у ворот до тех пор, пока она не скрылась в зале, затем обратился к одному из мужчин, слоняющихся поблизости, и послал привести свою лошадь. В ожидании он добрёл до колодца и зачерпнул ведро воды. Он бы предпочёл выпить что-то тёплое, плюс хорошо бы иметь время, чтобы записать придуманное им ранее стихотворение, но солнце уже камнем катилось за горизонт, и ему пора было убираться.

Что ж, похоже его стихотворение останется неслышанным, но, по крайней мере, ворон увидит эту свадьбу, которой он только что поспособствовал. Он уставился в ведро, думая о странности дня, когда вода внезапно потемнела и закружилась в водовороте. Его сердце бешено застучало.

Видение. Они были обычны для него в юности — факт, доставлявший ему много горя, поскольку волшебство было прерогативой женщин и совсем не подходило для воина, но после Одинсбригга они стали редко посещать его. Не было ни одного в течение многих лет.

Он сопротивлялся мгновение, не желая соскальзывать в ту преисподнюю, где обитали видения, но туман уже обволакивал его.

Покоряясь неизбежному, он успокоил своё сердце и позволил себе «вплыть» в манящий его полусон. Образы медленно формировались на зеркальной глади воды. Он хватался за них, но они ускользали, скоротечные, слишком расплывчатые, чтобы различить. *Птица. Был это он или Ивар? Орёл. А затем женщина, медленно врывающаяся в картину. Наверное, Алейда. Или нет. Это был младенец? Снова орёл.* Образы не стояли на месте. Они кружились в водовороте, переходя из одного в другой, не давая ему шанса понять их значение. Он снова напряг свой разум, пытаясь ухватить образ. Хоть один.

— Милорд? Вам плохо?

— Что? — Видение пошатнулось и пропало. — Нет. Нет. Всё хорошо.

— Вы так долго пристально смотрели на воду, я подумал, что у вас был припадок.

— Говорю вам, всё хорошо.

Медленно приходя в себя, Ари взглянул вверх. Солнце уже почти зашло, лишь тонкая полоска света в палец толщиной виднелась над горизонтом. Он потерял время и ничего при этом не получил. В расстройстве он выплеснул воду из ведра на землю, выхватил из рук мужчины поводья и вскочил в седло. Он рванулся к воротам, мыслью обгоняя своего коня. За оставшиеся до наступления темноты мгновения нужно было успеть сделать так много. Он должен найти Бранда и Ивара. Он должен передать им послание до того, как проклятье превратит его в ворона на всю ночь.

А самое главное, он должен был понять, что боги пытались ему сказать этим чёртовым видением.

Последние лучи заходящего солнца еще ласкали горизонт, когда Иво и Бранд выехали из леса на земли поместья. Иво, вернув себе человеческий облик и одевшись, понесся вперед к Олнвику, прищпоривая Хримфэкси с такой скоростью, что Бранд с трудом за ним поспевал. Но на краю сада, где покрытые инеем голые деревья стояли подобно безмолвным скелетам на фоне вечернего неба, он остановил лошадь, потянув за узду. Бранд подъехал к нему, положив руку на рукоять меча.

— Что-то случилось?

— Да нет, ничего. Просто думаю, не придется ли мне отправляться за ней в погоню.

— Она будет в замке. Ари не позволил бы ей так легко сбежать.

— Он должен был уехать задолго до заката, — сказал Иво, бросая взгляд на птицу, сидящую на плече Бранда. — У нее было достаточно времени, чтобы ускользнуть.

— Тогда мы найдем ее и вернем.

— Я не хочу заполучить себе женщину, которую я будто заключенного должен держать взаперти, я хочу получить жену, с которой я мог бы жить в мире и согласии. — Иво покачал головой, испытывая отвращение к сложившейся ситуации, в которую его впутал Вильгельм, после этого он прикоснулся к обрывку коры, завязанном в рукаве одеяния. — Ладно, поехали, найдем светлое место и посмотрим, что Ари хотел нам сказать.

На сей раз, когда они подъехали к воротам, створки были широко распахнуты, и полдюжины мужчин вышли, чтобы поприветствовать их. Еще около сорока человек собралось вокруг костра, ярко пламенеющего во дворе. Иво потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что они — вольные люди из деревни, прибывшие не только на свадебный пир, но и желающие посмотреть, что за мужчину король назначил на место Гилберта Тайсона. Он поприветствовал их, выделив из толпы судью, Уота, бывшего в зале предыдущим вечером, после чего повернулся к эконому.

— Какие новости, Джефффри?

— Зал и угощения готовы. Как вы видите, прибыли деревенские жители. И отец Теобальд ждет в часовне.

— А леди Алейда? — Иво старался, чтобы его голос звучал спокойно, на Бранда он не смотрел.

— Она в своих покоях, вместе с женщинами, готовится к церемонии.

Узел внутри Иво стал слабеть.

— Хорошо. Я скоро за ней пошлю. Скажи Освальду, чтобы он поставил мужчин на стены.

— Да, милорд. — Джефффри откланялся и стремительно пошел в сторону кухни.

Иво и Бранд пошли внутрь, минуя столы и снующих вокруг слуг, направляясь к очагу, чтобы согреться. Сообщение от Ари было коротким и трудным для воспроизведения, поскольку было нацарапано ножом на куске коры.

«Отдала все свои деньги беднякам. Боится, что отберешь. Около десять шиллингов. Перестань пугать».

Иво дважды перечитал руны, и так и эдак трактуя их, пытаясь понять смысл написанного. Он отдал записку Бранду и хмуро посмотрел на птицу на его плече.

— Разве ты не считаешь, что скальд мог бы и лучше обращаться со словами?

— Скорее всего, он пытался написать быстрее, пока еще было светло, — отозвался Бранд. — «Боится, что отберешь»? И что ты сделал с девчонкой?

— Я не знаю. Ничего. Предупредил ее, чтобы не пыталась сбежать в монастырь. Мы перебросились всего-то дюжиной слов. Идиот Фреев! — Иво раскрошил кору, сжав ее в кулаке, и кинул труху в огонь. — Я пробыл в лесу слишком долго. Раньше я знал, как обращаться с женщиной.

— Да, ты умел, — согласился Бранд. Он втянул воздух сквозь зубы, погрузившись в размышления. — Помнишь дочь корабела в Каупанге?

На лице Иво расцвела улыбка, когда он вспомнил налитые прелести девчонки, чей образ жил на задворках его памяти.

— Ингигерд.

— Ваши отношения начинались без большой любви с ее стороны, как и у Алейды. И все же, как я припомню, это стоило тебе бочки соленой рыбы и фунт серебра, когда ее отец поймал вас, когда она скакала на тебе в плазе [\[18\]](#).

— Она стояла каждой монеты и каждой трески, — сказал Иво нежно. Но когда он вспоминал восторженную скачку Ингигерд, его воображение молниеносно перенеслось на Алейду, на то, как она бы могла оседлать его на огромной кровати в соларе. Он переступил с ноги на ногу, чтобы ослабить внезапную тяжесть в паху. — Это было так давно, очень давно, и к тому же у меня было время, чтобы поухаживать за Ингигерд.

— Так поухаживай за Алейдой.

Ему тогда потребовалась больше чем половина лета, чтобы заполучить Ингигерд, подумал Иво. Ему бы очень повезло, если бы с Алейдой у него был хотя бы месяц, но он жаждал видеть ее каждую ночь в своей постели. Кроме того, был еще и король, которого тоже нельзя было просто так выкинуть из головы.

— Вильгельм так жаждал заполучить этот замок, что испытал истинное облегчение и пообещал сотню фунтов, чтобы помочь возведению замка, но для этого он должен быть уверен, что и Олнвик, и его леди находится в надежных и твердых руках. Сегодня вечером я должен уложить ее в постель, а иначе она сможет сбежать в монастырь и аннулировать наш брак.

— Ну что ж, тогда у тебя есть лишь время, пока идет ужин, — сказал Бранд, как будто считая это время достаточным. — В ней, кажется, есть огонь. И думаю, тебе не потребуется много времени, чтобы разжечь его в полыхающий костер: капелька вина, пара ласковых слов... Конечно, если она — это слишком для тебя, то мы можем уехать прямо сейчас. Король найдет другого лорда, чтобы отдать ее земли и ее девственность, а мы можем вернуться к охоте на Квен.

Иво не потрудился ответить.

— Ты, — ткнул он пальцем в пробегавшую девушку. — Принеси мне горячей воды и чистый шенс. И отправь ко мне Джеффри.

— Я предполагаю, что мы никуда не едем, — сказал Бранд птице, сидящей у него на плече. — Эх, хорошо. По крайней мере, она не сбежала. Может она желает тебя больше, чем ты думаешь.

— Может быть, — согласился Иво, хотя червь сомнения, точивший его изнутри, утверждал иное. И в самом деле, вдруг Бранд был прав, понадеялся Иво, когда послал за Алейдой некоторое время спустя. Она достаточно скоро появилась наверху лестницы, ее служанки стояли позади нее, и хотя ее лицо на фоне покрывала выглядело бледным и

напряженным, она, секунду поколебавшись, спустилась вниз.

— У вас нет ни одного родственника мужского пола, с которым я мог бы подписать брачный контракт, — произнес Иво, призывая поддержку собравшихся свидетелей. — Вы подпишете его со мной, леди Алейда?

— *Oui* ^[19], *монсеньор*, — ответила она спокойно.

Нет, не спокойно. Кротко. Потупив взор. И когда она взяла его руку, ее пальцы были холодными как морской лед и дрожали в его ладони. Ари был прав. Она боялась его.

И ему не нравилось это. Ему совсем не нравилось это. Некоторые мужчины хотели бы иметь жену, которая сжималась бы при их появлении, но он предпочел бы женщину твердую и храбрую, такую, как та огненная девица, которая сыпала угрозами в адрес Невилла, столь непокорную, что готовила свой побег и требовала у него точного ответа, что он хочет от нее.

Пытаясь найти причину такой перемены в Алейде, он подвел ее к высокому столу, где лежал брачный контракт. И лишь когда свидетели окружили их, и он посмотрел вниз на свою невесту, Иво понял. Строгое белое покрывало. Простой льняной воротник и рукава. Бесформенный гаун из черной шерсти, подпоясанный простым плетеным поясом, на котором весел маленький деревянный крест.

Маленькая лисичка.

Она могла действительно его бояться, но под этим страхом где-то глубоко все еще скрывалась ее мятежность, сокрытая за маской безразличия и выпрямленной как всегда спиной. Она оделась как простая монахиня.

Даже не видя его лица, Алейда все поняла по тому, как напряглась пальца де Вэсси, держащие ее руку, когда он сумел разгадать выбор ее платья. Она ожидала этого, ведь кем бы он не был, дураком его точно нельзя было назвать. Но теперь, когда она чувствовала его гнев, она пожалела о том импульсе, что заставил ее приказать Хадвизе достать один из старых гаунов бабушки.

Этот поступок казался довольно безопасным в соларе: способ показать, что она поражена, но не побеждена, но теперь этот жест казался безрассудным. Что если Ари ошибся в своем лорде? И где, кстати, этот сенешаль, где он и его безрассудные заверения в помощи? Трусливый негодяй.

Какая глупость. Она раздрадила быка, и теперь должна была отвечать за свои действия. Когда пальцы Иво вновь напряглись, она сделала глубокий вдох, изобразив на лице, как она надеялась, ту же безмятежность, что была на лице Святой Марии на триптихе в часовне.

— Что-то не так, милорд? — спросила она сладким голосом.

Его глаза сузились, и она почувствовала, что бледнеет. Ее взгляд переместился на напряженные челюсти и рот, который скривился непонятным образом. Это что, было улыбкой, которой он пытался подавить?

Похоже, что так. Пальцы Господни, он не злился, его сотрясал смех, который он едва сдерживал. Он смеялся над ней снова.

Ее желание подчиняться исчезло так же, как капли дождя на раскаленном угле. Дьявол его заberi. Она не будет корчить перед ним дурочку. Она отпустила его руку и шагнула вперед, чтобы взять перо.

— Разве вы не хотите, чтобы вам вначале прочли контракт вслух, миледи? — спросил удивленный Джеффри.

— Это бессмысленно. Король приказал, и я покоряюсь его желанию на благо Олнвика.

Она небрежно поставила свою подпись и бросила перо вниз, оставляя пятна чернил на

пергаменте. Прежде, чем она смогла пойти обратно, Иво подошел к ней вплотную. Ухмылка, с которой он сражался до сих пор, озорно скривила его губы, когда его рука обвилась вокруг талии девушки.

— Терпение, цветочек, — по его голосу можно было судить, что он наслаждается ситуацией. Потянув ее назад, он прижал ее бедра к своим. — Вы достаточно скоро насладитесь *глубокой* признательностью Олнвика.

Она задыхалась, а люди, следящие за ними, заходились смехом, к которому, наконец, присоединился Иво, после того как поставил свое имя рядом с ее.

Зажатая между ним и столом, оно могла лишь стоять, крепко прижатая к его телу в то время, как краска покрывала ее лицо, заставляя пылать ее алым цветом точно печать, что Иво собирался поставить на документах. Он вжал свое кольцо в воск, чтобы закрепить договор, трое свидетелей быстро подошли, чтобы поставить свои подписи.

Все еще смеясь, он двинулся от возвышения.

— Ну, миледи. Священник ждет, и чем скорее мы произнесем свои клятвы, тем скорее вы сможете покориться *моему* желанию.

Эти слова вызвали новую волну смеха, которая пронеслась по залу и вылетела за двери, где Иво позволил хихикающим женщинам Алейды окружить ее, обернуть в плащ и повести прочь к небольшой часовне. Мужчины, сыпля непристойными шутками, двинулись следом, освещая дорогу факелами. Смех эхом одевался по двору, когда слова Иво доносили до тех, кто их не слышал.

— У тебя оригинальный способ добиться женщины, — перекрикивая шум, сказал Бранд, когда они с Иво шли впереди всех.

— Она задела меня.

— Ну что ж, теперь же она готова перерезать тебе горло.

— Это пройдет.

— А если нет?

— Ну, тогда я предпочитаю сердитую женщину в моей постели боящейся.

— Лучше бы смеющуюся, — сказал Бранд.

— Ага, — согласился Иво, добавив затем с ехидной усмешкой. — А лучше всего — просто стонущую.

Бранд кивнул в сторону Алейды, стоящей в дверях церкви.

— Держу пари на свой лучший браслет [\[20\]](#), что этой ночью ты не вытянешь ни смеха, ни стоны из этих губ.

Иво посмотрел на свою невесту: лицо напряжено, сжатые кулаки прижаты к бокам. Ну что ж, по крайней мере, она столь же зла, как и вчера. И все же вчерашняя ночь... То, как ее дыхание слегка прервалось, когда он поцеловал ее вчера вечером... быть может, и сегодня будет не столь сложно снова вызвать этот вздох, который может перейти в стон.

— Ну что ж, — ответил он своему другу. — Я принимаю пари.

Сукин сын. Pautonnier de linage felon [\[21\]](#). Мерзкая подлая свинья.

Жизнь, прожитая среди норманнских рыцарей и саксонских крестьян, научили Алейду ругаться на двух языках. Она перебирала в уме все слова, что знала, не находя ни одного, которое в полной мере описывало бы Иво де Вэсси.

Боже, если бы она была мужчиной и рыцарем, кипятилась Алейда, пока наблюдала, как он шел к ней, а его серый плащ развивался позади него, точно крылья величавой птицы. Она бы сбила эту похотливую усмешку с его лица, затем подняла бы меч, чтобы пойти против

него и короля, который отдал ему Олнвик. Но она не была мужчиной, и де Вэсси действительно имел власть и все права, поэтому, когда он вошел в церковь и встал по правую сторону от нее, она воздержалась от потока проклятий, лишь стянула посильнее плащ, чтобы защититься от холода и приготовилась сделать то, что должна.

Де Вэсси наклонился к ней, будто целуя в щеку.

— Улыбнитесь, — прошептал он, полушутя, полусерьезно. — Чтобы этот угрюмый вид не испугал святого отца.

Мгновение спустя отец Теобальд встал перед ними, чтобы помолиться. Его глаза расширились, когда он увидел ее лицо. Он заколебался.

— Быстрее, священник, — проворчал сэр Бранд со своего места. — Начинай же, пока мы все тут не окоченели.

Игнорируя смех в зале, отец Теобальд быстро перекрестился и спросил, как показалось Алейде, слегка сомневаясь:

— Добровольно ли вы соединяетесь священными узами перед лицом Бога и людей?

— Да, мы оба, — ответил за них Иво, не давая Алейде шанса вставить хоть слово. Он снял кольцо со своего мизинца и взял Алейду за руку. — Я, Иво, беру тебя, Алейду...

Она позволила ему одеть себе на палец кольцо и без каких-либо эмоций повторила слова клятвы, после чего отец Теобальд брызнул на них пахнущей иссопом [\[22\]](#) святой водой.

— *Ego conjugo vos in matrimonium. In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti. Amen* [\[23\]](#).

На сей раз, когда Иво наклонился, он и вправду собирался ее поцеловать. Алейда заставила себя стоять не шелохнувшись, в то время как его губы коснулись ее, чтобы скрепить их клятвы поцелуем. Это было не более чем вчерашний поцелуй, но и не менее, и как только она начала терять сознательную нить он отстранился от нее. Иво посмотрел над ее головой и усмехнулся, будто его и Бранда объединяла общая шутка, и все потонуло в смехе большого воина и в поздравлениях людей, пришедших на свадьбу.

Ну, вот они и женаты, если не считать мессы, которая будет отслужена в часовне. Торопился ли отец Теобальд из-за слов Бранда или он и сам замерз до костей, но он быстро зачитал что-то на латыни. А они вернулись в зал почти в то же самое время, когда он произнес последнее аминь. За ними двинулись все женщины и мужчины из деревни и замка, смеющиеся и радующиеся, готовые праздновать.

Но прежде чем кто-либо мог сесть за стол, Алейде предстояло еще одно испытание, то, через которое ей надо было пройти в церкви, но из-за холода перенеслось сюда: принести присягу ее мужу как лорду Олнвика, клянясь уважать и почитать его. Это было куда более сложным и важным, ведь этим она предоставляла ему власть над землями ее дедушки. И осознание того, что это было просто формальностью, так как король уже отдал ему ее землю, когда рыцарь преклонил перед ним колени, не делало ее путь с ним через внезапно притихший зал легче.

Став перед мужем на колени, Алейда проигнорировала холод, охвативший ее и просочившийся до самых костей, и вложила свои руки в ладони Иво, сложив их как для молитвы. Его взгляд встретился с ее глазами.

— Отдаете ли вы себя мне целиком и полностью?

У Алейды зашумело в ушах, будто бы там жужжал рой пчел. Она недоуменно уставилась на Иво. *Целиком и полностью ему?* Факт подчинения лорду был просто частью оказания уважения, но он не задавал этого вопроса вчера, когда мужчины вставали перед ним на колени. Не было этих слов, с таким двояким значением.

— Миледи? — повторил священник.

Это просто формальность, сказала она себе, игнорируя спазмы в животе и внутренний голос, который твердил, что это самообман. Это лишь часть ритуала. Она избавилась от шума в ушах и вскинула подбородок.

— Да, — ее голос звучал хрипло и низко. Она откашлялась и проговорила вновь, на сей раз более твердо. — Я, Алейда, обещаю стать вам женой и спутницей во всем, клянусь защищать вас ото всех. Я признаю вас как законного лорда Олнвика и... — ее голос сорвался, и она вновь была вынуждена откашляться. — И признаю вас как своего лорда и отдаю себя вам. Клянусь в этом перед богом и людьми.

— Я принимаю ваши клятвы и после этого признаю вас своей, — сказал Иво. Он отпустил ее руки, но его глаза следили за ней теперь более мягко. — В ответ я назначаю вдовьей частью вашего наследства треть моей собственности, а также все те подарки и дары, что были предписаны контрактом. Взамен я прошу от вас лишь клятвы верности вассала феодалу. Вы дадите ее?

Наследство? Подарки? Она считала, что контракт лишь подтверждает права Иво, но не ее. У него было преимущество, в конце концов. Что же она, в конце концов, обещает?

— Да, милорд.

Иво поднял одну бровь, как бы спрашивая ее, не сожалеет ли она, что Джеффри не прочел ей вслух контракт. Отец Теобальд протянул ей Библию, чтобы она поцеловала ее, и Алейда положила на усыпанный драгоценностями переплет руки.

— Я клянусь, что с этого дня буду... преданным и истинным вассалом вашим, милорд.

Она опять споткнулась, произнося клятву. А Иво лишь кивнул ей в ответ, вот все и было кончено. Олнвик теперь принадлежит ему, как и она сама.

Когда муж протянул ей руку, чтобы помочь встать, что-то вновь сжалось внутри нее от прикосновения к его ладони. Она, сердясь на себя, отбросила эти мысли. Она сможет подумать обо всем этом и побороть себя позже, но сейчас не время.

Когда они совершили омовение и заняли свои места, раздался звук рога, и слуги начали вносить подносы с едой, ставя на столы мясо и различные закуски пока настил жалобно не закрипел от тяжести. Хотя у Джеффри было мало времени, чтобы подготовиться к празднеству, Алейда не без радости отметила, что он с успехом справился. Присутствующие в зале могли насладиться таким же богатым пиршеством, как и на Рождество, а самые бедные батраки и нищие со всей округи, собравшиеся во дворе, будучи слишком жалко и грязно одетыми, чтобы войти в зал, тоже смогут получить объедки. И к утру уже Иво де Вэсси получит славу щедрого лорда. А вот сохранится ли это дальше, покажет лишь время.

Поскольку у Иво не было оруженосца или слуги, то он попросил Освальда разрезать для них пищу. С небывалым мастерством этот бывший рубака, мгновенно завалил их общий тренчер ^[24] отборнейшими ломтиками баранины и свинины. Он положил рядом лосося и пару сельдей, затем небольшой кусочек гусиной ножки занял место посреди блюда. Наконец он нарезал пышный пирог.

— Никаких голубей, — твердо сказал Иво. — Убери это от меня подальше.

Освальд, махнув рукой мальчишке, чтобы тот убрал пирог, положил вместо него угря, и затем поставил тренчер между Иво и Алейдой, приглашая их присоединиться к трапезе.

Иво отрезал ножом хрустящий, приправленный травами кусочек свинины и протянул его Алейде. Такая любезность была принята у рыцарей, ухаживающих за своей дамой, деревенских парней, ухаживающих за возлюбленной, или у мужа по отношению к его жене.

Он, вероятно, с нетерпением ждал этого.

Но не Алейда. Она бы скорее умерла с голоду, чем приняла пищу из рук этого человека. Иво пожал плечами и положил кусочек мяса себе в рот.

— Рано или поздно вам придется разжать их.

Она резко посмотрела на него.

— Ваши руки, — сказал он, кивнув на ее колени, — и вашу челюсть. Я удивлен, как только вам это не причиняет боли.

— Лишь одна вещь причиняет мне бесконечную боль.

— Я видел, как люди умирали от того, что не могли разжать и менее стиснутые челюсти, — сказал он, игнорируя ее ответ. Он сделал хороший глоток грушевого сидра и предложил ей кубок, от которого она тоже отказалась. — Ну же, Алейда. Вы посмеялись надо мной, я посмеялся над вами. Давайте объявим перемирие прежде, чем вы умрете от голода.

— Посмеялись? Шутка? Вы так это называете? Покориться *вашему* желанию. Считаете, что я не поняла, что вы подразумеваете под вашим...? — Она неопределенно махнула рукой, очерчивая область между его животом и коленями.

— Вы сами это начали, миледи, одевшись точно монашка и сказав то, что сказали. Я лишь ответил ударом на удар, — усмешка всплыла на его губах. — Хотя мой удар был сделан с большим юмором.

Она впилась в него глазами, гнев ее потихоньку пошел на убыль. Он был прав. Она сама начала это сегодня вечером, и, кроме того, его насмешки не сильно отличались от тех, что сыпались на других свадьбах. И более того, она бросила ему сегодня вызов, за который большинство мужчин в зале, по меньшей мере, поколотили бы ее, а не ответили словами и смехом.

— Как вам угодно, милорд. Перемирие. — Она подумала вновь о том, что должно произойти после ужина и добавила. — Пока.

— Пока, — согласился он. — Но мы должны скрепить наш договор. — Он обхватил пальцами ее подбородок и наклонился к ней. — Скрепить поцелуем.

Нет, хотела сказать она, но, помня о перемирии, лишь закрыла глаза и стала ждать его поцелуя. Она все ждала, а он бездействовал. Алейда открыла глаза. Он все еще был рядом, в паре дюймов от нее. Его пальцы держали ее за подбородок, и он усмехался ей в лицо, ожидая, что она сама поцелует его. Это не было никаким перемирием. Это было требование полной капитуляции. Она ждал ее действий, и десятки глаз обращенных к ним ждали тоже.

— Ну же, Алейда, — пробормотал он. — *Перемирие*.

Она наклонилась вперед и молниеносно клонула его губами в губы.

— Получите. И *перемирие* вступает в силу.

Его смех сотряс воздух.

— Ей-богу, женщина, ваши поцелуи столь неумелы, они не столь быстры как ваш язычок, но я с радостью научу вас.

Позже, анализируя свой поступок, она не могла бы ответить, что заставило ее так поступить. Но в ту секунду она осознавала лишь одно, она внезапно ощутила невероятную усталость. Она устала быть в проигрыше. Устала противостоять его юмору. Устала он него... от него самого. Она хотела вернуть ему его усмешку. Она хотела получить назад свой замок.

— В ваших уроках нет необходимости, милорд. — В одну долю секунды она выхватила свой кинжал из ножен и воткнула его в подлокотник его кресла, в паре дюймов от его бедра.

Инстинкт заставил его вскочить на ноги, чтобы защитить его мужское достоинство, на мгновение он потерял равновесие, в ту же секунду она схватила его за цепь и прижалась губами к его губам. Его рот открылся в недоумении. Воспользовавшись этим, она своим языком нашла его язык, и будто насмехаясь над ним, медленно по кругу начала ласкать его, пока тихий рык удовольствия не вырвался из его груди. В ту секунду как она почувствовала рокот под своей ладонью, она отодвинулась, вытащила свой нож и вернулась за стол, оставив Иво, ошеломленно озирающегося вокруг, стоять там же.

Он выглядел почти так же, как она тогда в своих покоях, может даже более потрясенный, подумала она с удовлетворением.

— Я сказала, что Невилл не целовал меня, — сказала она, отрезая кусочек баранины. — Но я не говорила, что меня не целовал кто-то еще.

Зал взорвался от смеха, и громче всех хохотал сэр Бранд. И к своему удовольствию она заметила, что в этот раз это не раздражало и не беспокоило ее.

Так как Иво продолжал стоять столбом, Алейда указала пальцем на слугу, стоящего в стороне, чтобы прислуживать им, и указала на кубок.

— Смотри, чтобы он всегда был полон, — скомандовала она. — И верните пирог, — она повернулась и послала на ошеломленного жениха уничтожающий взгляд. — Может милорду мужу не нравятся голуби, но я-то люблю их.

Что за мужчина научил ее так целоваться?

Тысячи вопросов вертелись в голове Иво, когда он смущенный сидел и наблюдал, как Алейда ест голубиный пирог, но большинство вопросов крутились вокруг одной и той же темы. Кто целовал ее? Почему она позволила ему это? Где он может найти этого сукиного сына, и как долго тот будет кричать, когда Иво будет убивать его?

Малая часть Иво была благодарна неизвестному рыцарю, тот должен был быть, по крайней мере, рыцарем, за тот урок, который он преподавал Алейде, но большая часть хотела вырвать легкие того человека и повесить их на дворовых воротах как вымпел. Странно, но эта ярость не распространялась на его мысли о самой Алейде. Ревность, да, к тому, что кто-то другой касался ее губ, но не гнев.

Она была загадкой, его законная жена, столь переменчивая, что он не мог предсказать, как она поведет себя в ту или иную секунду, какой дух овладеет ей между вдохом ее и выдохом. Сначала она была сердита, затем остыла, после боялась, затем рассердилась, а теперь... что?

Она была уверенной. Вот что это было. Уверенность.

Вот она сидит, наслаждаясь трапезой, не обращая на него внимания, будто он был простым слугой. Так или иначе, этот поцелуй вернул ей силу духа, которым он восхитился впервые вчера вечером.

Это делало поцелуй еще более ценным. Это уже было что-то, с чего он мог бы начать. То, на что он запросто мог поставить в пари за новый браслет.

Принятое решение заставило Иво сесть спокойно на свое место, продолжать наблюдать за своей женой и строить в своем уме планы о том, как с ней сблизиться. Как добиться ее. Как заставить смеяться.

И если быть уж совсем откровенным и точным: как заставить ее стонать.

Алейда рассматривала на предложенном ей подносе сладости, не обращая внимание на покалывания узнавания, от которых ее тело покрылось мурашками. Уголком глаза девушка могла разглядывать Иво, откинувшегося назад и как будто изучающего ее; его губы слегка шевелились, словно он был озадачен какой-то трудной головоломкой. Тысячу раз она видела на лице дедушки то же самое выражение лица — когда он сидел над шахматной доской, мерельсом [\[25\]](#) или строил планы военных действий. Все это для них, мужчин, в одинаковой степени было игрой. И то, что некоторые из их забав подразумевали насилие и смерть, значило очень немного.

Теперь и она стала его игрушкой. Или сражением — это уж как выйдет.

Отлично. Лучше пусть думает о ней, как о неприятеле, чем как о собственности. По крайней мере, в этом ее опрометчивый поцелуй послужит добрую службу. Она выбрала кусочек миндального пирога и отщипнула уголок, обдумывая между делом план собственной битвы.

Девушка едва успела проглотить первый кусочек, когда Иво отодвинул свой кубок, который нянчил в руках, и поднялся:

— Становится поздно, миледи. Удалимся.

Началось.

Ощущая смех, прокатившийся среди гостей за столами, Алейда отложила пирог, собралась с духом и встала. К ее облегчению женщины столпились вокруг нее и повлекли вверх по лестнице до того, как ей пришлось бы принять предложенную мужем руку. Мужчины последовали за ними, обмениваясь шутками.

— Свадебный поссет [\[26\]](#), - сказала Беата, поднимая огромный рог, — эль, сдобренный специями, чтобы вызвать желание, в роге быка — для поддержания мужества моего господина. Выпейте оба.

Она сделала плоток сама, чтобы показать, что напиток не отравлен, и подала его Иво. Под одобрительные возгласы мужчин тот отхлебнул значительную часть подогретого вина, приправленного медом и травами, а затем передал рог Алейде, которая с неохотой отпила под всеобщее недовольное улюлюканье.

— Ах, миледи, этого недостаточно, — заворчала Беата. Она замерла, стоя руки в боки, до тех пор, пока Алейда не сделала хороший плоток, а затем второй и третий. — Ну вот. Теперь вам захочется и большего, если я правильно сужу о вашем супруге.

Слова няньки вызвали еще больше смеха. Когда гости утомонились, вперед вытолкнули отца Теобальда, чтобы он благословил брачное ложе. В тепле и уюте солара его молитвы были цветисто-пышны, не то, что в часовне, когда он был вынужден отказаться от разглагольствований. Алейда подумала, что при удачном стечении обстоятельств священник мог бы продолжать так всю ночь.

Но, увы! Когда он в третий раз упомянул плодоносные лона, сэр Бранд со значением прочистил горло. Отец Теобальд быстро завершил благословления, взывая к Святой Троице, взмахнул кадилом — и дымок курений за клубился над мехами.

— Плодоносные лона... — не спеша, произнес в тишине Уот Судья, после того как все перекрестились. — Всегда думал, это звучит, как что-то, что подают к пиршеству.

— Ага, — согласился Эдрик. — С маслом.

— И подливкой, — с непристойным причмокиванием выкрикнул кто-то сзади. Мужчины рассмеялись, а женщины взвизгнули и прижали ладони к щекам. Несчастный отец Теобальд всем своим видом показывал, что хотел бы улетучиться вместе с дымом сквозь отверстие в крыше.

Алейда взглянула на жениха и подумала, что тоже охотно устремилась бы вслед за дымком — ее будто пламенем охватило от того, что она увидела. Задумчивое выражение, ранее пребывавшее на его лице, теперь исчезло. Его глаза сверкали так же, как и прошлой ночью: так смотрит хищник на свою жертву. Горящие. Властные. *Голодные.*

Не глядя на девушку, он передал меч и перевязь сэру Бранду и велел всем очистить комнату.

Раздались протестующие возгласы. Бранд прервал их взмахом ладони, однако Освальд шагнул вперед:

— Прошу прощения, милорд, но по обычаю нужно проследить, как невеста восходит на ложе.

— Это ваш обычай, а не мой. Прелести моей жены принадлежат только мне, — прервал его Иво. Волна облегчения захлестнула Алейду, когда мужчины заворчали, потеряв возможность вдоволь поглазеть. — Ее служанки могут пока остаться. Все прочие — вон.

— Вы слышали его лордство, — пророкотал Бранд. — Возвращайтесь пировать. Там достаточно доброго эля, чтобы скрасить ваше разочарование.

Гости быстро покинули комнату, пересмеиваясь и обмениваясь понимающими взглядами. Лишь отец Теобальд медлил, он снова помрачнел, как будто собирался приступить к проповеди, от которой вынужден был отказаться в часовне. Что-то о супружеском целомудрии, без всякого сомнения. Алейда ободряюще улыбнулась.

— Тебе тоже пора, священник. — Бранд положил ладонь тому на спину и не слишком вежливо подтолкнул к двери. — В твоих услугах сейчас больше нет нужды.

— А я вот не уверен в этом, *мессир*, — заявил Освальд из-за двери. Он говорил громко, так что его голос доносился до пирующих в зале. — Отец в этой области наверняка знаток, каких поискать. Держу пари, он мог бы поучить любого мужчину тому, как держать меч заточенным и проводить прямо борозду, даже если сам никогда не пахал.

Ответ Бранда затерялся в хохоте собравшихся внизу, когда он последовал за ними. После его ухода с Алейдой остались только хихикающие женщины, их делом было приготовить ее для брачного ложа. Девушка пыталась сохранять спокойствие, пока проворные пальцы снимали с нее плат [\[27\]](#), пояс и стягивали через голову платье. Кто-то расплел ей косы, пока Хадвиза и Беата, стоя на коленях, разували новобрачную и стягивали с нее чулки. В дальнем углу комнаты Иво быстро избавился от котта [\[28\]](#) и отшвырнул его в сторону, затем обернулся, чтобы увидеть, как служанки приподняли подол шенса Алейды.

Снова этот жар. Сейчас ее всю охватило пламенем, как будто она слишком близко подошла к кузнечному горну. Алейда держалась храбро, стараясь не отворачиваться и не прикрываться, пока ее раздевали.

— Отошли служанок, — сказал Иво, чей голос огрубел от желания. — Я хочу остаться с тобой наедине.

Женщины замерли. Алейда стояла целую вечность в поднятой на бедрах сорочке, прежде чем смогла промолвить:

— Оставьте нас. — Одергивая одежду, она почувствовала неловкость.

— Но, миледи... — заморгала как крот в полдень Хадвиза. — Мы же... Вы еще не...

— Тихо, девчонка, — сказала Беата. — Готова поспорить, что его лордство знает, как раздевать женщину. Ступайте. — Она выставила Хадвизу и других, наклонилась, чтобы поднять одну туфельку Алейды и положила ее в изголовье кровати — как напоминание о том, что ей следует покориться мужу. Затем нянька повернулась и крепко обняла свою госпожу.

— Ах, мой ягненочек. — Женщина приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать лоб Алейды. — Много лет я спала рядом с тобой, но теперь с радостью передаю тебя супругу. — Она пододвинулась еще ближе и шепнула: — Если боишься, здесь есть еще немного поссета.

— Мне не страшно, — твердо ответила Алейда.

— Вот и славно. Очень хорошо. — Вдруг лицо Беаты сморщилось. Она подхватила кончик головной повязки и промокнула слезы, покотившиеся по румяным щекам. — Ах, мой ягненочек, моя малышка стала женой. А ведь, кажется, только вчера твоя мать вручила мне тебя и...

— Ноги Господни! Женщина! *Вон!*

Рык, который издал Иво, напугал няньку так, что женщина забыла о слезах. Она развернулась и метнулась к выходу, остановившись лишь для того, чтобы ободряюще улыбнуться Алейде, выскользнула за дверь и накрепко ее захлопнула. Дверь была тяжелая — дубовая, окованная железом, и засов на ней мог бы удержать самого решительного захватчика. Алейде стоило немалого труда устоять на месте, когда Иво направился, чтобы опустить этот засов. Девушка подумала, что никто его не остановит, что бы он ни собирался с нею сотворить. Скорее падут сами стены, чем дрогнет эта дверь.

Когда мужчина обернулся, на его лице было странное выражение — все еще возбужденное, но несколько смягченное кривоватой улыбкой.

— Боюсь, у меня не хватает терпения на плачущих женщин.

— Я не побеспокою вас слезами, *монсеньор*.

— Этим вы нам очень угодите, *мадам*, — ответил Иво, подражая официальности ее тона. Он начал гасить одну за другой свечи на высоком железном подсвечнике у двери. — Правильно ли я расслышал вашу няньку? Вам двадцать?

— Почти двадцать один.

— Такая молодая, — задумчиво проговорил он, — и все-таки старовата для первого замужества.

— Очень старая, милорд. Просто древняя. Вам следует вернуть отца Теобальда и попросить его аннулировать брак, а не то свяжетесь навечно со старой каргой.

— Но зато такой хорошенькой каргой. — Посмеиваясь, мужчина тушил пальцами один огонек за другим. — Как случилось, что вы так поздно выходите замуж?

— А, по-моему, даже слишком рано.

Иво взглянул на свою молодую супругу, вопросительно изогнув бровь:

— Так что вы совсем не хотели выходить замуж?

— Я не хотела идти за вас, милорд, — резко ответила девушка. — Я по собственной воле была обручена с четырнадцати лет с человеком, которого выбрал дедушка. Это был отважный и *благородный* мужчина.

Укол не произвел никакого впечатления. Ее собеседник просто продолжил гасить свечи.

— И где сейчас этот образчик совершенств, что так и не женился на вас?

— Брак пришлось отложить из-за военных действий, а он был убит, до того как мы

смогли пожениться.

— Надеюсь, не за столом и не от дамского кинжала?

— В рукопашной схватке. Ему сломали шею. *Он* не насмеялся надо мной так, как вы, похоже, собираетесь.

— Ему, вероятно, не пришлось видеть вас одетой как монашка. — Он перешел к другому подсвечнику и продолжил. — Так это он научил вас целоваться?

— Нет. Хотя, думаю, ему это могло бы понравиться.

— Не сомневаюсь. Тогда кто?

Девушка вспомнила тот самый майский праздник [\[29\]](#) и проезжего рыцаря, который присоединился ненадолго к веселью, прежде чем снова продолжил свой путь.

— Никто, кого вы могли бы знать, да вряд ли вы когда-нибудь встречались.

— Какая жалость! — Еще один огонек погиб под его пальцами. — Я хотел поблагодарить его.

— Скорее уж, вы бы приказали сэру Бранду выпустить ему кишки.

Он остановился, и, хотя улыбка не сходила с его губ, голос стал жестче:

— Нет, я бы сделал это сам. Но только если его уроки заключались не только в поцелуях.

— Не бойтесь, Вильгельм вручил вам девственницу. — Холодно ответила девушка. — К тому же, если бы было что-то большее, еще раньше с ним расправился бы дедушка.

— Прекрасно. — Он продолжал свое занятие, обходя солар по кругу и гася свечи, пока все не погрузилось в полумрак. Когда он приблизился к последнему подсвечнику, то оказался рядом с Алейдой и вдруг остановился.

— Так это *ты*. — Его пальцы сжались вокруг плеч девушки, держа крепко, так что она не могла повернуться и посмотреть на него. Он глубоко вдохнул. — Этот запах щекотал мой нос весь вечер, но я думал, что это тростник на полу. Что это такое?

Что это с ней творится? Какое-то странное смятение. Подозрительно нахмутив брови, Алейда сначала понюхала воздух, а потом, догадавшись, что он имел в виду, — рукав своего шенса.

— Полынь, рута... и пижма, полагаю, — ответила девушка, пытаясь не показывать, как она взволнована давлением его рук. — От моли. Эти травы были на платье, которое я надевала.

— А-а. — Дыхание мужчины щекотало ее ушко. — А я уж подумал, что ты использовала какое-нибудь странное вещество, чтобы отвратить меня от себя.

— Я не подумала об этом... А что, получилось?

— Нет. — Наклоняясь к изгибу ее шеи, он еще раз глубоко вдохнул. — Я же не моль.

Выдохнутые им слова согрели ее кожу. Девушка наклонила голову, пытаясь избежать его жара, но только лишь больше обнажила шею, которой немедленно коснулся легкий поцелуй. Это прикосновение было подобно встрече огнива и кремня, и искры рассыпались по ее коже, распространяясь до тех пор, пока она, пытаясь прекратить это, не спрятала пальцы ног в меховую полость. Он еще раз поцеловал то же местечко, затем выпустил ее и отступил, оставляя вместо себя лишь холодный воздух. Мгновение спустя кровать скрипнула, когда он присел и начал разуваться.

Первый сапог шлепнулся на пол.

— Если Джеффри выполнил свою работу, то здесь на подносе найдется для тебя маленький подарок.

Еще более волнующе. Он и впрямь играл с ней в какую-то игру, пытаясь усыпить ее бдительность этими уловками, хотя она не могла понять, с какой целью. Осторожно, но с любопытством она пробралась к столу. Там, между масляной лампой и кубками с элем и посетом, лежал толстый кожаный мешочек. Когда девушка приподняла его, зазвенели монеты.

— Серебро? — Она уронила кошелек, и он упал на стол с глухим стуком, отражая ее отвращение. — Я не шлюха, милорд, чтобы вы платили за место в моей постели.

— Я никогда не покупаю то, что уже принадлежит мне. — Второй сапог ударился о стену, когда мужчина раздраженно отшвырнул его. — Во имя всех святых, женщина, неужели необходимо все время сражаться? Я же сказал, это — подарок. Десять шиллингов вместо той милостыни, что ты подала сегодня.

— О... — Девушка помедлила немного, выдохнув. — Я не думала, что вы... Ну, конечно. Сэр Ари сказал вам.

— Вот именно.

— Он был очень добр. — А также был прав относительно того, что его господин не возьмет ее кошелек, и Алейда гадала, в чем еще окажется прав сенешаль. А более того, в чем еще ошибалась она сама. Она составила об этом человеке преждевременное суждение, и всякий раз ее предположения опровергались. Чувствуя себя абсолютной дурой, девушка обхватила себя руками и долго смотрела на свои босые ноги, прежде чем неохотно добавить:

— Вы... тоже... очень добры.

Иво фыркнул:

— Это было очень трудно признать, не так ли?

— Пожалуй. — Ее рот печально скривился. — *Добрый* — не то слово, которое приходило мне в голову с тех пор, как вы постучались в мои ворота.

— *Мои* ворота. — Поправил девушку Иво. — Это странно, что мужчина может быть добр к своей жене?

— Нет, милорд. Но многие мужчины вовсе не добры, особенно к женам, которые их не желают. — Алейда сама почувствовала себя мелочной, но продолжила. — А ведь я не хотела этого брака.

— И ясно дала это понять. Тысячи раз. — Мужчина поднялся, и скрип кровати заставил девушку взглянуть вверх. Ее супруг уже избавился от чулок, теперь в сторону полетел его шенс так, что на нем остались только брэ [\[30\]](#). Он решительно расправился, как воин перед началом сражения. — Но все-таки теперь ты замужем. Так что придется решать, что ты будешь с этим делать. Что тебе делать со мной.

— Я не буду с вами бороться, милорд, если вы это имеете в виду.

— Мудро. Но я хочу от тебя большего, чем просто отсутствие сопротивления. — Девушка смотрела, не отрываясь, как Иво отбросил меха и приоткрыл чистые простыни. — Гораздо большего.

Рот девушки пересох, как старый пергамент. На ощупь она схватила первый попавшийся под руку кубок. И сделала несколько глубоких глотков, прежде чем почувствовала вкус напитка Беаты.

Иво подступил к последнему подсвечнику и медленно погасил оставшиеся свечи, оставляя девушку стоять в маленьком островке света, отбрасываемого очагом и лампой. За границами этого светлого пятна ее господин и супруг был призрачной фигурой во мраке. Его глаза сверкнули, как осколки стекла, когда он направился к девушке.

Алейда ненадолго отвела взгляд, а когда опять посмотрела — мужчина был в одном шаге от нее и перед ее взором оказалась стена его груди — сплошные мускулы и бледно-золотая кожа.

— Ты дрожишь, — сказал он, высвобождая кубок с посетом из ее рук и ставя его обратно на стол.

— Я просто замерзла.

— Ты согреешься в моих объятиях. — Иво шагнул ближе, и когда его руки обхватили талию девушки, волна жара, исходящая от сильного тела, подтвердила правоту его слов. — Господь праведный, Алейда, я бы предпочел провести эту ночь, доставляя тебе удовольствие, а не пререкаясь. Скажи, что меня ждет. Ты станешь моей?

Он говорил то же, что и ранее в зале, но сейчас это прозвучало скорее как приглашение, а не как вызов. Напряжение, камнем сдавившее ее живот, внезапно смягчилось и перешло в туманную дымку, окутавшую ее.

— Вы потребовали от меня клятвы, милорд, и я поклялась. Этот обет я буду чтить. — Голос девушки охрип, когда его большие пальцы лениво очерчивали круги чуть ниже ее ребер, но, увидев торжество, загоровшееся в глазах мужа, Алейда вернулась, насколько могла, к боевым действиям. — Хотя не понимаю, какое удовольствие найду в этом я?

— Правда? — шепнул мужчина, наклоняя голову. — Тогда я должен помочь тебе в поисках.

Его рот накрыл ее, сначала нежно, затем более решительно, пока губы девушки не приоткрылись для исследующего языка. *Я смогу.* Говорила она про себя. У нее получится позволить ему взять то, что он хочет, и остаться спокойной.

— Нет. — Иво прекратил поцелуй и обхватил ладонью подбородок девушки. — Тем поцелуем ты показала себя, Алейда. Я точно знаю, что ты можешь целоваться лучше. Я знаю, что ты *хочешь* большего. Он слегка наклонил ее голову, чтобы девушке было удобнее, затем приблизил свои губы и остановился на волоске от ее уст. — Теперь жена, поцелуй меня. Как следует.

Алейде не оставалось ничего другого, как выполнить приказание и поцеловать мужа тем способом, который она так по-дурацки испробовала в зале. Однако на этот раз он ответил иначе. Его язык сплетался с ее, и, к немалому удивлению, девушки, Иво был хорош на вкус, как пряности Беаты, даже лучше. И такой ошеломляюще мужественный.

Как только она раньше этого не заметила?

Вопреки намерениям новобрачной, ее кровь начала закипать, и, пока девушка пыталась вновь взять себя в руки, ее муж изменил свою наступательную тактику, покинув ее губы, чтобы оставить дорожку поцелуев вниз к шее и затем подняться к ее ушку, где он продолжил вытворять своими зубами и языком все эти штучки, от которых у Алейды дрожь шла по спине. Волны трепета, все продолжали захлестывать ее, когда мужчина, наконец, вернулся к ее устам. И то, что он потом делал с ней, было даже еще хуже.

Или лучше. Алейда внезапно потеряла уверенность. Она пыталась освободиться, но так и не смогла определить, где кончались ее губы и начинались его.

Наверное, все дело в посете, думала девушка. Это все приправы Беаты. Вот почему тело так вероломно поступило с ней, почему оно стало таким горячим и размякшим, когда она того не желала.

А может, причина в поцелуях. Ей нравилось целоваться, насколько она знала, а этот мужчина был настоящим мастером — покусывая и посасывая ее нижнюю губку, он затем

исцелял причиненную боль множеством поцелуев. Ее майский рыцарь такого не вытворял, и не заставлял ее колени слабеть. Если бы ее муж и дальше просто целовался...

Но конечно, он на этом не остановился. Он начал исследовать ее тело, руки его касались девушки уверенно, но в то же время нежно, чего она не ожидала. Постепенно Алейда поняла, что сказала Беате правду. Она и впрямь не боялась своего супруга. Нервничала из-за того, что должно произойти между ними в постели, но самого мужчину не боялась. Так что когда он немного отступил, и начал освобождать девушку от шенса, говоря: «Пора избавиться от этого», она покраснела, но кивнула:

— Да, милорд.

— Иво, — напомнил он. Осторожно мужчина продолжал приоткрывать тело Алейды. Обнажился соблазнительный уголок шеи и плеч, но не более. Он поцеловал каждое плечо.

— Тебе все же придется произнести мое имя не только в брачных обетах. Я услышу, как оно слетит с твоих губ.

— Ворот слишком узкий, *милорд*, — мягко прервала она, дерзя даже тогда, когда советовала мужу, как раздеть ее. — Так ничего не получится.

— Неужели? — Он проник пальцами под шенс и погладил грудь девушки, с улыбкой наблюдая, как затрепетали ее ресницы, затем зажал ткань в обеих руках и рванул, разрывая рубашку до пупка. — Думаю, все будет как надо.

Она еще больше покраснела, но сохраняла спокойствие.

— Возможно, вы правы, милорд.

— Иво. — Он опустил руку в этот разрыв и погладил девушку по животу. В ней просыпалось понимание, по мере того как он скользил ладонью ниже. Она напрягалась, ожидая прикосновения *там*, но мужчина изменил направление, медленно прослеживая линию ее живота кончиками пальцев, словно огнем обжигая ее грудь и нежную кожу горла. Бережно он спустил шенс с плеч Алейды. Ткань скользнула к ее бедрам и едва держалась на них. Оставляя это без внимания, Иво любовался своей женой, а потом медленно поднял руки, чтобы обхватить ее груди. Дыхание Алейды замерло, когда большие пальцы ее мужа массировали круговыми движениями ее соски и глаза его потемнели от вожделения.

Он наклонился попробовать ее на вкус, и в этот момент она обнаружила, что целоваться — не всегда означает губы к губам, это нечто большее, что язык мог вытворять с ее телом такое, чего она никогда и представить не могла в своих самых греховных мечтаниях. То, как он сосал ее грудь, соединяясь со специями в поссете — все это заставляло голову девушки кружиться от желания. Такого неодолимого. С резким, почти неохотным вздохом она погрузила пальцы в его волосы.

Она моя. Иво провозгласил бы победный клич, да только его рот был полон летней сладкой плоти и у него не было никакого желания отвлекаться от нее. Он снова погладил ее языком и обратился к другой груди, лаская обе, пока дыхание Алейды не стало хриплым и прерывистым.

Во имя Фрейи [\[31\]](#), но сдерживаться становилось все труднее, ведь его тело изнывало от желания погрузиться в нее. Такого голода он не ожидал — острого, как край его меча, и с каждым дыханием желание затачивало его все сильнее. Утолить эту жажду было достаточно легко: швырнуть девушку на кровать и просто взять ее, но Иво хотел большего, чем просто удовлетворение плотской потребности. Воспоминания о женщинах прошлых лет, таких как Ингигерд, которые спали с ним не за деньги или по обязанности, а ради наслаждения, заводили даже больше, чем пари с Брандом.

— Давай ложиться, Алейда, — шепнул он. Девушка кивнула, тогда он поднял ее на руки и пронес несколько шагов до кровати. Становясь на колени над ней, Иво любовался женщиной, которая скоро будет полностью принадлежать ему, ее губами и грудью, пылающими и набухшими от прикосновений его рта, и ее светлой кожей, чей румянец показывал, что женщина готова его принять. Он потянулся к завязкам брэ, но передумал. Если бы он разделся теперь, то сразу бы соединился с ней, несмотря на ее девственность.

— Я не сделаю тебе больно, — поклялся мужчина и девушке и самому себе, выпрямляясь и освобождая ее бедра от порванной ткани.

Её ноги немного раздвинулись, пока он высвобождал белье так, что увидел затемнённые ворота в её женственность. Их окружали рыжеватые кудряшки, того же насыщенного медного цвета, что и её волосы, молящие о его прикосновении, и только сила воли удерживала его от того, чтобы напасть на неё, как захватчик, каким он когда-то был. Как орёл, которым он был сейчас.

Чтобы заставить себя действовать неторопливо, он начал с её губ и целовал Алейду сверху вниз, отчего она ещё раз резко выдохнула, когда воин снова коснулся губами её груди. Она потянулась к нему, и он позволил ей притянуть себя вниз, по пути передвинувшись так, чтобы лечь рядом с ней, а не на неё, так чтобы сохранить рассудок и свободный доступ к её телу. Его руки ласкали её кожу, пока он снова посасывал её, отчего она впивалась пальцами в его спину и волосы. Мужчина передвинулся и поцелуями достиг её живота.

— Милорд, — задыхаясь, выговорила она, потянув его за волосы и стараясь вернуть его назад к своей груди.

— Иво, — выдохнул он в мягкий холмик её живота. Он погрузил язык в её пупок в форме миндаля, и почувствовал, как она вздрогнула. — Назови меня по имени.

Он повернул голову, чтобы наблюдать за её лицом, пока скользил рукой вниз, и наполнил её всей этой медью. Она застыла. Её глаза сильно расширились, а рот открылся в форме круглого «О». Она сжала ноги вместе.

Как будто это могло его остановить.

Улыбнувшись её невинности, он согнул пальцы и нашел ту нежную почку, которая, как он знал, являлась источником наслаждения у женщин, завладел ею, и начал играть с ней, как прежде с её грудями. Он набухла под его прикосновением, а затем её ноги задрожали, постепенно расходясь. Её запах поднялся по спирали и овладел им. Мускусный. Женственный.

Со стоном капитуляции, он силой раздвинул её ноги, и накрыл своим ртом. Она выгнулась и выкрикнула в шоке, отталкивая его голову.

— Что вы делаете?

Усмехнувшись, он поймал её за бедра, держа их расставленными, когда она попыталась убежать.

— Это — самая сладкая часть любовной игры, Алейда. Сладостная часть погони за удовольствием. Позволь мне показать тебе, — своим дыханием он согрел место, которое целовал. — Отдайся этому. Ты увидишь.

Он снова опустил свой рот на неё. Сначала она застыла, но вскоре расслабилась и медленно открылась ему, а он поудобнее устроился, наслаждаясь тем, что помогал ей в погоне за удовольствием. Она начала возбуждаться, дёргаться и изгибаться под движениями его языка и нежным исследованием его пальцев. Иво снова посмотрел ей в лицо, чтобы понять удовольствие или нежелание заставило её задвигаться. Она плотно закрыла глаза, как

частенько делали женщины в страсти, и закусила губу. Это определённо было удовольствие, и если у него и были какие-то сомнения, они сгорели, когда она внезапно поднялась чтобы принять его пальцы в себя. Её влага потекла на его ладонь, тёплая, как летний мед.

Ради богов, при её мнимом нежелании, она была настолько влажна и горяча, как никакая другая познанная им женщина. И да, она была девственницей. С улыбкой, он закружил языком в её складках, чтобы попробовать её ещё глубже.

И вот тогда он услышал это, отдалённый вскрик, который исчез так же быстро, как и появился. Он застыл, не уверенный в том, было ли это на самом деле, и исходил ли он от неё. Вкусив, он провёл языком по той же точке. Снова раздался этот звук, неясно и тихо, но он был настоящим. С растущим возбуждением, он провёл губами по этому месту и втянул его в рот.

А потом произошло что-то изумительное.

Она застонала.

Звук исходил из горла, исторгаясь с её губ, чуть ли не резкий от потребности, и желание сделать её по-настоящему своей билось в его венах, как сама жизнь, разрушая то немногое, что оставалось от его терпения. Он желал тот жар, который содержался в ней. Он нуждался в нём. Внезапно стало невозможно ждать. Дышать. Думать.

Одним движением, Иво снял свои брэ и оказался на ней, прижимая её вниз, устраиваясь на ней, почти скользнув в неё.

Она застыла, потом начала извиваться, пытаясь уйти от него.

— Не двигайся, Алейда. Я не могу... — он скользнул немного глубже. Иво понимал, что причинил ей боль, но когда она так двигалась, он не мог взять себя в руки. Он попытался отпрянуть.

— Нет, — её ногти впились в его плечи, и она снова дёрнулась.

— Чччч, сладкий листочек, — успокаивал он её. Воин старался двигаться медленно, сделать всё так, как планировал, но она была настолько тёплой, настолько живой, настолько молодой и сладкой. Она двигалась под ним, как пламя, хватаясь и извиваясь, втягивая его глубже даже когда пыталась сбросить его. Он развёл и прижал к кровати её руки, целуя её, готовый снова потребовать, чтобы она лежала неподвижно, чтобы он смог сделать всё, как надо, но девушка снова выгнулась и слишком быстро, в мгновение ока, он погрузился в неё. Она выкрикнула, но всё не могла перестать двигаться, и желание охватило его — воин ничего не мог поделать.

Он внезапно и сильно кончил, входя в неё, беря её, овладевая ею.

Его. Его женой.

Столько, сколько боги позволят ему владеть ею.

Его.

КОЛЕНИ СВЯТОГО ПИТЕРА, что только что произошло?

Алейда смотрела на занавески, слезинки увлажнили уголки её глаз. Ради всех высокопарных слов, она была не в состоянии остановить эти две слезинки.

Так же, как она не могла заставить себя не двигаться, показывая ему, что она всё-таки была шлюхой, ничем. Она не нашла того, что он отправил её искать. Это было здесь, почти, а потом ушло, когда он кончил в неё, растворилось в растягивающей полноте, затем последовал её разочарованный крик.

И теперь ей нужно было лежать под ним, когда его страсть отступила, а его дыхание замедлилось. Он вскоре скатится с неё и заснет, если то немногое, что она слышала про

подобное, было истинным, и она сможет отойти от него и найти какой-то способ вернуться обратно. Она закрыла глаза и ждала.

Он пошевелился на ней, и она почувствовала стремительный поток тепла там, где их тела были соединены. — Алейда?

Не желая, она снова открыла глаза, на сей раз увидела, как он смотрел на неё. Тёмное мерцание лампы заставило его лицо танцевать в тенях. Он коснулся пальцем уголка глаза и поднял его так, что капля заблестела. — Слезы?

— У вас есть мои извинения, монсиньор.

— Мы вернулись уже обратно? — спросил он со вздохом. — Это мне следует извиниться. Я сказал, что я не причиню тебе боли, а причинил.

Она ничего не ответила.

— Прошло много времени с тех пор, как у меня была женщина. Всё шло слишком быстро. И ты, мой сладкий листик, — он поцеловал кончик её носа, потом рот. — Ты мне не облегчила дело.

Она нахмурилась. — Что вы имеете в виду?

— Иногда мужчине нужно, чтобы женщина лежала неподвижно, пока он... соберётся. А ты этого не сделала.

— Я не могла, — призналась она, внезапно желая, чтобы он понял.

— Потому что я причинил тебе боль, — сказал он.

— Нет, милорд.

Он поднялся на локтях и посмотрел на неё. — Но ты вскрикнула.

— Не от боли.

Он подумал об этом. — Тогда почему?

— Это было... я была... Разве нет слов, чтобы такое назвать?

Улыбка появилась на его лице. — Много, и я научу тебя всем. Но пока используй те, что знаешь.

Потребность объяснить внезапно отошла. Она хотела забраться под одеяла и забыть всю эту тему, но он нависал тут, над ней, в ней, ожидая.

— Это было хорошо по ощущениям, — наконец сумела сказать она, и как только начала, поняла, что сможет закончить.

— Но затем вы, — она поискала слово, — забрались на меня, и хорошее чувство ушло, и вот почему я вскрикнула, но не потому, что вы причинили мне боль, и мне казалось, что я могу вернуться к этому, но...

— Я кончил слишком быстро.

— Кончил? Этим словом называют то, как вы пролили свое семя?

Он улыбнулся ей. — Да. И этого ты также искала.

— Женщины проливают семя? — она подняла бровь при этом.

— Нет, но они кончают, когда их мужчина всё делает правильно. Ты увидишь, обещаю, в следующий раз я сделаю всё, как надо.

— А я постараюсь не двигаться, — пообещала она, испытав лёгкое разочарование.

Усмехнувшись, он покачал головой. — Этого я также не хочу.

— Но вы сказали, что то, что я двигалась, слишком ускорило всё.

— Только в то мгновение. Если бы ты дала мне немного успокоиться, ты могла бы двигаться столько, сколько хотела. Вообще-то твои движения также приносят удовольствия мне.

— Разве? — на неё нахлынуло сильное чувство облегчения, за которым последовало любопытство, которое заставило её снова заговорить. — А сейчас вы спокойны?

Он странно хмыкнул, а на неё нахлынула волна. — Не так уж спокоен, как думал, что буду, — загадочно ответил он. Снова пошевелившись, он решительнее устроился между её ногами, потом нежно поцеловал её, почти целомудренно, по её мнению, за исключением того, что их тела соединены вместе.

Встретившись с ней взглядом, он начал медленно качаться из стороны в сторону. Сначала она была неуверенна в том, что делает, но спустя некоторое время, она начала возвращаться туда, где была раньше. Она чувствовала себя также полнее, — он снова затвердел, так и не покинув её. Она не знала, что такое возможно, но ощущение было замечательным. Его поцелуи углубились, перешли с её рта к горлу, к уху и обратно. Она начала двигаться. Ей нужно было двигаться.

— Расскажи мне, чего ты хочешь, — приказал он хриплым голосом. — Скажи мне, Алейда. Словами.

— Я хочу... — она выдохнула, когда он прижался к ней. — Я хочу кончить.

Со стоном, он обхватил её руками и упал, быстро перекатился так, что она оказалась сверху, всё ещё соединённая с ним.

— Двигайся, — поощрял он. — Найди то, что доставляет тебе удовольствие.

Он показал ей как, широкими ладонями обхватив её попку, чтобы направить её над собой, потом немного передвинув её, чтобы ощущение стало ещё лучше. Понимая теперь, она задвигалась сама, пробуя по-разному, различными ритмами, медленно учась как использовать его тело, чтобы найти удовольствие в своем. Его руки бродили по её коже, помогая ей, касаясь её, поддерживая тот медленный огонь, который поднялся в ней. Она закрыла глаза и переместила бедра, в поисках идеального движения. Весь её мир уменьшился до кровати, потом к ним обоим, потом вниз в то горящее место, где её тело соединилось с ним. Она трепетала на грани того, чего она хотела, тлея, всё ещё не зная, что это такое.

— Ты тут, сладкий листик. Кончи. — Его большие пальцы коснулись её сосков, и настоящий живой жар взорвался в ней. Она сплелась с ним, дёргаясь и выгибаясь, как пламя, которое охватило её. — Кончи для меня, — снова приказал он, глядя, как она горит под его пронизательным взглядом. Последний огонь наслаждения заставил её вскрикнуть, и она пала ему на грудь, всхлипывающая и безвольная, дрожащая, а он шептал ей кончить, кончить, отдаться этому, назвать его.

Он прижал её ближе, и стал двигаться, сначала нежно, позволяя ей кончить. Потом сильнее, настойчивее в поисках собственного удовольствия. Медленно, её мир стал больше, чтобы включить его. Она нашла один с ним ритм, когда ответила на его настойчивость теми словами, которые он использовал с ней, он внезапно поднялся, резко притянул её вниз, и с криком излился в неё.

Позже, когда всё было давно закончено, она лежала рядом с ним, прячась, закрыв веки. Она не могла понять, где родился распутный жар, пришел ли он от пряностей Беаты или был в ней всё время, ожидая, пока он найдет его. Она только знала, что он взял её, поглотил её, и оставил такой хрупкой, как листик, сожжённый дотла. Если он дотронется до неё, она была уверена в том, что распадётся на тысячу кусочков.

— Алейда? — прошептал он ей в волосы.

— Что, милорд?

— А, — он толкнул её на спину, и перекатился на неё, так что они оказались нос к носу.

— Посмотри на меня.

С горящим лицом, она открыла глаза.

— Иво. Скажи это.

Она вцепилась в тот маленький кусочек себя, который сберегла от него. — *Это*.

Он прищурил глаза. — Ты упряма.

— Я часто это слышала, милорд.

Он долго смотрел на неё, потом медленно, нарочно скользнул по её телу, так что его рот оказался над её грудью. — Мы этим займёмся.

Она всё-таки не рассыпалась. До тех пор, пока он не захочет этого.

Крыша над головой. Настоящая кровать. Ровное дыхание собственной женщины в ночи.

Вот такие простые удовольствия, думал Иво, устроившись рядом с Алейдой за час до рассвета. Удовольствия доступные даже простому крестьянину. Удовольствия украденные Квен много лет назад.

Он уже не мог припомнить когда вот так просто лежал и обнимал спящую женщину. Алейда была для него бесценным даром, уснувшим в его руках в возможно самой наисладчайшей из всех капитуляций. Золотая брошь, купленная Ари в качестве утреннего подарка когда они проезжали через Дарэм, сейчас казалась простой жестяной безделушкой, ничуть не дороже той, что этим вечером дала ему жена. Алейда сонно заворочалась, крепче прижимаясь к нему, так, что её спина прижалась к его груди, отдавая ему своё тепло и нежность. Иво прикрыл глаза, наслаждаясь простыми человеческими радостями.

Он лежал там, пытаясь убедить себя подняться, когда услышал царапанье когтей о карниз. Мгновение спустя резкое воронье карр раздалось из дымохода и Иво понял, что он непозволительно долго позволяет себе нежиться с женой в кровати. Он медленно вынул руку из-под головы Алейды и скатился с кровати. Она что-то пробормотала во сне и перекатилась на живот, от чего мех сполз с ног, приоткрыв её бедра.

Иво закрыл глаза, пытаясь избавиться от этого видения. Ещё будет время полюбоваться ими, когда он вернется вечером из леса. Достаточно времени чтобы доставить ей удовольствие и научить её доставлять его ему. Каждую ночь, по крайней мере в течении какого-то срока, времени, отведённого ему на то чтобы быть лордом Олнвика и лордом своей леди, но лишь в том случае если сейчас он заставит себя уйти, оставить её.

Он быстро оделся и как раз натягивал сапоги, когда снова послышался громкий крик ворона, на этот раз громче предыдущего. Иво свистнул в ответ как раз в тот момент когда раздался зов кукушки — сигнал, который они использовали в дни набегов. Ещё больше настораживало и отсутствие звука хлопающих крыльев. Он быстро натянул сапоги, затем присел на кровать, чтобы на прощание поцеловать Алейду. От неё исходил нежный запах полевых цветов и страсти, которая соединила их ранее, и он полной грудью вдохнул этот аромат, так чтобы запомнить его надолго.

— Я бы остался с тобой если бы мог, сладкий листочек. Мечтай обо мне.

Она вздохнула и снова зарылась в меха. Глубоко вздохнув, Иво поднялся с кровати, закрыл полог, чтобы она могла спать в безопасности и покое — это всё, что он мог для неё сделать. Он взял меч из угла, где его оставил Бранд, затем взяв немного эля и хлеба, покинул спящую жену.

Холл был тёмным, большинство свечей и факелов уже потухли. Двое мужчин всё ещё пытались опустошить свои кружки, хотя с трудом сохраняли вертикальное положение. Остальные валялись бесчувственными трупами, кто на столах, кто на полу. В зале разлило элем и потом, повсюду разносился храп и посапывания. Женщины скорее всего легли спать в кладовых, поскольку Иво, проходя мимо валяющихся людей и уходя в ночь, не заметил их в зале.

Бранд стоял во дворе с лошадьми. Дыхание их, вырываясь из ноздрей, превращалось в пар.

— Ты опоздал.

— Я был занят.

Бранд кинул Иво тунику, пока ворон спускался с неба и садился ему на плечо.

— Я так и подумал. Потому и послал его за тобой.

— Хорошая идея. Он мог бы будить меня каждое утро. — Зажав хлеб в зубах, Иво одел куртку и быстро вскочил на Факса. — Поехали. Нам пора уезжать. Ворота!

— Милорд? — охранник вышел из тени, ещё один человек шёл за ним следом. — Мы не ожидали так рано вас увидеть.

В его словах явно звучал вопрос, который будет ещё не единожды сегодня задан, вопрос, отчего же он так скоро покинул свою жену, и Иво понимал это весьма ясно. Слава богам у них было явное доказательство тому, что их брак свершился, и девственность Алейды была утрачена, ибо Иво не хотел сомнений ни в его мужественности, ни в её добродетели. Но всё же вопросов будет много. И высказывание этого чурбана было тому доказательством.

— За эти годы я слишком привык уезжать в это время, чтобы менять свои привычки ради женщин, — сказал Иво, хотя и хотел совершенно другого. Он наклонился к Факсу. — И менее всего ради жены.

Мужчины обменялись усмешками, чётко зная место жены. Он был уверен, что его слова будут передаваться и дальше, и удовлетворят хотя бы часть любопытства, Иво еще раз повторил приказ открыть ворота. Минутой позже он и Бранд поскакали к тому месту, которое он вчера выбрал, когда как орел кружил над землями замка.

Они уже приблизились к краю владений, когда Бранд потерял терпение.

— Чёрт всё дери, человек. Ты это сделал или нет?

— Я делал или не делал что? — спросил Иво обернувшись чрез плечо и наслаждаясь ситуацией больше чем следовало бы.

— Заставил её стонать. Или смеяться. — Он остановил Кранена. — Ну, или ещё хоть что-нибудь.

Усмехнувшись, Иво повернул Факса и обратился лицом к Бранду. Он протянул ему свою руку. — Мне следовало заключить пари. Я бы и её получил, и какую-нибудь награду от тебя.

— Проклятье, — повторился Бранд. Смеясь, он подтолкнул коня поближе к другу, снял с руки кольцо и отдал его Иво. — Похоже, ты и вправду нравишься женщинам.

— Думаю, — сказал Иво, одевая кольцо на свою руку, — что если я ей так буду нравиться, то это может убить меня.

В ответ Бранд тихо проворчал:

— Если нас можно было бы так просто убить, то я бы сегодня же нашёл себе жену и так закончил бы свою жизнь.

Сидящий на его плече ворон, выражал своё полное согласие с этим.

— БЕСПОЛЕЗНО ПРИТВОРЯТЬСЯ, миледи. Я знаю, что вы проснулись.

Алейда лежала за занавешенным пологом, пытаясь смириться с клубком чувств, обуревающих её, негой в теле и разочарованием оттого, что она проснулась одна. Пока она так лежала, притворяясь спящей, она слушала, как по комнате ходила, причитая, Беата и остальные женщины. Она слышала как кладут дрова в камин, звук льющейся воды из кувшина, звук открывающейся и закрывающейся двери, все те звуки, что наполняли каждое её утро, всё было как и прежде, всё было таким привычным, будто это утро не отличалось ото всех остальных. Но всё же этим утром всё было иначе, она услышала перешёптывания слуг, при виде её порванной рубашки на полу и обсуждения того, что с утра пораньше лорд Иво куда-то ускакал.

Вот так она поняла, что он не просто покинул её комнату, не просто ушёл вниз в зал выполнять свои обязанности, в эту секунду гнев начал подниматься в ней, гнев который только возрос ещё больше, когда она услышала жалость и сочувствие в голосах слуг.

Она поняла, что эта жалость направлена на неё саму, и это причиняло куда больше боли, чем лёгкое жжение между её ног, но она не желала видеть жалости на их лицах. Так что она продолжала притворяться спящей, скрывая свою растущую ярость в тени кровати, так чтобы все слуги решили, что она спит, и покинули её покои.

Что все они и сделали, но не Беата.

— Ну же, миледи, сегодня прекрасный день, и вам давно пора встать и увидеть это.

Алейда приоткрыла один глаз и увидела круглое и морщинистое лицо своей няни, заглядывающее через занавески.

— Все в замке знают, что он уехал. Но всё же все хотели бы знать, выполнил ли он свой супружеский долг перед отъездом. — Без предупреждения она отдернула одеяла. И её взгляд скользнул по простыням и обнажённому телу Алейды. — Да. Я всем скажу что он его выполнил, и выполнил хорошо, судя по всему.

Алейда выхватила покрывало, чтобы прикрыться и села.

— Прочь, ты — старая дура, прежде чем я отошлю тебя. Теперь я замужем и мне не нужна нянька.

— Шшш, — Беата покачала головой, так как они обе знали, что это пустая угроза. Она была Алейде практически матерью на протяжении многих лет, чтобы её можно было так просто и быстро выгнать. — Возможно, это к лучшему, что лорд Иво уехал, он не увидит какая вы злющая, когда просыпаетесь. Одевайтесь, миледи. Остальным необходимо увидеть, что ваш брак настоящий.

— Ты не позволишь мужчинам войти в эту комнату, — категорично заявила Алейда.

— Вам нужны свидетели, миледи. Сэр Ари ждет на ступеньках с Джеффри, Освальдом и Уаттом.

— Нет!

— Тогда я вывешу простыни из окна, как это делали в старые времена, чтобы вся деревня видела, вашу девственную кровь. Вам нужны свидетели. — Упрямо твердила Беата.

— Ради святых Петра и Павла. Я знаю что я совершенно и абсолютно замужем. Отчего им всем не хватит этих свидетельств?

— Оттого, что вы леди, а он лорд, и не должно быть никаких сомнений, никаких возможностей для него оспорить брак. — Беата открыла сундук и достала новую рубашку и отороченное мехом платье. — Давайте же, ягнёночек. Вы знаете, что они должны это увидеть, даже если все они и на вашей стороне.

— Но не он, — горечь прозвучала в её голосе. — Что же он за человек, если смог покинуть свою жену в первое утро после свадьбы?

— Такой человек, как лорд Иво, — просто ответила Беата. — Меня удивляет, что это раздражает вас, хотя вы ещё вчера твердили, что не желаете его вовсе.

Алейда вздрогнула, поскольку Беата повторила ей её же собственные слова. Было ли это причиной того, что он покинул её, лишь для того чтобы она встретила всё это в одиночку?

— Хочет он того или нет, но теперь он мой муж. Его отсутствие позорит меня.

— Лишь в том случае если вы позволите это. Держите ваш подбородок повыше, миледи. Держите ваш характер при себе и покажите всем, что вам безразличен его отъезд, для вас лишь важно, что он вернётся в вашу постель вечером. И он вернётся, попомните моё слово.

Он полон энергии, и ясно как божий день, что ему понравилась эта ночь с вами. — Она встряхнула рубашку и протянула её Алейде. — Теперь оденьте это, вы же не хотите, чтобы мужчин увидели вас такой. Я причешу вас, затем мы оденем вас и помоем.

— Вот ещё, — сказала Алейда, но всё же позволила Беате одеть себя. Мужчины были столь же смущены как и она, когда пару мгновений спустя вошли в комнату. Но никто так и не решился встретиться с ней глазами, кроме юного сенешаля её мужа, когда Беата показала им простынь со следами крови.

— Прошу прощения миледи. Мы увидели всё, что было необходимо. — Сэр Ари приказал остальным выйти, сам он задержался в дверях. — Миледи, я...

— Замечательно! — раздался голос Уатта с лестницы, прерывая слова Ари, — Невеста была честна и всё же он оставил её на рассвете. Мужик должен иметь твёрдый характер и железное сердце, чтобы так поступить.

Ари со злобой хлопнул дверью. — Чёртов засранец! Я заткну ему глотку.

— Держите себя в руках, — твёрдо сказала Алейда. — Пусть говорит.

— Но он...

Она пресекла его протест, подняв руку.

— Если бы этим утром я была ворчливой и недовольной, как говорила моя нянюшка, то я отдала бы его вам. Но я не такая, и это моё послесвадебное утро. Я могу позволить себе быть щедрой. — Кроме того, все были недовольны её мужем, а не ей. — Он лишь озвучил то, что думаете вы все. О, видишь, он покраснел Беата, так что я права.

— Да. Похоже, что так. — Смеясь сказала Беата, глядя как исчезает улыбка сенешаля.

— Возможно, — сказал он. — Но всё же, примите мои извинения. После вчерашнего дня, мне следовало бы выбрать более разумного человека, чтобы привести сюда.

— У Уатта появляется здравый смысл, когда это необходимо, — сказала Алейда, подходя поближе к огню чтобы согреться. Она не позволит отвлекать себя от своих дел этой маленькой деталью, тем более что этот юный рыцарь не был в ответе за поступки своего лорда. — И урожай и молотьба прошли отлично в этом году, без больших потерь. Многие кобылы готовы ожеребиться, произведено достаточно верёвок для наших нужд, чтобы продать и получить прибыль. Даже стены и рвы находятся в хорошем состоянии, так как Уатт хороший надсмотрщик. Сельские жители хорошо работают на него. И он знает, как лучше всего тут всё организовать. Этим он заслужил от меня чуть больше терпения, вам тоже следует так поступать, если вы намереваетесь развивать замок и его земли.

— Но всё же, я попрошу его следить за своим языком. Свадебная лихорадка улеглась. И он должен проявлять уважение, — сэр Ари подошёл к окну и посмотрел на луг перед замком, который простирался за рвом. Он долго изучал этот вид, после чего повернулся к ней. — Вы отлично поработали тут, миледи.

— Я должна была управлять Олнвиком в отсутствии моего деда, хотя тогда я думала, что берегу его для него, а не для моего мужа. — Для грязной собаки, а не мужа.

— Я с радостью буду пользоваться вашими советами, — сказал Ари. — Прошло слишком много времени с тех пор как я управлял землями и людьми.

— Я с радостью помогу вам советом, хотя и ранее вы так поспешно нас оставили.

— Примите мои извинения, миледи, но срочные дела потребовали моего внимания. Я приехал незадолго до того как явиться к вам. — Его взгляд упал на кровать, а потом опять перешел на неё, и его губы сложились в, как ему показалось, улыбку. — Мне кажется вы не сочли необходимым писать в Рим.

— Пока ещё нет, — согласилась она. — Но что вы сделаете, если я всё же решусь? Вы должны мне, за то что вас не было вчера.

— И какова цена за мой проступок?

Алейда задумалась на мгновение.

— Я слышала, как вы напевали, когда мы ехали вчера. Вы поёте? У нас на протяжении месяцев не было певцов в Олнвике.

— Я более поэт, нежели певец, миледи, и ещё лучший рассказчик, чем поэт. И совершенно никакой поэт если речь идет о французском языке.

— Тогда вы расскажете мне какую-нибудь историю, когда сможете. Что-нибудь о драконах. Мне во истину нравятся рассказы о драконах. — Она улыбнулась тому, как неожиданно в удивлении взлетели его брови. — Не стоит выглядеть таким страдальцем, мой друг. Вам не обязательно отдавать свой долг сегодня. Я могу немного подождать.

— А что касается советов, то это с лёгкостью, — продолжила она. — У нас хорошие слуги в Олнвике. Доверьтесь им и вы не ошибётесь. Но не слишком доверяйте. Осторожный присмотр сослужит вам верную службу, когда вы будете проверять записи Уатта.

— Мне хорошо известен его метод учёта, миледи. — Он широко улыбнулся, его белоснежные зубы блеснули на смуглом лице. — У нас всё получится.

Алейду удивило то, что её муж и его люди были столь справедливы. Она ещё не видела их всех вместе одновременно, но Ари перенял все их лучшие качества, и он был просто красавцем, особенно когда улыбался, чего он не делал достаточно часто в последнее время. Даже у Бранда, не смотря на его неопрятные волосы и шрам на щеке, были блестящие небесно-голубые глаза, которые могли свести с ума. И конечно же Иво, с оттенком скуки на лице и лёгким изгибом соблазнительных губ.

Желание пронзило её тело при мысли о его губах и о том как они путешествовали по её телу вчера. Её охватила дрожь при одной лишь мысли о том как его губы касались её губ. Следом за наслаждением пришло разочарование, а за ними и злость на саму себя. Что же это с ней такое, даже если при такой обиде и гневe при одной мысли о нём её охватывал жар?

— Вынужден оставить вас, миледи, — сказал Ари, возвращая её к реальности. — Я остался лишь для того, чтобы сказать, что возьму Джеффри и Уатта с собой, чтобы объехать границы пока позволяет погода.

— Обычно это делают на день святого Марка, — сказала Алейда.

— Так мы и поступим. Сегодня же мы проедемся, лишь для того, чтобы я смог ознакомиться с окрестностями. Кроме того, милорд, ваш муж, оставил послание. — Он начал говорить так, будто читал с листа. — Скажи моей леди, что моего отсутствия нельзя было избежать. Скажи, что я вернусь сразу после заката, и попроси её одеть что-нибудь миленькое к ужину, так как у меня есть для неё подарок, который будет плохо смотреться на монахине.

«Скажите ему, то он может засунуть этот подарок куда хочет, если вам интересно мое мнение». Эти слова вертелись на кончике языка Алейды, но впервые в жизни она воспользовалась советом Беаты, смолчав и мило улыбнувшись.

— Примите мою благодарность, миссир. И не могли бы вы послать Хадвизу вверх, если увидите её.

Он с облегчением вздохнул, когда она это сказала, и просто кивнул.

— Да миледи. Я же пока подумаю о ваших драконах. С вашего позволения.

Беата повернулась к ней, когда дверь закрылась, мудро кивнув при этом.

— Видите, лорд Иво был не более рад уехать, чем вы. Он вернётся как я и говорила, вы получите подарок и всё будет хорошо.

— Пфф. Он не успокоит меня какой-то безделушкой. Принеси мыло. Я хочу смыть его следы с себя.

— Гордая и упрямая как всегда, — пробормотала Беата. — Будьте осторожны, ваш гнев сделает вам меньше чести, чем ему его уход. Улыбка принесёт вам больше пользы.

— Я такая счастливая невеста. — передразнила её Алейда, прилепив улыбку к своему лицу, но лишь на секунду, после чего она вновь угасла. — Мыло.

До прихода Хадвизы, Алейда успела помыться и одеться и уже сидела за столом, пытаясь впихнуть в себя сир и хлеб. Хадвиза распустила волосы госпожи и взялась за гребёнку.

— Я постараюсь не причинить вам боли, миледи, но волосы ужасно спутались.

Глаза Беаты с ехидством обратились к Алейде.

— Он немного спутал вам причёску, не так ли?

— Беата! — Алейда попыталась выглядеть строгой, но её попытка провалилась. Жар снова охватил её, он прокатился по всему телу, и остановился где-то между ног, рождая пожар.

— Вы покраснели, миледи, — смеясь сказала Хадвиза. Даже уши покраснели.

— Это вполне нормально для счастливой невесты. — подала голос Беата. Посмеиваясь, она подняла лицо Алейды к себе и начала всматриваться в него. — Наслаждайтесь им также, как он насаждается вами, мой вам совет. Хорошо. Всё так как и должно быть.

— Клянусь я буду воистину ждущей женщиной, — пробормотала Алейда, оттолкнув руку Беаты и прижав ладони к щекам. — Знающей своё место и умеющей хранить молчание.

Беата в ответ лишь рассмеялась, но смолчала и принялась помогать Хадвизе. Их руки были аккуратными и осторожными на всех узелках в волосах и пока они пытались распутать волосы Алейды, та наконец получила возможность подумать над словами Беаты. Старая женщина была права, она получит больше, если сделает вид, что всё идет по плану, пока не услышит от мужа причину его отсутствия. Это решение позволило ей расслабиться, отдавшись заботливым рукам женщин и позволить мыслям медленно течь, во-первых она подумала о сообщении Иво, а затем о том, кто это сообщение передал. Это привело её к одной очень занятой мысли. Ари сказал, что он понял всё после прошлой ночи. Но как во имя Христа, он узнал, что Уатт говорил прошлой ночью?

— Что такое, миледи? — спросила Хадвиза.

— Хмм? О, я наверное подумала вслух, — Алейда больше ничего не собиралась говорить, но обе женщины прекратили работу и уставились прямо на неё. — Ничего такого. Сэр Ари сказал, что после прошлого вечера, он должен знать, что надо с большим вниманием относиться к тому что Уатт станет свидетелем сегодня с утра. Я лишь удивилась, как он узнал что было сказано вчера, когда вчера его определённо тут не было.

— Люди судачат, — заявила Беата. — Особенно о подобных глупостях, что творились вчера. Сегодня утром все шепшутся об этом, даже те, кого тут не было.

— Но когда сэр Ари мог это услышать? Он же сказал, что вернулся как раз перед тем как идти ко мне. — Алейда снова погрузилась в свои мысли. — А если он только вернулся, как он мог получить сообщение от моего мужа?

— Да, это странно, — сказала Хадвиза. — Лорд Иво уехал до того как сэр Ари приехал. По словам Пенды, ещё до рассвета.

— Ш-ш, — твёрдо сказала Беата. — Они возможно где-то пересеклись, так всё должно быть и было.

— Видимо так, — сказала Алейда, так как это объяснение немного потушило её гнев и недоумение. — Я сегодня не столь быстра в рассуждениях, будто мысли слиплись от мёда и тонут в нем. Должно быть я устала.

— Устала, — пробормотала Беата. — У вашей усталости есть имя. — Хадвиза снова засмеялась, когда краска вновь залила щеки Алейды и Беата присоединилась к смеху. — Ну вот и всё. Возьмём эти ленты, вы должны быть красавицей, когда выйдете ко всем. Священник ждет.

Мать Божья, подумала Алейда, пока они вплетали ленты в её волосы. Люди. Отец Теобальд. И все они улыбаются и считают что всё в порядке. Мать Божья.

Ей не следовало просыпаться.

— И пирамида из камней очерчивает границу наших земель, прямой линией идущей от того места, откуда мы начали, — сказал Джеффри. Он нагнулся в седле и показал на груды камней, затем повернулся и показал на юг и запад. Как только он сделал это движение, кто-то взметнулся в небо, и он поднял глаза. Его рот приоткрылся от изумления.

— Клянусь, этот орёл следует за нами с тех пор, как мы выехали за ворота замка.

Улыбка изогнула губы Ари, когда он повернул голову, чтобы проследить за птицей, нарезающей высоко в небе круги.

— Ты так уверен, что это один и тот же орёл?

— Да. Вы видите это торчащее перо на его хвосте?

У Джеффри меткий взгляд, подметил Ари. Ведь сам он смог научиться отличать Ивара по этому перу лишь спустя много лет после того, как Квен прокляла их.

— Быть может, он хочет лучше изучить границы этих земель, чтобы знать, куда можно лететь.

— Видимо так, он охотится за их пределами, — ответил Джеффри. — Если орёл начнет охотиться на ягнят здесь, стрела быстро найдет его.

Минуту спустя орёл резко спикировал вниз и пролетел над головой Джеффри так близко, что можно было услышать свист ветра в его перьях. Все, кроме Ари, низко склонились к лошадям и разразились проклятиями, тот же лишь рассмеялся, будучи довольным оттого, что Иво смог расслышать их, летая так высоко. Ведь слух у орла был не слишком хорош.

— Скажи своим людям, испрашивать разрешения лорда Иво прежде, чем убить хоть одного орла, — предупредил он. Понимание осветило лица троих всадников: ведь на чёрном щите Иво было изображение серебряного орла.

— Но что, если он принёс какие-то потери, миссир? — спросил Уатт.

— Они должны быть доказаны, и, если это будет сделано, орёл будет убит, лорд Иво сам прикажет сделать это. Теперь давайте посмотрим, запомнил ли я хоть что-то. — Он медленно показал на все отметки, и Джеффри и Уатт согласно кивали или же слегка подправляли его. — Мы закончим в следующий раз. Езжайте своей дорогой. Возможно, к этому времени леди Алейда захочет просмотреть свой брачный контракт. Я побуду тут ещё немного, чтобы подумать, затем поеду, чтобы встретить лорда Иво и Бранда.

Освальд и Джеффри тронулись вперед, но Уатт оглянулся назад.

— Я правда не хотел, чтобы она меня услышала, — сказал он, как только остальные отъехали достаточно, чтобы не слышать его. — Я бы преднамеренно не принёс леди вреда,

даже за всё христианское золото в мире.

— Вы слышали уже всё, что я должен был сказать, господин управляющий, и ваша леди уже простила вам всё. Езжайте.

Уатт открыл рот, будто собираясь сказать что-то ещё, но, смолчав, закрыл его и пришпорив пони, поскакал к дому. Возможно, он усвоил урок. Ари подождал, пока тот не уедет достаточно далеко, а после перевёл взгляд на дерево, куда уселся орёл.

— Он видел простыни и сказал, что у тебя твёрдый характер и железное сердце, если ты смог поступить так. Он уже вышел из комнаты, но она услышала, — он не был уверен в том, что именно из его слов понял Иво, будучи орлом, но был уверен, что что-то он да понял.

Ари считал, что в этом отношении ему повезло. Было ли это каким-то просчётом в колдовстве Квен, или из-за того, что орёл был священным посланником Одина, но он понимал почти всё, даже когда был птицей. Другие же не могли полностью контролировать себя в животной ипостаси: у одних чувства оставались под контролем, как у Иво, который помнил достаточно из того, что видел, находясь в орлином теле, что очень помогало ему, когда он шпионил для короля, другие почти не контролировали себя, как Бранд, который, превращаясь в медведя, исчезал в ночи и часто на следующую ночь обнаруживал, что причинил много зла в шкуре медведя. Ари никогда не обсуждал это с товарищами и знал лишь то, что видел из содеянного этими животными, или же о чём позже слушал, сидя на плече Бранда. И хотя Квен многого лишила его, он был благодарен ей за то, что хоть это у них осталось.

Орёл с криком взлетел в небо, очертил в воздухе круг, затем полетел к стайке чаек и исчез из поля зрения. Ари ещё немного посидел, изучая земли, затем повернул лошадь на запад от горы, к лесу. Он приметил это место утром, когда проезжал мимо, и теперь, когда дела были закончены, у него осталась необходимость выполнить кое-что ещё — для этого ему нужна была спокойная вода.

Вскоре он нашёл то место, спешился и привязал лошадь. Животное в ту же секунду принялось щипать траву. На берегу реки, на траве Ари встал на колени, расслабился, подготавливая свой ум к дальнейшей работе. Когда он почувствовал себя совершенно готовым, он поднялся на ноги, вынул свой нож и приложил лезвие к ладони.

— Отец наш, я взываю к тебе о помощи, — он поднял глаза и руки к небу. — Я пробовал, но не смог понять твоего послания. Помогите мне, Один. Помогите увидеть то, что ты и Вар ^[32] хотите, чтобы я увидел.

Он провёл по руке лезвием, кровь хлынула и собралась на ладони. Он поднял руку достаточно высоко, чтобы боги видели это, после повернул ладонь и позволил крови пролиться в воду и смешаться с ней.

Одину нравилась кровь и жертвы. Если и того и другого было достаточно, то он мог дать ответ. Ари ждал.

Спустя несколько минут кровь начала замедлять движение и принялась сгущаться, боль в ладони исчезла, в его поднятой руке осталась лишь небольшая пульсация. Тем не менее, он встал на колени и поднял руки ещё выше, боль возросла. Лишь когда мука затуманила его сознание, он позволил рукам опуститься.

— Я готов, Один, — произнёс он прежде, чем опуститься на пятки, и переведя взгляд на кроваво-красные воды, стал ожидать видения, которое должно было его посетить.

— Получай! — С мрачной улыбкой Алейда вонзила иголку в глаз маленького, вышиваемого ею, человечка. Он был светловолос, а на его щите красовался орёл.

Вместе с тем как день клонился к вечеру, разгорался и её гнев. Всюду, куда бы она ни шла, её сопровождали косые взгляды и тихий шёпот. Было бы ужасно прогуливаться по двору под руку с мужем, когда все вокруг знали, чем они занимались ночью, но переносить это одной было ещё ужаснее, особенно когда ко всем словам и взглядам примешивалась жалость. Поэтому после ужина она направилась в свои комнаты и начала вышивать этого человечка, чтобы выплеснуть на него свою ярость. Это развлекало её.

Она уловила, что голоса в зале изменились, и оставила иголку воткнутой в глазу человечка.

— Это голос Джеффри?

Хадвиза подняла голову, прислушиваясь, затем поднялась и подошла к двери, чтобы проверить.

— Да, миледи. Он и Освальд внизу. Я только не вижу сэра Ари.

— Мне нужен Джеф. Скажи ему принести мне брачный контракт.

В какой-то момент к ней вернулся здравый смысл, и она вспомнила о том, что ей, чёрт возьми, следует узнать содержимое того, что она подписала. К сожалению это произошло уже после того, как Ари забрал оруженосцев и уехал, и она была вынуждена коротать день с этой пыткой — вышиванием. Её и без того не бесконечное терпение почти лопнуло, и угрожало закончиться окончательно в ожидании выполнения её поручения Хадвизой. Она схватила иглу и воткнула её пониже, прямо в то место, где сходились ноги человечка. Так-то лучше.

Вскоре появился Джеффри с документами и с жалкой улыбкой на губах, которая совсем потухла, когда он встретился с ней взглядом. Полным негодования.

— Сэр Ари предположил, что вы к этому моменту уже будете готовы просмотреть контракт. Хотите ли вы, чтобы я оставил вас одну или мне прочитать его вслух?

— Прочтите его. Я не в том настроении, чтобы разбирать твой подчерк.

— Как пожелаете, миледи, — он подошел к окну, где света было больше. — В начале контракта немного говорится о власти. Божьей и королевской. В общем, то, что пишут всегда. Думаю, вы желаете, чтобы я сразу перешел к сути, — он ждал её кивка.

— Дайте посмотреть, что ж... А, вот тут. Тем самым я, Иво, барон Олнвика, собственной властью и согласно законам, передаю вам, моей жене Алеиде, согласно этому документу, всё в пределах деревни Чаттон. И тут далее, миледи, перечисление — от земель и людей до голубей в голубятне и пчёл в ульях. Я передаю ей в деревне Хаутон 5 оксангов [\[33\]](#) земли, которыми она может распоряжаться по собственному желанию, за исключением сада, также я отдаю ей мельницу и прядильню со всем доходом от неё. И я отдаю ей поместье, называемое Олнвик, пастбища Свинлес и его угодья. Всё перечисленное я отдаю ей в вечное пользование, чтобы она могла этим управлять, продавать, отдавать или сделать с этим имуществом всё, что ей пожелается, при условии соблюдения верности вассала своему господину...

Там было ещё много чего, в том числе и то, что она наследовала треть его состояния, но Алейда уже не слушала это. В какой-то момент, когда речь пошла о голубях и пчёлах, её

руки начали дрожать. К тому времени, когда Джеффри начал перечислять имена подписавшихся под контрактом, они дрожали настолько, что ей пришлось сжать ими свою юбку, чтобы не начать махать ими будто крыльями.

— Он отдаёт мне всё это? — спросила она, когда Джеф окончил чтение, и она весьма удивилась, когда поняла что её голос не дрожал так же как её тело.

— Да, миледи, всё это. В первый вечер, когда вы пошли наверх, он пересмотрел счета и сказал, что желает, чтобы всё это принадлежало вам. Я записал то, что он сказал.

Алейда попыталась осознать всё это. Одного маленького поместья было бы уже достаточно, это было половиной рыцарского имущества, но замок и бóльшая часть доходов от всего остального, да ещё все земли прилегающие к нему. Даже брачный контракт, что подготовил её дед, не обеспечил бы её настолько. Теперь у неё были деньги и собственность, были права. И всё благодаря мужу, которого она практически не знала, с которым она боролась на каждом шагу, и который уехал рано утром, оставив её на целый день, тем самым оскорбив её. И что же ей теперь было с ним делать?

Но как бы то ни было, у неё были более неотложные проблемы.

— Я так глупо вела себя вчера вечером, Джеффри. У меня нет необходимых свидетелей.

— Освальд с остальными были в зале, когда лорд Иво приказал написать мне это, миледи, — сказал Джеффри. — Они слышали то, что он сказал. Они всё это слышали и могут свидетельствовать, даже не читая этого документа.

— Тем не менее, я хочу, чтобы вы прочли вслух это за ужином для всех, чтобы они это услышали. Это защитит меня, даже, если я немного и опоздала с этим.

— Прекрасно, миледи. Я прослежу, чтобы Уатт и Эдрик были в зале с Освальдом, чтобы подтвердить свои подписи.

— Прекрасно. Оставьте мне бумаги и идите. Я желаю сама перечитать их.

Джеффри ушел и Алейда пошла в угол, где сидела Беата, подшивая платье и усмехаясь про себя.

— Ты как-то непривычно молчалива, старушка. Давай же, говори, пока тебя не разорвало.

— Мне нечего сказать, миледи.

— А у меня свиные уши. Принеси мне вощёную дощечку.

— Как скажете, миледи, — Беата оторвала нить и протянула ей платье, чтобы посмотреть что получилось. — Как скажете.

Все взоры обратились к Иво, как только они с Брандом вошли в зал. Половина всех присутствующих задавалась тем же вопросом, что и стража рано утром, вопросом, на который он теперь должен был ответить Алейде. У большинства даже был приоткрыт рот, как и у Уатта, несомненно. Суровый взгляд Иво заставил их вернуться к своим делам

— Я не вижу её, — сказал Бранд, снимая ворона со своего плеча и аккуратно сажая на жёрдочку. Они заметили, что он бережет свое крыло, и предположили, что на него напала сова или ястреб. — Возможно, твои страстные ласки убедили её все-таки уйти в монастырь.

Иво окинул взглядом зал.

— Она должно быть наверху.

— Это плохой знак, — проворчал Бранд.

— О чём это ты?

— Ты теряешь чувство юмора из-за женщины. Из-за своей жены.

— Хм? — Иво потребовалась минута, чтобы понять о чём говорит Бранд. — О

Страстные ласки. Женский монастырь. Очень смешно. Ха, ха, ха.

Посмеиваясь, Бранд так хлопнул Иво по плечу, что у того клацнули зубы.

— Давай, давай. Найти свою леди, и произнеси ту речь, что ты репетировал в своей голове по дороге домой. Я же пока поищу себе эля и место где можно прочесть доклад, что написал твой оруженосец, — Марк похлопал себя по месту, где в мешочке висело последнее письмо Ари. — Он собирался продемонстрировать тебе, что наконец-то научился красиво писать.

— Я уже слышал всё это. Скажи мне если найдешь что-то новое, — сказал Иво. Когда же Бранд прокричал, что хочет эля, он направился вверх по лестнице, снимая на ходу плащ.

Бранд был прав. Иво перебирал в голове различные объяснения своего отсутствия, но не нашел ни одного, способного достаточно внятно объяснить тот факт, что ему необходимо уезжать каждое утро на рассвете. Он не представлял, как сказать ей об этом, так же как не смог накануне ночью во время любовных игр сказать ей о том, что уедет до восхода солнца. Ему не стоило приезжать в Олнвик, не стоило жениться на Алейде, не стоило совершать это безумие, но он был здесь, и у него не было сил заставить себя уехать отсюда пока воля богов или магия Квен не заставят его сделать это. Но ему придется ей что-то сказать.

Когда он открыл двери в свои покои, то увидел Алейду, в одиночестве склонившуюся над толстой книгой и расстеленном на столе листом пергамента. Она сосредоточенно сжимала губы, водя пальцем по строчкам, а затем переписывала что-то пером на восковую табличку. Какое-то время Иво наблюдал за ней, наслаждаясь покоем этой картины до тех пор, пока Алейда не услышала какой-то шум и не подняла голову чтобы определить его источник. Складочка между её бровями стала ещё более заметной.

— Милорд.

Не такое радушное приветствие, как он надеялся, но при этом и не было ожидаемой им враждебности. Он повесил плащ на крюк и закрыл дверь, чтобы никто не услышал о чём они будут говорить, и не разнёс их слова по всему замку.

— Это брачный контракт?

— Да, милорд. И счета.

— Я надеялся, что вы займётесь этим днем, — он подошёл и взял восковую табличку. Судя по всему, она подсчитывала ренту. — Вы удовлетворены?

Она кивнула.

— Да. Я попросила Джеффри прочесть это вслух за ужином, для Освальда и остальных, чтобы они подтвердили всё это как свидетели.

— Я также подтверждаю это для всех, чтобы они услышали и поняли всё, — он вернул ей табличку. — Никогда больше не подписывайте контракта, не зная что в нём, Алейда. Теперь вы мой вассал, также как и моя жена, и вы должны заботиться о наших делах.

— Я до сих пор всегда была осторожна, милорд, — её слова обнадежили его, и он развернул табурет так, чтобы он мог сесть напротив неё. — Это внезапное здравомыслие означает, что вы больше не сердитесь на меня?

— Да. Нет, — она вскинула голову, чтобы встретить его взгляд. Обдумывая этот его вопрос, Алейда поджала губы. — Я не знаю.

Он не был уверен, что ожидал услышать такой ответ.

— Вы смущаете меня милорд. Вы угрожаете мне, но в следующую минуту вы так добры. Вы вмешиваетесь в мою жизнь и всё же вы так осторожно добиваетесь меня. Вы берете всё, не спрашивая, и всё же я обнаруживаю, что вы сделали это, — она почтительно коснулась

контракта, как если бы это была святая реликвия. — Это так щедро. Не многие мужчины дали бы мне так много, когда у них было бы то преимущество, что есть у вас передо мной.

— Мой отец всегда говорил своим сыновьям, что слишком большое преимущество — это плохая вещь в браке, что муж должен быть щедрым со своей женой. Король дал мне многое, отобрав это у вас. Земли и деньги это... это немного компенсирует всё это, так же как и защитит вас, чтобы ни случилось.

Например, если ваш муж исчезнет, подумал он.

Её глаза сузились, и она посмотрела на него исподлобья.

— Вы желаете защитить меня, — с сомнением сказала она.

— Вы — моя жена.

— И всё же когда ваши люди пришли сюда, чтобы посмотреть свидетельство завершения наших брачных клятв, вы оставили меня одну, — она слегка покачала головой. — Странную защиту вы предлагаете, милорд.

Её голос был спокоен, слишком спокоен, но её слова, будто плетью стегнули по совести Иво. Он опустил голову, посмотрев на свои колени до того, как она заметила как краска залила его шею и даже уши.

— Ари был тут, как и ваши женщины. Вы были в безопасности.

— Я была оскорблена.

— Я не хотел этого.

— А после я должна была пойти на мессу, — продолжила она, не слушая его, разжигая в себе праведный гнев, противоречащий словам о том, что она не сердится. — Тоже без мужа. И там я стояла на коленях и краснела перед отцом Теобальдом, в то время как вы скакали по окрестностям. Ваша охота была удачной, милорд? Это то, что я ему сказала о причине вашего отсутствия. Я думала, что это было лучше, чем просто признать, что я понятия не имела о том, где вы были и почему уехали. Я решила, что ложь священнику была не большим грехом, чем то, что мы делали вчера ночью.

— Это не было ложью, и это не было гре...

— То есть вы охотились? — его слова заставили её подскочить со стула. — Вы оставили меня, чтобы пойти *поохотиться*?

— Нет. Моему отъезду были другие причины, но я действительно немного поохотился во время своего отсутствия, что означает, что вы не солгали священнику. И при всём при этом, вы не грешили со мной.

— Это не то, что сказал мне отец Теобальд. Он говорил этим утром о тех невоздержанных вещах, что муж и жена должны избегать делать. Мы пропустили многое вчера ночью, я думаю.

— Для мужчины, отказавшегося от женщин, отец Теобальд слишком много об этом знает, — Иво боролся с собой, чтобы его голос оставался спокойным. Он начинал злиться, не он один ошибался. — Ничто из того, чем муж и жена наслаждаются вместе, не является грехом для нормального божьего человека. Относительно оскорбления, всё, что я могу сделать, это лишь снова повторить, что не намеривался оскорбить вас, и сказать, что я не уехал бы от вас, не имея серьезных оснований.

— Так в чём же причина? — с вызовом спросила она.

Он покачал головой:

— Вы не поймёте.

— Я не глупа, милорд. Объясните так, чтобы я поняла. Это наказание за мой острый

язык?

— Нет.

— Я вызвала ваше недовольство своим поведением в кровати?

— Нет! Ради бога, Алейда, это то, о чём вы думали весь день? Вы понравились мне, и мне даже не описать словами насколько. Конечно, вам это известно.

— Тогда почему? — потребовала она ответа.

— Я не могу сказать вам.

— Не можете или не хотите?

— И то, и другое, — вырвалось у него, до того как он смог себя остановить. — И теперь вам следует знать, что я буду каждый день уезжать, без объяснений.

Она смотрела на него, шокированная, так, будто он её ударил.

— *Каждый день?*

— Каждый день, на протяжении всего дня, при любых обстоятельствах, и по той же причине, которая не имеет никакого, никакого! отношения к тому, что было у нас с вами или к тому был или не был я рассержен. Это не мой выбор. Это... то, что я вынужден делать.

— Но почему? — вскричала она.

— Потому, что я должен. Прекрати спрашивать, женщина. Это единственный ответ, который ты получишь.

— Это, — начала она, но Иво придвинулся к ней с предупреждением в глазах, и она замолчала. Со звуком «Хммм» она пошла к своей, лежащей у окна вышивке.

— Потому, что я должен. Потому, что я должен, — повторяла она себе под нос, точно подражая его голосу. Она села, вытащила иглу и воткнула её в ткань:

— *Coillons* [\[34\]](#)!

Звук любимого ругательства Бранда, слетевший с губ его жены- леди, пусть даже и расвиrepевшей, пусть даже это и было сказано на французском, усыпило осторожность Иво. Он начал смеяться, а когда она повернулась к нему готовая к битве, это рассмешило его ещё больше.

— Я знал, что вы не станете монахиней, пока они не начнут ругаться как портовые моряки.

Она начала задыхаться, хотя и невозможно было понять, сдерживает ли она новые ругательства или пытается не рассмеяться, но внезапно весь запал ушел из неё.

— Это то, что я имела ввиду, милорд. Вы заявляете, что будете мне мужем лишь ночью, вы дразните меня и очевидно ожидаете, что я буду смеяться вместе с вами.

— Что вы почти и сделали, — сказал он, почти заработав проблеск улыбки, который сопровождал хмурый взгляд, такой же кислый, как скисшее молоко. Он попробовал подойти с другой стороны. — Многие мужчины — мужья лишь ночью, и многие леди рады этому.

— Многие леди вообще не желали бы иметь мужей, — она вздохнула так, будто это касалось и её, но когда она вновь заговорила, это ощущение прошло. — Мне не следует пытаться менять вас, милорд, не так ли?

— Не следует.

— И полагаю, мне просто следует покорно махать вам вслед каждое утро, когда вы уезжаете прочь?

— Я сомневаюсь, что вы когда-нибудь что-нибудь будете делать покорно, — сказал Иво. Она резко подняла на него взгляд, но он поднял руки вверх сдаваясь, прежде чем она смогла бы найти ещё одну причину разбушеваться. — Я буду уезжать на рассвете, Алейда. Не

думаю, что вы к тому времени проснётесь.

— На рассвете, — недоверчиво переспросила она. — Каждое утро?

— Да. Но каждый вечер я буду возвращаться, и я обещаю вам, что вы будете ожидать моего приезда с куда большим желанием, чем отъезда.

— Это вы просто так говорите.

— Это я обещаю вам, — рискуя, он подошёл к ней поближе, а когда она не отодвинулась, подошел ещё ближе, так чтобы иметь возможность взять её за руки. — Я не желаю оставлять вас, сладкий листочек, но я должен. Я не могу сказать вам большего. Вы должны будете довериться мне.

— Довериться вам? — её вопрос был пропитан горечью. — Я слишком мало знаю вас, милорд. Вы — незнакомец для меня, даже после всего того, что произошло вчера вечером. Я обменялась большим количеством слов с вашим сенешалем, чем с вами.

— Это изменится, — твёрдо поклялся он, игнорируя вспышку зависти, которая возникла в нём при упоминании Ари. Ари, который уже видел, как солнечный свет касается её лица, того что он сам никогда не увидит. — Вы узнаете меня за следующие дни и недели, а с узнаванием придет и доверие.

— А пока этого нет?

— А пока этого нет, я могу только предложить вам только это, как залог своей искренности, — он сгрёб её в свои объятия, и прежде чем она успела возразить, поцеловал её. Он всё сильнее сжимал её, пока не почувствовал, как у неё перехватило дыхание и не почувствовал как её тело стало податливым. Когда он отпустил Алейду, её глаза были затянуты дымкой, заставляя его чувствовать себя безрассудным, будто он мог утащить её в лес и оставить там лишь для себя, вопреки всему, что могло бы произойти. — Вы понимаете?

Она с трудом сглотнула.

— Думаю, да, милорд.

— Хорошо. Теперь не хотели бы вы взглянуть на подарок, что я принес вам?

— Я была бы не против, — произнесла она, тщательно подбирая слова. — Но я не одела красивого платья, как вы просили. Я не испытывала к вам добрых чувств, когда одевалась.

— Подозреваю, что вы не испытываете их и теперь, — Иво опустил взгляд на её платье, цвета сливы, зашнурованное достаточно туго, чтобы подчеркнуть линию её груди, и показать бледно-жёлтую нижнюю рубашку, покрывавшую её шею и грудь. На голову, вместо вуали, она одела косынку, что носили повариhi, которая оставляла открытыми её косы. Он кивнул одобрительно. — Это значительно лучше того ужаса, что вы одели вчера вечером. Протяните свою руку.

Он снял мешочек со своего пояса, развязал узелок и выложил его содержимое себе на руку. Дюжина маленьких, светло-зелёных камней вспыхнула, обвитая золотой цепью, образуя брошь.

— Изумруды!

Удивление и восхищение в одном этом слове стоили отданного им за украшение состояния.

— Мне передали, что у вас рыжие волосы, и я предположил, что у вас могут быть зеленые глаза.

— Я почти жалею, что это не так, даже если бы это подразумевало, что у меня было бы ещё больше веснушек, — она взяла брошку, наклоня её в разные стороны, и наблюдая за

тем, как пламя камина отражается в камнях. — Как будто окаменевшие листочки.

Когда Алейда прикрепила брошь и взяла бронзовое зеркало, чтобы насладиться своим видом, Иво бросил взгляд на пронзённую ею иглой вышивку. Он мгновенно распознал изображенный на гобелене щит. Уже почти надуваясь от гордости из-за того, что она изобразила его, он вдруг заметил куда именно с такой злобой она нанесла удар иглой. И вправду, *Coillons!* Его чресла запульсировали, будто она и правду ударила его, а не просто пронзила ткань. Вздогнув, он посмотрел на жену и на кинжал, что висел на её поясе, пытаясь решить должен ли он разоружить её прежде чем снова сесть подле неё. Затем она повернулась к нему и мысли об иглах и ножах были полностью стёрты тем удовольствием, что мерцало в её глазах.

— Я давно мечтала об изумруде, — мягко сказала она. — А теперь у меня их так много.

— Должен ли я предположить, что брошь вам понравилась?

— Да, милорд, но я снова потерялась в непонимании и кавардаке, правда теперь я сама всё это натворила, — свет в её глазах слегка померк, когда она коснулась того места на горле, где была прикреплена брошь. — Я поклялась, что простая безделушка не успокоит меня.

— Это предназначалось для того, что бы понравиться вам, а не успокоить. Я бы отдал вам её, несмотря на ваше настроение.

— Тогда вам удалось сделать то, что вы хотели, милорд, поскольку я очень рада.

— Хорошо. Давайте спустимся вниз похвастаться вашими драгоценностями и зачитаем контракт. Я хочу, чтобы каждый в зале знал, насколько я ценю свою жену. Идёмте.

Он отошёл от неё и протянул руку, она прошла несколько шагов, чтобы положить свои пальцы на его ладонь. На сей раз они были тёплыми и спокойными. — Позже мы вернемся сюда, и я вновь попробую убедить вас называть меня по имени. Возможно, даже в два раза более усердней.

Золотистое пламя от камина осветило появившийся на её щеках румянец, сделав их похожими на восход солнца. Впервые за вечер она улыбнулась искренней улыбкой. Улыбкой женщины.

— Ну, если вы должны, милорд.

Это было так, будто она взяла его в руку, настолько быстро он затвердел. Этот ужин станет самой длинной трапезой в его жизни.

— Я не могу понять этого. Три рыцаря, один из которых барон, и все без оруженосцев. Алейда, обхватив себя руками, рассматривала двух стоящих перед ней мужчин.

— Вы не танцуете, не поете, не охотитесь с соколами. Следующее что вы мне скажете, это то, что не играете в шахматы.

Иво засмеялся.

— Я не силен в этом.

Алейда взглянула на Бранда.

— А Вы, мессир?

— Вовсе не умею, миледи, — ответил он и, взяв кружку с элем, занял место справа от Иво. По традиции, сэру Ари также следовало сидеть за высоким столом, рядом с Алейдой, но он, как оказалось, снова исчез незадолго до ужина, и на его месте сидел отец Теобальд. Этот разговор начался с замечания Алейды о пропавшем сенешале, и, кроме того, о резьбе, которой занимался Освальд. И эта беседа показала печальный недостаток такта у ее мужа и его рыцарей. Даже у Невилла и его жалких друзей были оруженосцы — и их оруженосцы даже играли шахматы. Эти двое же, казалось, были воспитаны волками.

— А что насчет сэра Ари? — спросила она. — Он играет?

Иво перевел взгляд на Бранда, который пожал плечами.

— Я так не думаю.

Алейда нахмурилась.

— Мессир, и из какой же страны вы двое прибыли, что ее благородные рыцари не играют в шахматы?

Иво послал Бранду быстрый предостерегающий взгляд, но когда он встретился глазами с Алейдой, выражение его лица было вежливым.

— Что вы имете в виду?

— Сэр Ари сказал, что он и сэр Бранд не норманны, и ясно, что они не англичане, — сказала она. Она наклонилась вперед так, чтобы лучше видеть Бранда. — Но он не сказал, откуда вы прибыли?

— Э...

— Гэлдерс, — непринужденно ответил Иво.

— Ага, Гэлдерс, — словно эхо повторил Бранд.

Иво взял Алейду за руку и начал водить по каждому пальчику девушки, посылая дрожь вверх по ее руке.

— Как тебе пришло в голову спросить Ари откуда он?

— В тот первый день, мы говорили о тебе, и он назвал тебя Иваром, — ответила она.

Его прикосновение сбивало с толку, но не настолько сильно, чтобы она не могла не заметить взглядов, которыми он снова обменялся с Брандом. Что-то в этом разговоре заставляло их быть осторожными. Она наблюдала за их лицами очень внимательно, когда рассказывала остальную часть разговора с сенешалем.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

По мере того как она говорила, лицо Бранда становилось все более мрачным, а затем внезапно просветлело.

— Я помню Ивара. Он был хорошим парнем, таким, с которым ты хочешь быть рядом во

время сражения, но который был дьяволом с девушками.

— Правда? — Алейда подняла бровь. — Сэр Ари говорил, что он был старым.

— О, ну вероятно, он таким казался Ари. Он намного моложе меня. — Уголки его глаз изогнулись от веселья. — Но я знал Ивара, когда он был в расцвете сил, и женщины любили его также сильно, как он их. И это правда. Он каждую ночь находил бы девушку, желающую...

— Бранд, — прервал его Иво. — Это неподходящий разговор для моей жены.

— Да. Я полагаю, что так, — согласился Бранд, в то время когда его ухмылка стала шире. — Хотя неудивительно, что Ари так думал о нем. Ивар был больше похож на отца Теобальда.

Алейда взглянула на священника, с животом, который был похож на бочонок пива и с рдеющими волосами цвета соломы. Да, не того сорта, подумала она, чтобы идти к девушкам через всю деревню, даже если бы он не был священником. Ее сомнение, должно быть, отразилось на лице, ибо отец Теобальд внезапно покраснел, а Иво и Бранд рассмеялись. Она почувствовала, что краснеет, но затем, когда их смех заразил ее, она захихикала.

— Я сожалею, святой отец. Это только... — она поняла, что не может ничего объяснить, без того, чтобы не сделать все еще хуже, и засмеялась еще громче. Отец Теобальд, благослови его, просто взглянул вниз, погладил свой живот и тоже засмеялся.

Когда смех затих, Бранд снова обратился к Алейде.

— Итак, миледи, Вы говорите, что раз я рыцарь, то должен научиться играть в шахматы.

— Чем скорее, тем лучше.

Несколько быстрых распоряжений, и два человека были посланы наверх за шахматной доской, а другие слуги принялись убирать со столов.

Когда Алейда показывала, куда поставить доску и стулья, Иво подошел к ней сзади и положил ей руки на плечи.

— Жена, что ты делаешь?

— Готовлюсь научить твоего человека играть в шахматы, милорд.

Он наклонился вперед и прижался ртом к ее ушку.

— Если помнишь, ты должна выучить свои собственные уроки. Научить произносить мое имя?

Если бы он прямо там развел ей ноги, он едва ли смог бы вызвать больший беспорядок в ее мыслях или теле. Как и раньше в соларе, желание затопило ее, словно сам Люцифер прошептал ей прямо в ухо, что, возможно, было бы приятнее пропустить ужин ради уроков ее мужа. Она балансировала на крае этого распутства, когда ответила ему:

— Я только пытаюсь делать, как ты просил, милорд. Стараюсь узнать тебя лучше.

— Обучая Бранда играть в шахматы?

— Слуги господина — это отражение его характера, — сказала она скромно, а он только мог заскрежетать зубами от такой профанации, которая показала, насколько сильно ему не понравился ее аргумент. В нескольких шагах от них отец Теобальд изучал их с явным любопытством, вероятно ожидая какого-нибудь признака несдержанности, чтобы в следующий раз обратить на нее внимание на мессе. Его беспокойство было оправдано. На губах Алейды блуждала чуть заметная улыбка.

— Я не могу сейчас уйти, милорд. Это будет неприлично. — Не говоря уже о том, что все поймут.

— Назови ему все шахматные фигуры и покажи, как они двигаются, — сказал Иво. — Затем попроси кого-нибудь еще сменить тебя и извинись.

Одна ее половина обдумывала его властный приказ, в то время как другая ее часть, та, которую он научил страстно желать его прикосновений, заставила ее кивнуть.

— Да, милорд.

Он мягко сжал ее плечи, и она услышала смех в его голосе, когда он произнес:

— Иво.

Затем он ушел, так как Бранд отвел его в сторону для разговора. А она осталась задаваясь вопросом, как быстро она смогла бы объяснить основы игры, и захочет ли отец Теобальд помогать, принимая во внимание, что сэр Бранд раздражал его.

— Где, дьявол его возьми, этот Гэлдерс? — потребовал ответа низким голосом Бранд, как только они оказались вне пределов слышимости других.

— Я думаю, между Фландрией и Саксонией. Мы не можем сказать, что мы норвежцы. Память еще слишком свежа на этих побережьях.

— И что мне делать, если я встречу человека, который действительно из Гэлдерса и он захочет поговорить о родине?

— Скажешь ему, что ты воспитывался в другом месте. От Ари есть какие-нибудь новости?

— Я еще не читал его сообщение. Освальд хотел поговорить относительно того, чтобы принять его, ну, ты понимаешь, больше солдат, а то кажется твой король, содержит всех твоих рыцарей в тюрьме. И я нашел некоторые другие маленькие развлечения.

Его пристальный взгляд блуждал по залу, и Иво, проследя за ним, увидел двух златокудрых женщин скользящих стол. Их груди весело подпрыгивали под платьями, словно хотели выпрыгнуть из одежды, и Бранд вздохнул.

— По-моему, датское семя улучшило англичан.

— Они бы не согласились с этим утверждением.

Иво обвел глазами зал. Он едва бы заметил кого-либо из слуг, с которыми ему не приходилось иметь дело непосредственно, но Бранд сразу перешел к делу.

— Выбери одну, если хочешь. Та, с широкими бедрами, смотрит благосклонно.

— Я только это и могу делать. — Усмехаясь, Бранд вытянул пергамент из своего рукава и разгладил его о бедро. Он наклонился, чтобы свет от факелов упал на пергамент, и стал читать.

— Это, похоже, главным образом относительно границ, построения мотте и Уоте — и, конечно, Ари использует три слова, где хватило бы и одного. Это не займет у меня много времени. Иди, околдуй свою жену, а я скажу тебе сегодня вечером, есть ли что-нибудь еще, что тебе необходимо узнать.

Околдуй свою жену. Сейчас это была приятная мысль.

Иво оставил Бранда с посланием Арии, а сам побрел обратно, где Алейда и Джеффри расставляли шахматные фигуры на доске. Он сделал знак эконому уйти и выбрал черные, наблюдая за Алейдой, чтобы удостовериться, правильно ли он расставил свои фигуры. Он достаточно играл с монахами, которые учили его французскому тридцать лет назад, чтобы узнать основные принципы игры, хотя и имел склонность путать слонов с ладьями. По его мнению, мало толку было в размещении слонов ближе к трону, чем коней и кастелянов, но это была игра. Мир менялся.

— Прекрасный набор шахмат, — сказал он, когда поставил последнюю черную пешку в

первый ряд.

— Он принадлежал моему дедушке.

Она взяла одного коня и наметила незамысловатый ход, знак Тайсона, через явную защиту. Ее лицо, до этого светящееся, опечалилось. Иво обошел вокруг стола, мягко разжал ее пальцы и поставил коня на место.

— Если он раскается в своей измене и снова получит расположение короля, он, возможно, сможет вернуть его назад.

Обещание было легко дать: когда известие о том, как новый лорд Олнвика исчез при странных обстоятельствах, достигнет Лондона, король, вероятно, окажется более снисходительным к ужасному наказанию Тайсона и возвратит ему его земли.

— Может случиться так, что ты сама сможешь вернуть ему шахматы.

— Боюсь, что этого никогда не произойдет. Если бы король изъявлял желание прощать дважды, тебя бы здесь не было.

Он все еще держал ее за руку, и когда поднял ее, чтобы поцеловать туда, где она держала коня, ощутил слабый запах кедра, из которого была сделана шахматная коробка.

— Тогда, миледи, я надеюсь, что ты будешь более милосердна, чем король, так как я нуждаюсь в твоём прощении.

— Почему?

— Потому что я нахожу себя счастливым из-за королевской нетерпимости. Она дала мне тебя.

По тому, как она крепко закрыла свои глаза, он мог сказать, что снова смутил ее. И это ему понравилось, как и явная борьба, которая отразилась на ее лице. Он еще раз поцеловал ее ладонь, а затем запястье, на сей раз мягко касаясь зубами ее чувствительной кожи. Крошечные ямочки, которые появились в уголках ее рта, сказали ему, что сражение закончилось в его пользу. Он задавался вопросом, жаждала ли она его также, как он, готова ли она, или ему следует поухаживать за ней еще немножко.

Она глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Я готова, милорд.

Он не мог не ухмыльнуться.

— Ты готова сейчас?

Она покрылась пятнами от ярости, когда поняла, что она сказала.

— Я не имела... Это...

Она глубоко вздохнула и начала заново.

— Если ты сообщишь сэру Бранду, милорд, то доска готова.

Он решил, что она ему нравится, когда волнуется. Он мог бы попробовать поволновать ее позже, когда она будет обнаженной, только для того, чтобы увидеть, как низко он может вызвать распространение этой краски смущения. Все еще ухмыляясь, он повернулся к Бранду и махнул ему.

Бранд пристально смотрел на него, послание Ари, свободно висящее между его пальцами и выражение его лица, заставили все в животе Иво перевернуться. Улыбка исчезла, он отпустил руку Алейды и посмотрел через комнату.

— Что?

Вопрос вывел Бранда из его изумления. Он заколебался, а затем прошагал мимо Иво, отрывисто сказав:

— Не здесь.

— Проблемы, мессир? — спросила Алейда Бранда, когда он проходил мимо нее, а затем поднялся вверх по лестнице. Он не ответил.

— Мы скоро вернемся, — хмуро ответил Иво, следуя за ним.

Когда они были в соларе, Бранд захлопнул дверь и вручил послание Иво.

— Почти в самом низу. Вот.

Он указал место своим большим пальцем. Иво потребовался некоторое время, чтобы разобрать руны. Оказалось, у Ари было видение. Нет, два и он рассказал о втором. Оно объясняло раненное крыло ворона. Иво видел, как Ари разрезал свою ладонь, резанную уже прежде, выпуская кровь из нее, словно в жертвенный кубок, как будто бы пытаясь убедить богов поговорить с ним. Иногда это срабатывало, но чаще всего — нет.

Сегодня, очевидно, получилось. Он видел те же самые образы в обоих видениях, которые он снова перечислил: Алейда, птица, ребенок. Ребенок. Последнее заставило Иво улыбнуться. Было бы хорошо явить сына в этот мир, даже если он не смог бы воспитать его. Но следующие слова стерли улыбку с его губ и вызвали тошноту в его горле, так как во втором видении Ари увидел орла, который поднялся из колыбели младенца и вылетел из открытого окна солара. Он увидел, как кричала Алейда. И он увидел триумфальную улыбку Квен.

Он смял пергамент, не дочитав.

— Это абсурд. Даже будучи орлом, я не навредил бы своему ребенку.

— Это не то, что он видит, Ивар. Дочитай остальное.

Бранд положил твердую руку на его плечо.

— Он говорит, что это сам ребенок изменился. Он говорит... Кажется, проклятие передается нашим детям.

— Нет, — заскрежетал зубами Иво, выдавив слово через плотно сжатые челюсти, удерживаясь от того, чтобы не извергнуть свой ужин на пол. — Нет.

— Мне жаль, друг мой.

— Нет, — повторил Иво.

Он отскочил от Бранда, прошел несколько шагов и в волнении вернулся обратно.

— Это не может быть правдой. Ари должно быть не видел все ясно.

— Достаточно ясно, чтобы написать об этом.

— Он пишет, чтобы писать, ты знаешь это, — возразил Иво.

Его ум, его существо отвергало это.

— Он ошибается насчет этого, также как и он ошибается относительно Квен.

— Она жива.

— Нет. С тех пор, как она умерла, он не может ее видеть, и это видение не может быть правдой.

Иво становился все более уверенным в своих аргументах.

— Ари ошибается. Снова.

— Ивар...

— Он ошибается! Почему даже ты хочешь ему верить?

— Хочу? Ты думаешь, я хочу, чтобы это было правдой? — слова выстреливали из Бранда в яростном и мучительном крике. — Это моя вина. Это я привел нас в руки Квен. Я убил ее сына. Знать, что я навлек это на нас, на моих людей, достаточно ужасно. Но узнать, что наши дети...

Не договорив от волнения, он стоял там, раскачиваясь, словно пытался вернуть себе

самообладание.

— Эти два дня дали мне больше надежды, чем я когда-либо имел, с тех пор как это случилось. Видеть тебя, в твоём собственном зале, с женой... У тебя есть жизнь, Ивар, у первого из нас, кто достиг этого. Я не более тебя хочу, чтобы Ари был прав. Но он видел это.

— Он что-то видел, — согласился Иво. — Возможно он это неправильно, или... или, возможно, боги играют с нами в игры.

— Возможно, ты играешь в игры сам с собой, — тяжело покачал головой Бранд. — Ты не должен с ней больше спать.

— Не спать...? Я провел с ней одну ночь, дружище. Одну ночь! И она...

Иво не мог найти слов, чтобы объяснить, что означала одна ночь, или как сильно ему нужны еще такие ночи. Как, даже не осознавая этого, он нуждался в ночах, подобно этой год за годом после того, как его проклинали. Для Бранда это было просто: в его кровати не было женщины с тех пор, как они уплыли из дома. Внезапно, Иво нашел слова.

— Достаточно ли было бы одной ночи с Ульфой?

Бранд резко втянул воздух, словно его ударили. Иво знал, что воскрешать в памяти образ его давно умершей жены было низко. Но он хотел напомнить ему. Пыл Бранда к его молодой невесте стал предметом обсуждения в Вэссе: они оставались в кровати весь первый месяц. Когда Бранд, наконец, заговорил, его голос был сдержанным от эмоций.

— Нет. Но для тебя должно быть достаточно.

— Нет.

— Должно быть, — повторил Бранд более твердо. — Подумай, Ивар. Если есть хоть малейший шанс, что Ари прав, ты не можешь рисковать тем, чтобы она забеременела.

Твердая уверенность Иво разлетелась вдребезги от этого простого аргумента, сделав его опустошенным и слабым.

— Она уже могла бы.

Бранд раздумывал некоторое время, а затем отогнал эту мысль.

— Это была лишь всего одна ночь, и луна была неподходящая. Мало женщин может понести так быстро, если луна им не благоволит.

Мало, но достаточно, подумал Иво.

— Мы должны уехать, — продолжал тихо Бранд. — Сейчас. Сегодня ночью. Это будет легче и для нее и для тебя. Ари может остаться, охранять ее поблизости. Он даст тебе знать, если она...

— Нет.

— Но он может...

— Нет!

Как он может оставить ее? Лишиться всей этой страсти до того, как он успел насытиться ею? Оставить эту кожу, эти волосы, этот запах. Для Ари.

— Она моя жена. Если кто и будет охранять ее, то это буду я.

— Если ты останешься, ты захочешь ее.

Иво нечего было возразить на это. Это была правда. Он уже хотел ее. Он отвернулся, подошел к камину и стал перед ним, смотря на огонь, чтобы ему не нужно было смотреть в глаза Бранда.

— Есть способы наслаждения женщиной, без того чтобы сделать ей ребенка. Фрей знает. Я пользовался ими довольно таки часто.

— Способ выплескивания на простыни не всегда работает, — сказал резко Бранд.

— Тогда я научу ее использовать свои руки и рот.

— И насколько тебя хватит, пока это тебе не надоест? Думать о том, чтобы не навредить ей, прежде чем лечь на нее?

— Этого не произойдет.

— Прислушайся к себе! Это произойдет. Оно уже звучит в твоём голосе. Это безумие.

— Это было безумием с самого начала. Вся наша натура безумна.

Тлеющий уголек отскочил от бревнышка в камине и подкатился к ногам Иво. Он размазал его ногой по каменной плите перед очагом, оставляя пятно золы цвета крыла ворона.

— Я не просил о жене, но боги дали мне ее. Должна быть еще какая-то причина, кроме ночи удовольствия.

— Получи еще одну ночь наслаждения и уезжай. Она всего лишь женщина, в конце концов, и ты знал, что это будет короткая встреча.

— Нет, она не короткая. Нет. Я намерен сохранять ее и этот замок так долго, как смогу. Если ты не можешь поддержать меня в этом, тогда уезжай.

— Я никуда не поеду, пока не уедешь ты. Но как твой друг и твой командир, я должен отговорить тебя от этого. Ты не можешь спать с ней.

Иво подтянулся и повернулся к Бранду, встречаясь с его глазами спокойным пристальным взглядом.

— Ты дал мне совет, твой долг исполнен. Сейчас иди вниз. Моя жена ждет тебя, чтобы обучить игре в шахматы. Скажи ей, что я вскоре присоединюсь.

Глаза Бранда гневно сузились от интонации Иво. Он дернул ручку двери, открыв ее, задерживаясь на пороге достаточно долго, чтобы сделать окончательное, краткое предупреждение:

— Не делай этого.

Иво стоял в пустом соларе, кровь пульсировала в его голове, когда он пытался подавить в себе желание пустить стрелу в чертова ворона. Будь проклят Ари и его видения. Он не может быть прав. Боги никогда не допустили бы проклятия младенца только для того, чтобы помучить нескольких рядовых воинов — даже Рэн и Локи не были злобными. Но это должно быть ложью.

Он все еще боролся со своим гневом, когда снизу до него донесся голос Алейды. Она начала рассказывать о пешках и объяснять, как они ходят. Скоро она сделает так, как он ее просил: поднимется наверх в постель, сбросит свое платье и юбку, откинется на спину, готовая одарить его своим телом. И тогда... он скажет ей что? Что он никогда не сможет принять это дар снова? Это был его долг. Он был ее мужем.

Зарывав, он развернулся и ударил кулаком о стену. Тонкая штукатурка треснула, и пыль закружилась вокруг него, словно дым из кадила священника. Боль очистила его разум, дала ему что-то, чтобы сдержать его ярость. Через какое-то время он взял себя в руки, стряхнул легкий слой белой пыли, который лежал на его плечах и направился к лестнице, избегая даже смотреть на жердочку, где сидел ворон.

Бранд уже сделал первый ход. Для того чтобы обучить его, нежели играть против, Алейда привлекла к участию отца Теобальда, в то время как сама села рядом с Брандом и давала советы по поводу ходов и стратегии. Иво проигнорировал пустой стул рядом с ней и встал по другую сторону стола, откуда он мог делать вид, что наблюдает за игрой, припавши к рогу с элем, который ему кто-то навязал. В действительности же, он не видел ничего,

кроме Алейды.

Поскольку игра продолжалась, все больше людей собиралось вокруг стола, чтобы наблюдать за ней. И вскоре воздух вокруг них стал спертым. Алейда подняла руку, чтобы подавит зевок.

— Мои извинения.

Она продолжала игру, обучая Бранда с терпением и добрым юмором, которых ей, тем не менее, так не доставало в отношениях с Иво. Но немного позже она снова зевнула, на этот раз шире, и опять извинилась, при этом ее пристальный взгляд был прикован к Иво, что заставило его понять, что это был ее способ покинуть зал без смущения. Ее скромность напомнила ему, какой нескромной он сделал ее прошлой ночью, и желание всколыхнулось внутри него. Каждое движение, которое она делала, начинало говорить ему о сексе: от колыхания ее груди, когда она наклонялась над доской, чтобы показать ход, до способа, каким ее пальцы обвивались вокруг захваченной лады. Даже наблюдая за тем, как она потягивала вино, он воспламенялся, глядя на ее руку, державшую кубок, на ее язык, слизывающий с губ случайную капельку. Я научу ее использовать свои руки и рот, сказал он Бранду. Этот рот. Этот быстрый язычок. Он сжал так крепко свой рог с элем, что тот затрещал. Он осушил его и попросил другой.

Наконец, она зевнула в третий раз.

— Простите меня. Кажется, я не в состоянии держать мои глаза открытыми.

Она поднялась и оглядела тех, кто стоял вокруг, наблюдая за игрой. Ее взгляд натолкнулся на главного конюшего.

— Освальд, ты хорошо играешь. Побудь наставником сэра Бранда вместо меня.

— С удовольствием, миледи, — сказал Освальд, выступая вперед, чтобы занять ее место.

— Будь осторожен, — предупредила она, когда направлялась к лестнице. — Отец Теобальд любит своих слонов. Хадвиза, Беата, пойдёте со мною.

Ее уход стал сигналом для других женщин оставить зал. Через некоторое время остались лишь мужчины, но гвалт увеличивался и становился все непристойнее, поскольку они расслабились. В попытке убедить себя не идти к ней, Иво пытался обратить свое внимание на игру.

Через некоторое время женщины из свиты Алейды, оставив ее одну наверху, ожидающую его, возвратились и ушли, чтобы присоединиться к другим женщинам. Осознание этого встряхнуло его, и игра не могла уже более его удерживать.

— Сейчас я иду отдыхать, — сказал он, смотря поверх головы Бранда, чтобы не видеть его предупреждающего взгляда. — Остальные делайте, что пожелаете.

Отец Теобальд поднялся.

— Милорд, я увижу вас утром на мессе?

— У меня есть дела, из-за которых я рано уеду.

— Но вас не было и сегодня утром, милорд, и...

— Это не поможет, святой отец.

Иво ожидал этого, но сегодня он не хотел этим заниматься. Вначале он осознал власть, которую церковь одобряла вместе с норманнами. Он научился имитировать христианскую речь и движения, чтобы находиться среди них, и в конечном итоге он даже оценил религию, а образ их Бога и Его мертвого Сына ясно соответствовал обществу Одина и Балдура. Но из священники были другое дело. Они были женоподобными и суровыми, и говорили они очень

много, особенно этот. Особенно сейчас.

— Сэр Бранд и я выезжаем каждый день перед рассветом. Поэтому у нас нет возможности посещать мессу вместе с другими.

— Но Вы должны осознавать важность присутствия ради ваших душ, милорд.

Иво выругался про себя. Священник не собирался оставлять его в покое, а Алейда была наверху, ожидающая его. Готовая.

— Конечно, святой отец. Вы приходите в Олнвик каждое воскресенье, чтобы провести службу, правильно?

— Да, милорд. После, я служу мессу в Лесбери.

— В таком случае, каждый воскресный вечер Вы будете оставаться и служить мессу специально для Бранда и меня.

Глаза Бранда резко блеснули при этом, но Иво свирепым взглядом заставил его промолчать.

— Вы также каждый вечер посещаете Олнвик по другим служебным обязанностям.

— Месса по ночам? Это неправильно, милорд.

— Вам заплатят жалование за дополнительные службы, а также предоставят постель и питание в те вечера, когда вы должны будете здесь находиться.

Обещание серебра и еды произвело чудеса даже по отношению к нарушениям правил.

— Ну... Я полагаю, что лучше ночами, чем вообще никогда. Если вы дадите мне некоторое время, милорд, то я приготовлюсь...

— Не сегодня, — ответил Иво, уже сожалея об этом. — Сегодня у вас есть хлеб и тюфяк на ночь. Воскресенье наступит достаточно скоро.

Священник выглядел несчастным, но он склонил свою голову:

— Как пожелаете, милорд.

— Садись, священник, — пробормотал угрюмо Бранд, явно чувствующий отвращение к Иво за все итоги этого вечера.

— Твой ход.

— Хм? О, — отец Теобальд пристально посмотрел вниз на доску и передвинул своего слона, чтобы забрать коня.

— Вам шах, мессир.

— Хм? — лицо Бранда омрачилось, когда он стал изучать положение фигур. — Как ты это сделал? Овальд, объясни.

Когда главный конюший засмеялся и наклонился вперед, Иво развернулся на пятках и направился вверх к своей жене.

Она ждала его, как ей следовало ждать прошлой ночью, сидя посреди кровати с распущенными волосами, окружавшими ее подобно медной мантии. То, как она прижала к себе меховое покрывало, пытаясь удержать его, чтобы прикрыть наготу, показывало, что она все еще немного нервничает. Но когда ее глаза встретились в его глазами, он увидел в них также желание и готовность, которой не было в начале прошлой ночи. Внезапно он вспыхнул.

Ари должен ошибаться.

Он сбросил одежду, словно она обжигала его. Свою тунику и рубашку он сдернул прямо возле двери, обувь сбросил, пересекая комнату, чулки скинул около кровати. Не делай этого. Отзвук слов Бранда остановил его. Он стоял там, умирающий от желания, с рукой, замершей на завязках брэ, неспособный пошевелиться.

— Милорд?

Ее брови нахмурились от беспокойства.

— Ты нездоров?

Он медленно покачал головой.

— Я только думал о том, какая ты красивая Алейда из Олнвика.

Даже в тени кровати он мог увидеть ее румянец.

— Ты льстишь мне, милорд.

— Правда — не лесть.

Он протянул руку к ее щеке, намериваясь привлечь ее к себе для долгого, опьяняющего поцелуя, который бы оставил ее влажной и желающей...

Оно уже звучит в твоём голосе. Его рука замерла на полпути к ней.

Бранд был прав. Он не мог сделать этого. Если он сейчас дотронется до нее, если он сегодня ночью позволит ей прикоснуться к себе, он должен будет обладать ею. Он не сможет остановить себя, чтобы не проникнуть в нее, чтобы не излиться в нее, гораздо больше, чем прошлой ночью. Лучше подождать несколько дней, пока он не обретет над собой контроль, пока осознание ее плоти не будет столь ярким и живым, и пока он не будет столь охвачен желанием. Со стоном, он отдернул руку.

— Ты не здоров, — сказала она твердо.

Она встала на колени, протянула руку и прижала к его лбу. И этого одного простого движения было достаточно, чтобы заставить его опрокинуть ее на спину и взять.

— У тебя нет лихорадки. Возможно, за обедом ты съел что-нибудь не то.

— Нет, я в порядке. Я только... — Он подыскивал какое-нибудь оправдание. — Слишком скоро. Тебе будет больно.

— О, — она дважды моргнула, откинувшись назад. — Я не... я...

Ее румянец опустился вниз до самого мехового покрывала.

Сдерживая его, побуждала его одна половина, которая не верила видениям. Посмотри, какими розовыми стали ее груди. Прижми ее. Попробуй ее. Возьми ее. Ари ошибается.

— Тебе будет больно, — грубо повторил он. — Я потребовал слишком многого от тебя прошлой ночью. Ложись, Алейда. Спи. Я не лягу сегодня с тобой.

Когда он завязывал завязки на брэ, она пристально смотрела на него, поджав губы в одну тонкую сердитую линию.

— Что?

— Ничего, — сдержанно сказала она.

— Ноги Господни, женщина, что? — От расстройства он закричал, и она вздрогнула. Он обуздал свой темперамент, и попробовал спросить снова, более спокойно:

— Почему сейчас ты такая грустная со мной?

Ее глаза сузились, когда она изучала его.

— Ты действительно не знаешь? Святые угодники, ты... Если ты меня сейчас оставишь, после сегодняшнего утра, мое унижение будет полным.

— Я не ухожу, — солгал он.

Он собирался спуститься вниз, держаться от нее подальше этой ночью, насколько сможет, чтобы не искушать себя. Но она права: будет еще одна тема для разговоров, которая никому из них не нужна, меньше всего ему, если намеривался продолжать владеть Олнвиком. Для этого даже больше чем в ней он нуждался в расположении людей и доверии. Ему только нужно соблюдать дисциплину.

— Я только оставлю свои штаны, как защиту от твоего очарования, жена, чтобы я вдруг не проснулся и не обнаружил, что был охвачен похотью и взял тебя во сне. Подвинься.

Иво понадобилось мгновение, чтобы потушить свечи, оставив лишь масляную лампу на ночь. Он быстро помолился про себя Фрейе, чтобы уменьшила его желание на ночь, затем скользнул под простыни, пытаясь не обращать внимания на тепло, исходящее со стороны Алейды, и несущее ее запах. В расстройстве он ударил кулаком по подушке, словно пытаясь придать ей соответствующую форму перед тем, как откинуться на спину. Если бы она там лежала...

Безмолвно, они прижалась к нему.

— Алейда.

— В комнате прохладно. Я замерзла, ожидая тебя.

Она попыталась положить свою голову ему на плечо, но это было неудобно ни для одного из них. Вздохнув, он обвил свою руку вокруг нее и притянул ближе. Она свернулась калачиком у его бока.

— Спасибо, милорд.

— Иво, — ответил он, не подумав, и жар начал накаляться между ними. Он впился пальцами в одеяло и пристально смотрел на драпировки над головой.

— Спи, Алейда.

— Ты ранен, — внезапно сказала она, дотрагиваясь до его руки, которая лежала на ее плече.

Иво приподнял свою руку, чтобы взглянуть. Она покрыта синяками и распухла, а тонкая полоска крови указывало место, где он разбил сустав пальца о стену.

— Ничего страшного.

— Она так не выглядит.

Она прижала свои губы к разбитому суставу, и когда она это сделала, ее голая грудь выскользнула из-под одеяла. Желание нахлынуло на его тело, подобно сильному потоку через фьорд, и в одно мгновение, он был уже сверху нее, прижимая ее к матрасу. Но он застыл в нерешительности, готовый, и ее глаза говорили, что она будет ему рада. Только еще раз, сказал он сам себе. Он сможет обладать ею еще один раз без волнения. Ари ошибался, так или иначе. Он склонил свою голову, чтобы поцеловать ее. Ее рот открылся ему навстречу, и в то же мгновение, в его мыслях, мягкий выдох из ее груди превратился в крик, когда она наблюдала, как ее ребенок улетал. С проклятием, он откинулся назад, на подушку.

— Милорд? — В ее голосе звучало потрясение, на грани слез.

— Я сказал тебе, мы не можем заниматься этим.

Он успел произнести эти слова без гнева, хотя сейчас он не был в этом уверен. Как он мог даже подумать...?

— Спи, мой цветочек.

Она молчала довольно долго, и он подумал, что она действительно послушалась его, когда ее голос донесся из темноты.

— Ты уезжаешь завтра утром?

— До рассвета, — ответил он. Сейчас он едва владел собой, и если она будет так много двигаться, он не мог быть уверенным в том, что он сделает. Он глубоко вдохнул и сказал настолько мягко, насколько он мог:

— Спи, мой цветочек.

Пожалуйста, Фрейя, заставь ее заснуть.

Иво покинул соляр до рассвета, забрав одежду и обувь, несклонный задерживаться внутри окружения приманок Алейды даже для того, чтобы одеться. Внизу, пока остальные спали, Бранд все еще занимая стол, изучал шахматные фигуры, как будто они могли раскрыть какой-то секрет, если бы он попристальнее вгляделся в них.

Он поднял взгляд на Иво, неодобрение выплеснулось из него как пар из котелка. Проигнорировав его, Иво бросил свою одежду на пустое кресло. Еще до того, как он смог натянуть рубашку, Бранд внезапно поднялся, подхватил ворона с жердочки и величаво прошествовал из зала. Его реакция только поддержала злость Иво, он рывками натянул оставшиеся вещи, умудрившись в процессе порвать один шнурок и уколоть себя в плечо брошью плаща. К тому времени, как он вышел наружу, его настроение перешло от отвратительного к кровожадному.

Накануне вечером свился кольцами туман, и Бранд стоял там с Ари на плече сплошной гигантской тенью мужчины и птицы в смутных отсветах факелов из ворот. Кулаки Иво сжались и разжались по своей собственной воле. Ему было необходимо что-то ударить, что-то более живое, чем стена и большее, чем птица. Бранд подошел бы.

До того, как он смог что-то сделать, из-за угла, спотыкаясь, показался мужчина и впечатался в него.

— Что... — Мужчина, вздрогнув, отпрыгнул назад, когда с плеча Бранда соскочил ворон и перепорхнул в укрытие карниза.

— Пальцы ног Христовы, мой лорд! Хорошо, что я только что помочился, или же, верное дело, я бы обдулся прямо сейчас. Клянусь всем святым, вы двое рано просыпаетесь. А у меня нет оружия кроме того, что я только что использовал.

Уот. Оружие. Ярость Иво облеклась в форму. В паузе между словами он крутнулся и заехал кулаком в шевелящиеся губы главного судьи. Уот с уханьем ударился о землю.

Иво угрожающе замаячил над ним.

— А сейчас ты можешь им поведать, о том, что мой кулак — такое же не плохое оружие.

— Ага, мой лорд. — Протряс Уот, приподнимаясь на одном локте. Он сплюнул наполнившую рот кровь и осторожно прикоснулся пальцем к губе. — Ага, мой лорд, так и смогу.

— Что-то случилось, милорд? — С факелом приблизился один из мужчин на воротах.

— Нет, — ответил Бранд. Он встал между Иво и Уотом, схватил последнего за рубашку и вздернул на ноги.

— Возвращайся в постель, судья, и будь благодарен, что он выбрал свой кулак, а не клинок.

Уот принял добрый совет и, пошатываясь, направился прямо к замку. Бранд подождал, пока за ним закроется дверь, и обернулся к Иво.

— Попробуй на мне. Обнаружишь, что меня сломать труднее.

Иво выпрямился, но жестокость уже нашла свой выход с челюстью Уота. Фыркнув с отвращением он повернулся и гордо прошествовал прочь.

Бранд позволил ему пройти пару ярдов, после чего догнал и пристроился рядом. В напряженной тишине они пошли к конюшне.

Войдя внутрь, мужчины увидели мерцание свечного огарка, оставленного гореть в стоящем на бочонке грубом подсвечнике. От такой нерадивости Иво нахмурился, помрачнев еще больше, взглянув на стойло Фэкса.

— Я сдеру шкуру с этого мальчишки. Он на всю ночь оставил Фэкса оседланным.

— Я не оставлял, — запротестовал голос. Над верхней перекладиной стойла чалого Бранда показалась копна льняных волос, за которыми последовали глаза, ставшие как плоски, когда их обладатель увидел, кому он возражал.

— Прошу прощения, милорд, но о нем хорошо и должно заботятся. О них обоих.

Иво распахнул калитку и зашел в стойло, чтобы потрогать под потником Фэкса. Шерсть была гладкой и сухой, а не потной и свалявшейся. Он проверил коня полностью. Конечно же, тот был выскоблен скребницей, копыта вычищены. Даже гвоздики были отполированы.

— Кто приказал тебе, чтобы наши лошади были готовы к такому часу? — потребовал Иво.

— Никто, м'лорд. Я видел, что вы забрали их вчера утром до того, как я встал, и подумал, что вы, должно быть, захотите, чтобы они к тому же были оседланы, хотя вы появились раньше, чем я ожидал.

Айво хрюкнул и вывел Фэкса во двор.

— Как твое имя, мальчик? — спросил Бранд.

— Том, мессир.

— Это была хорошая мысль, Том. Кони потребуются нам каждое утро до рассвета.

— Они будут готовы, мессир. — Он открыл ворота и вывел чалого Бранда. — Прошу прощения, м'лорд. Вы зовете Вашего скакуна Фэкс?

— Ммм.

— Это от Хримфэкси, — ответил Бранд, когда Иво не стал продолжать, и объяснил мальчишке. — Из старой сказки. Хримфэкси был великолепным скакуном ночи, и, говорят, с его гривы падали морозные брызги. Мой — Кракен. Чудовище. Остерегайся его, он кусается.

— Ага. Прошлой ночью он меня цапнул. — Том дернул рукав вверх, чтобы продемонстрировать отвратительный на вид синяк на предплечье, но, казалось, не держал никакой злости на лошадь.

— Скверная привычка, — заметил Бранд. — Но он может бежать вечно, неся меня. А это говорит о многом.

— Ага, мессир. — Мальчишка держал Кракена, пока Бранд проверял подпругу и подтягивал, после чего перебежал, чтобы поддержать Фэкса для Иво.

— Бог в помощь, милорд.

— Ммм, — снова проворчал Иво. Он сердито уставился на ворона, который спикировал вниз, чтобы занять свое место на плече у Бранда подальше от Иво, вне досягаемости от разгневанной длани.

— Ворота!

Они держали путь на юго-запад, когда оставили деревню, держась поросших вереском лугов и низин, чтобы избежать столкновения с лесным подлеском столь долго, как это только было возможно в тумане.

Бранд ждал, пока они не отъедут достаточно далеко, после чего спокойно заявил:

— Ты же не сделал этого, правда? С ней, я имею в виду. И вот почему ты в таком гневе.

— Не сделал, — выдавил меж стиснутых зубов Иво. — И не буду.

— Хорошо.

— Мы все еще не собираемся уезжать?

Бранд на мгновение раздумывал над этим.

— Ты избрал для себя трудный путь, Грэйклок.

— Он станет легче завтра, и еще легче послезавтра?

— Нет, не будет. Но тебе лучше взять себя в руки, если намереваешься остаться. Ты вызовешь враждебность своих людей, если продолжишь в том же духе.

— Я возьму себя в руки, — Иво резко дернул рукой в грубом жесте, который прояснил значение слов, — при первой же возможности. Как ты и говорил, она просто женщина. Жил же я без них раньше.

— Ага. Все, что мы имеем и чему сейчас обязаны. — Бранд глубоко вздохнул. — Чушь. Другие приняли твой пример и начали смелеть. Как я смогу сказать им, что они никогда снова не смогут обладать женщиной?

— Точно так же, как объявил мне, — отвечал Иво и подумал о своей жене, одной в кровати, поворачивая лошадь к лесу, ставшему для них обоим убежищем и тюрьмой.

Он не хотел служить причиной ее боли, напомнила себе Алейда, приступая к работе на следующий день. Внимательный муж — редкая вещь. Хорошая вещь.

Так почему же она была расстроена, что он не лег с ней? В конце концов, она даже не желала его как мужа. Она не была уверена даже сейчас, что сделала, особенно если единственный раз, когда она, возможно, видела его, была ночь, когда муж использовал ее для своего удовольствия. Но нет, так нечестно: он позаботился о ее удовольствии, к тому же, ради всего святого, он действительно сделал это и оказался не таким деспотичным, как она ожидала. Но его отказ объяснить ей, почему он должен оставлять ее так рано каждый день, раздражал, а странное поведение последним вечером оставило ее в замешательстве. Но он не хотел причинять ей боль.

Но, но, но.

Ее чувства к Иво весь день дико метались туда-сюда, как будто от пощечин порывов ветра на улице. День был ненастен, ветер принес с собой ледяной дождь, а когда стало еще холодней, Алейда распорядилась, чтобы посильнее разожгли очаги, и было достаточно факелов и свечей, светящих слугам, работающим в доме.

Воспользовавшись временным затишьем во время ливня, она закуталась, чтобы защититься от ветра и отправилась на кухню, присмотреть за тем, что приготовление вечерней трапезы идет полным ходом, а у кухарки есть все необходимые ей специи. Возвращаясь, она встретила с Уотом, пересекавшим двор. Он опустил голову, чтобы уберечься от ветра, надвинув свой широкий капюшон так, что она почти не узнала его.

— Добрый день, Уот.

— Добдемледи, — пробормотал он под капюшоном, поспешив прочь. Его голос звучал странно неразборчиво, как будто он говорил с полным ртом хлеба. Что-то было не так.

— Минутку, судья.

Он остановился, но не обернулся.

— Да, м'леди?

Алейда нахмурилась.

— Да что с тобой приключилось, Уот?

— Ничего, м'леди.

— Тогда повернись и посмотри на меня как подобает.

— Моя леди, я... — начал он.

— Посмотри на меня! — скомандовала девушка. Уот медленно повернулся и поднял голову. Капюшон упал назад, и Алейда задохнулась. Левая сторона его лица так распухла, что выглядела так, будто бы принадлежала другому, более крупному мужчине, темный безобразный синяк расплывался от подбородка через разбитую губу вверх по щеке.

— Кто сделал это с тобой?

— Я, а, влетел во фто-то в тумане профлой ночью, м'леди.

Видимо, его язык распух, как и его мозги, если он подумал, что она поверит в такую болтовню.

— Не лги мне, судья.

— Я не осмелился бы, моя леди. Гошподь швидетель, я наткнулся на што-то. Што-то твердое, — добавил он непонятную фразу.

— Что? — потребовала она ответ. Заготовленного ответа у него не было. — Скажи мне, кто ударил тебя. Посмотрим, что он из себя представляет.

— Это моя шобштвенная ошибка, м'леди. — Мужчина попятился, поклонившись, говоря, после чего повернулся и стремглав бросился прочь, прежде чем она смогла сказать что-то еще.

Алейда проследила за ним взглядом, покачивая головой. Поскольку она не терпела ни драк, ни пьянства среди своих людей, похоже, его синяки были результатом обоих прегрешений, и поэтому он лгал. Ну, она достаточно скоро обнаружит и разберется с этим. Все, случавшееся в окрестностях поместья или деревни и достойное внимания, достаточно быстро находило свою тропинку к ушам Беаты, а от них — к ее собственным. Алейда метнулась в дом, когда ветер разразился свежей пеленой дождя.

Женщины в отсутствие работ по кухне сгрудились у очага в соляре с прядением и шитьем. Алейда присоединилась к ним и, вытащив иглу из небольшого хозяйственного мешочка для мелочей, вернулась к трудностям зигзагообразного орнамента на алтарном покрове, Беата плюхнулась возле нее с корзинкой штопки.

Взрыв хихиканья заставила Алейду бросить взгляд вверх. Ее щеки вспыхнули, когда она увидела первый предмет одежды, который Беата вытащила из своей корзины: разорванную камизу с ее брачной ночи.

— Я могла бы проложить шов, миледи, с небольшой вышивкой, чтобы скрыть его, — невинное выражение лица Беаты противоречило озорному смыслу слов. — Или мне сделать петельки для шнурков?

Все женщины ожидающе уставились на Алейду. Она заколебалась лишь на мгновение. Беата поймала ее в момент, когда она была весьма благожелательна к Иво, и чертенок дернул ее за язык.

— Петельки. Хотя недостаток терпения у моего лорда может весьма и весьма сказаться даже на завязках.

Смех был искренним, а шутка надежно ввела ее в сообщество замужних женщин. Хадвиза и другие девицы были быстро оттеснены в дальний угол, и тема приняла быстрый разворот от деревенской болтовни без упоминания Уота к обсуждению мужчин и постели, а оттуда к детям и вопросам, имеющим отношение к родам. К тому времени, как служанки отложили свое рукоделие и направились вниз, чтобы накрыть к ужину, она сидела с широко-распахнутыми от новых знаний и свежих опасений глазами.

— Не позволяй им испугать себя, моя леди, — произнесла Беата, убирая иглу в

деревянную шкатулку и надежно упрятивая ее там. — Ты создана для деторождения. У тебя хорошие, широкие бедра, и муж с сильным семенем, чтобы посадить его в твоём лоне. Когда придет время, ты родишь здоровое дитя.

— Это беспокоит меня, Беата.

— Это беспокоит всех женщин. Но ты справишься с этим, ягненок, уверяю тебя.

Ее уверенность была бальзамом на душу, и Алейда позволила ей облегчить свой ужас. Она воткнула иглу в шерстяную ткань и встала.

— Посмотрим, каким волнениям подверглись мужчины сегодня?

Никаким, как оказалось, и, по сути, была проделана хорошая работа. Говоря по секрету, Эдрик и другие изготовили более дюжины новых ложек из рога, костяную рукоять ножа и замечательное веретено, чтобы заменить сломанное перед Рождеством, в то время как старший конюх унес две починенные уздечки и заново переплетенный ремень подпруги, когда он вышел с Томом проверить лошадей на ночь.

Никаких признаков Иво и Бранда не было ни к тому времени, как вернулся старший конюх, ни к тому, когда зал был готов, и все руки вымыты. Все они были наготове, Алейда рассеянно поигрывала ключами, пока еда остывала. Она почти отдала распоряжение начинать, когда дверь распахнулась под порывом ветра, внезапно появились выглядящие как дикари Иво с Брандом, и принялись стряхивать воду со своих волос.

— Неси сухое белье и гауны, — распорядилась Алейда. Слуга заторопился прочь, а она привлекла жестом другого. — Кухарка должна была подогреть медовухи, чтобы подать после ужина. Принеси немного сейчас и поспеши.

Иво и Бранд направились прямо к очагу, сбрасывая свои промокшие плащи и перчатки ближайшим служанкам, чтобы развесили. Испачканный ворон уселся на свою жердочку, а оба мужчины начали скидывать одежду.

Она узнала это красивое тело, поняла Алейда с внезапным ударом собственнических чувств, когда следила за тем, как ее муж сдирает с себя брэ, она узнала эти мускулы и шрамы, которые разглядывала ночью. Холоп вернулся с сухой одеждой, и когда Иво натянул чистую, белую камизу, на нее это произвело такое впечатление, что она облизнула губы, как если бы он был обильно политой жирком бараньей ногой.

Вспыхнув, она отвела глаза, схватила пару полотенец для посуды и поспешила вперед.

— Вот. Высушите ваши головы, пока не подхватили простуду.

— Слишком поздно для этого, миледи, — объявил Бранд, принимая полотенно. — Я промок до костей. Там наружи отвратительная погода.

— Я поражаюсь тому, что вы оставались на улице весь день. — Она поняла, что слова, вырвавшиеся из ее губ, прозвучали более неодобрительно, чем она намеревалась, и, когда Иво повернулся чтобы взять второе полотенце, выражение его лица заявляло, что он весьма плохо воспринял их.

— Жена. — В слово он вложил и приветствие, и предупреждение.

— Добро пожаловать домой, мой лорд. — Она поместила улыбку на свое лицо, но давешний бесенок вернулся, сейчас же раздражаясь от его тона. — Вы насладились доброй... охотой, правда?

Мужчина прекратил вытирать полотенцем голову и оценивающе посмотрел на нее.

— Нет.

— Ах. Ну, я представляю, что у большинства диких тварей есть... — Она начала говорить, тем не менее, повинаясь здравому смыслу, ухитрившись немного попридержать

бесенка. — Место, чтобы пересидеть дождь. — Алейда показала на ворона, который несчастно нахохлился на железной ветви, которая когда-то поддерживала ястреба ее деда. — В отличие от бедной птички, которая выглядит так, как будто сидела на насесте под водопадом.

Бранд высунул голову из туники, которую натягивал.

— Уверяю, миледи, у него был замечательный приют большую часть дня.

— Лучше, чем у нас, — кисло добавил Иво, швыряя полотенце в ожидающую руку слуги. — Где, к дьяволу, та медовуха, за которой ты посылала?

Медовуха, прибывшая в самый короткий срок, оказалась единственной теплой вещью за всю трапезу, включая, к ужасу Алейды, ее супруга. Воин, спаливший своим поведением ее оборонные рубежи за последние две ночи, был холоден, как погода, тратя большую часть времени ужина на беседу с Брандом и уделяя ей внимания едва лишь достаточного с точки зрения вежливости. Не было ни одного случайного прикосновения, которое вызывало трепет ее чувств, ни одного голодного взгляда, превращавшего ее в кисель, ни одного сладкого словечка и озорной шутки, что заставляли ее разум бешено крутиться вокруг мыслей о теле к телу. Был только лишь вежливый, отчасти строгий лорд, который мог быть заезжим незнакомцем. К тому времени, как внесли имбирную коврижку, означавшую конец ужина, Алейда была готова запустить ее в Иво.

В итоге, однако, сэр Бранд быстро откланялся, и Иво склонился к ней. Ну, наконец-то, подумала она прежде, чем он заговорил.

— Я объяснил свои отлучки в той мере, в которой планировал, Алейда. — Он говорил тихим голосом так, что его слова предназначались только лишь для ее ушей. — Не требуй их от меня снова, особенно перед всеми.

— Ты неправильно понял мои первые слова, мой лорд.

— Возможно, но не то, что было потом.

Она открыла было рот, чтобы протестовать, но обнаружила отсутствия весомого аргумента.

— Допустим. И все-таки я пыталась смягчить свои слова.

— Не слишком успешно.

— Нет, полагаю, нет. — С нижних столов они, вероятно, производили впечатление воркующих голубков. Алейда поддержала ошибочное мнение полуулыбкой, когда напомнила ему:

— На худой конец, вы из-за меня смеялись.

— Что развлекает меня наедине и что я буду терпеть перед своими людьми — две разные вещи.

— Ну, тогда, возможно, Вам стоит составить перечень правил, милорд, так, чтобы я смогла запомнить их. — Алейда отломила кусочек коврижки и начала подносить ее ко рту.

Иво остановил ее, придерживая руку жены так легко, как будто она могла принадлежать совсем крохе.

— Ты поступала хорошо до этого последнего выпада.

Она взглянула вверх и обнаружила веселые искорки в его кремниевых глазах. Необычный трепет удовольствия подавил большую часть раздражения, испытываемого ею в предыдущий момент.

— Моя бабушка, упокой Господь ее душу, часто указывала на мою неспособность остановиться в нужный момент.

— Так это не только лишь я.

— Нет, мой лорд, хотя ты, кажется, делаешь это хуже.

— Я? — До того, как она смогла ответить, он развернул ее руку и отправил имбирную коврижку в рот. Его губы мазнули по кончикам пальцев девушки, и точно также между ними возникло тепло.

— Я кое-что упустил, — прошептал Иво и склонил голову, чтобы кончиком языка слизнуть крошку. Там должно быть оказался еще один кусочек, потому что он снова потянулся, медленно погружая кончик ее большого пальца себе в рот в поисках неуловимого комочка. Он пососал, и ощущение этого пронзило Алейду, мчась по руке через все тело. Она понимала, что он подготавливает ее, намекая, что сделает это позже, в огромной кровати, но не с ее пальцем, а с ее сутью, которая ощущала добычу мужского рта, пульсируя от желания.

Алейда залилась краской от безнравственного нетерпения своей похоти, неспособная оторвать глаз от руки, которая держала ее так сильно, так нежно. Бедная рука. На свету она выглядела намного хуже, чем прошлой ночью, вся разбитая и в синяках. Она наклонилась, чтобы прикоснуться поцелуем к распухшим костяшкам.

— Мой лорд, — голос Бранда рубанул между ними как бродэкс [\[35\]](#). — Напоминаю, что ты желал поговорить с Освальдом.

За вздох, возможно, за два, Иво стал камнем. Он сидел неподвижным, далеким, каким-то чужим, пугая борьбой в глазах. После чего его лицо прояснилось, и он поднялся.

— Прошу прощения, миледи, у меня есть дела, требующие внимания. Вы же пожелаете удалиться. — Все еще держа ее за руку, он нежно потянул, чтобы поднять ее на ноги и подвести к подножью лестницы.

Стремительность перемены ошеломила Алейду, как и внезапный способ, которым она была отпущена и как дитя отправлена в кроватку. Она стояла там, в дымке возбуждения, пытаясь понять, что случилось, ища глазами в его лице, в манерах какой-то ключ к разгадке. Ее взгляд еще раз остановился на держащей ее руке.

Повреждение на самом деле были хуже, чем она представляла. Ссадина на костяшках была больше, синяки — темнее. Цепочки кровавых вмятин, проходившей по верхней части пальцев точно в таком же порядке, как зубы, прошлой ночью не было. С тех пор он что-то ударил, и жестко, судя по виду. Что-то твердое... Внезапно вся картинка собралась.

— Уот.

Когда Алейда взглянула вверх, в его глазах была истина. Он перехватил ее другой рукой и умышленно медленно согнул ушибленную перед женой.

У нее внутри похолодело.

— Неудивительно, что он никому не сказал о том, кто его ударил.

— Это не твоя забота.

— Моя. Они — мои люди.

— Сейчас они мои точно так же как и твои. Никто безнаказанно не оскорбит мою жену.

— Я не получала никаких оскорблений.

— Получал я. Вопрос закрыт, Алейда. Иди в постель. Мое дело с Освальдом задержит меня ненадолго. Я поднимусь позже.

— Не утруждайте себя, монсеньор. — Она рывком освободила руку. — Вы, конечно же, весьма приятно отдохнете в зале.

Ее ноги сделали только первый шаг, когда он сгреб ее и развернул в своих руках. Поцелуй, которым он прижался к ней, был кратким и безжалостным, демонстрация силы, в

которой не было и следа симпатии. Закончив, он прижался губами к ее ушку. Тихое рычание вторило бешенству, которое сотрясало обоих.

— Никогда даже не помышляй отлучить меня от своей постели, мадам. Этот выбор мой, а не твой. Ты поняла?

Она кивнула.

— А сейчас пошла, и остановись на площадке, где все смогут увидеть, что ты желаешь мне приятной доброй ночи. Мне не нужно, чтобы весь зал знал, что происходит между нами.

Иво отпустил ее и шагнул назад. Алейда задрала подбородок и с гордым видом промаршировала по лестнице, со злости проносясь по площадке. Рука уже коснулась двери, когда девушка осознала свое неповиновение, но она была не готова к полномасштабным военным действиям с мужем, поэтому отдернула ладонь и обернулась, чтобы посмотреть вниз на него. Ради всего святого, тот вид, с которым Иво стоял там, никак нельзя было неверно истолковать.

Словно одерживая чем-то, она обнаружила, что сладенько интересуется:

— Вы уверены, что не подниметесь сейчас, муженек?

Он прищурился, и она смогла увидеть, как сжимается и разжимается его кулак, как будто бы он хотел подняться и избить ее. Позволь себе это, и он потеряет каждого человека в зале.

— Позже, — пообещал он. Поклялся. Пригрозил.

— Ах, хорошо. — Она заставила свои губы раздвинуться в улыбке. Девушка подозревала, что стала весьма искусной в таких улыбках, прячущих в своих уголках отсутствие радости. Она изображала милую учтивость, хотя глазами предлагала ему сгореть в аду. — Да пошлет тебе Господь хорошую ночь, муж.

— И тебе, жена. Веди себя хорошо. — Он переключился на другие заботы.

— Беата, Хадвиза. Проводите. — Ожидая своих служанок, она наблюдала, как Иво кивком подозвал Освальда присоединиться к нему у огня. В конце концов, за столом не осталось ни одного гостя, лишь лорд Иво де Вэсси, в полном смысле слова король среди мужчин, с тяжелой дланью Вильгельма и своей готовностью использовать его. Она должна сохранить свое первое мнение о нем и не позволять одурачить себя притворным обаянием и искусным обольщением.

Снова она эту ошибку не совершит.

Но дверь на засов она не заперла.

Миновала почти неделя, прежде чем Иво снова столкнулся лицом к лицу с Уотом. К тому времени на его руке осталась лишь одна слабая полоска, показывающая, где у него навсегда останется шрам, скорое исцеление было одним из немногих благодеяний, пришедших с проклятием Квен.

Уот так хорошо не поживал. Когда, в конце концов, он прокрался назад в замок согласно недвусмысленному приказу Иво, его нижняя челюсть переливалась пурпурным и зеленым цветом синяка, а безобразная короста все еще крепко держалась на губе. За ужином он осторожно следил за Иво с нижнего стола, держа голову опущенной, а рот закрытым, пока вокруг него и изредка о нем летали смех и шутки. Изменение в поведении Уота заставило Иво морщиться внутри. Он бы обошелся с судьей по-другому, если бы тот не вывалился из тумана в неверный момент. Прискорбно, но, возможно, Уот получил урок, который позднее убережет его от беды. При дворе Вильгельма были дворяне, которые запросто бы вырвали у Уота язык и за меньшее.

Алейда сидела как каменная дева по левую сторону от Иво. Она была такой каждую ночь — далекой, весьма вежливой, тише, чем он предполагал, было возможно, и, несмотря на то, что стальной холод в каждом ее слове и жесте облегчал сопротивление порыву последовать за ней в постель, это начинало утомлять. Сейчас он вернул контроль над собой. Наступило время проверить, сможет ли он привести в порядок отношения с Уотом и положить конец, по крайней мере, самому сильному гневу новобрачной.

Она с трудом положила последний кусочек еды в рот, поднялась и указала жестом на своих дам:

— Сейчас я удаляюсь, монсеньор.

— Отлично. Мы с Брандом присоединимся к вам в соляре. Игнорируя ее неодобрительно скрещенные руки, он кивком подозвал управляющего.

— Джеффри, распорядись, чтобы принесли наши кресла, и присоединяйся к нам с Освальдом и Уотом.

Алейда бросила на судью такой симпатизирующий взгляд, что Иво захотелось встряхнуть ее. Кивнув ее служанкам, чтобы они следовали за ними, он взял ее за руку.

— Пойдем, жена. Мы проведем приятный вечер вместе.

Она без замечаний позволила ему провести ее вверх по лестнице, но пошла к своей раме для вышивания, вместо того чтобы занять свое место рядом с ним у очага. Ее дамы расселись рядом, в то время как Бранд, Джефф и Освальд сгруппировались возле Иво. Уот помедлил у двери.

— Возьми стул, Судья, — приказал Иво.

— Да, милорд. — Уот нашел табурет, ставя его, как заметил Иво, слегка за Освальдом и ближе к Алейде, чем к нему.

— Вы все знаете о приказах короля на счет замка в Олнвике, — начал Иво. — Встал вопрос, где его строить? Ари рассказал мне, что между вами тремя есть некоторое разногласие по поводу самого лучшего места.

— Ага, мы не соглашаемся, — ответил Освальд. — Джеффри говорит о вершине холма. Я предлагаю прямо здесь, как и Уот.

— Почему?

— Колодец, милорд. Из-за него.

— Колодец? — воскликнула Алейда, бросив взгляд над своим рукоделием. — Ты же, конечно, не веришь в старую сказку, Освальд.

— Но он верит, миледи, — заявил Джефффри, бросая Освальду самодовольный взгляд. Румяные щеки конюшего превратились ярко алые.

— Может быть и старая сказка, но я видел и слышал достаточно, чтобы понять, что в ней что-то есть. И крестьяне считают так же.

Джефффри фыркнул.

— Зачем лорду Иво принимать свои решения, основываясь на байках батраков?

— Поскольку он знает, что батраки могут быть так же мудры, как и экономы, — заявил Иво, раздраженный тоном Джефффри. — Они очень часто придумывают свои сказки по достаточным основаниям.

— Здесь причина — напугать детишек, монсеньор, так, чтобы они держались подальше от колодца и не утонули. — Алейда взглянула на Беату и улыбнулась. — По той же самой причине моя кормилица рассказывала эту историю мне.

— Так ты знаешь эту сказку, Беата?

— Ага, мой лорд. Всякий в Олнвике знает ее, и многие придают ей огромную важность.

— Тогда и мне должно услышать ее до того, как я вынесу решение. Расскажите мне о роднике.

Он не отправлял последнюю фразу никому в частности. Освальд и Джефффри переглянулись. Джефффри поднял руки и замотал головой.

— Не верю я в эту чепуху.

— Это не чепуха, — выпалил Уот, добавляя, — милорд.

— Ты верующий, Судья? — поинтересовался Иво, и на его кивок, — Тогда рассказывай.

— Но, милорд, — начал Джефффри.

— От выслушанного не будет никакой беды, — заявил Иво. — Продолжай, Уот.

Выглядев так, будто желая держать свой рот захлопнутым и дальше, Уот бросил взгляд на Освальда, который одарил его кивком. Судья все еще колебался. — Мне не нравится говорить об этом, милорд. Мой папаша с трудом поведал бы об этом из-за страха, что рассказанное призовет дьявола.

— Он никогда не появлялся, когда Беата рассказывала мне сказку, — сказала Алейда. — Молю, расскажи ее для моего развлечения, Уот, если не ради чего-то иного. Это хорошая сказка, я годами ее не слышала.

— Но, миледи...

Иво откинулся на кресле и вытянул ноги, сцепив ступни.

— Еще будет время поговорить, Судья.

Уот побагровел под своими синяками, став похожим на перезрелую сливу.

— Ага, милорд. — Кивнув Алейде, он начал. — Жило огромное и ужасное чудовище, мой лорд, в стародавние времена, еще до времен короля Альфреда.

— Что за чудовище?

— Не знаю, милорд, но, говорят, грозное. Тварь, которая причиняла вред всему королевству, пока герой, храбрый рыцарь по имени сэр Эгберт не прискакал с севера на крылатом коне. Он нашел чудовище, сразился с ним и поверг его. Ага, он вырезал сердце из туши, а чудовище все равно было живо.

Вопреки своей немногословности, Уот быстро погрузился в ритм своего повествования. Иво вспомнились прежние времена, рассказанные Ари у огня длинные саги. Он обнаружил

Бранда, смотрящего на ворона, сидящего на жердочке, и увидел те же самые воспоминания, отражающиеся в глазах друга.

— Чудовище поднялось и сбежало, а сэр Эгберт преследовал его по горам и долам по всей земле, пока тварь не обнаружила огромную нору и не спряталась, продолжил Уот. — Когда сэр Эгберт увидел, что он захватил чудовище, он сбросил огромную скалу в яму, такую громадную, что никакой другой человек не смог бы сдвинуть ее, и пометил знаками, чтобы никто даже и не пытался.

— Стоячий камень [\[36\]](#), - подсказала Алейда. — Я сама видела символы. — Сияя глазами от радости, она отложила иглу и встала, чтобы занять свое кресло. И, даже не смотря на то, что Иво знал, что она сделала так только для того, чтобы лучше слышать, иметь ее под боком по своей собственной воле доставляло ему удовольствие.

— Я долго считала, что чудовище должно было быть большим драконом. Огромным алым драконом с глазами цвета янтарного огня. Прекрасным, но смертоносным, как такая тварь и должна быть.

Она подшучивала над Уотом, который ответил ей в тон.

— Возможно, так и было, миледи, а, возможно, и нет, но каким бы существом оно не было, его сердце все еще билось в руке сэра Эгберта. Он метнул его, собираясь сбросить в море рыбам на корм. — Здесь Уот изобразил свои слова, кидая невидимое сердце прямо в далекий океан. — Но оно упало недалеко и приземлилось в Олнвике, который в то время был лишь простой деревушкой. Оказавшись там, оно пробило глубокую дыру, а со дня ямы забил ручеек, да такой сладкий и чистый, что был построен колодец, чтобы набирать воду. Сэр Эгберт был назван победителем, люди осыпали его золотом и серебром, а местный лорд, чье имя было Бисбрайт, отдал ему свою дочь в жены. Сэр Эгберт усадил ее позади себя на крылатого коня и унес прочь в свои собственные земли.

— А парень-то мне по душе, — откликнулся Бранд. — Сразил врага и ускакал с женщиной.

Все рассмеялись, Уот подождал, пока прекратится веселье до того, как продолжил.

— И все было хорошо до следующего новолуния. Тогда Олнвикский холм начал дрожать, а колодец стал издавать странный шум. Люди съезжались в ужасе и призывали своего лорда защитить их. Когда лорд Бисбрайт увидел, что случилось, он отправил священника на холм, чтобы помолиться об избавлении, но священник был трусом без истинной веры, он спустился белый от ужаса и сбежал прочь.

— Тогда лорд Бисбрайт послал за мудрой женщиной, исцелявшей старыми способами, жившую поблизости в лесу. Она оставалась на холме три дня и три ночи, а когда, наконец, она спустилась, она рассказала лорду Бисбрайту, что чудовище ползет под землёй в поисках своего сердца, всю дорогу от ямы, где его загнали под землю и поднимается внутри холма. Женщина объявила, что Олнвик будет в безопасности, только если лорд Бисбрайт построит свое поместье на месте, в котором она укажет своим посохом, на той земле, которая защитит колодец и удержит чудовище под надзором. Она предупредила, что если чудовище снова соединиться со своим сердцем, оно вернется к жизни более сильным и злобным, чем прежде.

— Так лорд Бисбрайт построил этот замок на том самом месте, и заключил договор с крестьянами хранить колодец и защищать их от чудовища, а они обещали ему служить верой и правдой так долго, как он будет делать это. Когда тварь обнаружила, что не сможет добраться до своего сердца, она успокоилась и стала выжидать.

— И там же она все еще продолжает лежать, — закончил Уот, — свернувшись внутри холма, спит до того дня, когда люди позабудут, и она сможет пробудиться и потребовать свое.

В комнате надолго затихли, даже Алейда подчинилась темному волшебству концовки.

— Хорошо рассказано, Уот, — в конце концов, заявил Иво. — Хорошо рассказано, в самом деле, но насколько это правда?

— Это то, что мой отец рассказывал мне, а его отец — его, а его отец до этого.

— Крестьянская байка, — поднял его на смех Джефф.

— Мы уже знаем твое мнение, Эконом, — ответил Иво. — Что с тобой, Освальд? Ты говоришь, что видел и слышал достаточно, чтобы уверовать.

— Возможно, уверовать — это слишком сильное слово, милорд, но я, по крайней мере, сомневаюсь. Я слышал историю годы назад и никогда не придавал ей значения, пока однажды в полночь не испытал жажду и не вышел, чтобы раздобыть себе попить, и... — Конюший заколебался, почесывая седую щетину на подбородке.

— Что?

— Я не уверен, милорд. Я услышал в колодце глухие удары как «шш-тамп... шш-тамп». — Он издал звуки ударов медленно, пропуская длинные паузы между, после чего тряхнул головой. — Я бы не поверил в это, не услышь сам.

— И не забывайте о холме, — сказал Уот. — На нем есть определенные места, в которых вы можете услышать дыхание чудовища.

Иво взглянул на Освальда.

— Я и это слышал, — чуть застенчиво признал конюший. — Или, по крайней мере, какой-то шум, который звучит как дыхание большого животного. Не скажу точнее.

— А что остальные крестьяне? — спросил Иво Уота.

— Они, так же как и мы, мой лорд: некоторые верят, некоторые нет, кто-то сомневается, — ответил Уот. — Те, кто верят, боятся, что здание на вершине холма может пробудить чудовище, и, к тому же, не будет замка, чтобы стоять на страже у колодца. И даже те, что не верят, зададутся вопросом, а не собирается ли новый лорд Олнвика разорвать древний договор.

— Нет записей о таком договоре, милорд, — заявил Джеффри.

— Просто потому, что он не записан в твоих латинских письменах, еще не означает, что он не существует, — заметил Бранд. — Я слышал более странные истории, чем эта, которые подтверждались.

— Как и все мы, — ответила Беата, эхом повторив мысли Иво.

— Построим здесь, милорд, — подстегнул Освальд. — Используем двор помещичьего дома как замковый. Охранять колодец и хранить смысл вольных людей Олнвика. Достаточно простая штука.

— Какой смысл им в замке, построенном только для того, чтобы пасть перед Дональдом Бейном [\[37\]](#) или кем-то, кто придет после него? — спросил Иво. — Малькольм [\[38\]](#) был убит всего лишь в лиге [\[39\]](#) от ворот Олнвика. Шотландцы рано или поздно вернуться, а построенное на этом пятачке оставит возвышенность врагу.

— За все года, что шотландцы совершали набеги на Олнвик, ни разу они не задержались на холме дольше одного дня, — ответил Освальд. Они заезжали вверх, но когда наступало следующее утро, покидали его. Что-то прогоняло их за ночь.

— Грязное дыхание чудовища, — проворчала Беата. Алейда шикнула на нее.

— Нет, пусть говорит, — распорядился Иво. — Ты самая старшая здесь, Беата. Что ты знаешь о монстре?

— Не больше Уота, мой лорд. Как моя леди и говорила, я рассказывала историю, чтобы держать ее подальше от колодца как ребеночка, но я верю в него.

— Тогда что с договором между поместьем и деревней?

— Я слышала, что так утверждал лорд Гилберт, когда он впервые принял власть над Олнвиком, но меня там не было, чтобы убедиться.

— Потому что этого не происходило, — вставил Джеффри.

— Твоя уверенность смущает меня, Эконом, учитывая, что тебя в любом случае не было здесь тогда, — заметила Алейда. — Ты ни старик, ни родился в Олнвике, даже я помню, когда ты впервые появился у нас.

— Истинно, моя леди, но с годами я изучил каждую запись. Ни на какой договор, касающегося колодца, нет ссылок.

— Возможно, предыдущие экономы были не столь заботливы, как ты. — Иво обернулся к Уоту. — Кто самый старый человек к деревне?

— Сеольсиж, который живет у луга, милорд, и Дрого Слепец.

— Доставь их завтра, чтобы поговорить с сенешалем о том, что случилось во времена лорда Гильберта. Они присягнут на Евангелие, а ты и двое других вольных людей по твоему выбору будут свидетелями того, что они расскажут. — Иво одарил Джеффа жестким взглядом. — И в это время все, что ни сказано, будет записано.

— Да, милорд, одновременно ответили Джеффри и Уот.

— Я должен все это обдумать. Это не то решение, которое нужно принимать лишь с частью или вообще без всех этих фактов. — Иво подскочил на ноги, и все слуги поднялись с ним. — Сегодня вечером, однако, я предлагаю всем вам благодарность за то, что высказали свое мнение. Джеффри, что мы обычно платим *jongleur* за вечерние развлечения?

— Стол и кров, и два денье [\[40\]](#), милорд.

— Тогда отмерь такое же значение, чтобы отдать судье в семенах на его выбор, сегодня он сыграл роль *jongleur* и сыграл хорошо.

— За это не нужно, мой лорд, — попросил Уот.

— Прими, Уот, не только из-за того, что передал мне ценную информацию, но и заставил мою леди улыбнуться. Это имеет огромную ценность для меня, как и хороший судья.

— Тогда мои благодарности, милорд. Я не полный дурак. — Уот осклабился так широко, что его губа снова лопнула. Кровь он промокнул рукавом, но ухмылка осталась, когда он направился на нижний этаж за Джеффом. Когда дверь за ними захлопнулась, Иво мельком взглянул на Освальда, хлопая по плечу. Одна ошибка исправлена.

Другая пристально наблюдала за ним в своей осторожной манере. Иво решил в ближайшее время не обращать на жену внимания.

— В шахматы, Бранд?

— Только если твоя леди поможет мне. Я все еще не слишком хорош в игре.

— Конечно, мессир, — Алейда встала и подала знак Беате и Хадвизе поставить шахматный столик на место. — Хотя Освальд и рассказал мне, что ты самостоятельно разбил его в пух и прах прошлой ночью.

— Только лишь случайно, моя леди. Я грубо ошибся в его короле, не разобравшись.

— Тогда позволь нам проверить, сможем ли мы поправить твои промахи. — Она начала

подготавливать игру. Иво не помогал: смотреть, как она расставляет фигуры, уже было достаточно, чтобы выгнать его обратно в ветреную ночь, так хорошо и плохо это было. Он изучал носки своих сапог до тех пор, пока она не закончила, после чего занял свое место, когда Алейда усаживалась возле Бранда.

Они погрузились в игру, когда Иво начал обсуждение.

— Итак, что ты думаешь?

— Это идет против всего, что я знаю о войне, строить крепость у подножья холма, — заявил Бранд.

— Согласен. — Иво коснулся пальцем слона, после чего передумал и пошел вместо этого соседней ладьей. — И все же, поместье долго здесь продержалось. А что ты, моя леди? Ты ничего не сказала о замке, хотя подозреваю, что твой интерес лежит глубже, чем алый дракон с глазами янтарного пламени.

Его попытка заставить ее улыбнуться прискорбно провалилась. Алейда кивнула Бранду, когда тот потянулся за пешкой, после чего посмотрела на Иво с выводящей из себя вежливостью.

— Это ваше решение строить, монсеньор, не мое.

— Тебе может понадобиться оборонять замок в мое отсутствие. Где бы ты лучше это сделала?

— На вершине холма было бы легче, но это слишком далеко от деревни. Если шотландцы внезапно нападут на нас, люди не удержат безопасность стен. И существует проблема воды.

— Ари предлагает резервуар, чтобы собирать дождевую воду.

— Даже в наши самые дождливые годы, он быстро пересохнет из-за деревни, армии и всех лошадей, пьющих из него. Шотландцы могут просто подождать нас снаружи, напиваясь из нашего замечательного колодца, пока мы будем дрябнуть, как прошлогодние яблоки.

— На горе совсем нет ни ручейков, ни родничков?

— Ни одного, насколько я знаю. Беата однажды заявила, что драконье пламя, должно быть, высушило всю воду.

Кормилица захихикала над своим шитьем.

— Вам было всего лишь четыре годика, когда я это сказала, моя леди. Вы еще помните такие вещи?

— Моя леди жена проворная, кормилица, что должно быть хорошо тебе известно.

— Ага, м'лорд, проворная в учебе, проворная на гнев и, ко всей нашей удаче, проворная на прощение, за исключением того, когда не хочет. Тогда она упрямится и притормаживает прощение, что вы желаете, чтобы она сделала.

— Так я учусь. — Игнорируя, тем не менее, еще один кислый взгляд жены, Иво, пойдя конем на ладью Бранда, срубил его. — Шах и мат.

Алейда выпрямилась, раздраженно вздрогнув. Вместе с Брандом они изучали доску.

— Мои извинения, мессир. Боюсь, именно я — та, кто грубо ошибалась все это время. Я должна была увидеть, что конь скачет на Вас.

Хрюкнув, Бранд свалил своего короля на бок и потянулся за элем.

— Как должен был и я. Возможно, я вместо этого должен играть в мерельс [\[41\]](#).

— И, возможно, я должна была бы присоединиться к Вам, — заявила Алейда. — У меня явно нет умственных способностей для шахмат сегодня вечером.

— Не сдавайтесь так быстро, жена, — заметил Иво. Он начал снова расставлять

фигуры. — Займите место Бранда. А он может поиграть в мерельс с Беатой.

— Я бы предпочла этого не делать, монсеньор.

Иво только лишь улыбнулся и предложил ей играть белыми. Она явственно запыхтела и непреклонно, предупреждающе посмотрела на Бранда, когда он подвинул ее кресло к столу.

— Ты не можешь заставить меня играть, — пробормотала она, когда Бранд ушел, чтобы сразиться с Беатой.

— Верно. В этот момент. — Он вручил ей белого слона, которого взял.

— Я быстро проиграю и вернусь к своему шитью. — Она поставила слона на место и передала ему черных пешек, захваченных Брандом.

— Замечательно. — Он выстроил своих пешек. — Ты начинаешь.

Она упрямо поджала губы и выдвинула пешку. Он сделал тоже самое, после чего продолжил зеркально отражать каждый ход, который она делала, отказываясь брать любую фигуру, даже когда она пожертвовала своей королевой.

Она сердито уставилась на его точно также предложенную королеву, что, тем не менее, было оскорблением.

— Ты играешь лучше этого, мой лорд.

— Пальцы Господа, я весьма надеюсь, что так.

Приподняв одну бровь, она разглядывала его как покупаемую лошадь.

— Что ты замышляешь?

— Сделать игру как можно длиннее.

— Зачем тебе желать этого?

— Я заключил мир с Уотом. Желаю сделать то же самое с тобой.

— Я не торгую своим расположением за меру семени. — Она поняла двойственное значение того, что заявила, и пояснила. — Зерна.

— Как и Уот. — Иво позволил ошибке пройти мимо ушей, когда она так заманчиво оговорила, и начал расставлять шахматы на начальные позиции.

— Вы оба перешли черту. Он заплатил своей губой. Я заплатил сегодня зерном и добрым словом перед лицом эконома, который старше его по рангу, и конюшего, приходящемуся ему приятелем. Мы вернулись к должному равновесию в качестве лорда и судьи. А сейчас мы будем обретать доверие друг к другу еще раз.

— Сомневаюсь, что это так просто, мой лорд.

— Просто, так и должно быть, чтобы любой ложный шаг не разрушил все, мы с Уотом поняли это. Он доволен тем, как сейчас обстоят дела. Ты видела его улыбку.

— Он улыбался, потому что ты наделил его семенами.

— Он улыбался, потому что я наделил его тем, что ему причиталось. — Кое-что он был должен и ей, хотя даже и не мог представить, как передать. — Твой ход.

Алейда задумчиво воззрилась на мужа, после чего двинула ту же самую пешку, что и в предыдущей игре. Он ответил с более разумной тактикой, и какое-то время они играли в тишине. Быстро стало ясно, что на этот раз она играет серьезно, она захватила обе его ладьи и угрожала ферзю. Иво направил все свое внимание на игру и ухитрился отразить дюжину ее ходов, но, в конце концов, она загнала его короля в угол.

— Шах и мат, мой лорд. — Она встала, показав тем самым, что победила.

— Еще раз, — настойчиво потребовал он. — Сядь.

С тайным умыслом Иво играл в третью игру, даже еще более не торопясь, тянул время, пока у нее не стали слипаться глаза, и Алейда начала прятать зевки в ладошку. После этого

он продержал ее за доской еще чуть дольше, убеждаясь, что она по-настоящему устала и готова ко сну, как и он.

В конце концов, зашёл слуга чтобы сгрести угли в кучу. Иво встал и обошел вокруг стола, чтобы поднять Алейду на руки.

— Мы закончим завтра. Время удалиться на отдых.

При этих словах ее глаза ярко вспыхнули, то ли от предвкушения, то ли от злости, Иво не был уверен, имеет ли это значение. Он не делил с ней супружеское ложе, о чем несколько раз напомнил себе, когда передавал жену ее служанкам.

Бранд поднялся и снял ворона с жердочки. В дверях он повернулся и сурово посмотрел на Иво.

— Ты уверен в этом? — почти беззвучно произнес он на норвежском.

Иво кивнул и громко ответил на французском.

— Увидимся утром.

— Ммм, — с сомнением протянул Бранд. Он склонил голову перед Алейдой. — Доброй ночи, миледи.

— Отдыхайте с Богом, мессир.

Дверь захлопнулась, оставляя Иво разбираться с видом Беаты и Хадвизы, разоблачающих его жену. Что вызвало в его воображении брачную ночь, но в тоже время он не мог позволить себе увеличить возбуждение.

С ним все было в порядке, пока они не начали расплетать косы девушки. Внезапное воспоминание о том, как ее упавшие волосы раскинулись по его коже, отправило пульсирующую кровь к паху с таким неистовством, что он почти застонал. Иво опустился в кресло, борясь за то, чтобы взять свое тело под контроль прежде, чем реакция станет очевидной всем.

Проклятье, но ему необходимо провести редкую ночь с Алейдой для того, чтобы подавить разговоры. Бранд еще раз предупредил его на пути домой, что это не будет легко, но нет, он был уверен в себе, самонадеянно полагая, что те разы за последнюю неделю, когда он получал освобождение от собственной руки, притупят страстное желание. Но он был здесь, и его одежды натянулись спереди так, будто он запихнул мозговую косточку себе в штаны. Он наклонился еще дальше вперед, чтобы скрыть свое состояние, пока женщины заканчивали с Алейдой. Кровать заскрипела, когда девушка заползла на нее, подчеркивая свою наготу в постели, повлекшее следующий прилив возбуждения.

Женщины вышли, оставив его, Алейду и сумасшедшее желание потеряться в ней, не обращая внимания на последствия. Она лежала на кровати, уставясь вверх на балдахин, как будто бы что-то пытаясь решить, после чего перекатилась на бок и приподнялась на одном локте.

— Я сейчас буду, — быстро сказал он до того, как у нее появился шанс сказать что-нибудь, что могло еще сильнее осложнить ситуацию. — Мне многое нужно обдумать перед сном.

Она сжала губы, чтобы не дать вырваться своему мнению, плюхнулась на подушку и стала лежать там, молча, следя за мужем. Он переживал, изучая доску до тех пор, пока расположение каждой фигурки не запыхало у него в мозгу, пока он не прекратил быть напряженным, пока ее глаза не закрылись, и она, в конечном счете, не начала благословенно похрапывать.

Звук заставил его улыбнуться наполовину с облегчением, наполовину с изумлением. Его

леди жена похрапывала. Это не был храп в полном смысле слова, не для мужчины, который провел жизнь, спя возле парней, чей храп мог испугать лошадей в соседней деревне, к тому же он подозревал, что она полностью будет отрицать, что храпит, но ему наоборот, это нравилось. Он сидел, прислушиваясь, как она еще глубже погружалась в сон.

Когда Иво окончательно уверился, что сможет справиться с тем, что ляжет рядом с ней, он погасил свечи, сбросил обувь и взобрался на кровать полностью одетый.

— Ммммф, — буркнула она и подкатилась к его боку, теплая, мягкая и пахнущая Алейдой. Он сделал глубокий вдох, обуздывая свои намерения, после скользнул руками вокруг нее. Да, сработало. Он мог бы позволить себе это огромное удовольствие, по крайней мере, в этом притворном браке. Поэтому он взял все, что смог, держа ее, пока дыхание девушки не замедлилось, и она не начала похрапывать снова, и дальше, пока она, в конечном счете, не откатилась прочь, и теплый отпечаток ее тела не остыл.

Когда Иво поднялся с постели некоторое время позднее, матрас и подушка носили отпечаток его тела для любого, кто проверит на следующее утро. Если очень повезет, то Алейда сможет даже вспомнить, что лежала в его объятиях. Он натянул сапоги, подобрал плащ и меч и отправился вниз в зал.

Воин обнаружил Бранда на улице, висящим над колодцем, с вздернутой головой, сосредоточенно вслушивающегося. Он бросил взгляд на подходящего Иво. — С тобой все в порядке?

Иво кивнул.

— Слышишь что-нибудь?

— Прислушайся сам.

На мгновение Иво сосредоточился.

— Я не...

Его прервал тихий, едва различимый рокот. Он склонился еще дальше над краем, рискуя сломать шею, чтобы засунуть голову насколько возможно далеко, и стал ждать. Шш-тамп, как гром или падающее дерево вдалеке за исключением того, что приходил звук снизу. Он висел там, задержав дыхание. Шш-тамп.

— Сердце дракона, — прошептал Иво.

— Нет. Слушай.

Шш-тамп. Он закрыл глаза и вслушался, как удары эхом отдаются в шахте колодца, слабые и медленные, но равномерные. Шш-тамп. Пауза. Шш-тамп. И тогда он узнал это, ритм, который существовал в его жизни столь много лет.

— Это море. Волны.

— Согласен. Именно то, что я думал. — Бранд с хеканьем вылез из колодца. — Волны у скал. Ты услышишь их только в абсолютной тишине. Чуть раньше дул бриз, и я не слышал шума. Когда же он утих...

— Побережье всего лишь в паре лиг отсюда, — прикинул Иво, также выпрямляясь. С помощью какой-то хитрости звук проносится сквозь землю и поднимается здесь. Неудивительно, что крестьяне боятся его. Большинство из них никогда не бывало за пределами Лесбери, чтобы слышать море.

— Ты собираешься рассказать им? — поинтересовался Бранд.

Иво качнул головой.

— Нет, кроме того, что должен. Хочу посмотреть, что есть поведать у стариков.

— Если нет ни чудовища, ни договора, ты сможешь воздвигнуть свой замок, где

пожелаешь.

Иво обернул плащом плечи и приколот застёжку на место.

— Есть договор или нет, я поставлю его там, где он принесет Алейде больше всего пользы, когда я уйду.

— Ммм, — Бранд бросил на него следующий из своих строгих, неоднозначных взглядов, после чего пожал плечами и кивнул. — Ты действительно желаешь направиться отсюда пораньше? Сомневаюсь, что Том уже подготовил лошадей.

— Возможно, и нет, — ответил Иво, но в любом случае они повернули прямо к конюшне.

Парой дней позже, Алейда, свесившись из окна, следила за группой мужчин, выписывающих огромный круг на поле за помещичьим домом. Для обмеров они использовали натянутую веревку, привязанную к столбу, вбитому в центре, и отмечали линию кольшками и порошкообразной известью. Другая бригада отмечала второй круг около пяти ярдов внутри первого, обозначавший, как она предположила, котлован, пока сэры Ари и Освальд, сидя верхом, следили за ними. Уот был одним из мужчин, проводящих линию. Джеффри она обнаружить не смогла.

— Я подумала, что шум должен был поднять Вас, миледи, — сказала Беата, входя в комнату и внося поднос с хлебом и холодным мясом. Маленький мальчик с кувшином и еще один с охапкой дров следовали за ней по пятам.

— Колени святого Петра, ну и мороз же здесь.

— Огонь прогорел, — ответила Алейда. — Итак, они начали строить замок. Я не предполагала, что планы уже изложены.

— Изложено достаточно, кажется. — Беата подняла кочергу и слегка поворошила угли. — И точно, прогорел. Возьми огонек и хворост для растопки в зале, Хью. А Ральф, ты иди и скажи Хадвизе, что она опоздала и миледи уже проснулась. Да, быстрее, вы оба.

Мальчишки унеслись, а Беата сдернула меховую полость с постели и подошла, чтобы обернуть ее вокруг плеч Алейды.

— Отойди от окна, ягненочек, пока не подхватила простуду.

— Снаружи теплей, чем внутри. — Алейда оперлась на подоконник и попыталась представить разводной мост, соединяющий загон для скота, которому вскоре предстояло стать двором замка, с мотом и башней, которые вырастут внутри опоясывающего рва.

— Я ждала, что он будет строить его здесь, после того, что рассказали Дрого и Сеольсидж, но не знала, что они планировали начать этим утром.

— Они решили прошлой ночью, после того, как вы поднялись в опочивальню. Ты уверена, что чувствуешь себя хорошо, ягненочек? Ты уснула так рано.

— Я просто немного устала. А сейчас утром чувствую себя превосходно.

— Тише, я приготовлю тебе поссет, чтобы быть уверенной. Как я и говорила, милорд решил прошлой ночью, а этим утром Уот вызвал всякого в деревне, у которого не было другой работы. Они начали, как только священник дал благословение.

— Отец Теобальд здесь? — Алейда бегло осмотрела толпу, убедившись, что среди наблюдающих были его черные одежды.

— Ага. Сэр Ари доставил его, когда вернулся этим утром.

Юный Хью рысью прибежал обратно, неся горящую лучинку в одной руке, а корзину с сухим мхом и хворостом — в другой. Алейда попридержала язык, пока Беата освобождала его от ноши и отправляла со следующими распоряжениями.

— Так сэр Арии снова уезжал на всю ночь, как и другая парочка, которая отсутствует весь день. Как ты полагаешь, чем таким они занимаются, что ни один из них не остается внутри помещичьего дома круглыми днями?

— Лорд Иво не рассказывал Вам, чем занимается, миледи?

— Только то, что должен уезжать по делам.

— Мужчины и их дела. Ну, ничего таинственного, я уверена. У них есть свои привычки, вот и все.

— Изменила бы я эти привычки, — пробормотала Алейда вслух.

— Ты лишь отвернешь от себя любовь, попытаешься так сделать, моя леди. — Беата закончила складывать костер, взяла горящую лучинку с подставки и наклонилась, чтобы коснуться ею мха. — Мужчины не находят удовольствия в женском вмешательстве в их привычки, а мужчины их сорта, даже менее того.

— И что за сорт это?

— Сорт, который целый день охотится или развратничает всю ночь, отважусь я сказать. Будьте счастливы, что ваш лорд муж — один из охотников, миледи, а вот сэр Ари, боюсь, нет.

Глаза Алейды расширились.

— Ты думаешь, он проводит ночи, распутничая?

— Что еще мужчина готов делать ночью? Наверно, все его ублюдки разбросанные по Англии, прекрасны, как и он.

— Хмм, — Алейда бросила в окно еще один взгляд на Ари, сидящего на лошади, выглядящего как ангел, сошедший на землю, когда он приказывал крестьянам долбить грунт. Распутничающий. Не ровен час. — А что если занятия моего мужа такие же?

— Развратничающий? Лорд Иво? — воскликнула Беата, шокированная идеей. — Что заставило вас спросить такое?

— Для мужчин, охотящихся каждый день, они с сэром Брандом привозят домой чересчур мало мяса.

— Охота — это не всегда мясо. Взрослым мужчинам нравится играть в лесу также сильно, как и мальчишкам. — Пронизывающий взгляд Беаты вызвал вспышку румянца на щеках Алейды. — Лорд Иво ложится только с тобой, ягненок. Видно каждый раз, когда он смотрит на тебя. Не беспокой свое сердечко такими вещами.

— Не буду, — согласилась Алейда, как будто бы убежденная, но мысль более глубоко укоренилась в подсознании. Если ее муж получает удовольствие где-то еще, это объяснит многое. Она не рассказала Беате об отсутствии у него желания, позволив старушке думать, наравне с остальным поместьем, что ночи, которые он проводил в ее постели, были наполнены страстью. Что было странно, поскольку она рассказывала пожилой женщине все на протяжении многих лет, но это было слишком личным, слишком болезненным. Кроме того, она пока что решила, что думает о происходящем, не больше, чем определила, что думать о муже. Возможно, было бы хорошо иметь мужа, у которого есть пара претензий на нее. А, может, и нет.

Огонь занялся, и Алейда раскутала и раскрыла мех как крылья бабочки, чтобы поймать первый жар.

— Сколько займет нарастить мотте?

— Уот заявляет, что он будет построен до жатвы, а башня — как только он осядет. — Беата выбрала гаун и чулки из сундука. — Конечно, это если наймут много мужчин, поэтому

Джефффри отправился в Дарем, позаботиться об этом.

— Он уже уехал?

— Ага, отправился на рассвете со стражей и четырьмя мужчинами на телегах, чтобы привезти побольше припасов вместе с работниками.

— Все происходит так быстро.

— Так и есть. Вы непременно отпразднуете Рождество как леди замка Олнвик.

— Это и в самом деле будет восхитительно, — согласилась Алейда. Она вздохнула. — Собственный замок. Желала бы я, чтобы Дед был здесь.

— Если бы лорд Гилберт был здесь, вы бы не были хозяйкой замка, — заявила Беата в своей практичной манере. — Вот и Хадвиза, наконец. Позвольте-ка нам Вас одеть. Отец Теобальд должен вернуться в Лесбери сегодня, не отслужив мессу для лорда Иво, но он увиделся бы с Вами в часовне до того, как уйдет.

Алейда закатила глаза к небесам, но отложила мех в сторону и подняла руки для гауна. Что ж, по крайней мере, было одно достоинство в муже, который не желает ее: у нее нет ничего нового, чтобы стыдиться перед отцом Теобальдом.

Она всегда так наступала, эта раздирающая внутренности агония, — каждый рассвет, каждые сумерки, — но даже по прошествии стольких долгих лет, Бранд боролся с ней. Ничего путёвого из этой борьбы не вышло — и никогда не выходило — и он, как это случалось из вечера в вечер, в конечном счете покорился, ожидая, когда выворачивающая на изнанку боль сделает своё дело. Протекли несколько долгих, мучительных минут, пока боль не стихла настолько, что он смог перевести дух, а уже позднее позволила ему мыслить.

Бранду понадобилось время, чтобы сообразить, где он находится, вспомнить, что он делал, понять, что означает шум вокруг него. Логово, в котором он лежал, было странным, — не яма под валежником, как обычно бывало. Он нащупал под собой мягкую траву, подняв глаза, заметил что-то наподобие крыши, сооруженной тоже из травы, которая сверху была впутана в кустарник. Медведь, очевидно, занял нору другого зверя. Кого-то огромного, вонючего... наподобие свиньи.

«Свиньи. Нет, дикого борова». Его сердце бешено заколотилось.

Ещё не освободившись окончательно от медвежьего «плена», Бранд выкарабкался из логова и, покачиваясь, стал на ноги. Ветер хлестал его по голой коже, вызывая озноб, когда он пытался различить какую-нибудь дорогу в сумерках. Что-то хрустнуло в кустах, и он с рыком обернулся.

Боров, словно валун, ударил его, сбивая с ног. Бранд закрутился, стараясь увернуться, но вебрь навалился на него всей своей массой — в десять стоунов [\[42\]](#) — и со всей яростью животного, защищающего свой дом. Острые, как копыта, клыки вонзились Бранду в бедро. Он пронзительно вскрикнул.

Но крик лишь возбудил кабана. Тот завизжал и замотал из стороны в сторону головой, яростно нападая на Бранда, и оставил внизу его бедра длинную глубокую рану. В отчаянии Бранд стал на ощупь искать какое-нибудь оружие. Он наткнулся на ветку и резко размахнулся ей. Дерево было ветхим и хрупким, и сломалось о череп животного. Вебрь отступил, минутку постоял, тяжело дыша и визжа, затем снова атаковал, целясь Бранду в голову. Прокричав воззвание к Скади [\[43\]](#), Бранд вонзил отломленный кусок ветви прямо в открытую пасть животного. Под натиском кабана, ветка продвинулась ещё глубже. Бранд толкнул её изо всех сил, пропихивая остриё вглубь, и в руку ему впились клыки.

Воинственный визг борова перерос в смертельный вопль, потонувший в потоке горячей крови, что брызнула на Бранда. Кaban пал, рука Бранда всё ещё оставалась у него в пасти, продолжая пронзать животное даже после смерти. Бранд высвободился и отполз подальше, отыскав убежище в корнях дерева, а боров лежал на земле и подергивался, изливая остатки крови на лесной настил.

До Бранда дошло, что он тоже истекает кровью. В пылу борьбы он согрелся и пока не чувствовал боли, но это скоро минёт. Раны его не убьют — колдунья об этом позаботилась — однако помощь ему не помешает.

— Ари?

Своим голосом он спугнул какую-то маленькую зверушку, и та унеслась прочь. Мужчина услышал, как захлопали чьи-то крылья, но они были слишком маленькими для ворона.

— Проклятье, Ари, где ты?

С Иво и лошадьми, несомненно, где же ещё. Бранд поднял голову и огляделся. Он не узнавал места, не знал, куда идти в сгущающихся сумерках. Он, видимо, истекал кровью не меньше, чем тот огромный боров, что распластался в нескольких ярдах от него, хотя сказать с уверенностью не мог, так как был весь залит кровью животного. Ему даже нечего было порвать на бинты — без одежды-то. Бранд наскрёб горсть мха меж корней дерева и прижал его к ране, что саднила сильнее остальных. Ничего хорошего ожидать не приходилось.

Стиснув зубы и вцепившись в дерево, он подтянулся, чтобы подняться. Когда он встал на ноги, горячая свежая кровь заструилась по ноге, и появились первые намёки на боль, которая потом будет обжигать его тело. Если в ближайшее время ему не найти помощи, то даже при всей защищающей его магии он лишится чувств и следующие несколько ночей проведет ничком, замерзая голышом в лесу, пока тело будет сражаться за исцеление.

— Я могу это сделать, — пробормотал Бранд вслух. — Иди.

Он пошёл. Медленно, с каждым шагом замедляясь еще больше. Он нашел меж крон деревьев прогалину, сориентировался по звёздам, которые удалось разглядеть, и повернул на восток, к Олнвику.

— Иди.

Прошла целая вечность, шаг за шагом он терял силы, истекая кровью по дороге через лес. Нога горела, от боли он готов был упасть на землю и скрутиться в комок. Бранд двигался только благодаря силе воли.

Заметив среди деревьев проблеск света, он решил, что это проделки сознания. Он никак не мог видеть деревню; он ещё слишком глубоко в лесу. Но вот снова — слабая вспышка мягкого желтого света. Если это мираж, то мираж что надо — желанный. Мужчина повернул и поспешил к свету, чем бы тот не являлся. От напряжения и боли на коже выступил пот, который тот час же замерз на холодном ночном воздухе.

Это не обман зрения. Это лачуга. Хижина с пробивающимся сквозь закрытые оконные ставни светом. Люди. Он с трудом пересёк полянку, отыскал дверь и поднял руку, чтобы постучаться.

Рука не слушалась ни в какую. Он попытался позвать, но голоса не было. Он начал падать. Бранд ударился о дверь, и та распахнулась, а он падал, и падал, погружаясь в свет и тепло. Погружаясь в небытие.

Иво услышал пронзительный вопль сразу, как только завершилось превращение, самый слабый из воплей смешался с другими лесными звуками, что разносят порывы ветра, — услышал ухом уже не орла, но и ещё не человека. Крик мог принадлежать кому угодно — волку, умирающему кролику, даже свинье, визжащей на отдалённой ферме, — но он уже слишком долго ждёт здесь с лошадьми, и недоброе предчувствие говорило ему, чей это вопль: человека. Бранда.

Он намотал поводья Кракена на запястье и взобрался на Факса. Над ним громко закаркал ворон, и Иво вытянул руку.

— Садись сюда. Ты нужен мне, чтобы отыскать Бранда.

Ворон, будто сокол, уселся мужчине на запястье. Чёрные бусинки глаз встретились взглядом с Иво, когда птица расправила крылья и наклонила голову в странном извиняющемся поклоне.

— Знаю, — сказал Иво. — Ты ничего не можешь поделать с тем, что говорят тебе боги. Поехали, найдём его. Полагаю, он ранен.

Тихо каркнув, ворон взобрался ему на плечо, и Иво повернул коней в сторону, откуда

ему слышались крики.

Мейрвин ждала его целый день.

С самого зимнего солнцестояния ей уже несколько недель снится плавающий гусак — что значит гость-мужчина — и только сегодня утром, когда она уронила нож, и тот вонзился прямоком в грязный пол, у неё появился верный знак того, что мужчина появится в течение дня. Прискорбно, несколькими мгновения позже в открытую дверь впорхнул крапивник и приземлился аккуратно в то место, где нож проткнул пол. Так она узнала, что вместе с гостем придёт смерть.

Однако, когда огромный мужчина — голый и окровавленный — ввалился в её дверь, Мейрвин пронзительно вскрикнула и схватила для обороны тот самый нож.

Но никакая опасность за ним не шла, и как только ей удалось унять колотившееся сердце, Мейрвин поняла, что эта несчастная, раненая душа никому не может навредить. Глупо почувствовав себя, она отложила лезвие в сторону, обошла вокруг его громадного окровавленного тела и закрыла дверь от холода, засовывая в скобы железную кочергу вместо бруса, который он сломал при падении. Жилище снова было в безопасности, Мейрвин повернулась, чтобы осмотреть странного гостя, которого занесло ночным ветром; опустившись на колени, она приложила руку к его сердцу. Оно, на удивление, билось ровно.

— Клянусь Матерью, ты ещё жив, — прошептала она. — Давай-ка посмотрим, смогу ли я поддержать твои силы.

Она принялась за работу.

Рука. Прохлада и спокойствие, вот что пробилось к Бранду сквозь пылающую боль и привело его в сознание, давая ему то единственное, за что он мог держаться, чему мог дать определение, помимо боли.

Мужчина медленно обнаружил и остальное. Кровать. Шерстяное одеяло. Огонь. Голос, бормотавший какую-то бессмыслицу. Он отыскивал помощь. Зачем она ему понадобилась?

Рука отстранилась. Бранд хотел сказать, чтобы она вернулась назад, но в горле было полно песка.

— Эй...

Получился какой-то писк, похожий на щенячий, и вот снова голос, женский и мягкий, что-то говорил, чего он не мог до конца разобрать.

— Конецф, — удалось выговорить ему. Вот опять.

Женщина повторяла слова, не на скандинавском, а на англосаксонском. Его ухо уловило последние слова.

— ... тише, милорд.

Казалось, будто к его векам привесили якоря. Он приподнял их и сквозь открывшуюся щелку заметил, как мелькнул синий рукав, — веки снова сомкнулись.

Он чего-то хотел. Мужчина немного подумал, подбирая слово.

— Пить.

— Конечно.

Он слышал, как она передвигалась, рука снова вернулась, теперь чтобы поднять ему голову. Чашка коснулась губ, и он позволил женщине залить ему что-то в горло — неважно что. Он жадно глотал, едва ли чувствуя вкус содержимого. По телу быстро растеклось тепло, и песок стал исчезать.

— Что эт?

«Плохо получилось».

— Разбавленное вино с травами, чтоб вам стало легче, милорд.

Он кивнул в знак того, что понял, или, по крайней мере, думал, что кивнул. Голова его, похоже, еле двигалась.

— Имя.

— Мейрвин, милорд. А ваше?

— Брандф. Бранд.

— Вы тяжело ранены, лорд Бранд. И должны пока лежать.

Он немного полежал, прислушиваясь к её движениям, пока не начали действовать травы. Медленно, он определил местоположение одной кисти, далеко-далеко в конце руки, что заняло целую вечность, и прикоснулся к месту, откуда шла боль. Он нащупал повязки, сперва, на бедре, потом само бедро, затем, когда определил, как включить в игру вторую руку, нащупал повязку на предплечье.

Он ещё раз попытался открыть глаза и понял, что веки стали чуточку легче. Комната кружилась перед глазами, пока взгляд различил густые волосы и лучезарную улыбку, свисающую толстую связку из травяных пучков и целую нитку сушёных яблок, и небольшую копчёную свиную грудинку, густо обсыпанную солью. Свинья. О, да, боров. Вот из-за кого он в таком состоянии.

Должно быть, дело шло к рассвету. Ему следует убраться отсюда, пока солнце его не нашло, а медведь не нашёл её — где бы она не была. Он собрался с силами, повернулся на здоровый бок, и попробовал встать. Травы Мейрвин не так уж хороши.

— Ммм, проклятье, как больно.

— Что вы делаете?

Она пронеслась через комнату, чтобы не дать ему подняться, растягивая в стороны свою синюю юбку, словно пасла уток.

— Прекратите. У вас откроются раны.

— Наверно.

Бранд уселся на краю маленькой кровати и даже не смог взглянуть на женщину, так его шатало. Похоже, с ним сейчас легко справиться. Утки и те доставили бы ей много больше хлопот. Утята.

— Опустись вот тут, где я смогу тебя видеть.

Когда она стала на колени, у неё был такой же мрачный вид, как у леди Алейды, когда та сильно не в духе. И, понял он, Мейрвин такая же упрямая ослица, как упомянутая леди, но на этом схожесть заканчивалась: если волосы леди — медь с золотом, то у этой женщины волосы и глаза были цвета грецкого ореха, что выгодно подчёркивало кожу — приглушённо-сливочного цвета — цвета молодой слоновой кости. Нужно быть, наверно, смертельно раненым, чтобы не заметить её красоты.

— Мейрвин, верно? Где я и скоро ли рассвет?

— Вы в моей хижине в Элновском лесу, милорд. До рассвета осталось недолго. Хотя небо ещё не начало светлеть.

— Хорошо. Помогите мне подняться.

— Нет, милорд. Вы должны остаться здесь на несколько дней.

— Моё присутствие тебя не порадует. Помогите мне встать, говорю.

— Нет, милорд.

Он положил руки ей на плечи и, держась за неё, принял более удобную позу, чтобы

встать.

— Это не обсуждается, Мейрвин. Я должен уйти.

Она взглянула на него, как на безумца, и очертила его взмахом руки.

— Значит, вы уйдёте голышом?

Бранд поглядел вниз на одеяло, которое едва не сползало с его колен.

— Этого будет достаточно.

— Нет, милорд, не достаточно.

Он попытался встать, но она приставила палец к его груди и толкнула его назад с такой лёгкостью, как если бы он останавливал свою престарелую бабу.

— У меня нет на это времени, — возразил он. — Помоги мне подняться.

Вместо этого она метнулась через комнату, быстро открыла окованный железом сундук и стала перебирать его содержимое.

— Мне не влезть ни в одно из твоих платьев, — проворчал он.

— Но вам подойдет старая одежда моего мужа.

Значит, она замужем. Где же был её муженёк, что оставил её одну ухаживать за голым незнакомцем?

Она повернулась, протягивая короткий жакет из толстой шерсти, мешковатые льняные штаны, и пару старых чулок.

— Одежка тесная, но лучше, чем ничего. А одеяло сойдет за плащ.

Ему было стыдно брать одежду у бедняка, но отказаться было нельзя, иначе он её обидит. Более того, если он не найдёт Ивара, она, вероятно, понадобится ему на закате. Он дал себя одеть.

— Благодарю. Я верну всё при первой возможности.

— Оставьте себе, — сказала она. — Я ни за что не позволила бы вам умереть без одежды.

Бранд фыркнул.

— Я не собираюсь умирать.

— Я бы на это не полагалась, милорд.

— А я верю в себя, — ответил он. Бранд протянул руку. — Помоги мне встать.

— Нет, милорд. Если вы не в силах самостоятельно подняться, вам нечего делать в лесу одному.

Бранд сердито посмотрел, но, по правде говоря, её не в чем было винить. Она лишь старалась помочь раненому и не понимала, в какой опасности находится сама. Он, ворча, поднялся на ноги и, закачавшись, извергнул проклятия. Вскоре ему удалось поймать равновесие.

— Вот. Не так уж плохо, — произнёс он, заканчивая натягивать одолженные штаны и затягивая завязки.

— Вы ужасный лгун, милорд. Думаю, я провожу вас немного, пока вы не свалились и...

— Нет!

Она отскочила назад, напуганная его горячностью.

— Я всего лишь хотела быть рядом, чтобы помочь вам, милорд.

— Нет, — повторил он. — Ты не пойдешь за мной. А крепко-накрепко запрёшь дверь и останешься тут, пока я благополучно не уберусь прочь, и если услышишь любой странный шум, весь день и носа не высунешь. Поняла?

— Нет, милорд, не поняла.

— Значит, просто прими на веру мои слова и подчинись, — он размышлял, как заставить её сделать, как он сказал. — Приказываю именем лорда Олнвика. Останешься в хижине. За мной ни шагу. Поклянись, — он сделал два шага к ней и прокричал приказ, словно находился на палубе своего корабля. — Поклянись!

Она вздрогнула, как от пощёчины, и недоуменно нахмурила тёмные брови, но кивнула.

— Клянусь, милорд. Я сделаю так, как вы говорите.

— Хорошо. — Он поспешил покинуть хижину, пока его ноги не превратились в лапы. — Как добраться до Олнвика?

— Идите по тропе, милорд. Мимо березы.

Он заметил, где тропа уходила на восток.

— Благодарю тебя за всё, что ты для меня сделала, Мейрвин из Элнвуда. Теперь запри на засов дверь. — Она помедлила, и он прорычал ей через плечо. — Держи слово, женщина.

— Да, милорд.

Ещё раз недоумённо взглянув напоследок, она закрыла дверь. Звякнул запираемый железный засов.

— Держи слово, — повторил он последний раз, достаточно громко, чтобы она слышала через дверь. Затем повернул на запад, прочь от Олнвика, вглубь леса, гонимый мыслями о милой Мейрвин и о том, что случилось бы, забреди раненый медведь обратно к ней.

Небо начало окрашиваться в темно-серый предрассветный цвет. Высоко на ветке неуверенно защebetала одинокая птица; времени у него почти не осталось.

Он продвигался так быстро, как позволяли ноги, но всё равно не достаточно быстро. Мало-помалу светлело небо, всё больше слышалось птичьих трелей, однако медведь ещё мог легко добраться до хижины. Вдруг на него из деревьев с карканьем спикировала черная масса.

— Пора уже, — проворчал он, захромав вслед за вороном. Через несколько минут он услышал коней, и его затопило облегчение. — Ивар! Сюда.

— Выглядишь так, словно тебя съели, и ты вышел через задний проход, — подъехав, заявил Иво. Он наклонился, передавая поводья Кракена, и принялся. — И воняет дерьмом.

— И я тебя рад видеть, — Бранд начал было взбираться на коня, но понял, что ногой в стремя ему никак не попасть. Он подвёл Кракена к поваленному стволу, неуклюже подтянулся на виду у ошеломленного Иво, и с тяжелым стоном уселся в седло. — Поехали. Время не терпит.

Поездка оказалась едва ли менее болезненной, чем ходьба, но определенно более быстрой. Бранд стиснул зубы и вцепился в гриву Кракена, словно ребенок, пока лошади прокладывали путь через лес.

— Я недавно наткнулся на мёртвого борова, — произнёс Иво, когда Бранд отдышался. — Твоя работа?

— Да. — Бранд по пути вкратце рассказал о вечерних событиях. — Она пыталась привести меня в порядок, но и сейчас я чувствую, как воняю дерьмом этой тварюги. Похоже, дело в бороде.

— Вероятно, пора от неё избавиться.

— И выглядеть как нормандец? — фыркнул Бранд.

Иво закатил глаза, но оставил эту тему в покое.

— Знаешь, сейчас достаточно холодно и туша, должно быть, ещё не завоняла. Если волки не успели добраться до кабана, Ари может его разделать, и мы его сегодня вечером

перетянем.

— Я съем его сердце, — поклялся Бранд. Он взглянул на облака, которые понемногу одевались в золотые одежды. — Оставь меня здесь и уведи подальше лошадей. Медведь сегодня будет вне себя от боли.

Иво кивнул, оглядываясь в поисках примет, по которым можно было запомнить место.

— Я вернусь, чтобы встретить тебя сегодня вечером. Не забредай далеко.

У Бранда перехватило дух и выступили на глазах слёзы, когда он спешился. Он смахнул их, прежде чем посмотреть на Иво.

— Я постараюсь, но медведь есть медведь, он волен поступать по-своему.

Когда Иво с лошадьми скрылся в лесу, Бранд снял себя одолженную одежду и сунул её в дупло дерева, чтобы потом вернуть мужу Мейрвин. Он отыскал удобную берлогу под ближайшим поваленным деревом и залез в неё, надеясь, что медведь там останется и будет спать. Он лежал, изнывая от боли и дрожа от холода, счастливый, что находится достаточно далеко от хижины Мейрвин, но вот солнце пробило горизонт, и его охватила другая боль, и он мучительно прорычал в жемчужно-розовое небо.

Алейда после обеда сидела со своими женщинами и изнывала за шитьем. Ее муж целую ночь отсутствовал дома, даже нельзя было сказать, что он пренебрег ею и остался спать в зале. Алейда прилагала все усилия, чтобы не думать о том, что все это может означать, но такое поведение было затруднительно, так как в отличие от рук, ее разум был свободен от работы, и, к несчастью, ни одна из женщин не выглядела сегодня особенно словоохотливой.

Предоставленные сами себе, ее мысли ступили на опасную дорожку. Чем дольше она шила, тем большее раздражение испытывала и тем больше ошибок совершала, что в свою очередь делало Алейду еще больше раздраженной. Она в третий раз распарывала шов, когда какой-то голос у дверей рассыпался в извинениях.

Алейда оторвалась от своего шитья и улыбнулась. Вот, наконец-то, появилось что-то, что может отвлечь ее мысли от размышлений о нем.

— Да, Освальд. Что такое?

— Лорд Иво сказал что-нибудь о своей поездке?

Улыбка потускнела, Алейда закрепила иголку в ткани и отложила одежду в сторону.

— Нет, не сказал. Я предположила, что он разговаривал с Вами.

Управляющий покачал головой.

— Боюсь, что нет, миледи.

— А-а. Ну, вероятно, они оказались к одному из имений ближе, чем к Олнвику и решили провести ночь там. — Провести ночь со шляхами — непростительно добавил ее разум.

— Это было моей первой мыслью, но Сэр Ари не вернулся и утром.

— Неужели? — Это открытие только усилило ее подозрения. Алейда постаралась сохранить невозмутимый тон. — Я не видела его за обедом, но подумала, что он, должно быть, занят делами.

— Ничем таким, о чем бы он не сообщил нам, и это тревожит меня. Я бы хотел послать гонца или двух, с Вашего позволения.

Алейда изучала вызванные беспокойством складки между бровями Освальда и обнаружила в них еще кое-что, о чем следовало подумать.

— Вы волнуетесь о шотландцах.

— Они всегда вызывают волнение, миледи.

— О да, но о набегах не было сказано ни слова. Вообще-то я сомневаюсь, что наши друзья на севере сидят, сложа руки. — Однако осторожность Освальда не единожды спасала их. — Очень хорошо. Отправь того, кого ты считаешь более пригодным. Но, держу пари, они найдут моего лорда и его людей расположившимися с комфортом в какой-нибудь зале с кружками эля в руках и не единого шотландца поблизости. — По элю и по женщине. Или же они просто разделят одну женщину на всех? — От этой мысли у нее ухудшилось настроение.

— Надеюсь, что так, миледи. — Освальд сделал поклон головой и вышел.

— Думаю, что у них все в порядке, миледи, — произнесла Хадвиза.

— Уверена в этом, — откликнулась Алейда, умудряясь избежать нотки презрения в голосе. Она вернулась к своему шитью. — Охота, это наиболее вероятно. Интересно, кого же они подстрелят на этот раз.

Бранд сидел в той же одежде, что дала ему вечером знахарка, перед тем как Иво прискакал к нему, и лицо его уже приобрело некое подобие цвета.

— Ты выглядишь лучше, — произнес Иво, спешиваясь. Затем втянул носом воздух, — хотя воняешь, как и прежде.

— Ты и сам не такой уж чистюля, — Бранд указал на тунику Иво, — что с тобой стряслось?

Иво посмотрел вниз на кровь, окрасившую его одежду.

— Ари. Несомненно, он решил, что мы выглядим сильно уж чистыми для людей, которые только что забили кабана. — Он отвязал узел с одеждой от седла Кракена и протянул его Бранду. — Давай-ка посмотрим, что он приготовил тебе.

— Вот черт! — Воскликнул Бранд минутой позже, когда достал предназначенные для него тунику и штаны. Ари не только вымазал их в кабаньей крови, он еще и продрал в них дыры, в тех местах, которые наиболее совпадали с ранами Бранда, и дополнительно смочил их кровью животного. — Это была добротная, теплая туника! Лучшая из всех, что у меня были. Дай мне эту птицу. Я выщиплю все перья на его костлявой заднице!

Иво фыркнул от смеха, когда ворон сорвался с плеча Бранда. — Не злись так. Ари совершенно прав насчет одежды. Они не смогут догадаться, когда рядом ты, весь такой оборванный, а за спиной у насдохлый кабан.

— Так, я не собираюсь надевать эти вонючие вещи, — объявил Бранд, — я останусь в тех, что дала мне женщина.

— Мы подберем тебе что-нибудь получше, когда вернемся. По крайней мере, надень обувь. Ари не так уж сильно выпачкал ее.

— Достаточно сильно. Посмотри на это, — Бранд продемонстрировал отвратительный кусок грязи на одном ботинке. — Я никогда бы не допустил такого.

— Если это послужит утешением, то он испортит одну из своих вещей.

— Да, но он не заляпает кровью свои ботинки.

— Нет, но он же и не испытает гордости за кабана, убитого голыми руками с помощью одного лишь сука.

— Нет, не испытает, — Бранд заметно повеселел. Он присел на ближайший пенек и стал натягивать испачканные ботинки, с каждым рывком кряхтя от боли.

Иво наблюдал за ним с минуту, радуясь, что не является тем, кто обнаружил кабана, затем сгреб испорченную одежду Бранда, сложил ее и приторочил обратно к седлу Кракена.

— Веди его сюда, — сказал Бранд, с трудом вставая со своего пня. Все время, что Бранд пытался устроиться в седле, он держался поблизости от него, и его охи и ахи весьма походили на болезненные стоны.

— Ты уверен, что в состоянии проехать верхом такое расстояние? — спросил Иво.

— Конечно, — Бранд с жаром стукнул себя по груди, что противоречило той боли, которую Иво увидел на его лице. — Я ведь голыми руками и какой-то палкой забил до смерти кабана, не так ли?

— Да, друг, ты это сделал, — подтвердил Иво и направил Факса в заросли, где их поджидал мертвый кабан.

Алейда тем вечером снова руководила ужином, ожидая появления Иво и Бранда. Уже давно прошло время их обычного возвращения, однако от них не было ни слуху, ни духу, и Алейда, скрепя сердце, дала сигнал подавать к столу. Люди только наполнили свои тренчеры, как юный Том с грохотом распахнул дверь.

— Они прибыли, миледи! Эдрик только что заметил, как они пересекают сад, и говорит, что они возвращаются с крупной добычей и, похоже, один из них ранен.

Он вылетел назад, не дожидаясь разрешения. Освальд вскочил и поспешил за ним следом, созывая мужчин и требуя носилки прежде, чем Алейда смогла даже подняться на ноги.

— Беата, — начала она, но кормилица уже выкрикивала распоряжения. Домочадцы быстро вскакивали выполнять ее приказы, о еде было забыто, и Алейде не оставалось ничего другого, как поспешить на улицу.

Ворота стояли широко распахнутыми, из темноты показались два коня. Конь Иво еле плелся, но когда он приблизился, Алейда смогла разглядеть, что это оттого, что он тащил грубоватый каркас, на котором лежало какое-то огромное животное. Волна облегчения накрыла ее, когда она увидела, как Иво с легкостью восседает на своем скакуне. Сэр Бранд, однако, качался в седле в опасном положении, и Освальд быстро кинулся к своему помощнику, призывая носильщиков поторопиться.

— Я не сильно пострадал, — проворчал Бранд, — мне нужна только помощь, чтобы спешиться, и пинта доброго эля.

— Осторожнее с его правым боком, — руководил Иво, когда Освальд протянул руку, чтобы помочь Бранду спуститься.

Бранд слегка покачнулся, когда его нога ступила на землю, но выпрямился и отказался от поддержки Освальда.

— Я в порядке, говорю же вам.

— О да, ты выглядишь в полном порядке. Поскольку с тобой фактически все хорошо, ты можешь помочь мне внутри. — Алейда подсунула свою руку под локоть Бранда, и они неторопливо пошли в зал. — Что произошло?

Бранд резко дернул головой в сторону каркаса.

— Этот кабан зацепил меня за ногу.

— Кабан!

— Громадная кабанья туша, миледи, — слышался голос Тома из группы, обступившей каркас. — Мы будем есть его много дней.

— Точно, и он убил его голыми руками и суком, — сказал Иво. Его слова вызвали у Бранда страдальческий смешок и восторженное оживление среди мужчин. Бранд пристроился рядом с Алейдой, обращаясь к мужчинам.

— Позовите мясника и скажите повару: «Сэр Бранд желает завтра на ужин сердце животного».

Бранд бросил взгляд на подготовленный Беатой временный закуток для больных и покачал головой.

— Никаких кроватей. Жесткое кресло меня больше устроит.

Иво поднял хозяйское кресло и бухнул его рядом с камином.

— Садись сюда.

Бранд осторожно опустился в кресло.

— Аааа. Наконец-то что-то устойчивое. Никогда раньше не представлял себе, что мой конь спотыкается на каждом шагу.

— Возможно, Вы раньше никогда до этого не ехали верхом в таком шатком положении, мессир, — заметила Алейда. — В каких местах Вы ранены?

— Бедро и рука, но больше всего здесь, — он прикоснулся к правому боку.

Беата задрала его рубашку и сдернула брэ настолько, чтобы открыть ужасающую рану, рассекающую его бедро практически на ширину ладони Алейды, глубиной на два пальца,

присыпанную травами и паутинкой до краев вместо отсутствующей плоти

— Кто тебя перевязывал? — спросила Алейда.

— Какая-то женщина в лесу. Она сказала, ее имя — Мейрвин.

— Хорошо. Для тебя было гораздо лучше находиться с ней, чем, если бы ты вернулся сюда. В сущности, я бы с радостью доверила ей себя.

— Приятно слышать, — Бранд дернулся, когда Беата начала щупать подушечкой пальца края раны. — Понежнее с этим, старуха.

Беата еще пару раз потрогала пальцем, потом положила на рану ладонь.

— Жара нет. Судьба благоприятствовала тебе, рыцарь, направив в руки Мейрвин.

— О да, она благосклонна ко мне.

Алейда изучала рану из-за плеча Беаты и заметила: — Я удивлена, почему она не наложила швы вот здесь, где вырвано мясо.

— Было очень много крови и дело происходило ночью, — ответил Бранд, опуская рубашку, — вероятно, она не смогла различить края раны.

— Все-таки это странно, что она не забинтовала такую глубокую рану, — удивилась Алейда.

— Она забинтовала. Повязка сползла.

Алейда закатала его рукава и обнаружила, что очередная рана также открыта воздуху.

— Здесь тоже, да?

— Он сорвал повязку, — ответил Иво, — сказал, что от них все чешется, да вы сами видите, какой он упрямый.

— О да, — сочувственно согласилась Алейда, — ну, мессир, вы счастливчик. Эта рана заживает без воспалений, как и остальные. Я не знаю, какие травы использует Мейрвин, но если бы вы мне сейчас не сказали обратного, то я бы решила, что ваши раны, по крайней мере, недельной давности. Давайте прикроем эти и посмотрим ту, что на вашей ноге.

— Сначала ему нужна ванна, — сказал Иво, — от него воняет кабаньим дерьмом.

Алейда качнула головой. — Неблагодарно принимать ванну больному человеку.

— Я не болен, — заявил Бранд.

— Так будешь, если сядешь в ванну, — отрезала Беата, — подхватишь простуду.

— Ба! Я купался в реке, когда на земле лежал снег, — возразил Бранд, — принеси мне мыло и воду. Я должен смыть с себя эту вонь.

— И откроете раны! — Алейда покачала головой. — Нет, мессир. Если вам нужно купание, вы получите его, но только с помощью более нежных рук, нежели Ваши. Затем вам перевяжут ваши раны, и Вы ляжете спать. И это мой приказ как вашей хозяйки.

— Но я..., - начал он, но Иво прочистил свое горло, и Бранд закончил, так и не начав, — как скажете, моя леди.

— Заодно вымойте ему волосы и подстригите бороду. На самом деле побрейте его, если он не будет сопротивляться, — добавила Алейда в сторону Беаты и стоящих впереди слуганок с мылом и полотенцами. — И проследите, чтобы он не замерз.

— Будет сделано, миледи.

— Ему нужна чистая одежда, — сказал Иво, — его вещи не подлежат починке. Мейрвин одолжила свои.

— Мы проследим, чтобы их вернули назад и...

— Я сам отвезу их обратно, — прервал ее Бранд, — мне нужно отблагодарить ее.

— Как скажете, мессир. И как я уже сказала, займемся вашим очищением. Обоих из

вас, — добавила она, впервые заметив кровь на тунике ее мужа. — Хадвиза и Идгит, помогите Беате, пока я поищу одежду для наших охотников.

Алейда взяла свечу и направилась в гардеробную, пока остальные помогали Бранду освободиться от одежды. У некоторых владельцев замка были такие широкие плечи, что, не прилагая больших усилий, она нашла шемизу и теплую тунику, которые думала подогнать по размеру. Теперь дошла очередь до брэ. Ей быстро попались одни залатанные, годные лишь для слуг в качестве ежегодного одаривания, но в шкафу не нашлось никаких других, более подходящих для доблестного рыцаря. Если бы здесь был Джеффри, он бы точно знал, где искать, но он еще не вернулся с остальными мужчинами. Возможно, брэ находятся с женской одеждой? Алейда открыла еще один сундук и начала разбирать содержимое, закапываясь все глубже и глубже в своем поиске.

— Ваша мать пугала барсуков, пока вынашивала вас? — поинтересовался Иво позади нее как раз тогда, когда она нашла брэ. Выпрямившись, Алейда обнаружила Иво прислоненным к дверному косяку. Он сбросил грязную одежду, и теперь на нем было только льняное нижнее белье и кривая ухмылка. — Каждый раз, стоит мне отвернуться, я вижу, как ты выкапываешь туннель, чтобы прорыть себе путь куда-то.

Она была не в настроении отвечать на его поддразнивание. — Тогда твоя мать должна была испугаться дураков. Это же надо — охотиться на кабана всего лишь вдвоем!

— У барсуков такой же добрый нрав, — добавил Иво, его улыбка погасла. — Мы не охотились на кабана, он охотился на нас или на Бранда, по крайней мере, с того времени, как я отбился от него. Не делай такое лицо, женщина.

— Какое лицо?

— Вот такое. — Он резко вздернул подбородок. — Такое, что говорит, что ты не веришь мне, что, если бы ты могла, то пожелала бы увидеть, как меня высекут. Да, именно такое.

Алейда фыркнула и начала закладывать назад вещи, вынутые из сундука.

— Очень хорошо. Расскажи мне остальное, мой лорд, а я попытаюсь следить за своим лицом.

— Особо нечего рассказывать. Мы разделились. Я услышал звуки борьбы, но к тому времени, как нашел, где это, кабан был мертв, а Бранд куда-то исчез, весь в крови. Я провел большую часть ночи, пытаюсь найти его в темноте.

— И вы, вместо того, чтобы вернуть его домой, решили разделать кабанью тушу, — заметила Алейда, не скрывая своего отвращения.

— Ага, лицо, — проворчал он. — Ари занялся каркасом, пока Бранд набирался сил и отдыхал столько, сколько ему требовалось.

— Один из вас мог поскакать за помощью. Мы могли бы отправить за ним повозку и...

— Мне могло стоить жизни погрузить его в повозку — с уверенностью заявил Иво.

— Полагаю, что могло, — согласилась она, взвесив то, как бы Бранд отнесся к такому обхождению.

— Но ты бы мог послать сэра Ари сообщить нам, что произошло.

— Это было невозможно.

Она подождала, пока он объяснит причины, но так как он явно не собирался этого делать, она взглянула на него и увидела все тот же замкнутый взгляд, что появлялся на его лице всякий раз, когда речь заходила о странных отъездах его и его людей. Ну и черт с ним! Она встала, с громким щелчком закрыла крышку сундука и подняла одежду, которую приготовила для Бранда. Алейда начала обходить Иво, но он подвинулся таким образом, что

полностью отрезал ей путь.

Рассердившись, она отступила на шаг или два назад и посмотрела ему в глаза. — Есть что-то еще, что вам нужно, монсеньер?

Веселье мелькнуло на его лице.

— Удовлетворить мое любопытство.

Он снова это делает. Она знала, что ей не следует спрашивать, но все же поинтересовалась:

— Любопытство по поводу чего?

— Тебя. Когда мы вернулись в замок, я заметил на твоём лице некое...беспокойство.

— Том сказал, что кто-то из вас ранен.

— И ты переживала, что это я?

— Я переживала бы за любого. У нас катастрофический недостаток рыцарей и мы не можем позволить себе потерять хотя бы одного из них. Даже если этот кто-то появляется только после темноты.

— Так это было беспокойство об Олнвике. — Он придвинулся ближе. — Тогда почему ты так хотела, чтобы Ари рассказал тебе, где мы были?

— Мы волновались. Две ночи подряд мы ожидали вас к ужину.

Еще один шаг.

— Но ты не беспокоилась.

— Нет.

— Ты уверена? Ты не переживала о... — Теперь он возвышался над ней, навис неясной тенью на расстоянии ладони, его глаза потемнели и таинственно блестели в тусклом свете, — о чем-то еще?

Да, — хотелось ей сказать, — да, я переживала за тебя, о том, что ты ранен, что я могу стать вдовой прежде, чем побуду настоящей женой. Она хотела, чтобы он поцеловал ее и отнес наверх, чтобы избавить от этой мучительной боли, что возникала в ней всякий раз, когда Иво появлялся поблизости. И в то же самое время она мечтала бить кулаками по его груди от разочарования и кричать на него, чтобы он никогда больше не прикасался к ней. Его голова медленно склонялась к ней, и Алейде не оставалось ничего другого, как сказать:

— На самом деле, Вы правы, милорд. Я беспокоилась. Насчет своего серебряного наперстка [\[44\]](#).

Это заставило его быстро выпрямиться. Он подался назад.

— Твоего чего?

— Своего наперстка. Для шитья, — добавила она, поскольку Иво с непониманием смотрел на нее. — Я проиграла сегодня пари. Женщины поспорили, какую добычу вы привезете с собой с охоты. Когда вы вернулись, я поняла, что проиграла прядильнице Рогезии, предположившей, что это будет кабан, и сейчас размышляю, как же я не догадалась.

— Твой наперсток, — повторил он.

— Мой наперсток, — твердо сказала она, — Сэру Бранду нужны эти вещи.

Она обошла его, но Иво быстрым движением руки обхватил ее запястье и заставил остановиться.

— А каково было твое предположение?

— Что вы вовсе не на охоте.

Его рука прожигала сквозь одежду, словно касалась ее обнаженной кожи, внезапно перед ней снова открылся выбор, и Алейда рискнула сделать предложение.

— Ваши вещи наверху, милорд. Не желаете поднять со мной?

Шум из зала разрушил возникшую между ними тишину. Наконец, Иво ответил.

— Думаю, что лучше воспользуюсь мылом и горячей водой. Пошли вещи вниз, если пожелаешь.

Она так и сделала, и к тому моменту, когда на следующее утро спустилась вниз, чтобы помолиться и позавтракать, Иво и Бранд были уже далеко отсюда.

Прошло пять дней с тех пор, как сэр Бранд исчез на рассвете, а Мэйрвин вновь смахнула нож со стола. Он вонзился в то же самое место.

Поэтому неудивительно, что когда она тем же вечером, покормив кур, зашла за угол своего коттеджа и увидела его: призрачного мужчину на призрачной лошади среди темных стволов деревьев. Рядом с ним на своей лошади был другой мужчина, — судя по тому, насколько непринужденно они держались, — друг. Она пошла к ним, и они вывели лошадей на поляну, встретив ее на полпути.

Она улыбнулась человеку, лицо которого узнала очень хорошо, всего лишь за одну ночь. — Вы сбрили бороду.

Он поскреб подбородок, уныло усмехнувшись. — Не по своей воле.

— Но вы выглядите хорошо, милорд. Я надеюсь, что чувствуете вы себя лучше, чем тогда, когда уходили отсюда в последний раз.

— Намного лучше, благодаря вам, Мэйрвин, но перестаньте называть меня «лордом». Я — простой рыцарь, — он указал на своего друга. — Его, вы можете называть «милордом», если хотите. Он — новый хозяин Олнвика.

— Лорд Иво, — сказала она, став на колени перед светловолосым дворянином. — Я слышала ваше имя в деревне. Вы женились на леди Алейде, после того, как завладели поместьем.

— У вас преимущество, Целительница. Я лишь знаю ваше имя и то, что моя жена была рада, что именно вы позаботились о сэре Бранде. Она сказала, что сама бы послала за вами.

— Я часто приносила свои травы в поместье, и с удовольствием снова приду, если таково желание вашей леди, милорд. Но что привело вас обоих ко мне сегодня?

— Я пришел, чтобы поблагодарить вас как следует. А также вернуть одежду, что вы мне одолжили, — ответил сэр Бранд, развернувшись, чтобы отвязать узел позади своего седла.

— Вы достаточно отблагодарили меня, ми... — она заметила его взгляд и, в последний момент поправилась, — мессир. Врачевание- моя работа.

— Тем не менее, я благодарю вас еще раз, и я принес вам подарок, — он протянул ей одежду, потом снял связку зайцев с луки седла и отдал их ей. — Я сегодня поставил капкан, подумав, что вам пригодится свежее мясо.

— Очень пригодится, ми... сэр Бранд. — На сей раз все трое улыбнулись ее оговорке. Она с удовольствием взяла зайцев. Нечасто в ее котелок попадало свежее мясо, а из шкурок можно сделать теплые митенки (женские перчатки без пальцев — прим. перевод.) на следующую зиму. — Вы останетесь ненадолго? Я хотела бы посмотреть, как заживают ваши раны.

— Мы не можем остаться надолго, — ответил сэр Бранд. — нас ждут на ужин в поместье.

— Это займет лишь минуту. Прошу вас, мессир.

Он посмотрел на Иво, который ответил, пожимая плечами: — Пусть она посмотрит. Тогда я смогу сказать Алейде, что ее целительница видела твои шрамы и, вероятно, моя жена перестанет ворчать из-за того, что ты каждый день выезжаешь на лошади.

— Хорошо, — сэр Бранд легко соскочил с лошади, — даже слишком легко, принимая во внимание дырку в боку. Мэйрвин за минуту положила одежду на скамью у двери, а зайцев

повесила на рядом стоящий колышек. Потом повернулась обратно к рыцарю. — Сначала руку, если позволите, мессир.

Она подумала, что лорд Иво преувеличил, говоря о шрамах, но когда сэр Бранд засучил рукав, от раны на руке остался лишь грубый красный шрам, словно месячной давности. Она повернула руку и дотронулась до ладони, где рваные ранки и царапины превратились в тонкие линии. Дрожь пробежала по ее позвоночнику. И она, посмотрев наверх, увидела его горящие глаза цвета летнего неба, смотревшие на нее.

— Я же говорил вам, что быстро исцеляюсь, — сказал он.

Покраснев, она отпустила его руку и отступила на шаг. — Вам придется снять брэ, чтобы я посмотрела на другие раны.

— За эту неделю снять штаны меня просило больше женщин, чем за весь год, — сказал Бранд лорду Иво, который расхохотался. Бранд поднял рубашку и потянулся к завязкам. — А ваш супруг не возражает против того, что у вас тут мужчины обнажаются?

— У меня нет мужа, сэр.

Он озадаченно нахмурился. — Мой разум не был ясен, но я бы мог побиться об заклад на доброго коня, что вы мне говорили, что отдадите мне одежду вашего мужа.

— Так и было. Но мой супруг мертв уже пять лет.

— Мне жаль, но я благодарен, что у вас осталась его одежда. И я добрался до Олнвика, не отморозив свой... не замерзнув.

Она рассмеялась его быстрой поправке. — Вы должны как-нибудь рассказать мне, как оказались голым в лесу.

— Когда-нибудь, — он приспустил свои брэ достаточно, чтобы показать ей бедро. Она перестала улыбаться. Эта рана тоже зажила, превзойдя всякие ожидания. Синяк, который должен был только начать бледнеть, почти прошел, а края раны совершенно закрылись и зажили, хотя то место, которое она не смогла зашить, всё еще было покрыто коростой. — Это... очень странно. И удивительно. Где мои швы?

— Я вынул большую часть. Они слишком тянули, когда рана заживала.

Девушка рассеянно кивнула. — У меня не было шелка для швов. Теперь бедро, сэр.

Он опустил брэ еще ниже, на мгновение, и она успела мельком заметить уродливый красный шрам. Потом мужчина поспешно поправил одежду.

— Одно дело — быстрое заживление, мессир, но это... — Волшебство, хотела она сказать, но знала этих мужчин так недолго, и понятия не имела, в каких отношениях они с Церковью и безопасно ли говорить такое в их присутствии. Она повторила: — удивительно.

— Старая нянюшка моей жены прикладывала припарку из меда и окопника лекарственного на раны всякий раз, как перевязывала их, — объяснил лорд Иво. — Она сказала, что это ускорит заживление.

Мэйрвин кивнула, всё еще поглощенная тем, что увидела. — Беата мудра. У меня не осталось меда, в противном случае, я бы сделала такую припарку. — Но не мед так быстро исцелил раны, и даже весь окопник в Англии не смог бы сделать подобное. В этом мужчине и его исцелении было что-то странное. — Скажите вашей леди, что сэр Бранд может делать то, что захочет, милорд, и что я сказала: она может перестать ворчать на него.

— Ворчит она на меня, — ответил Иво, в его глазах мелькнуло веселье, и ей тут же понравился новый лорд, несмотря на тайну, окружавшую его друга. Он снял кошелек с пояса и достал несколько монет, затем протянул их ей. — Я бы хотел вознаградить вас за помощь, которую вы оказали.

Мэйрвин покачала головой. — Я не могу принять ваши монеты, милорд. Моя семья поклялась помогать лордам Олнвика в обмен на свободное пребывание в лесах. Если я возьму ваше серебро, то клятва будет нарушена.

— Вы же взяли зайцев у Бранда, — возразил он.

— Он преподнес их в дар, милорд, так же, как я безвозмездно позаботилась о нем, — она зарделась, когда ей улыбнулся сэр Бранд.

— И я предлагаю вам эти монеты в знак благодарности, — сказал лорд Иво.

— Вы можете назвать их благодарностью, но боюсь, что подразумеваете под этим плату.

— Это хорошее замечание.

— На таких хороших замечаниях заключаются и сдерживаются клятвы.

— В этом вы правы, — уступил он. — Но что, если бы Бранд предложил вам зайцев в качестве платы?

— Я бы взяла их, — спокойно ответила она. — так как он — не лорд Олнвика.

— И благодарен за это, — усмехаясь, ответил сэр Бранд. — Ради всех святых, Иво, к твоей земле прилагается больше сделок и клятв, чем к трону Англии.

— Эта клятва заключена до появления королевской власти, сэр. Женщины моей семьи были целительницами в этих лесах, все до единой, начиная со времен моей пра-пра-пра-бабушки. До того, как Олнвик стал деревней, а Англия объединилась, мы поклялись помогать тут тем, кто в нас нуждается.

— Ну, во-первых, я рад, что вы оказались тут, какие бы клятвы за этим не стояли, — сказал Бранд.

— Так же, как и я, хотя вы и не возьмете моих денег, — сказал лорд Иво.

Сэр Бранд двинулся назад к своей лошади, и Мэйрвин почувствовала разочарование.

— Вы не зайдете прежде, чем уехать, милорды? Мой стол не богат, но я хорошая кухарка, и пользуюсь тем, что есть. И у меня есть эль и вино. Я вас приглашаю.

— Спасибо за заманчивое предложение, Мэйрвин, но мы не можем остаться, — сказал лорд Иво. — Моя леди ждет нас, и она перестанет ворчать из-за Бранда, но тут же начнет вновь из-за того, что мы опоздали на ужин.

— Скажите, что это моя вина, милорд. Скажите ей, что я настояла на том, чтобы посмотреть и ощупать рыцаря, с целью узнать, почему он так хорошо исцеляется, чтобы я могла использовать его секрет с другими больными.

— Вам не стоит этого делать, — ответил дворянин. — Тогда другие станут такими же упрямыми, как он. Вероятно, мы воспользуемся вашим гостеприимством как-нибудь в другой раз.

Облака всё еще светились, когда сэр Бранд вскочил на свою чалую лошадь. Мэйрвин стояла у двери и смотрела, как они удаляются.

— Я сохраню для вас горшочек эля, милорды, — крикнула она.

— И я обязательно приду как-нибудь его выпить, — пообещал Бранд, когда они свернули на дорогу к Олнвику.

— Всёго хорошего, Мэйрвин из Олнвуда, и еще раз выражаю свою благодарность, — До того, как лесная темнота поглотила их, он присвистнул, и крупный ворон слетел с ветки, приземлившись на его плечо.

Мэйрвин затаила дыхание: Святая птица Отца, компаньон рыцаря, исцеляющегося так быстро. Неудивительно, что знаки были настолько ясны. Серьезность его ран и странная

поспешность его ухода, отвлекли ее от признаков. Но теперь, подумав об этом, она не сомневалась, волшебство кружилось вокруг сэра Бранда и его лорда, как комары вокруг пламени. Будет интересно посмотреть, зачем Боги послали его в ее жизнь.

Разумеется, кроме как для того, чтобы принести ей мясо.

Она посмотрела на зайцев, и ее рот наполнился слюной при виде такого пиршества. Одного зайца можно поджарить, другого — сварить. Она тихонько благословила двух рыцарей, исчезнувших на тропинке, а потом взяла нож, чтобы освежить свой ужин до того, как полностью стемнеет.

Под чутким руководством Ари за двором замка постепенно, словно шляпка проросшей поганки, поднималась насыпь. Джеофф вернулся из Дарема с тьмой мужчин, которые гораздо быстрее крестьян справлялись с перетаскиванием вещей. Крестьяне же под началом Уота теперь углубляли замковые рвы и расширяли крепостную стену.

Иво с Брандом по привычке проверяли их успехи каждый вечер и, выезжая из леса, объезжали растущую насыпь, затем заезжали в замковый двор и передавали лошадей всегда готовому услужить Тому. После ужина, они читали написанное днем сообщение от Ари и записывали дальнейшие указания для него перед тем, как заняться играми и другими развлечениями. Вечерами нередко Алейда, что-то вышивая, сидела рядом, или же, уходила спать рано, явно устав от присутствия людей, и от той работы, которой они занимались. Ее усталость шла Иво на пользу; она засыпала так быстро и так глубоко, что он совсем не рисковал, забираясь в ее постель раз в несколько ночей.

Сплетен не было слышно, и январь перешел в февраль скорее, чем того ожидал Иво. Сначала, началась пахота на Сретенье, с каждым днем они проводили всё новые борозды, а насыпь всё росла и росла. Во всём этом ритме было успокоение, удовольствие от того, что у него был дом, куда можно было вернуться и знакомые, с которыми он встречался каждую ночь. Это всё притупляло постоянную боязнь того, что их обнаружат, и тот другой страх, который висел над ними. Насколько это всё затянется, лишь Боги ведают, но пока что, по крайней мере, у жизни был свой темп, и она казалась совершенно обычной.

Хотя его беспокоила необходимость возвращаться во двор одному ночью накануне февральских ид (15 февраля), без Бранда, выразившего желание попробовать эля Мэйрвин, и впервые, его не встречал Том. Нахмурившись, Иво подъехал к конюшням, и передал Факса почти что незнакомому мальчику.

— Где Том?

— В зале, милорд. Леди Алейда попросила его прийти туда.

— А, ну что ж, позаботься о моей лошади.

— Да, милорд. Я иногда помогаю ухаживать за Факсом. Я за ним присмотрю.

То, что Иво увидел в зале, лишь усилило его беспокойство. Обычно, когда они приезжали, уже был готов ужин, и все люди, помывшись, ожидали их. Этим вечером никто на месте не сидел. Люди сновали, как муравьи, ставили столы. У двери стояла куча бочонков и сундуков. Служанка заметив лорда поспешила взять его плащ.

— Какого дьявола тут происходит? Где Джоффри?

— В гостиной, милорд, с леди Алейдой. Мне его позвать?

— Нет. Я сам пойду туда. — Всё еще хмурясь, он поспешно поднялся наверх, где увидел, что Алейда отдает распоряжения нескольким слугам, включая Джоффри и пропавшего Тома.

Том поднял голову и увидел Иво, его глаза тут же стали круглыми и расширились. — Милорд, простите меня. Я не следил за временем.

— Понятно, — ответил Иво. — Я был...

— Это моя вина, милорд, — прервала его Алейда, быстро становясь между ним и Томом, словно он мог ударить мальчика так же, как и Уота. Иво почувствовал жгучую боль внутри из-за ее недоверия. Вот уже почти месяц минул, а он всё еще не нашел способа

исправить множество ошибок, совершенных им в от ношении своей леди. — Я отвлекла всех по своим личным делам, и заняла Тома. Иди, Том.

— Какие дела могли перевернуть всё поместье с ног на голову? — спросил Иво, когда Том вышел за дверь.

Она не ответила ему, а улыбнулась управляющему. — Полагаю, что мы тут закончили, Джоффрей. Пора ужинать.

Когда Джоффрей и остальные вышли из комнаты, он увидел кровать. В ногах кровати лежала груда сложенной одежды рядом с ее шкатулкой с драгоценностями, всё это было так знакомо. — Снова монастырь?

Или она не уловила юмора или была не настроении шутить. — Шаттон и Хьютон. Мне нужно позаботиться о своих землях.

— А мне вы о ваших планах не говорили, — заметил он.

— Простите, милорд, я не собиралась это от вас скрывать. Мне сегодня пришло в голову, что я должна ехать тотчас же, если хочу вернуться до Покаянного Вторника. Я собиралась рассказать вам об этом за ужином.

Рассказать, а не попросить разрешения, отметил он. — Неподходящее время вы выбрали для путешествия.

— Погода еще, скорее всего, продержится хорошая, и даже до Шаттона всего день пути, — Она взяла чулки и без надобности снова сложила их. — Я делаю это ради вас, милорд.

— В самом деле.

— В связи с дополнительными затратами на замок, важно вдвойне, чтобы все феодальные поместья вносили пожертвования в сундуки Олнвика. Я, ваша жена и вассал, хотела бы показать другим пример, управления собственными землевладениями.

— И, надеюсь, наполните собственные сундуки. В этом и смысл Подарка.

— Если всё пройдет хорошо, я уеду утром. Полагаю, что вы не возражаете против моего отъезда.

Разумеется, он возражал, — даже имел несколько доводов против, — но Иво почувствовал нерешительность, когда она смотрела на него, спокойно ожидая ответа. Когда он дарил ей земли, то думал, что его раскроют, и он исчезнет до того, как ей захочется посетить их, и что, если вдруг его к тому времени не раскрыли бы, она уж точно стала бы его женой. Сама мысль о том, что она будет путешествовать одна тогда, когда они едва говорили друг с другом вечерами, нервировала его. Да, она права, — будучи его вассалом, ее обязанностью было присматривать за своей собственностью. И пора это сделать сейчас, до посевов, чтобы она могла отдать указания по сеянию культур, на ее усмотрение.

— Совсем нет, — солгал он с улыбкой. — Кого вы с собой возьмете?

— Беату и Хадвизу, разумеется, а Освальд выбрал несколько дюжих мужчин для охраны, и одного — управлять повозкой. И я думала взять с собой управляющего, чтобы он помог мне проверить счета в первый раз. Когда вас не будет, может быть, сэр Ари станет...

— Нет.

— Но сейчас пахота уже в самом разгаре, и меня не будет лишь две недели, может даже меньше. Если бы я могла поехать вместе с ним...

— Невозможно, — он повернулся к огню, надеясь, что его отблески скроют ту ревность, что должно быть, показалась в его взгляде. — У него здесь безотлагательные дела. Вы можете взять с собой Джоффрея.

— У Джофрея тут тоже дела, милорд, даже, скорее всего, более жизненно важные. Нужно удобрять землю мергелем, и...

— Он оставит указания, — нетерпеливо ответил Иво. Она была права в том, в ком Олнвик больше нуждался в следующие недели, но Ари не мог поехать с ней, даже если бы Иво и желал этого..., а он этого не хотел. Достаточно уже знать то, что он с ней весь день и изо дня в день. — Ари сможет выполнить и свои обязанности, и обязанности Джоффа. Как вы сказали, это же всего на две недели.

Он готовился спорить дальше. Но она просто опустила голову и неожиданно согласилась. — Как пожелаете, милорд. Джоффрей будет хорошо служить, и по правде сказать, он уже знает земли и людей, живущих на них. Я лишь подумала, что Ари меньше нужен здесь.

Грызущая его зависть заставила его спросить: — А других причин взять с собой Ари не было?

— Я думала о том, что он мог рассказать историю, которую должен мне, так как проиграл. Он поэтому меня избегает вот уже несколько недель.

— Избегает вас?

— Я почти не вижу его, даже за ужином. Он ест по-крестьянски вместе с мужчинами в поле, и редко возвращается в поместье, если только дела не призывают его. И даже тогда он проводит время, склонившись над пергаменами, словно монах. Я думаю, что у него нет истории о драконе, и он не хочет признаться в этом.

— Он, должно быть, увлечен своей работой, — сказал Иво, обдумывая новости. Егс уродливая ревность превратилась в более уродливый стыд. Разумеется, Ари не волочил за Алейдой. Он — честный человек, и Иов должен был это знать, — знал это, пока боги не послали видение. И всё стало настолько грязным. К тому же, дни, когда Ари кувыркался с женщинами ради самого процесса, закончились, так же, и такой период для любого из них.

Они спустились на ужин и, сядя за стол, Алейда заметила, что Бранд отсутствует. — Надеюсь, что он не отправился снова дразнить хряка палкой.

— Он придет позже, — усмехнувшись, сказал Иво.

Еда оказалась вкусной, — вареная говядина и капуста со свежим хлебом, который как раз испекли, — но вот атмосфера за столом была беспокойной. Алейда всё время подзывала слуг, припоминая различные дела, которые следовало сделать до ее отъезда или в ее отсутствие. Ему и так не нравилось то, что она уезжала, а ее поведение вообще выводило из себя, поэтому он испытал облегчение, когда она, наконец, успокоилась и с наслаждением доела своё ужин.

— Зачем ты позвала Тома? — спросил он, решив завязать беседу, когда молчание за столом затянулось.

— Я попросила его объездить для меня Ларк, чтобы она снова привыкла к удилам. Последний раз я на ней ездила еще до Рождества.

— У вас есть своя лошадь? — он нахмурился. Иво должен был знать об этом. Если бы был хорошим мужем, то знал бы.

— Замечательная черная кобыла. Это подарок моего дедушки-лорда на моё обручение, — она положила в рот ложечку тушеных абрикос.

— И вы возьмете ее в Шаттон?

Она кивнула, еще не прожевав пищу.

— Кто на ней поедет?

— Это моя лошадь, милорд. И поеду на ней я.

— Вы имеете в виду за спиной грума?

— Нет, мой господин, мужчина не будет управлять лошадью. Я поеду на ней верхом. —

Она взяла спелый абрикос с тренчера и протянула ему. — Они очень вкусные. Не хотите ли попробовать?

Она застала его врасплох. Ни разу за все те недели, что они были женаты, не предлагала она ему ничего попробовать. Не желая портить некую близость между ними, продолжая расспрашивать ее о езде верхом, он улыбнулся и наклонился вперед, собираясь откусить от абрикоса. Вместо этого она положила целый плод ему в рот. Он был наполнен медом и вином, и когда он надкусил его, то столько пряного ликера попало в его горло, что глаза заслезились.

Когда он перестал дышать и закашлялся, она наклонилась вперед. Его сердце пропустило пару ударов, когда она улыбнулась ему.

— Я могу сообщить вам прямо сейчас, мой господин, — сказала она так нежно, как не говорила с ним несколько недель, — что я не только езжу верхом без грума, я также езжу не в дамском седле. Под платье я надеваю брэ. А, смотрите, вот и сэр Бранд.

Она встала и плавно направилась к Бранду, в то время как Иво давился абрикосом. Когда же она вернулась к столу, ему ничего не оставалось, как рассмеяться.

Бранд с любопытством посмотрел на него. — Что тут смешного?

— Моя жена. Мы позже об этом поговорим, — сказал он ей, а затем задал вопрос Бранду. — Как тебе эль Мэйрвин?

— Так вот, куда вы ходили, — воскликнула Алейда. — Наша целительница — красавица, разве не так?

— Да, так и есть, но я не поэтому ходил к ней, моя госпожа. Я принес ей мех с вином взамен того, которым она лечила меня.

— Вот как, — протянула Алейда, в женской манере, которая дает понять мужчине, что женщине всё равно известна правда, независимо от того, что он говорит. Бранд в ответ лишь фыркнул, и запихнул себе в рот кусок говядины.

Немного позже, когда они всё еще продолжали говорить о Мэйрвин и ее эле, в зал тихонько зашел Том. Он сел на свое место за нижним столом и начал запихивать в себя еду так быстро, как мог, чтобы насытиться до того, как пищу уберут со стола.

Бранд указал на него ребрышком, которое до этого обгладывал. — У этого паренька есть характер. Скоро утро, а он всё равно ждал меня сегодня, хотя я и приехал так поздно.

— Наверное, он это сделал потому, что празднично шатался весь день, — Иво собирался пошутить, но глаза Алейды панически расширились.

— В самом деле, милорд, это моя вина. Не вините мальчика, ведь это из-за меня он припозднился.

— Божьи колени, женщина. Что это на вас... — И вот тут ему и пришло в голову решение двух, нет трех проблем. Он поднялся и закричал. — Том, поднимись сюда.

Мальчик подошел к верхней части зала, на ходу вытирая рот рукавом. — Да, милорд?

— Мой господин, прошу вас, — умоляла его Алейда.

— Ты сегодня вечером не был на посту, мальчик, и моя леди, кажется, полагает, что за это я тебя изобью.

Том покраснел как рак, тяжелое дыхание было отчетливо слышно, особенно от Алейды, которая вскочила, готовясь к борьбе. — Я совсем так не думаю, монсиньор, и вам это

известно!

Не понимая, что происходит, Том сначала посмотрел на Алейду, потом на Иво, потом храбро поднял подбородок.

— Если леди Алейда так говорит, значит, я это заслужил. Я обязан был помочь вам, но я не справился.

Иво попытался смотреть на него сурово, но при виде такой искренней смелости, он не смог. Фыркнув, он посмотрел на Бранда, который пристально смотрел на мальчишку. Качая головой, потом на Алейду, стоящую, крепко сжав руки в кулаки, и готовую сбить его с ног, чем позволить хоть пальцем коснуться Тома. Иво подмигнул ей лишь ради удовольствия видеть, как ее рот раскрылся от удивления.

— Хороший парень. Я вижу, что ты предан своей госпоже.

— Я... я умру ради нее, мой господин, — гордо и с некоторым замешательством ответил Том.

— Тогда тебе следует знать, что она не говорила мне о том, что тебя следует побить. Я лишь неудачно пошутил. Она лишь сказала, что ты достаточно хорошо едешь верхом, и она позволяла тебе выезжать на своей кобыле.

Облегчение на лице мальчика было почти забавным. — Да, милорд.

— И сколько тебе лет?

Том задумчиво закусил нижнюю губу. — Я не уверен, мой господин.

— Твоя мать родила тебя, когда я выиграл коня в битве, — ответил Освальд со своего места за столом. — Значит тебе около тринадцати лет.

— Значит, это так, как сказал конюший. Около тринадцати.

— Самый подходящий возраст, — заметил Бранд. Он уже понял, куда клонит Иво.

— Освальд, что вы думаете о Томе?

Конюший поднялся и подошел к Тому. — Он шустрый, честный и трудолюбивый работник, мой господин. Он видит то, что надо сделать, и он это делает. Я бы так хотел иметь под рукой еще дюжину таких.

— Он будет хорошим оруженосцем?

Лицо Освальда расплылось в широкой улыбке. — Да, мой господин, вот только он не благородных кровей.

— Многие оруженосцы — люди из низшего сословия, даже некоторые рыцари. Том, ты хотел бы быть моим оруженосцем?

Мальчик посмотрел на него, как дурак. Не слишком благоприятное начало.

— Скажи да, мальчик, — смеясь, посоветовал Бранд.

— Да. Да, мой господин! Я хочу стать вашим оруженосцем, и я буду превосходным оруженосцем. Клянусь.

— Это будет нелегко. Большинство оруженосцев с малых лет служат пажами, учась, как прислуживать за столом, как вырезать, читать, правильно говорить. Ты этому не учился, так что прежде, чем ты станешь оруженосцем, ты немного послужишь пажом у миледи.

Иво едва удержался, чтобы снова не посмотреть на Алейду, и обошел стол, став перед Томом. — Будешь сопровождать ее в Шаттон и Хьютон, и будешь учиться всему эти две недели. Когда ты вернешься, то будешь тренироваться с Освальдом, хотя каждый день ты всё еще какое-то время будешь исполнять обязанности пажа, по велению миледи. До тех пор, пока она не сообщит, что ты не опозоришь меня даже при дворе. И ты также научишься читать и писать, на французском и латыни.

— Я сделаю всё, что должен, милорд, — Том упал на колени и протянул руки к Иво. — Я — ваш слуга во всем, и я клянусь вас почитать.

— Я принимаю твою клятву, и посему также клянусь. Учись старательно, Томас. И ты станешь оруженосцем и моим стражем. Докажи, что ты храбрый и отважный, и тогда даже сможешь получить шпоры.

Он поднял мальчика на ноги, и дружески подтолкнул к его месту. — Теперь иди. Доешь ужин, и будь готов к завтрашней поездке с леди Алейдой. Освальд, выбери для парнишки хорошую лошадь, и найди ему замену в конюшнях. Джоффри, ему нужна одежда более подходящая для его нового положения.

— Да, милорд, — сказали мужчины, а Том, спотыкаясь, и в то же время, плавно направился к своему столу, где другие стали похлопывать его по спине, отвлекая его.

Иво с удовлетворением наблюдал за ним пару минут, потом вернулся к своему креслу. Алейда также села рядом с ним, на ее лице была написана такая смесь эмоций, что сложно было сказать, что она испытывала. Он лишь отчетливо видел слезы на ресницах. Иво дотронулся до уголка ее глаза. — Что такое? Я думал, что то, что я сделал Тома оруженосцем, обрадует вас.

— Это так, милорд. Но я думала... Вы... — она запнулась, испытывая слишком глубокие чувства, потом взяла себя в руки, смахнув слезы краешком головного убора. — Вы наслаждаетесь тем, что мучаете меня?

— Лишь слегка. А вам нравится думать обо мне только самое худшее?

Она покраснела как свекла, и опустила взгляд на сложенные руки, но когда снова подняла глаза, то в них светилось веселье. — Лишь слегка.

Ах. Ну что же. Наконец-то он мог сбросить с плеч чувство вины из-за избитого судьи. Он улыбнулся ей.

— Вероятно, мы могли бы найти лучшие способы развлечений.

— Я была бы вам очень благодарна, милорд. Какие будут предложения?

То, как она сказала эти слова, могло означать приглашение в ее постель, — а могло не значить ничего. И почувствовав возбуждение, он отбросил эту мысль. — Пока что, я думаю, что мы могли бы сыграть в шахматы. Пока ваши служанки складывают ваши вещи.

На ее лице промелькнуло разочарование, но она кивнула в знак согласия. — Но нам придется играть в гостиную, чтобы я могла всё контролировать. Сэр Бранд, вероятно, вы нам поведаете какую-нибудь историю, пока мы будем играть.

Они вскоре укрылись наверху у огня, поставили между собой доску, а Бранд стал рассказывать историю, которую Ари часто рассказывал им у костра. Иво устроился, испытывая удовлетворение. Вот так всё и должно быть, — вот только в его мечтах не было ни Беаты, ни Хадвизы, укладывающих вещи Алейды в сундук. Если бы всё было так, как надо, он отправился бы с ней, позаботился бы о ее безопасности, и держал бы ее поближе к себе каждую ночь. Но вместо этого она отправлялась одна. И тут он вспомнил. — Мы должны поговорить о том, как вы поедете.

— Тут нечего обсуждать, монсиньор.

— А вот и есть. Я хочу, чтобы Том управлял вашей кобылой.

Она упрямо поджала губы. — Вы можете желать всё, что хотите, милорд, но этого не будет. Я поеду верхом, как делают все благородные леди здесь, на севере, но вот только я езжу верхом лучше многих из них.

— Если у вас нет грума, то есть же еще повозка...

— Для багажа и Беаты. А не для меня, — упрямо сказала она. — Не начинайте, прошу.

Иво посмотрел на жену. — Беата, позови сюда Освальда.

— Да, позови, — повторила за ним Алейда, глядя на Иво.

Нянюшка поспешно удалилась. Несколько минут спустя она вернулась вместе с Освальдом.

— Конюший, скажите мне честно, — без предисловий сказал Иво. — Моя леди-жена ездит верхом достаточно хорошо, чтобы доехать до Шаттона без грума?

— Да, милорд, — он сияюще посмотрел на Алейду, словно впавший в старческий маразм дядюшка. — Лучше половины моих людей. А ее Ларк — самая спокойная лошадка, какую я только видел.

— А брэ, которые она надевает, видны во время скачки?

— Монсиньор! — возмущенно упрекнула его Алейда.

Бранд изумленно фыркнул, но Освальд рассмеялся. — Я ведь не видел, милорд. И по правде сказать, я бы всё равно не признался, если бы видел. Так как с меня спустили бы шкуру.

— В этом будьте уверены, — тихонько прошипела она.

— Ты мудр и честен, конюший, — сказал Иво. — Пошли таких людей с миледи. Она — величайшее сокровище Олнвика, и я желаю, чтобы она невредимой вернулась ко мне.

— Так и будет, милорд. Клянусь вам.

— Значит, решено. Ты можешь идти.

— Подожди, Освальд. Я спущусь с тобой, — Бранд встал и потянулся. — А вы милорд? Пойдете с нами сыграть партию в мерелс (<http://www.mastersgames.com/rules/morris-rules.htm>) и распить рог эля?

Алейда покраснела от настойчивости во взгляде Иво, и неожиданно он испытал сильнейшее желание, разожженное бронзовым огнем ее глаз. — Да, я думаю, что так и сделаю.

— Но вы же... — заговорила она.

— Тс, — Иво потянулся и прикоснулся кончиком пальца ее губ, настолько теплых и мягких. А когда она прикоснется к его коже, это будет... Иво отбросил подобные мысли, пока они совсем не лишили его здравого смысла. Лишь силой воли он поднялся. — Это не обсуждается, листочек. Вам завтра предстоит долгая поездка, и я хочу, ради вашей же безопасности, чтобы вы отдохнули.

На ее лице появилась та же странная смесь чувств, которую он всё не мог понять. Тем более, когда она опустила ресницы.

— Очень хорошо, милорд. — Когда он собрался уходить, она взяла его руку в свои и поцеловала костяшки пальцев, в то же место, куда она поцеловала его после того случая с Уотом. В прикосновении ее губ он почувствовал прощение, извинение, соблазнение, смешанные вместе. — Я еще не благодарила вас как следует за то, что вы сегодня сделали для Тома.

— Алейда, — начал было он, но потом увидев ее взгляд, запнулся.

— Я рада, что вы сделали это до моего отъезда. В поездке я буду думать о вас лучше. И, вероятно, мы сможем начать всё заново, когда я вернусь.

Он не мог придумать, что сказать ей, что не было бы ложным обещанием или ложью.

— Пусть Господь сохранит вас в дороге, жена, — наконец сказал он, и ушел.

Когда они спускались, Бранд покачал головой. — Было бы проще позволить ей злиться

на тебя, и оставить Тома в конюшнях.

— Да, — ответил Иво. Но в душе, он знал, что ее взгляд стоил каждой минуты страданий от ненасытного желания, которые он испытает в следующие недели. — Да, вероятно.

На следующий день рассвет был светлым и спокойным, и Джоффри приказал всем подготовиться, чтобы выехать сразу после утренней молитвы. Они пересекли Олн и направились на северо-запад, по дороге, которая шла вдоль реки.

Когда они оказались на открытых вересковых землях, Ларк тихонько заржала от удовольствия. Алейда немного придержала ее, чтобы напомнить, кто ею управляет, потом пустила кобылу галопом по тоскливому зимнему лужку. Том, ехавший на серовато-коричневом скакуне, которого выбрал для него Освальд, чувствовал ответственность своего нового положения. Он старался не отстать от двух охранников, тогда как Джоффри, который прежде много раз выезжал с Алейдой и знал ее привычки, лишь наказал группе слуг, — Хадвиза ехала верхом, сидя в седле позади грума, — перейти на рысь, чтобы держать госпожу в поле зрения.

Когда Ларк начала по своей воле замедлять темп скачки, Алейда повела ее обратно по большому кругу, чтобы снова оказаться рядом с охранниками и своим новым пажом.

— Она бежит удивительно хорошо, миледи, — сказал Том, когда она присоединилась к их компании.

Алейда рассмеялась, и потрепала Ларк по холке. — Мальчишка-конюший восхищается тобой, милая. Но теперь ты паж, Том, а скоро станешь оруженосцем. Так что ты должен говорить комплименты леди, а не лошади, — если только это не новая лошадь, но даже в этом случае, лучше найти способ сказать леди что-то приятное.

Том слегка покраснел, потом сказал: — Вы изумительная наездница, миледи.

Охранники презрительно улыбнулись его неуклюжей попытке выкрутиться. Но Алейда кивнула, как будто он ничего прежде подобного не говорил. — Благодарю, Томас. Езжай и скажи Джоффри, что я хочу увидеть стоячий камень, и пошли остальных вперед, а сам возвращайся к нам.

— Да, миледи, — ответил он, а потом галопом поскакал выполнять своё первое задание в качестве пажа.

Камень, находившийся в лесу у подножия холма, был таким, каким помнила его Алейда, лишь мха стало больше. Она спешила и посмотрела с любопытством на знаки на камне. Большая спираль была нарисована на плоской стороне, а грубо вырезанные животные выдавались с другой стороны: волк или собака, олень, одна-две птицы, и другие, частично покрытые мхом, разросшимся от основания. Она вынула нож из-за пояса, и немного соскребла растительность, чтобы открыть замечательный на вид нос неизвестного животного.

— Это чудовище, миледи, — сказал Томас.

— Это всего лишь лев, — ответил Джоффри, чей голос был полон презрения.

— Если это лев, то он толстый и бесхвостый, — заметила Алейда, соскребая мох. Она указала на неровную линию, идущую вдоль позвоночника существа. — Томас, а что ты думаешь?

— Это молния, миледи, ударившая в животное. А тут стрела.

— Мне напоминает вилы, — сказал Джоффри, наконец подошедший к ним. Он указал на метку на боку. — А вот это святой крест.

— А вот тут три линии встречаются. Я полагаю, что это означает Троицу? — размышляла вслух Алейда. Она перекрестилась, когда почувствовала, как по позвоночнику ползет дурное предчувствие. Ведь смешения христианских и языческих символов было признаком деяний дьявола. Внезапно она захотела оказаться как можно дальше от этого места.

— Помоги мне, Томас.

— Минуту, моя госпожа. Я думаю, что вы были правы насчет чудовища, — Томас всё еще счищал мох с камня, на сей раз сбоку под спиралью. — Смотрите. Вот он ваш дракон.

И конечно, тут лежал вырезанный древний дракон, языки пламени показывались из его рта, а она его даже не замечала.

— Помоги мне, Том, — решительно попросила Алейда. Ее предчувствие чего-то дурного с каждой минуты всё росло. Оказавшись в седле, она направила Ларк прочь от этого места, оставив камень и знаки зла позади. Они проехали еще немного, когда она заметила, что Джоффри смотрит в небо. Она проследила за его взглядом, и обнаружила то, что он видел, высоко над головой. — Это орел?

— Да, миледи. Та самая птица, что следовала за нами в тот день, когда сэр Ари скакал по границе.

— И как вы можете отличить одного орла от другого? — смеясь, спросила она.

— По его хвосту, миледи. Видите кривое перо? Сегодня он, кажется, следует за вами.

Алейда посмотрела на Джоффри и поняла по его лицу, что он не шутит. И это показалось ей смешным. — Я никогда не знала, что вы настолько подвержены иллюзиям, Стюард.

— Это не иллюзия, миледи, — ответил он, не отводя глаз от птицы. — Я следил за ним с тех пор, как мы пересекли реку. Он всё время следовал рядом с вами.

— Разумеется, это не так, — ответила Алейда.

— Но так и было, миледи, — сказал Эдрик, выполняющий роль охранника в этой поездке. — Я заметил его, когда вы в первый раз ускакали вперед. Он летел прямо над вами, и остановился с нами у камня, сев на дерево неподалеку.

— Чепуха. Это просто птица, — Алейда отбросила эту мысль, но чувство приближения чего-то плохого стало сильнее. — Давайте поедем быстрее. Я голодна. — Она пустила Ларк рысью.

— Мы поужинаем у ручья Эглингхэм, моя госпожа, — сказал Джоффри, подъехав к ней. Повозка, в которой ехала Беата и их инструменты выехала до рассвета. Так что ужин, должен быть готов, когда все всадники подъедут к тому месту. — Я отдал распоряжения приготовить ужин заранее.

Так и произошло, и еда оказалась еще вкуснее от того, что они ели на свежем воздухе. Когда они после отправились в путь, Алейда не могла не посмотреть в небо. Там, выписывая круги над ее головой, летел орел.

Он держался поблизости большую часть дня, пока солнце не начало опускаться на западе, тогда он направился на юг, к Олнвику. Она смотрела, как он исчез из виду, и как бы глупо это не было, пожалела, что он не стал сопровождать ее на пути в Шаттон.

— Ублюдочный король! — Иво с отвращением выплюнул слова в Ари.

— А есть еще варианты? — посмеиваясь, спросил Бранд, нагнувшись, чтобы проверить копыто Кракена. — Что же он такого сотворил?

— Он послал одного из своих людей, чтобы проверить меня. Роберт де Жён и дюжина его рыцарей сидят внизу, в зале пока мы тут разговариваем. Они приехали сразу после нон [45].

— Черт бы их драл, — сказал Бранд, все его веселье в раз слетело с его лица. — И как же мы теперь выйдем отсюда, если весь зал внизу заполнен рыцарями?

— А мы и не будем выходить. Ари сказал всем, что я сегодня уехал в Дарем по неожиданно возникшему делу. Мы не можем выдвигаться, пока они не уедут.

— Как это все не вовремя, учитывая, что твоя леди должна вернуться завтра.

— Да, но это не самое худшее. Один из рыцарей, который приехал с де Жёном — это ублюдок Невилл.

— Тот подлиза, которого мы вышвырнули отсюда, как только приехали? Ну, вот видишь! Ты должен был дать мне его выпотрошить. — Бранд взмахнул рукой, изображая, как бы он пронзил своим мечом врага, и тело Невилла упало бы на листья у его ног. — Вот что ты получил, превратившись в норманна. Что же нам делать дальше?

— Остаться незамеченными. Ари придётся заниматься ими, пока я что-нибудь не придумаю.

Бранд посмотрел на ворона, взгромоздившегося на соседней ветке, у которого из-за дождя и тумана, висящего в воздухе весь день, все перья были нахохлены.

— И как же он будет держать их подальше?

— Я не знаю, но он говорит, что он сможет. Помогает то, что все считают, что он каждую ночь гуляет по девкам.

— Ты мог бы послать ему сообщение, чтобы он присоединился к нам в Дареме, — предложил Бранд. — Конечно, если его до этого не схватит... Это будет означать окончание нашего пребывания в Олнвике.

Гнев начал снова быстро расти, оставляя во рту привкус горькой полыни. Иво резко выхватил меч и одним ударом снес рядом растущее молодое деревце, будто представив на месте тонкого ствола шею Вильгельма.

— Ублюдочный король, — Почувствовав себя немного лучше, он встряхнул кистью, чтобы сбросить напряжение. — Пошли. Если нам суждено скрываться в лесах, то нам понадобится то, что мы спрятали на всякий случай.

По старой привычке они спрятали глубоко в лесах припасы на случай, если им придется внезапно скрыться. Теперь они могли их использовать, чтобы удовлетворить минимальные нужды во время вынужденных игр в прятки.

— У меня есть идея получше, — сказал Бранд. — Я, так или иначе, собираюсь вечером навестить Мейрвин, чтобы отдать ей ступку и пестик, которые я вчера взял у того ремесленника, и мы...

— О чем ты думал, покупая ей ступку и пестик? — спросил Иво.

— Кто сказал, что я это купил? Ты — богатый человек. Я решил, что это прекрасный способ заплатить ей, не нарушая данного ей обещания.

— Прекрасно. — Иво следил за Брандом, поглядывая на него через спину Фэкса. — Ты же не собираешься быть уж очень милым с этой женщиной, не так ли?

Бранд фыркнул.

— Как я сказал, я собираюсь просто отдать ей пестик и ступку. Если ты поедешь со мной, то мы можем провести вечер в ее теплом, маленьком домике, вместо того чтобы мокнуть под дождем.

— Мы, как предполагается, находимся в Дареме, помнишь? Если де Жён прознает, что мы тут, то он подвесит меня за большие пальцы и тогда все точно будет кончено.

— И как же он об этом узнает? У Мейрвин нет соседей, которые могут нас заметить.

— Слухи быстро разносятся. Она, может быть, и живет одна, но она ходит за покупками к сельским жителям, да и они к ней приходят, чтобы подлечиться.

— Мы скажем, что уезжаем завтра утром. Она будет держать язык за зубами, если ты скажешь ей. Она связана с тобой.

— Все же...

— Давай же. В любом случае сегодня нам вряд ли удастся найти тайник, — сказал Бранд. Он покачивался на Кракене и натянул поводья, чтобы повернуть коня по направлению к хижине Мейрвин. — Мы завтра все выкопаем и найдем подходящее место для лагеря. А сегодня мы заедем к Мейрвин, отдадим ей ступку и поедем ее похлебки.

— И выпьем ее пива, — ухмыльнувшись, добавил Иво.

— Конечно же. И сидя перед огнем у нее в домишке, мы поразмышляем о том, как нам избавиться от де Жёна.

— Это, — сказал Иво, размышляя о своей жене и Невилле, находящихся вместе в одном зале, — будет лучшим вариантом.

Поездка домой из Хоутона мало отличалась от поездки в Чаттон, хотя погода и была несколько лучше. Облака, казалось, соприкасались с землей, тяжелым и густым туманом спускаясь все ниже и ниже, и путешественники кутались в одеяла, защищаясь от холода, пробирающего до самых костей. Алейда, по мере того как они покрывали милю за милей, играла в рифмы с остальными путешественниками. Джеффри побеждал уже третий раз подряд, когда его окликнул едущий впереди человек.

— Всадники.

Эдрик поскакал вперед, чтобы лучше рассмотреть двух человек, поднимающихся на холм перед ними. В это время эскорт Алейды сомкнул свои ряды вокруг нее, доставая оружие из ножен. Она поудобнее устроилась в седле, готовясь к бешеной скачке, если возникнет необходимость. Ощувив ее напряженность, Жаворонок загарцевала на месте и натянула поводья.

Все их приготовления к схватке оказались совершенно напрасными, когда мгновение спустя Эдрик объявил:

— Это всего лишь Ари и Пенда.

— Не надо выглядеть столь разочарованным, — сказала Алейда, рассмеявшись от облегчения. — Это означает, что я не проведу полдня, бегая от шотландцев. Ну, поехали же, поздороваемся с ними.

Она сжала бока Жаворонка и пустила лошадь галопом, будто извиняясь за тот галоп, что был до этого.

— Отчего вы отъехали так далеко, *мессир*? — спросила она, как только приблизилась к ним. — Какие-нибудь неприятности?

— Вам не о чем беспокоиться, миледи, — сказал Ари, встраиваясь вместе с Пендой в ряды ее кортежа. — Лорд Роберт де Жён прибыл по поручению короля, чтобы посмотреть, что происходит с замком, вместе с ним прибыли двенадцать рыцарей.

— Двенадцать! — Рыцари, со своими оруженосцами, грумами и прочими прихлебателями, а это означало тридцать или даже больше дополнительных людей, которых надо разместить в доме, и ртов, которые надо накормить. И это кроме мужчин, нанятых для работы в замке. Их можно всех положить в зале, а пища... Она начала быстро в уме просчитывать все необходимые покупки и места, где их можно приобрести, задаваясь вопросом, насколько быстро дойдут до них продукты, заказанные на Пасху. Джеффри хмурился, очевидно, размышляя о том же. Ари закашлялся, и она поняла, что он должен ей сказать что-то еще. Она вздохнула:

— Говорите уж и остальное.

Прежде чем он успел что-то сказать, Пенда быстро проговорил:

— Вместе с рыцарями приехал сэр Невилл, миледи.

— Невилл? Что этот мелкий хорек делает среди людей короля?

— Пока что просто лижет благородные задницы, — сказал Ари. — Хотя я не уверен, что его держат для выполнения столь полезной функции.

Алейда заулыбалась в ответ на такое откровенное высказывание, которое так точно совпадало с правдой.

— Вы, должно быть, встречали Невилла раньше?

— Нет, но мне знаком такой тип мужчин, как он. Он — причина, по которой я поехал вас встретить. Освальд предположил, что вы не захотите по приезду обнаружить такой «приятный» сюрприз.

— Если бы я знала, я бы осталась в Хоутоне, — призналась она. — Мне не нравится Невилл.

— Освальд тоже не питает к нему особо теплых чувств. Он остался в замке проследить за тем, чтобы ни Невилл, ни кто-либо ещё не слишком расхотелись в ваше отсутствие.

— Мудрый конюший. Мы дадим ему отдохнуть от этих захватчиков?

— Повозка немного отстала от нас, миледи, — сказал Джеффри. — Возможно, Вам следует переждать в Дэнвике, пока она нас не догонит. Тогда бы и Беата была бы с вами и Хадвиза.

— Я не буду жаться в хижине, в холоде, в то время, как со спокойной душой могу быть в собственном замке, — твердо заявила Алейда. — Беата довольно скоро придет, и к тому же, я всех вас буду держать рядом до того момента, когда вечером придет мой муж. И снова этот взгляд, Сенешаль [\[46\]](#). Что еще?

— Боюсь, у лорда Иво возникли срочные дела в Дареме.

— Ооо...

— Он уехал вчера, до того как мы узнали о приезде лорда Роберта.

Но он знал, что приеду я. Придется попрощаться с мечтами начать все заново. Большой ком образовался в груди Алейды, но она постаралась не обращать внимания на этот холод, медленно распространяющийся у нее в груди. Сейчас было важнее наладить дела в замке, чем разбираться во всех проблемах ее брака.

— Что ж, тогда у меня еще больше причин вернуться в Олнвик.

— Миледи, но там двенадцать чужих и неизвестных нам рыцарей. Ваша безопасность...

— Гарантируется благородным лордом, который предан и лоялен королю, который и

приказал мне выйти за него замуж, — сказала она с большей уверенностью, чем испытывала. — Я должна представлять Олнвик в отсутствие моего мужа. Джеффри езжай вперед с Пендой и приготовь все. Я думаю... Я думаю, что демонстрация привязанности и преданности моих людей мне сегодня понравилась бы. Ничего большего, чем необходимо для того, чтобы лорд Роберт и его рыцари увидели, что я обладаю поддержкой и любовью жителей деревни и служащих замка.

Она была вознаграждена одной из столь редких улыбок Джеффри.

— Разумеется, миледи, и так же Вы, вероятно, захотите увидеть во дворе всех своих дам, которые приветствовали бы Вас и сопровождали бы в ваши покои.

— *Bién sûr* ^[47]! — рассмеялась Алейда. — И все они будут говорить разом.

Ари покачал головой.

— Но в ваших покоях разместился сэръ Роберт.

— Так и должно быть, если ни меня, ни мужа нет в замке. Но теперь я возвращаюсь домой, и он должен будет освободить мне мои комнаты.

— И помощи ему Господь и все его святые, если он этого не сделает, — сказал Ари.

Алейда улыбнулась ему светло и ясно.

— Точно.

— Тогда мне следует освободить для лорда Роберта гардеробную и поставить туда кровать, — сказал Джеффри.

— И положите ему свежее набитый матрас и лучшие простыни и меха. В конце концов, он все же эmissар короля. — Она задумалась на минуту. — А также предложите ему ванну.

— И присмотрите наиболее, хм, дружелюбную женщину, чтобы они могла вымыть его, — добавил Ари Джеффри тихим голосом. Тот кивнул и пробормотал:

— Может даже двух.

Охранники пытались замаскировать смешки за кашлем, а Алейда притворилась, что она и вовсе ничего не слышала, поскольку услышанное повергло ее в смущение.

— Что ж, Джеф, тогда отправляйся и выполняй приказ. Мы немного здесь задержимся, но туман становится все более и более густым. Я не желаю задерживаться дольше, чем это необходимо.

— Мы трижды позвоним в колокол, когда все будет готово, миледи, — сказал Джеффри, и он с Пендой поскакали прочь.

Пока Алейда наблюдала, как они скачут по холму и исчезают из глаз, Ари наблюдал за ней.

— Вы хорошо играете свою роль, миледи.

— У меня было много времени и способов попрактиковаться в этом, когда мой дед воевал, — сказала она. — Мне это не по душе, но зачастую это просто необходимо. Разве леди из Гэлдерса ^[48] не могут делать того же?

Его лицо побледнело и будто замерло на секунду, потом краски вернулись.

— Боюсь, что наши женщины предпочитают ножи и яды играм. Именно поэтому я и уехал. Слишком уж многие из них имеют претензии ко мне.

— Сами леди или их отцы и мужья?

Он пожал плечами, но озорство в его глазах сказало ей, что он вряд ли так уж сильно сожалеет об этом.

— Вам давно бы уже следовало жениться, — сказала Алейда, — Вам и сэру Бранду обоим.

— Бранд был уже женат, миледи. Его жена умерла много лет назад.

— Я этого не знала. — Она обдумала эту новость и кивнула. — Это объясняет его печаль, которая порой скрывается в его глазах, прячась за смехом. Мне кажется, он любил ее.

— *Inn makti mur*, — сказал Ари. Когда она вопросительно бровь, он объяснил. — Это старое высказывание в Гэлдерсе. Оно означает великую страсть сродни любви, которая однажды превращается в тихую и глубокую привязанность, как только пара женится, хотя Бранд никогда бы не признался в излишней страстности или склонности к постоянству.

— Его леди повезло, что она испытала такую любовь. — Алейда крепко сжала губы, пытаясь подавить рыдания, которые зарождались изнутри и казалось вот-вот вырвутся наружу.

Чувствуя себя невозможно глупой, она изо всех сил пыталась проглотить слезы, которые жгли ей глаза. Она никогда не плакала, но вот уже который раз за последние две недели слезы набегали ей на глаза, также как тогда, когда Иво был столь добр к Тому. И еще из-за нескольких совершенно глупых вещей. На сей раз она оплакивала потерянное счастье Бранда, которое так отличалось от ее брака, что она вновь почувствовала боль. Вчера же она чуть не расплакалась из-за того, что наблюдала за мужчиной, засеивающим свои поля в Хоутоне. А несколькими днями ранее, в Чаттоне, из-за солнечного луча, который падал на крест в часовне, это заставило ее подумать о горе Богоматери, потерявшей сына, и ее тогда окутала такая печаль, что она чуть не разрыдалась во время мессы.

Сегодня она пыталась скрыть свои слезы, перебирая пальцами ткань плаща и играя ножнами, и по счастливой случайности печаль ее ушла столь же быстро, как и появилась. Через пару минут она уже достаточно владела собой, чтобы разрушить тишину первой попавшейся мыслью, что посетила ее.

— Вы говорили мне о сказаниях. Я полагаю, что вы все еще должны мне рассказ о драконе.

— И скоро я Вам его расскажу, миледи.

— Нет, Вы расскажете мне его сейчас же, — сказала она твердо, не собираясь упускать шанса. — Это отвлечет меня от дождя. — *И от этих нелепых слез.*

— Как прикажете, миледи. — Он поднял глаза, и она проследила за его пристальным взглядом, чтобы увидеть черную тень, мелькающую то тут то там в низко ползущих по небу облаках.

— Смотри, Томас, мой орел вернулся. Он летал где-то здесь, пока я была в Чаттоне, — объяснила она сэру Ари.

— Вы думаете, это именно тот орел?

— Да, он всегда кружит рядом с леди Алейдой, мессир, — Том распростер руки, будто птичьи крылья, и изобразил полет птицы так, что сидящая за ним Хадвиза заверещала и судорожно схватилась за него, чтобы не упасть. — Видите его изогнутый хвост?

— Сиди и не двигайся, Томас, — Алейда повернулась к Ари. — Джеф сказал, что эта та же самая птица, что следовала за вами вдоль границы.

— Возможно, — Ари в течении нескольких минут смотрел вверх. Когда он снова бросил взгляд на Алейду, его лицо ничего не выражало. — Ну что же. Дракон. Позвольте мне подумать. Однажды жила- была принцесса, и звали ее Алейда...

Он растягивал свой рассказ, пока они не перешли в брод Олн и не услышали звон колоколов, о которых говорил Джеф.

Алейда застонала от разочарования.

— Он слишком быстр. Теперь, я полагаю, мне придется ждать еще месяц, чтобы узнать, чем же закончилась история.

— Миледи, лишь пока Вы не окажетесь в безопасности своих покоев. А теперь собралась и поехали. — Ари организовал удовлетворивший его порядок в группе в то время, как Алейда поправляла свои юбки и мантию, чтобы выглядеть более изящной и величественной, насколько это позволяла промокшая от тумана одежда.

— Вы и вправду похожи на принцессу, миледи, — сказал Томас.

— Очень мокрую принцессу, как мне кажется. Ну-ка, давайте устроим королевское шествие. — И она проехала оставшееся расстояние до замка, выпрямив спину, подняв высоко подбородок, и улыбка, может слегка и фальшивая, засветилась на ее губах. В конце концов, она была хозяйкой замка, истинной леди. Леди с орлом, поправила она себя, когда увидела птицу, парящую в облаках. Ее улыбка тут же из напряженной и искусственной стала настоящей и радостной.

Джеф хорошо выполнил свою работу. Крестьяне приветствовали ее с энтузиазмом, а некоторые из них, не слишком многие, но достаточное количество, чтобы не разрушать общего эффекта, проводили ее к воротам замка. Она дала свой кошелек Ари, чтобы он мог раздать милостыню людям, стоящим у ворот, и въехала во двор, чтобы ее поприветствовали слуги поместья, большая часть из которых улыбались ей и галдели как вороны, приветствуя свою госпожу. Крики и суматоха во дворе заставили лорда Роберта и большую часть его рыцарей выйти во двор, как она того и хотела.

— Примите мои поздравления и приветствия леди Алейда, — проговорил лорд Роберт, перекрикивая шум. Он был худым человеком, смуглым лицом и чрезмерно чувственными чертами. Она помнила его с тех времен, когда он несколько лет назад посетил Бэмбург во время ее взросления, но он изменился и выглядел сейчас уставшим и каким-то изнуренным, несмотря на дорогую одежду и тяжелые драгоценные кольца на пальцах. Он стоял в стороне, пока конюх помогал отвести Жаворонка в стойло.

Как только юноша увел лошадь, Алейда огляделась вокруг, бросила взгляд на слуг и подняла руку, призывая всех замолчать. Тут же тишина окутала двор. *Превосходно.*

— Я прошу прощения, мне следовало быть тут, чтобы поприветствовать Вас, лорд Роберт, — она со всем уважением склонилась в реверансе. — Простите мне мое отсутствие, а также отсутствие моего мужа. Если бы мы знали, что Вы собираетесь приехать... — Она позволила себе не закончить мысль, тонко напоминая, что сначала с предупреждением о приезде надо было направить посыльного.

Но, разумеется, лорд Роберт не хотел посылать никакого посыльного. Он хотел приехать неожиданно. Чтобы увидеть то, что они тут построили и сделали. После восстания последних лет людям зачастую не доверяли, даже таким, что были лояльны к королю, как ее муж. Она предполагала, что на протяжении следующих лет подобные визиты не однажды повторятся, даже после того как замок будет построен. Особенно после того, как он будет построен.

— Не беспокойтесь, миледи, — сказал лорд Роберт. — Ваши слуги должным образом позаботились о нас.

— Рада это слышать. Теперь, если Вы извините меня, милорд, мои силы истощены этой поездкой сквозь туман и холод. Я полагаю, что я поужинаю у себя в комнатах. Это — эконом Олнвика, Джефффри, который ездил со мной. Он будет постоянно к вашим услугам, так что

наш сенешаль вновь сможет вернуться к своим обязанностям и продолжить строительство замка. Хадвиза, пойдем.

— Конечно, миледи, но я надеюсь... — Слова лорда Роберта потерялись в гвалте, поскольку все женщины из сопровождения леди Алейды окружили ее и повели вверх по лестнице в замок.

На следующее утро, когда девушка высунула нос наружу, чтобы пойти к молитве, ее покои снова надежно принадлежал ей.

Невилл вел себя значительно лучше, чем ожидала Алейда. За всю неделю, что лорд Роберт пробыл в замке, он ни разу не приблизился к ней, и даже не заговорил с нею, кроме разве что вежливого приветствия, когда они случайно где-то пересекались. Джеф и Освальд поведали, что он даже со слугами был вежлив. Возможно, он раскаивался за все те мерзости, что он натворил на День покаяния [\[49\]](#).

Или вероятнее всего причина была в другом.

Насколько она знала, Невилл Фитц-Хьюберт становился любезным и учтивым лишь тогда, когда это сопровождало его личным целям, так что она наблюдала за ним украдкой за обеденным столом, пытаясь понять, что именно было его целью, в то время как лорд Роберт развлекал ее рассказами о том как он недавно охотился на кабана в Ноттингемшире. Эмиссар короля был достаточно приятной компанией, исключая те случаи, когда он говорил про охоту. А он обожал рассказывать про охоту.

— Наш сэр Бранд недавно тоже убил кабана голыми руками, —插入了 Алейда, когда сэр Роберт замолчал на минуту, чтобы перевести дыхание.

Лорд Роберт улыбнулся ей той снисходительной улыбкой, с которой обычно смотрят на излишне хвастающего ребенка.

— Без сомнения он приукрасил свой рассказ, чтобы произвести на Вас впечатление. Кабан бы разорвал в клочья невооруженного человека.

— Он это почти и сделал. Сэр Ари, Вы были там. Расскажите лорду Роберту, что там случилось.

— Ну, хорошо, правда у него была небольшая ветка в руках, милорд, лишь какой-то прутик, — начал Ари, который проводил в зале больше времени с тех пор, как прибыли гости. Он начал рассказывать историю, полностью захватив внимание лорда Роберта и его людей, за исключением Невилла, челюсть которого сжималась каждый раз, когда тот упоминал о Бранде или об Иво. Наконец начало проявляться его истинное лицо, подумала Алейда.

Когда Ари закончил, де Жён и его рыцари хлопнули ладонями по столу.

— Хорошо рассказываете, *мессир*. Вам бы стать менестрелем, если бы Вы не были рыцарем.

— Менестрели придумывают свои рассказы из дыма и тумана, милорд. Этот же рассказ — правда.

— Хотел бы я встретиться сам с этим Брандом, — сказал лорд Роберт.

— К сожалению, он уехал вместе с моим мужем. Но у нас есть клыки того кабана, если вам интересно, — сказала Алейда. — Бранд пока еще не решил, что с ними сделает. Томас, принеси их.

Толстые и кривые клыки кабана были тут же принесены и показаны лорду Роберту и его рыцарям, которые тут же начали обсуждать их размер и пятна крови, которые темнели на них. Де Жён повернулся к Алейде.

— Я сожалею, что подверг сомнению ваши слова, миледи. Позвольте искупить свою вину, пригласив Вас на прогулку. Сегодня прекрасный день.

— Это излишне, милорд.

— Ну, что Вы, миледи. Вы, наконец, покинете стены замка, впервые с тех пор как мы

приехали. Нас будут сопровождать, и Вы будете в безопасности.

— Я не сомневаюсь в этом, милорд, но я...

— Я мог бы сказать Вам, что это приказ короля, — прервал он ее, его глаза горели тайной угрозой.

— Но это было бы ложью, *монсеньор*.

— Увы, это так, — добавил он. — Но я с радостью скажу так, если это поможет выманить Вас из ваших покоев. Будьте моей гостьей, леди Алейда. Поезжайте со мной.

Алейда колебалась. Она уверила Джефа и Ари, что она в безопасности, и до этого момента она была в этом уверена. Но почему он был столь настойчив? Что если это была не просто поездка, а попытка ее соблазнить или отвезти ее туда, где ее могут захватить? Вильгельм, как было известно, брал в заложники жен, чтобы гарантировать преданность их мужей. С другой стороны, что если ее воображение заводило ее слишком далеко? У нее были обязанности перед Олнвиком и ее мужем, она должна была поддерживать хорошее настроение у короля. Она тихо прокляла Иво за то, что он бросил ее в такой ситуации, но, приложив усилия, изобразила добрую улыбку.

— Конечно, милорд. Дайте нам немного времени подготовиться. Освальд, приготовь все.

— Как прикажете, миледи, — старший конюший выбрал несколько мужчин, чтобы они сопровождали ее, а Алейда пошла в свои покои вместе с Беатой и Хадвизой. Поскольку она стояла на вершине лестницы, она не могла не заметить довольного собой Невилла. Волоски на ее щеке зашевелились. Он и вправду походил на хитрого хорька.

— Вы действительно уверены относительно этого? Я совсем не заметил интереса.

— Определенно, милорд. — Невилл Фитц-Хьюберт говорил низким и тихим голосом, чтобы люди и слуги из поместья не слышали его. — Вы были слишком поглощены рассказом сэра Ари, чтобы заметить, но я наблюдал за леди Алейдой, и она наблюдала за Вами с огромной тоской в глазах. Она пытается скрыть это, но она питает к Вам теплые чувства.

Лорд Роберт перебирал пальцами концы своего пояса.

— Перспектива заполучить ее столь заманчива.

— У Вас есть прекрасная возможность, — Невилл подошел к нему ближе и еще понизил голос. — Леди поедет верхом, а это, как Вам известно, еще более заводит женщину. Добавьте к этому тот факт, что у нее уже почти месяц не было мужчины...

— Я слышал разговор, что с того момента, как де Вэсси появился, он исчезает каждый день с рассвета и до заката, — сказал Роберт. — Это верно?

— Я тоже слышал, милорд. Такое постоянное отсутствие мужа должно еще более увеличить желание женщины. Добавьте еще хороший галоп к вину, что она пила за обедом... — Невилл замолк на минуту, чтобы его светлость мог полностью прочувствовать всю его мысль.

Лорд Роберт смотрел туда. Где Алейда говорила со своими людьми. Семеро из них привели лошадей, по одному человеку из Олнвика на одного человека лорда Роберта, плюс ее служанка и грум, который нес седло для служанки. Невилл, конечно же, с ними не ехал. Она никогда бы не потерпела этого, и он не поступит так, чтобы вызвать ее недовольство.

— Но я говорю Вам, что она не проявляет ко мне никакого интереса.

— Она просто не показывает его перед другими, — сказал Невилл. — Она не хотела бы, чтобы об этом слышал де Вэсси.

— Я тоже того не хочу, но она стоит того риска, на который я пойду. — Роберт изучал ее, словно она была замком, который он планирует захватить. — Я найду способ заполучить ее сегодня. И мы посмотрим, правы ли Вы.

— Не дайте ей обмануть Вас своим показным безразличием, милорд.

Роберт снова посмотрел на Алейду.

— Вы уверены, что она хочет меня?

— Она жаждет Вас, как сучка во время течки, милорд.

— Возможно, я сделаю ей одолжение, взяв ее таким способом, а? — Роберт захихикал и подтолкнул Невилла локтем, затем тихо застонал, когда сэр Ари посадил Алейду на лошадь. — Боже мой, много бы я отдал, чтобы быть на месте этой лошади.

Невилл закивал. Он часто испытывал те же чувства, когда смотрел на Алейду.

— Вообразите, что же с ней сделает хороший галоп, милорд. Она будет ваша. Вся готовая и жаждущая.

Судорожный вздох Роберта сказал о том, что он явно вообразил себе эту картину.

— И представьте себе, я еще сокрушался, что де Вэсси не было тут, когда я приехал. Я думаю, что прощу ему это, если она окажется столь же горяча, как говорите Вы.

Его язык нервно облизал губы, будто он пробовал на вкус ее плоть, и желчь ревности наполнила Невилла. Алейда должна была принадлежать ему, и так и было бы, если бы он не сделал ошибку и не попытался убедить ее выйти за него замуж вместо того, чтобы просто взять ее силой. Так или иначе, это случилось бы, если бы де Вэсси не появился с приказом короля прежде, чем он смог ею овладеть.

И он уже никогда не получит ее, но, отдавая ее де Жёну, он добьется для себя большего. Он получит удовольствие, глядя, как она наставляет де Вэсси рога, покупая собой благосклонность сильного и влиятельного человека. И знание того, что она окажется в постели с Робертом, добавляло сладости его мести, пусть это и не он, но все же, возможно, он найдет способ наблюдать за их соитием. Он почувствовал, как его плоть твердеет от этой мысли.

— Вы получите мою благодарность, Фитц-Хьюберт, — сказал лорд Роберт, одевая перчатки.

Невилл поклонился.

— Всегда к вашим услугам, милорд.

Лорд Роберт сел на коня и занял свое место рядом с Алейдой, пока они выезжали за ворота, наклонился к ней и начал говорить ей что-то, что вызвало улыбку у нее на лице. Хорошо, он уже начал ее очаровывать. Невилл наблюдал за ними, пока они не скрылись из вида, а затем пошел и скрылся в темном углу сарая. Там он пролил свое семя на сено при помощи всего нескольких движений руки, представляя, как она будет выглядеть, когда лорд Роберт поставит ее на колени и возьмет ее сзади, как кобель берет суку, именно какой она и была.

Выехав из ворот, де Жён повернул на северо-запад, и отряд, возглавляемый им, двинулся в сторону лесов Олна. Ари немедленно подъехал к Алейде.

— Прошу прощения, миледи, но разве Вы не говорили, что хотели бы поехать в Свинлис при возможности? Может сегодня как раз такой случай?

Она такого никогда не говорила, но неясные нотки в голосе Ари, какая-то напряженность в его словах заставили волосы на ее шее зашевелиться. Он не хотел, чтобы она ехала в леса вместе с лордом Робертом и его воинами, а если Ари этого не хотел, значит,

у него были на то веские причины, и ей было этого достаточно.

— Как хорошо, что Вы мне это напомнили, *мессир*. Милорд, мы можем поехать на юг, а не в леса?

И, не дожидаясь согласия де Жёна, она повернула Жаворонка по направлению к Свинлису. Ари и его воины окружили ее и поехали следом. Лорд Роберт бросил раздраженный взгляд на Ари, и направил своих людей за леди, присоединившись к ней.

— Как скажете, миледи. В конце концов, эта поездка была устроена специально для Вас.

И тут он понял, что столкнулся с проблемой, так как место, куда они ехали, было всего лишь пастбищем. Она попросила Ари напомнить ей о состоянии дел на границах, что тот сделал с невиданной точностью и осведомленностью, рассказав ей в деталях обо всех делах Олнвика, упомянув также о том, что на этих землях хорошо было бы развести овец, и о том, какое их число можно было бы вырастить. Алейда же пыталась придумать причину поскорее вернуться домой, когда Эдрик показал на маленькое стадо оленей, бежавших на юг.

— Мы будем их преследовать? — спросил лорд Роберт.

— Милорд, скоро Пасха, — сказала Алейда. — Это расточительство, устраивать из охоты игру, когда ничего из этого мы после не съедим.

— Но, миледи, я имел в виду не охоту, а просто преследование, — он подъехал к ней ближе. — Ради развлечения, как небольшое соревнование.

Она не могла найти вескую причину, чтобы отказаться, поэтому лишь кивнула, и они поскакали за оленем, пока тот не скрылся в зарослях дрока. Алейда поправила юбки, чтобы острые шипы не порвали дорожную ткань.

— Миледи, прекрасная прогулка, — сказал лорд Роберт, догоняя ее. — Прекрасная поездка, и Вы столь прекрасная наездница. Поедем дальше? — спросил он, жестом показывая на юг.

— Если мы проедем дальше, то попадем в болота.

— Тогда указывайте дорогу. Мы поедем туда, куда Вы укажете.

Она не осознавала, насколько была напряжена, пока они не достигли Олнвика. Это была просто прогулка с высокородным дворянином, хотя он и ехал непозволительно близко от нее, что она заметила, когда его колено второй раз задело ее. Он очаровательно ей улыбнулся.

— Прошу прощения, миледи.

— О, разумеется. У Вас была возможность посмотреть на замок с холмов, милорд?

— Нет, мне не представилось случая. Погода была не та.

— Тогда я покажу Вам место, где Вы сможете осмотреть все.

Она подъехала к месту на холме, откуда они могли посмотреть на деревню с наполовину вспаханymi полями. Основное здание замка и соседние постройки, которые возвышались среди маленьких домиков жителей деревни, но это было ей лишь на руку, с башен за ними могли наблюдать ее люди.

— Я все еще не считаю разумным строить замок возле вражеских территорий! — Лорд Роберт махнул рукой на сооружения у холма, которые лежали рядом с развалинами. — Это было понятным и в былые дни.

— Да, но эта крепость пала и была брошена, милорд, а те, кто приехал после, имели серьезные основания для этого, — сказал Ари. — Лорд Иво обладает достаточной силой, чтобы повести за собой людей.

— Поместье пережило немало тяжелых дней, лорд Роберт, — добавила Алейда. — Хорошо построенный замок, с крепкими стенами сможет простоять много лет.

Она надеялась, что лорд Роберт ответит так, чтобы она могла начать беседу о тех, кто оказался в темницах короля, но он просто закивал.

— Возможно.

Он оглядывал земли вокруг чуть дольше, чем она ждала, пока, наконец, Алейда не намекнула, что день идет на убыль.

— Мы должны вернуться раньше, чем станет значительно холоднее.

— Ммм, — он выпрямился и послал ей откровенную улыбку, от которой его лицо стало лет на двадцать моложе. — Я предлагаю устроить скачки на обратном пути. Мои люди против ваших, отсюда и до конца полей, победитель получит вознаграждение от каждого из нас. Что Вы скажете миледи?

Она обернулась к Ари, тот пожал плечами, как будто его совершенно не заботила перспектива победы, но она помнила, что его лошадь очень быстра.

— Превосходно. Это будет отличным развлечением.

— В качестве судей я предлагаю вашу служанку и конюха, а с моей стороны сэра Вейклина, — сказал лорд Роберт.

Алейда вновь кивнула, и трое названных поехали вперед.

— Теперь, что касается призов, — продолжил лорд Роберт. Он покрутил серебряный перстень у себя на пальце, снял его и протянул ей на ладони, показывая. — Это кольцо я предлагаю как приз от меня. А вы, леди Алейда?...

Она быстро подумала, что из ценностей у нее есть с собой.

— Предлагаю драгоценный пояс, с бронзовой пряжкой.

— Я тоже могу принять участие в гонке, миледи? — спросил Том, которому удавалось сохранить спокойствие на протяжении всего дня.

— Позвольте мальчишке испытать свою удачу, — попросил лорд Роберт, и она кивнула в знак согласия.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Судьи достигли финиша, наездники выстроились в линию и, как только лорд Роберт махнул рукой, сорвались с мест. Смеясь, Алейда собралась скакать за ними, но лорд Роберт потянулся и схватил Жаворонка за уздечку.

— Пойдите здесь немного со мной, миледи. Мы же заключили пари.

Алейда с беспокойством посмотрела на всадников, скачущих все дальше.

— Тогда поспешим. Что Вы хотите в награду?

— Если победит мой человек, я хотел бы получить поцелуй. А если побеждает ваш человек, то... поцелуй!

Алейда почувствовала, как мороз пробежал у нее по коже, который не имел никакого отношения к поголодавшей погоде.

— Я замужем, милорд.

— Но Вами так часто пренебрегали, Вы так одиноки. — Он подвел Жаворонка поближе к себе, так, что его нога плотно прижималась к Алейде, сильно и плотно. — Вы только поженились, и больше времени провели без мужа рядом, нежели с ним. Всю неделю я видел в ваших глазах одиночество, Вы жаждете человеческого тепла рядом.

— Это так, но тепла я жду лишь от мужа.

— Но пока его нет, его может заменить другой человек. Так поступают все.

— Все, но не я.

Он улыбнулся, как если бы она сказала что-то забавное.

— Вы не должны так говорить, моя сладкая. Мы сейчас одни. Я желаю Вас, Вы желаете меня.

— Вы ошибаетесь, милорд. Я не желаю Вас.

— Вам не обмануть меня, я внимательно за Вами наблюдал, Алейда. Я доставлю Вам огромное удовольствие, когда Вы станете моей. Скажите лишь «да».

Сердце Алейды бешено стучало, заходясь в тревоге. Если она открыто выразит свое возмущение, то этот человек может уничтожить все: ее дедушку, ее дядю, ее мужа, Олнвик — всего лишь сказав королю одно слово. Лорд Роберт принял ее колебание за согласие, и его рука быстро охватила ее затылок. Она пыталась отодвинуться, но он был слишком напорист и силен, и она могла бы упасть из седла, если бы он не был так близко и не держал ее. Он с легкостью придвинул ее еще ближе к себе. Его губы коснулись ее щеки, прохладные и сухие.

— Представьте, как Вы будете лежать подо мной, представьте наши переплетенные тела, — бормотал он, касаясь ее кожи. — Отошлите своих служанок нынче вечером. Я приду к Вам в вашу одинокую кровать и заставлю ваше тело петь.

— Я преданная и верная жена и таковой и останусь, *монсеньор*. — Ее голос был низок, и она вся будто подобралась, чтобы бороться с ним. — Освободите меня.

— Сначала всего лишь один поцелуй, чтобы показать Вам, как прекрасно это может быть.

Его губы накрыли ее, жадные и твердые, он пытался языком раздвинуть ее губы, пытаясь пробраться внутрь. Она замахнулась, готовая дать ему пощечину, будь он эмиссаром короля или нет.

Но прежде чем она успела что-либо предпринять, что-то резко кинулось с неба, кричащий вихрь перьев и когтей, которые пролетели в дюйме от них. Лорд Роберт резко отпрянул, разразившись проклятиями, когда его лошадь взбрыкнула в испуге. Освобожденная Жаворонок отскочила назад, Алейда судорожно схватилась за луку седла, пытаясь сохранить равновесие. Орел вновь пронесся мимо нее, чтобы кинуться на лорда Роберта подобно стреле. Роберт взвыл от боли, когда птица, расцарапав его лицо, отлетела в сторону. Кровь полилась из раны, заливая лицо.

Алейда сжала пятками бока лошади, чтобы ускакать прочь от раненного Роберта, пока он не очнулся и не схватил ее вновь. Увидев ее скачку, Эдрик и мужчины Олнвика мчались к ней вместе с людьми лорда Роберта. Ари скакал впереди всех.

— Лорд Роберт ранен. Езжайте к нему, — прокричала она, слегка запыхавшись. Ари быстро выкрикнул пару команд, и несколько мужчин окружили ее. Они пустили лошадей галопом по направлению к деревне, не останавливаясь, проскакав мимо домиков, пока Алейда не оказалась в безопасности в стенах Олнвика.

— Какая уродливая рана, — сказала Беата, когда вошла в комнаты госпожи, неся в руках баночки с бальзамами и травами. — Я очистила ее, так что она хорошо заживет, но вряд ли на ней вновь вырастут волосы.

— Как неудачно, — сказала Алейда, думая совершенно о противоположном. Она никому не рассказала о том, что он пытался ее соблазнить, даже Беате, решив, что будет лучше, если все решат, что она сбежала из-за орла. Если лорд Роберт не полный дурак, то тоже будет придерживаться этой лжи, по крайней мере, перед другими, а теперь кто-то

обязательно будет постоянно рядом ней, Алейда поклялась себе в этом, даже если ей придется приказать всей деревне окружать ее. Даже сейчас рядом с ней находилось не меньше десяти ее служанок.

— Что за бес вселился в того орла, когда он напал на лорда Роберта? — сказала Беата, зажигая свечи в комнате.

— И вовсе не бес, он просто увидел мех на его шапке, — ответила Алейда, благословляя и шапку, и мех, и орла одновременно, шепча по себе короткую молитву. — Бедное существо, вероятно, решило, что это легкая добыча на поле.

— Бедное существо? — произнесла с сомнением Хадвиза.

— А что бы вы почувствовали, если бы ожидали на ужин вкусную и жирную белку, а получили лишь шерсть и волосы?

Они все рассмеялись, и Беата сказала:

— Да... пусть он наслаждается сегодня любой едой, что найдет, так как лорд Роберт клянется, что пронзит его стрелой завтра же.

— Он не может. Не имеет никакого права охотиться на землях Олнвика без специального разрешения.

— Но эта птица напала на него, миледи.

— Эта птица атаковала его *шапку*. Мы не будем убивать его за это.

— Я думала, что она испугала Вас, миледи, — сказала Роэзия, которая была рядом сегодня. — Эдрик утверждает, что Вы мчались так, будто сам сатана гнался за вами.

— Я была испугана внезапностью его нападения. И лишь этим, ну и кровью еще.

Последние слова заставили Беату повернуться в сторону Алейды и бросить на нее тяжелый взгляд. Алейда никогда не боялась крови, даже ребенком, и Беата это знала. Ее губы на мгновение сжались, но через минуту ее лицо разгладилось.

— Томас, пойді к лорду Роберту и скажи, что миледи не желает убийства птицы.

Том вскочил со своего табурета в углу и исчез. Он вернулся через несколько минут.

— Лорд Роберт сказал, что он желает из ваших уст узнать о причинах такого решения, миледи, и он сказал, что поужинает в ваших покоях с Вами, чтобы услышать их.

— Он не будет ужинать тут, — сказала Алейда настолько твердым голосом, что Беата снова странно на нее посмотрела. — Позовите ко мне сэра Ари.

— Он ушел, миледи, — сказал Том.

— Неужели уже так поздно?

— Да, уже накрывают столы к ужину. Джеффри зовет, чтобы Милдрит и все остальные пришли.

Женщины, у которых были в зале обязанности, поднялись, чтобы идти, но Алейда подняла руку, чтобы задержать их.

— Сегодня вечером Джеффри придется обойтись без вас. Томас, сколько из мужчин Олнвика сейчас в зале и сколько там людей лорда Роберта?

— Все рыцари лорда Роберта и их оруженосцы, плюс две его спутницы. Из наших: Освальд, Джеффри, Пенда, Дэймонд... — Он продолжал перечислять, загибая пальцы на руке. Когда он загнул все свои пальцы дважды, Алейда остановила его.

— Да, еще все нанятые мужчины, — добавил он, но на них она не могла рассчитывать.

— Беги и позови всех, кто есть во дворе и в конюшне к столу.

Беата вновь бросила на нее напряженный взгляд, когда Том выскочил из комнаты.

— Что с Вами, миледи?

— Хочу убедиться, что все накормлены. — Она дала Тому время, чтобы он все выполнил, а затем поднялась. — Беата, попроси Освальда и Пенду ждать меня на лестнице.

Она ждала на лестнице, пока эти двое не подошли, затем глубоко вздохнула и пошла на свое возвышение к столу. Чуть ниже за столами, шедшими по периметру зала вплоть до самих дверей, сидели люди Олнвика. Рыцари занимали столы на возвышении, а на самом верху сидел де Жён, он занял место лорда, как если бы это было его место, в то время как Невилл, согнувшись, что-то ему говорил на ухо. Невилл. Ее губы сжались, когда она заметила, что лорд Роберт что-то отвечает. Она должна была догадаться. Если бы сэр Бранд был здесь, то она бы попросила, чтобы он выпотрошил этого мерзкого маленького хорька.

Но его не было, как не было в зале и ее мужа. И она должна была приложить все усилия, чтобы справиться без них и не ударить в грязь лицом.

— О, лорд Роберт.

Ее голос был звонок и сладок, он разнесся по всему залу, призывая каждого к тишине. Де Жён поднялся на ноги.

— Миледи, я к вашим услугам.

— Я желаю говорить с Вами об этом орле, — сказала она самым приятным и мягким голосом.

Улыбнувшись, он шагнул к ней. Дурак, он уже решил, что смог выиграть и ее, и схватку и вообще все.

— Нет никакой необходимости подходить, *монсеньор*. Мне удобнее говорить с Вами там, — Она заметила, что Освальд и Пенда слегка поменяли положение, чтобы закрыть путь к лестнице, и улыбка де Жёна исчезла. — Я спустилась лишь для того, чтобы повторить то, что передала Вам со своим слугой. Орлу нельзя вредить.

— У Вас столь нежное сердце, миледи, но эта птица опасна. Лорд Иво будет мне благодарен за то, что я слежу за безопасностью в его отсутствие.

— Не будет. Особенно, если Вы сделаете это вопреки моему желанию. — Она вздохнула, пытаясь найти выход из ситуации, смотря на де Жёна пристально и твердо, несмотря на какие-то движения у дверей. — Разве Вы не заметили, *монсеньор*? Орел — это знак моего мужа. И это не простой орел... он что-то вроде домашнего животного.

— Тогда вам следует лучше смотреть за своими питомцами, миледи, — сказал он, чем вызвал смехи у Невилла и еще нескольких мужчин.

— Я сказала, что хотя он что-то вроде домашнего животного, *монсеньор*, он дикий, и я это понимаю. Он всегда летит впереди, когда я куда-то еду. Мне это нравится.

Его глаза сузились.

— Надеюсь, Вам не доставляет удовольствия видеть мою раненную голову.

— Конечно же, нет, но еще меньше мне понравится, если животное умрет лишь за то, что ему предписано самой природой. Как я сказала своим служанкам, он просто перепутал мех на вашей шапке с... белкой, — на этот раз засмеялись люди Олнвика. Она мрачно улыбнулась и добавила: — Или, может, он просто хотел защитить меня.

Смех людей Олнвика медленно перерос в недовольный ропот, который начал распространяться по залу. Некоторые из людей де Жёна тревожно вскочили на ноги, а Освальд сжал рукоять его меча.

— Из-за чего? Вы хорошо знаете, что я не причинил бы Вам вреда, миледи, — мягко сказал лорд Роберт.

— Конечно. Вы же эмиссар короля и джентльмен, а такой человек никогда не сделал бы

чего-либо недостойного, — она позволила себе непринужденно улыбнуться. — И поэтому я верю, что Вы меня услышите и поймете. И не навредите орлу.

— Я не могу Вам этого обещать, миледи.

— Тогда, вероятно, Вы сможете обещать это мне, — прозвучал голос из глубины зала.

Иво вышел из группы людей с улыбкой, не затрагивающей глаз:

— Вы привыкли охотиться на земле, принадлежащей другому человеку, Роберт?

Пропущенный в обращении титул свидетельствовал или о близком знакомстве мужчин, или о презрении, испытываемом говорящим. Кровь, прихлынувшая к щекам де Жёна, говорила в пользу последнего.

— Только когда нужно убить опасное чудовище, — сухо ответил он. — Я как раз объяснял это вашей супруге.

— Ну разумеется. Пойдемте. — Иво развернулся к лестнице, и улыбка исчезла с его лица. — Вы сможете объяснить это мне.

Он знал. Алейда не представляла, откуда, но он точно все знал. Это было видно по тому, как вспыхнули его глаза и окаменела челюсть, когда он проходил мимо Освальда и Пенды, поднимаясь вверх. Внезапно ситуация стала одновременно и менее, и гораздо более опасной.

Она выступила вперед, чтобы поприветствовать мужа:

— Добро пожаловать домой, супруг. Я чрезвычайно рада видеть вас.

Иво расслабился и подошел к ней:

— Я тоже скучал по тебе, Цветочек.

Его поцелуй был скорее отметиной собственника, которую он оставлял на ней перед де Жёном, чем выражением страсти. Алейда понимала это, но он длился так долго и был таким сладким, что на какое-то мгновение она позабыла обо всем на свете. Затем раздались недовольные восклицания лорда Роберта, поднимавшегося по ступенькам следом, и Иво поставил ее на пол. Момент ушел. Его челюсть снова напряглась, и он повел жену в солжар.

Иво нахмурился при виде женщин, столпившихся у двери, чтобы подслушивать:

— Вон!

Повинуясь, они метнулись вниз по лестнице, стуча деревянными подошвами башмаков, и задержали лорда Роберта.

Алейда воспользовалась этим, чтобы объяснить:

— Я ничего не делала, чтобы...

— Я знаю. Держись на безопасном расстоянии.

Иво подтолкнул ее встать перед очагом, и как раз наполнял рог элем, когда вошел лорд Роберт. Муж сделал плоток, затем остановился, держа рог и не предлагая угощения гостю. Еще одно оскорбление.

Взгляд лорда Роберта метался от Иво к рогу, к Алейде и снова обращался на негостеприимного хозяина.

— Ваша поездка в Дарем была непродолжительной, лорд Иво, — произнес он с неестественной сердечностью. — Вы уладили все свои дела?

— Да. — Обычная беседа явно не развлекала Иво.

Лорд Роберт почесал ладонь и предпринял новую, такую же остроумную попытку поддержать разговор:

— Это хорошо, что вы рано вернулись.

— В самом деле?

Лорд Роберт побагровел:

— Ну... да, конечно. Я уж подумал, что уеду, так и не повидавшись с вами.

Иво оценивающе взглянул на него поверх рога, вновь неторопливо хлебнув эля:

— Несомненно.

Алейда поняла, что муж сейчас играл де Жёном так же, как обычно играет в шахматы: в небрежной позе, расслабленный, жертвуя малым, скупой на слова — он просто выжидает, чтобы понять, как долго противник будет терпеть. Она наблюдала, как Бранд терпит поражение игра за игрой, пытаясь ускорить события, и сама проигрывала не раз, допуская ту же ошибку. Интересно будет понаблюдать, что выйдет у де Жёна.

А тот вновь заговорил:

— Король приказал сообщить о положении ваших дел.

— Хм...

— Со мной обещанное им серебро. — Гость подождал ответа, но, не услышав от Иво ни слова, продолжил. — Король сказал, что мне следует передать его, только если я буду удовлетворен.

— И что же вы? Удовлетворены?

Лорд Роберт мельком взглянул на Алейду и бросился напрямик в расставленную ловушку:

— Чтобы она вам не сказала, это ложь.

— Сказала мне? — В голосе Иво зазвучала сталь. — И о чем бы ей пришлось рассказать мне, Роберт?

Де Жён в панике выкатил глаза, когда понял, что сделал неверный шаг.

— Я имел в виду... насчет того орла. Он напал на меня, но ваша супруга настаивает, что это была случайность, и запрещает мне убить птицу.

— А вы сомневаетесь в этом?

— Д-да, именно.

— Хм... — Иво осушил рог и отложил в сторону, не спуская глаз с гостя. — Я же, со своей стороны, сомневаюсь в мужчине, который отказывается слушать, когда моя жена говорит «нет» так, как вы проделали это сегодня дважды.

— Я понятия не имею... — начал де Жён.

Иво шагнул вперед, намеренно подавляя другого мужчину своим ростом, и гневно процедил сквозь зубы:

— Вас видели.

Тот снова скосил глаза на Алейду, и ее дыхание замерло. Если он попытается переложить вину за случившееся на нее, то, несомненно, Иво его убьет.

Почти сразу она увидела, что посланник короля выбрал жизнь, а затем наблюдала, каких усилий ему стоило отступить от опасной грани. Когда он наконец заговорил, в голосе звучали покаянные нотки.

— Приношу свои глубочайшие извинения, милорд. Я был убежден, что леди с радостью примет мои ухаживания.

— Сама леди тут не при чем, — быстро добавил лорд Роберт, когда лицо Иво помрачнело. — Леди Алейда никогда... Как вы и говорили, она совершенно четко ответила мне отказом. Лишь моя самоуверенность заткнула мне уши.

Внезапно он опустил на одно колено:

— Простите, миледи. Могу ли я как-то искупить содеянное?

Его сожаление казалось искренним. В любом случае она хотела, чтобы все закончилось,

не доходя до состояния войны.

— Я принимаю ваши извинения, милорд. Что до вашего желания загладить вину, то, по правде говоря, все, чего я хочу — чтобы вы и ваши рыцари уехали с миром.

— Мы покинем вас с первыми лучами солнца.

— Вы сделаете это сейчас, — сказал Иво. — Я уже послал человека в Лесбери. Тут около трех миль. Погода прекрасная. Дорога в отличном состоянии. Мой управляющий устроит вас на ночлег, а утором отправитесь дальше.

При этом третьем оскорблении де Жён поджал губы, однако смирил свою гордость и поднялся, сопровождая хруст в коленях ворчанием. Он как-то вдруг постарел, неловко повернувшись, вышел, чтобы приказать своему помощнику, ожидающему внизу:

— Уэйклин, приготовься. Мы выезжаем в Бэмбург.

Иво последовал за ним на лестничную площадку и когда люди из свиты лорда Роберта внизу встали и начали собираться в дорогу, сказал:

— Какая жалость, что вы должны так скоро нас покинуть, милорд. Я надеялся обратиться к вам за советом по поводу укреплений замка.

Лорд Роберт взглянул на него сначала подозрительно, а потом с благодарностью, когда понял, что Иво позволяет ему сохранить лицо перед подчиненными.

Он слегка наклонил голову, благодаря.

— Мы и так наслаждались гостеприимством Олнвика слишком долго, милорд. Ваше предложение заночевать в Лесбери весьма любезно. Это сделает короче нашу поездку утром. — Он повернулся к Алейде, выглядывавшей из дверного проема, и почтительно склонил голову: «Миледи!»

— Монсеньор, Бог в помощь! — Она встала рядом с Иво, который повторил ее пожелание, добавив: «Я присмотрю за орлом».

Неопределенная улыбка тронула губы лорда Роберта:

— А я передам ваши приветствия королю, когда увижу его. И кстати говоря, вам понадобится это. — Он полез в кошелек и достал оттуда бронзовый ключ. — Шкатулка в вашей сокровищнице, ключ от которой, я полагаю, у вашей супруги. Разумеется, я сниму свою охрану.

Мужчины кивнули друг другу, и лорд Роберт начал спускаться по ступенькам.

— Фиц-Хьюберт!

Сэр Уэйклин осмотрел зал.

— Я его не вижу, милорд. Он стоял вот там, рядом со здоровяком лорда Иво. — Помощник указал на Бранда.

— Около меня? — Бранд коснулся своей груди, как будто был неуверен, что Уэйклин говорит о нем, и огляделся. — О, вы имеете в виду Невилла. Он вышел. Позеленел немногo почему-то.

— Найдите его, — бросил лорд Роберт. Он зашагал к выходу, а его люди поспешили следом.

Бранд усмехнулся Иво:

— Я помогу им.

— Возьми Освальда и кого-нибудь еще, кому это понравится.

Зал опустел наполовину, а оставшиеся пересмеивались и поглядывали на Иво и Алейду, ожидая, что будет дальше.

— Как вы думаете, что Бранд сказал ему? — Затаив дыхание, поинтересовалась Алейда.

— Похоже, Бранд просто пообещал сплести из его кишок пояс, — ответил Иво и продолжил громче. — Джжефри, в Лесбери не прокормят так много народу. Проследи, чтобы люди лорда Роберта получили достаточно продовольствия для путешествия до Бэмбурга.

Он развернул Алейду, чтобы взглянуть ей в лицо.

— Что, жена? Бросаешь вызов целому залу, битком набитому вооруженными мужчинами, из-за какой-то птицы?

— Это не простая птица, милорд. Это мой орел. Он помог мне, и я была обязана оказать ответную услугу.

Его бровь слегка изогнулась, а затем снова выпрямилась.

— Ты или безумна или необычайно храбра.

— Не такая уж я и храбрая, — возразила Алейда, показывая свои руки, который теперь, когда все закончилось, начали дрожать. — Кажется, я не могу перестать.

Иво обхватил ладонью ее пальчики:

— Даже воины трясутся после битвы. Я позабочусь об этом, — и заключил жену в объятия.

— На нас смотрят, милорд, — напомнила она.

— Пусть учатся.

На этот раз поцелуй, в котором они соединились, был несомненно настоящим, как и возглас восхищения, прокатившийся по залу, и от этой возможности начать все заново душа Алейды воспарила под облака.

Однако утром, на заре, Алейда поняла, что надежда ее обманула.

Она лежала в темноте, прислушиваясь к затихающим шагам Иво и тщетно борясь с рыданиями, подступающими к горлу. Услышав вдалеке приказ мужа открыть ворота, она наконец сдалась.

Слезы промочили подушку и простыни — она за всю свою жизнь никогда так не рыдала, даже когда умерла мама. Плакала, пока не заболели глаза, и рот не пересох, словно набитый опилками, пока слезы не закончились, и постель не стала холодной от этой сырости. Она откатилась прочь от холода и села на край кровати, издавая последние всхлипы, уже без слез. Какая же она была дура, что плакала из-за мужчины, который ее не хотел!

Но ведь Иво как раз хотел ее, и это еще больше все запутывало. Порой взгляд мужа, устремленный на нее, был полон такой страстной муки, что она чувствовала его боль как свою собственную. Иногда он даже становился твердым, когда случайно задевал ее. Но всякий раз муж просто продолжал лежать рядом, а если она не следовала его примеру, если пыталась дотронуться до него или соблазнить его прикоснуться к ней, то бомотал какое-нибудь невнятное извинение и просил засыпать. И все же Алейда чувствовала, как он дрожит, обуздывая свое желание, и... Господи, ну почему же он не хочет ее хотеть?!

Девушка сдержала стон отчаяния и вскочила на ноги, собираясь побороть это смехотворное, как ей самой казалось, хныканье.

Прежде чем Алейда перестала всхлипывать, покои перевернулись, то же самое случилось с ее желудком, а мгновение спустя она согнулась над ночным горшком в приступе рвоты. Когда рвота прекратилась, она ополоснула рот остатками эля из чаши и снова забралась в такую пустую постель, где ей ничего не оставалось, как поискать относительной сухой угол и уснуть.

Алейда проснулась значительно позже. Голова была как в тумане, но тем не менее она чувствовала себя неплохо и могла думать лишь о том, что из-за этого дурацкого плача заболела, — еще и поэтому нужно было выяснить, что так внезапно сделало ее склонной к слезам, и устранить причину.

За следующие две недели желудок Алейды частенько был расстроен, и всякий раз причины были разные. В основном ей было плохо от запахов или еды — жареной или вареной рыбы, выпитого вина, которое, судя по всему, было прокисшим, сильной вони, которую доносил от свинарника переменившийся ветер. Но однажды у Алейды закружилась голова, когда она смотрела в окно, а пару раз она просто проснулась от того, что ее тошнило. К счастью, ей все время удавалось уединиться, так что болезнь, что бы это ни было, оставалась ее личным делом, а не достоянием всех домочадцев... Но вот однажды, на воскресной службе в домашней церкви, в присутствии Иво...

Алейда стояла на коленях и молилась, как вдруг ей стало дурно от запаха ладана. Она держалась до последнего «Аминь», но тут запах благовония стал просто нестерпимым. Оставалась только согнуться в три погибели, и ее вырвало прямо на каменный пол — чуть-чуть не задело ноги отца Теобальда. Это заставило всех присутствующих поспешно отступить к стенам.

После несчастная могла лишь стоять и, пряча лицо в ладонях, повторять «Простите... Простите меня...»

— Тише, — остановил Иво ее причитания. Он подхватил жену на руки и поспешил в их покои, а Беата взволновано семенила чуть позади. — Ты не виновата, что заболела.

Алейда прильнула к мужу, уткнувшись лицом в широкую грудь.

— Но ведь это случилось в церкви...

— Не волнуйся, там все вымоют. Я отнесу тебя в постель, а Беата позаботится о тебе. Все будет хорошо.

Супруг взбежал по ступенькам, как будто его ноша была легче пушинки, затем уложив ее на постель, задержался, чтобы поцеловать в лоб и подоткнуть одеяло.

Странное дело, к тому моменту как муж ушел, она чувствовала себя хорошо — так же как и после других приступов. Однако Беата уже нагревала воду и торопливо отбирала травы. Кормилица выставила всех из спальни, так что Алейда доверилась ее хлопотам и вскоре оказалась окруженной горой подушек с чашей какого-то поссета или другого какого напитка в руке. Принюхавшись к жидкости, больная уточнила:

— Мята и ромашка?

— Верно, и еще другие травы, чтобы помочь больному желудку. Пей медленно, мелкими глотками. — Беата присела на краешек постели и пригладила волосы своей любимой девочки. — Я редко заваривала такое для тебя, Ягненочек. Ты ведь не из тех, кто часто так расстаётся с пищей.

— К счастью, сегодня вечером мне не с чем было расстаться.

— И за это отец Теобальд должен возносить благодарственные молитвы. Я и не знала, что он умеет так плясать.

Озорная усмешка кормилицы заразила Алейду. Она вспомнила отца Теобальда в первое мгновение, когда эта неприятность случилась с ней, — ужас и отвращение на его лице, и несмотря на свою незавидную роль в произошедшем, не удержалась от смешка, быстро превратившегося в хихиканье, а затем и в громкий утробный хохот, который явно затянулся.

— Не так уж это забавно, госпожа, — ворчала Беата.

— Я знаю, — выдохнула Алейда и попыталась остановиться, но хохот уже, казалось, жил самостоятельной жизнью. Смех овладел ею, подпитываясь попытками прекратить, которые только еще больше раззадоривали. Бока ее уже болели, и слезы текли по щекам; Беата забрала чашу, опасаясь, что воспитанница прольет напиток. А смех все продолжался.

Затем внезапно, когда Алейда уже не могла это терпеть, ее плач стал настоящим — глупые слезы безо всякой причины. Девушка только всхлипывала.

— Ах, Ягненочек, — кормилица обняла Алейду, и от знакомых рук той стало вновь уютно. — Тише... шшш...

— Это было так у-унизительно. — Голос рыдающей споткнулся на этом слове и перешел в полевсхлип. — Ч-что с-со м-мной не так? П-постоянно тошнит. Плачу-у. Я ведь никогда не была плаксой, ты же знаешь.

— Верно, детка, верно.

— А теперь я хныкаю все время. Такое чувство, что я схожу с ума. Или у-умираю-у.

— Глупости! — Беата нежно улыбнулась. — Ты не более безумна, чем я. Слезы и смех и даже твоё недомогание — это признаки жизни, Ягненочек, а не смерти.

Алейда промокнула слезы кончиком простыни и поинтересовалась:

— О чем ты говоришь?

Кормилица положила руки на плечи Алейды и немного отстранила ее.

— Подумай, Ягненочек. Когда у тебя в последний раз были крови?

— Не знаю. Где-то... — Девушка задумалась, и слезы мгновенно высохли, когда до нее дошло, о чем толковала Беата. — Нет, я не... У меня ведь было кровотечение уже после свадьбы. Как раз тогда, когда ранили сэра Бранда.

— Такое слабенькое, что его вряд ли стоит принимать в расчет. И потом с тех пор прошло больше месяца.

— Но мы ведь не... — Алейда остановилась. Она все еще не рассказала Беате, что муж не притрагивается к ней, храня эту тайну как единственное, что по-настоящему связывало ее и Иво. — То есть мой цикл никогда не отличался регулярностью. То все слишком быстро — месяц за месяцем, а то наоборот запаздывает.

— Верно, но ведь ты сама сказала, что тебя поташнивает.

— Но не по утрам. И не всегда.

— Некоторым дурно бывает и в другое время суток. Но это неважно. Сейчас я уже знаю наверняка.

— Откуда? — Вскинулась Алейда.

— Ты не рассматривала собственные груди?

Алейда смущенно скрестила руки на груди.

— Ты же говорила, что у женщин они обычно увеличиваются после замужества.

— Да-да, но не настолько. Посмотри, как набухли вены. Даже Хадвиза заметила, хотя эта дуреха не понимает, в чем дело. А со временем они еще затвердеют и станут болезненно чувствительными.

Ее груди и так уже не одну неделю были как камни, покрытые синяками, но Алейда покачала головой.

— Я не беременна. Я не могу быть в положении.

Не за одну же ночь!

— С таким мужем, как лорд Иво, тебе сложно было бы не забеременеть.

С таким мужем, как лорд Иво? И каким же это? Покидающим жену каждый день и

отвергающим ее каждую ночь? Теперь понятно, почему муж не притрагивается к ней — не хочет, чтобы она понесла. И что он теперь будет делать, если она и впрямь забеременела после одной-единственной ночи?

— Суди сама, Ягненочек, — продолжала Беата, взглядом остановившись на животе Алейды. — Слезы, тошнота, отсутствие месячных — все указывает в одном направлении.

Алейда покачала головой, не желая признавать эту возможность:

— Моё нытье и смех — другое дело.

— Как раз наоборот, госпожа. Дух младенца овладевает твоим сердцем. Многие женщины проливают слезы — как дети, которых они вынашивают, а некоторые смеются без остановки. Радуйся, что ты из их числа — значит, твой малыш будет веселым.

Алейда крепко обхватила себя руками.

— Нет никакого малыша.

— Но он есть, госпожа! Ах, Ягненочек, я знаю, что ты боишься родов, но страх исчезнет, когда подойдет срок.

Беата поднялась и начала прибирать свои травы.

— Я схожу за лордом Иво, чтобы ты ему рассказала. Он будет на седьмом небе от счастья.

Запаниковав, Алейда вскрикнула:

— Нет, погоди!

— Госпожа...

— Не сейчас. Пока это не наверняка. Все эти... признаки можно объяснить иначе.

— Да, по отдельности. Вместе же они означают только одно. — Кормилица приблизилась и положила ладонь на живот Алейды. — Скоро ты убедишься.

— До тех пор мой муж не должен знать. Никто не должен знать.

— Но Ягненочек...

— Никто, — настаивала Алейда. — Именно это я имею в виду, Беата. Поклянись, что никому не скажешь, пока я не буду полностью уверена.

Губы Беаты вытянулись в ниточку, но она кивнула.

— Клянусь. Прослежу, чтобы и Хедвиза держала язык за зубами, если вдруг до нее дойдет

— Хорошо, — выдохнула Алейда и, увидев разочарование в глазах кормилицы, добавила примирительным тоном. — Мне лишь надо убедиться, а потом можешь хоть со стен замка объявлять эту новость — после того, как я поделюсь ею с лордом Иво.

Беата, вздохнула, смягчившись.

— А теперь давай этот свой поссет и иди ужинать, — попросила Алейда. — Мне бы хотелось немного побыть одной.

— Хорошо, госпожа. Когда вернусь, принесу и тебе чего-нибудь. Тошнит тебе или нет, а голодать не стоит.

Беата отложила в сторону остатки трав, вручила Алейде чашу и, направляясь к выходу, уточнила:

— А если лорд Иво пожелает тебя видеть?

Не пожелает — это Алейда знала точно. Ведь даже ее недомогание не заставило его задержаться. Было очевидно, что он собирался соблюдать церковный запрет на супружеские отношения во время Великого поста — довольно странная перемена для мужчины, который убеждал ее, что в происходящем между мужем и женой нет ничего греховного.

— Скажи ему, что я уснула и встречу с ним завтра, если буду хорошо себя чувствовать.

Алейда выждала достаточно, чтобы убедиться, что Беата устроилась внизу за столом, а затем отставила поссет и стянула шенс. Она осторожно обхватила слегка ноющие груди ладонями и начала тщательный осмотр. В половину больше, чем прежде, твердые, как ягоды крыжовника, они были сплошь покрыты голубоватыми прожилками так, будто бы их оплели виноградной лозой. Но значило ли это, что она беременна?

Пока она снова отсчитывала назад дни, ее ладони скользнули к животу. Никаких изменений не ощущалось. Но должны ли они быть всего лишь после двух месяцев?

Если бы то кровотечение не сбивало с толку, можно было бы быть уверенной. Но раз уж оно произошло, то оставалось лишь одно — подождать и понаблюдать, увеличится ли живот и зашевелится ли малыш. Алейда предположила, что это может случиться на третий или четвертый месяц. Она прикинула по дням — получалось, что на Пасху или чуть позже она уже будет знать наверняка.

И она получит обратно своего мужа, а еще, во имя всех святых, и отца для этого предполагаемого ребенка. Если Иво не разделит с ней ложе добровольно, можно найти способ заставить его. Он ведь преодолел ее нежелание в первую брачную ночь — все тело до сих пор загоралось, стоило вспомнить то, как она полностью отдалась на милость победителя. Так что и ей по силам убедить его уступить.

Соблазнить собственного мужа. И почему ей это раньше в голову не приходило? В распоряжении чуть больше месяца, чтобы разработать план, а затем приступить к его воплощению. Времени до Пасхи должно хватить.

Запрет церкви на соития продлился ещё целую неделю после Пасхи, но всё когда-то заканчивается, и, как всякий женатый мужчина, Иво вскоре вернулся в постель Алейды, наверстывать упущенное. Она прижалась к нему с выразительным «Аааах».

— Ты, кажется, довольна, сладкий лепесточек, — отметил он, обнимая жену.

— Да. Заварной яичный крем на завтрак и сырный пирог на ужин. — Она опять вздохнула и положила руку ему на грудь. — Это были слишком долгие сорок дней в году. Казалось, мы уже больше никогда не увидим яйца и сыр, и вот они вернулись, и я не могу насытиться ими.

— У меня тоже самое со свининой. — Иво уже в первую неделю устал от гороха, бобов и орехов во всех их видах. Непонятно, как христиане из года в год выдерживают эту пытку. — По мне, так подавайте мясо каждый день.

Она приподнялась на локте и пристально посмотрела на мужа. Ее пальчики лениво скользили по его обнажённой коже.

— Вы только по мясу соскучились, милорд?

Сейчас для него не существовало ничего, кроме дорожки, которую прокладывали её пальчики.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он осторожно. Взгляд Иво блуждал по округлостям её груди, так соблазнительно возвышающихся вблизи. Он и забыл, до чего же они полные. Какие спелые для его рта.

— Столько запретов в один промежуток времени. — Она передвинулась, и он едва не застонал, когда соскользнули покрывала. — Теперь, когда все разрешено, наверняка есть и другие удовольствия, которых вы желаете?

Она не пыталась обольстить его, убеждал он себя. Вероятно, даже не понимала, что творила с ним. Она ведь была невинной, не считая одной-единственной ночи.

— Я не думал об этом, — солгал Иво.

Алейда наклонилась над ним так, что ее грудь слегка задела его ребра. И он закрыл глаза, ища в себе силы, не распустить руки. «Фрейев идиот». Даже в лучшие времена трудно было противостоять такой пытке. А если жена вдруг овладела искусством соблазнения, он — после стольких-то месяцев воздержания! — не мог за себя поручиться.

— Должны были, муж, — пробормотала Алейда, и когда Иво открыл глаза, она была тут как тут, встретила его таинственным и пронизательным взглядом, невинностью в нём и не пахло. — Вы должны думать об этом во всех подробностях.

Затем она откатилась и приготовилась спать, оставив Иво одного на его стороне кровати, чтобы именно этим он и занялся.

Во всех подробностях.

Алейда тщетно пыталась соблазнить мужа.

После той первой ночи, Иво принялся за старое, таская с собой Бранда каждый вечер, когда тот соизволял появиться, и засиживался за шахматами, пока Алейда едва не лишалась сил от изнеможения. Один раз случилось ему лечь в постель, пока она еще не спала, но попытки её не увенчались успехом.

— Я только лягу, как он уже на мне, — сказала одна из деревенских женщин, когда

Алейда повернула разговор на тему мужчин. — Дай ему лишь мельком глянуть на мои титки — и он сразу готов, — произнесла другая. А третья заметила: — У моего Дигмунда быстрее всего твердеет от непристойных разговорчиков.

«Пффф». Она едва не лежала вчера на Иво, покачивая грудью перед самым его носом, говорила с такими намеками, что диву давалась, как не покраснела. Он был таким твердым, что сошел бы за палаточный шест у них в постели — но все равно оттолкнул ее. Да ни один священник так свято не хранил себя от женщин, как её муж хранил себя от неё. Только грудью и смелыми речами тут явно не обойтись.

И вот однажды, после обеда, она отвлекла Беату штопкой, забрала у Освальда Тома и отправилась с ним и Хадвизой на прогулку, которая после некоторых блужданий привела к Мейрвин.

Они нашли целительницу в её владениях, разговаривающую с рябиновым кустом, что рос у дверей. Она, не оборачиваясь, подняла вверх палец, призывая к тишине. Через мгновение Алейда заметила дрозда-дерябу, который, задрав кверху коричневую головку, сидел в ветвях.

— Она говорит с птицей! — воскликнула Хадвиза.

— Тише, — шикнула Алейда, но было уже поздно.

Птица недовольно затрещала и улетела прочь. Мейрвин с улыбкой обернулась.

— Боюсь, мы спугнули его, — произнесла Алейда.

— Он вернется. Приветствую вас, миледи. Полагаю, вы хотите войти.

Алейда кивнула и повернулась к Тому и Хадвизе:

— Займитесь чем-нибудь полезным и держитесь подальше от хижины — у меня личный разговор.

Мейрвин провела её внутрь и усадила за стол, на котором рядом с нарезанным хлебом и сыром стояла кружка эля.

— Кажется, ты всегда знаешь о моём приходе.

— Я слышу, как вы идёте, миледи.

— Неужели я создаю столько шума?

— Вы разговариваете со своими слугами, а мне всегда приятно слышать ваш голос. Я уже вышла вас встречать, когда прокричал дрозд.

— И что он должен был сегодня сообщить?

Улыбка Мейрвин говорила о тайне за семью печатями.

— Кое-что я уже знала. Истинный вопрос в том, что вы должны сказать мне, миледи. Или скорее спросить?

— Я... — в ответственный момент Алейда вдруг засомневалась. — Я пришла поблагодарить тебя за заботу о сэре Бранде.

— Меня уже поблагодарили, и теперь я начинаю чувствовать смущение.

— Тем не менее, я хочу принести и свою благодарность.

— И я с удовольствием её принимаю, но вы здесь не ради сэра Бранда.

— Нет. — Алейда изучала крошки на хлебной доске, пока Мейрвин не произнесла: — Миледи.

— Я не знаю, с чего начать.

— Давайте начнем с ребенка.

Алейда подскочила от неожиданности. Беременность была ещё не заметна, в том не было сомнений:

— Как...?

Мейрвин только засмеялась:

— Вы светитесь этим, миледи. Несколько недель я видела знаки и только ждала, когда узнаю имя счастливицы. Услышав, как вы идёте, я всё поняла. Чего же я не понимаю, так это зачем вы пришли ко мне, когда у вас есть Беата.

— Убедиться и... — Ребёнок! В устах Мейрвин это известие зазвучало по-новому. Слезы снова застали Алейду врасплох, она их еле сдерживала и только через минуту справилась с собой. — Понять, во-первых, что делать с этим. Со слезами.

— Выплачьте их. Это все, что я знаю.

— Порой я могла бы плакать целый день напролёт, даже когда счастлива. Это если меня не разберёт смех, который едва ли лучше.

— Ваше тело привыкнет к ребёнку, и всё пройдёт, как и тошнота.

Ребенок! Алейда кивнула, продолжая бороться с комом в горе:

— Она, по крайней мере, начинает отпускать.

— Хорошо. Все это признаки того, что малыш силен, но когда они проходят — испытываешь облегчение. А теперь второе, — подталкивала Мейрвин и, увидев озадаченную Алейду, продолжила: — Вы сказали: «Во-первых, со слезами». Что же во-вторых?

«Во-вторых». Алейда вскочила от смущения и принялась кружить по тесной комнатухе, трогая глиняные горшки и сухие травы, обращая внимание на всё подряд, лишь бы не думать о том, что должна спросить.

— Миледи, чтобы это ни было, ответа на моих полках вы не найдёте.

— По правде говоря, может, и найду, сама того не ведая, — вздохнула Алейда и вернулась к столу. — Я... я не знаю, как спросить об этом. Мне нужно... что-то, что заставило бы моего мужа любить меня. Или, по крайней мере, делить со мной ложе.

Мейрвин посмотрела на ее живот:

— В этом деле вы, несомненно, преуспели, миледи.

— Лишь однажды, — сказала Алейда и тут же выложила всю историю: от странных исчезновений мужа до еще более странного его нежелания спать с ней снова. Было настоящим облегчением наконец выговориться кому-то, тем более что Мейрвин слушала с сочувствием, расспрашивала и понимающе кивала.

— Не хочу терзать вас, миледи, но, может, он находит удовольствие где-то на стороне?

— Некогда и я так думала, но теперь... Я уверена только в одном, что со мной он его не находит, — Алейда встала и снова зашагала по комнате. — Ночи становятся короче, и он все меньше и меньше времени проводит дома. Лето почти на носу, скоро наступит пора, когда солнце, не успев закатиться, уже снова будет всходить. Если в ближайшее время я не завоюю его, иной возможности больше не представится, так как вскоре из-за ребенка я вообще не смогу ничего сделать. А потом, когда я оправлюсь, боюсь, будет уже слишком поздно.

— Согласно законам церкви, миледи, уже итак поздно. Священники проповедают нам воздержание во время беременности.

— И в дни церковных праздников, и в дни поста, и по воскресеньям, средам и пятницам, и в Великий пост, и в рождественский пост, и так далее и так далее. Даже прошлая неделя была под запретом, хотя мы и так сорок дней до этого постились. Если я полностью подчинюсь учению церкви, то никогда не буду спать со своим мужем снова. Неужели всё это грешно?

— Ничего из перечисленного грехом я не считаю, миледи, — сказала Мейрвин,

мучительно вспоминая слова Иво. — Я только предупреждаю о том, что скажет вам отец Теобальд на исповеди.

— Значит, я покаюсь в ответ, но, по крайней мере, у меня будет муж, — выпалила Алейда, и тут же пожалела. — Прости, Мейрвин. Это уже больной вопрос. Ты поможешь мне?

— Возможно. — Мейрвин задумчиво вычерчивала кончиком пальца замысловатый узор на столе. — Как вы относитесь к лорду Иво, миледи? Вы заботитесь о нем?

— Он — мой муж.

— Понятно. Есть ли иная причина, по которой вы заботитесь о нём? Не потому, что он ваш муж...?

Алейда закрыла глаза и попыталась вообразить это.

— В самом начале я бы сказала тебе, что у меня не может быть привязанности к нему. Я была уверена, что он, до мозга костей, человек короля Уильяма. Но потом стала обнаруживать хорошее в нём. Удивительно, при его-то привычках, он оказался достойным лордом Олнвика и справедливым. Большую часть времени, — исправила она, думая о Уоте. — А если совершает ошибку, то находит такой способ примирения, что преданность людей к нему только возрастает. Он даже лорда Роберта сделал союзником.

— А с вами он как?

— Добр, даже когда я, возможно, того и не заслуживаю. Он сделал Тома оруженосцем, чтобы угодить мне, хотя тогда я плохо о нем думала. По сути, всякий раз, когда я плохо о нем думаю, он доказывает мне обратное. Даже в нашу брачную ночь, — добавила она, краснея.

— Значит, вам нравятся его ласки?

— Да, та малость, что у меня была, — Алейда вздохнула и ещё покраснела. — С ним очень... приятно делить постель...

— Вы любите его, миледи?

— Я... я не знаю... — честно ответила она. — Я знаю, что он заставляет меня смеяться, даже когда мне кажется, что я не хочу. А иногда целует меня, и я думаю, что вот, наконец, все будет хорошо, только бы он не разжимал объятий. Я так запуталась, Мейрвин. И потому снова спрашиваю, ты сможешь помочь мне? Поможешь?

Мейрвин долго изучала ее, потом медленно кивнула:

— У меня кое-что есть.

Она взяла табурет и влезла на него, чтобы дотянуться до верхней полки, с которой достала маленький, покрытый толстым слоем пыли и паутины, глиняный пузыречек. Она осторожно вытерла его о рукав, потом открыла и понюхала содержимое.

— Да, это пойдет.

— Что это? — спросила Алейда.

— Очень особенное зелье, миледи, из самых редких трав и корней, сваренное под голубой луной. Капните одну каплю в вашу ванну и хорошенько в ней искупайтесь, потом уговорите мужа вымыться в той же воде. Он не сможет отказать вам.

Алейда жадно потянулась к пузырьку, но Мейрвин отвела руку.

— Это — сильная магия, миледи. Вы должны аккуратно пользоваться ей. И вы должны сказать мужу, что беременны.

Алейда ужасно покраснела.

— Почему ты думаешь, что я не сказала?

— Вы и себе-то едва признались. Или я ошибаюсь?

— Нет. Я скажу. Обещаю. В любом случае пора, — она взяла у Мейрвин пузырек и прижала его к груди. — А что, если я не смогу уговорить его искупаться в той же воде?

— Тогда искупайтесь сами и пойдите к нему мокрой. Влаги на вашем теле будет достаточно для волшебства, и если вы уверенно к нему приблизитесь, то успех гарантирован.

Кивнув, Алейда осторожно сунула пузырек в кошелек и, цепляя мешочек обратно к поясу, следила, чтобы зелье не перевернулось.

Она пошла за Мейрвин к двери. Снаружи Том рвал сорняки в маленьком саду Мейрвин, в то время как Хадвиза наблюдала в сторонке, ленивица. Алейда обернулась к Мейрвин:

— Благодарю, целительница. Ты в очередной раз оказала услугу Олнвику.

— К моему удовольствию, миледи, как всегда, — ее спокойный голос совершенно не отвечал смешинкам в глазах. — Надеюсь, и к вашему.

— Посмотрим, — сказала Алейда, задумчиво улыбаясь, и позвала слуг, чтобы отправиться домой.

— Опять?

Игнорируя тон Иво, Бранд полез в кошелек и достал серебряное кольцо, которое едва подходило ему на мизинец.

— Я выиграл его вчера вечером в кости у кузнеца. Оно мне слишком мало и я подумываю отдать его знахарке.

— Зачем ей такое уродливое кольцо?

— Это не кольцо, дурак ты. Это наперсток. Для шитья.

«Мой напёрсток. Для шитья». Иво буквально услышал голос Алейды, колкий и немного забавный, когда она рассказывала ему о пари.

Скорее всего, это её напёрсток, проданный Рогезией кузнецу, и теперь проигранный и попавший в руки Бранду. Чтобы перейти к Мейрвин.

— Всё равно уродливое, — ворчал он, злясь, что не может вернуть его Алейде. — Просто продай его.

Бранд пожал плечами, убирая кольцо в карман:

— Мейрвин может продать его, если захочет. Деньги ей нужны больше моего.

— А тебе нужен предлог для ухаживаний.

— Небольшая беседа и кружка эля — это не ухаживание.

— Не важно, всё равно глупо. — Над тропой нависла ветвь, и Иво с рыком отбил её, словно она посягала на его личность. Бранд бросил на него косой взгляд, но ничего не сказал, чем ещё сильнее разозлил Иво.

— Ты уже многократно вознаграждал Мейрвин. Остановись, пока не поймал себя на том, что желаешь невозможного.

— Этого не произойдет, — сказал Бранд, не поддаваясь дурному настроению Иво. — Я знаю, что и на мне лежит проклятие. Но я слишком долго скитался по лесам и не откажусь провести несколько вечеров в компании женщины, хотя бы только потому, что она хорошо пахнет. И не важно, пересплю я с ней или нет. Ты, разумеется, меня понимаешь, раз до сих пор не бросил свою леди, несмотря на все твои мнимые мучения.

— Мучения вполне реальные, — проворчал Иво, вспоминая, как пахнет Алейда, какова она на вкус, каково чувствовать ее ноги вокруг своих бедер. И как не может принять ничего из того, что она предлагала, равно как Бранд не может получить Мейрвин и должен помнить об этом.

Бранд понимающе покачал головой:

— Я предупреждал, что легче не станет.

— И все одно лезёшь в ту же петлю. Послушайся своего же предостережения.

— Я следую ему. Мейрвин не моя женщина и не будет таковой.

Недоверчивое фырканье Иво привлекло внимание обеих лошадей:

— Только не говори, что никогда не представлял, как она будет лежать под тобой.

— Я не мертв, и яйца мои ещё при мне. Разумеется, думаю, — произнёс Бранд. — Но это всего лишь мечта, и все эти годы я жил не чем иным как мечтами и своей рукой. Твоя проблема в том, что ты был с женщинами. Ты был с Алейдой. Ты познал ее. Я же никогда не познаю Мейрвин.

— Поглядим-поглядим, — огрызнулся Иво.

Бранд снова пристально взглянул на него:

— О боги, да ты сегодня настоящая заноза. Что стряслось-то?

— Ничего, — прорычал Иво, потом добавил: — Не знаю. Витает что-то в воздухе. Разве не чувствуешь?

Бранд задрал кверху голову, словно пытаясь уловить, что же такое чувствует Иво.

— Гроза, вероятно.

— Нет, это что-то большее. Это... а-а-ах. Я не знаю. Она просто...

— Проклятье, — выругался Бранд. — Она-таки добирается до тебя. Лучше держись от нее подальше этой ночью.

— Да я каждую ночь держусь от неё подальше!

«В то время как Бранд галопом несётся, чтобы провести время с Мейрвин». Он видел их вместе. Они так свободно держались друг с другом, а он и Алейда... Иво махнул рукой в сторону узкой тропинки, уходящей к маленькому домику:

— Вот твой путь к безумию. Передавай ей привет и наслаждайся своими ухаживаниями.

— Я не ухаживаю за ней, — уже раздраженно повторил Бранд, и добавил в ответ на подколы Иво: — Пользуйся тем, что не укладываешь жену в постель.

— Невозможно, — сказал Иво, поворачивая Факса к Олнвику. — Я так подозреваю, что вскоре ты всё поймешь.

Бранд провожал Иво с дурным предчувствием. Быть беде. Наверное, ему следует поскакать за ним, чтобы он снова не устроил взбучку одному из мужчин, удержать подальше от Алейды.

Но до Мейрвин оставалось уже совсем немного, а он целый день с нетерпением ждал этой встречи — он же не железный, в конце-то концов. Более того, связываться сейчас с Иво ему хотелось не больше, чем тому иметь дело с ним.

Он и заедет-то ненадолго, отдаст Мейрвин наперсток, разопьёт с ней кружку эля, и потом увидится с другом. В поместье ужин всегда затягивается надолго. Он сто раз успеет вернуться, прежде чем они останутся наедине. Прежде чем влезут в неприятности.

Он с улыбкой направился к хижине Мейрвин. «Да. Сто раз успеет».

«Бранд был прав», — пришёл к заключению Иво, передавая Факса новому пареньку. Он вел себя, как болван, и не удивительно, принимая во внимание, что у него только одно было на уме.

То самое вожделение, неизменно возникавшее каждую ночь, даже когда он не приходил к ней, даже когда сам удовлетворял себя. Оно ослабевало на время, но в последнюю неделю усилилось, с тех пор как Алейда узнала, что может его терзать. Он и предвкушал, и страшился её немногочисленных попыток соблазнения. Нет ничего столь же очаровательного, как женщина, предлагающая себя, и ничего столь же мучительного, как неспособность принять её предложение.

Но, правда, то обстоятельство, что Алейде нравилось мучить его, не означало, что Мейрвин полна решимости соблазнять Бранда. И раз он мог всё это время не распускать руки с Алейдой, значит и Бранд в состоянии держаться подальше от Мейрвин во время своих редких, непродолжительных визитов.

Да, он был болваном, и ему следует загладить вину — но позднее. Пока ему надо выдержать со своей жёнушкой следующий вечер. Интересно, какое мучительное удовольствие она приберегла для него на эту ночь.

Он вошёл внутрь, быстро переговорил с Джеффом и нашёл уголок, где мог почитать сообщение Ари. Он только закончил читать, как подошёл Том.

— Монсеньор.

Иво бросил обрывок пергамента в огонь.

— Томас. Освальд усердно с тобой позанимался сегодня?

— Меня всего ломит, милорд. Леди Алейда просила, когда вы прочли записку, узнать, не будет ли вам угодно прийти в солар. Она желает поговорить.

«Значит, пытка началась».

— Прекрасно. Смотри, чтобы мою кольчугу завтра отшлифовали и смазали.

— Да, милорд.

Прежде чем отправиться, он собрался с духом, но, открыв дверь, потрясённо замер, завидев Алейду, сидящую в продолговатой деревянной бадье у огня.

— Ах, милорд. Не думала, что вы так скоро. Беата, — она поднялась, вода заструилась по тем роскошным изгибам, которых он так страстно желал коснуться, и прежде чем няня обернула вокруг неё полотенце, он успех окинуть взглядом каждый влажный, обнаженный дюйм её тела, от колец медных кос до соответствующих завитков меж ног. — Будьте любезны, закройте дверь, милорд.

Он захлопнул дверь и отвернулся, кровь его клокотала:

— Прошу прощения. Мне следовало постучать.

— Вздор. Моё тело — ваше, муж.

«Фреев идиот. Ей надо бы работать на Вильгельма д'Э». Он сделал пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

— По какому поводу ты желала меня видеть?

— То да сё. Минутку.

Иво попытался уставить на дверь, но это не сработало, тогда он закрыл глаза — стало еще хуже. Она была голой, и её вытирали полотенцем. Тот факт, что это была её старая

нянька, не имел большой разницы для его воображения или желания, чтобы вступить в свои права. Определённо зала как раз для него сегодня вечером.

— Ну вот, — произнесла, наконец, Беата. — Вы можете повернуться, милорд.

Когда он обернулся, Алейда завязала узел на ремешке своего тяжёлого зеленого платья и скользнула в пару подходящих туфель.

— Убери бадью, Беата.

— Может его светлость пожелает принять ванну, прежде чем мы выльем воду, — намекнула няня. Она повернулась к Иво. — Было бы досадно без пользы потратить воду, милорд.

Звучало неплохо, но вряд ли разумно, учитывая недавнее настроение Алейды и его нынешнее состояние. Иво покачал головой:

— У моей жены ко мне дело.

— Я могу говорить, пока вы купаетесь, милорд, — предложила Алейда. — Или это может подождать, если вам так предпочтительнее.

— Внизу прачка, — сказала Беата. — Она может помыть вас, пока мы ухаживаем за миледи.

Они обе выжидательно взирали на него. Ему нужно искупаться, и всем троим это было известно. Нормальный муж принял бы предложение — а чем он хуже? Тут была бы прачка, плюс служанки Алейды. Трёх людей в комнате рядом с ним и жены, несомненно, было бы достаточно.

— Ну и превосходно. Ванна.

Приказания отданы, прачка с чистой горячей водой вызвана, и немногим позже Иво удалось достаточно успокоиться, чтобы раздеться, и его спину тёрла опытная рука. Крепкая рука.

— Боже милостивый, женщина, оставь кожу.

Смех прачки был под стать её рукам, грубый и сильный:

— Простите, милорд. Так лучше?

— Да. Гораздо, — он вздохнул, когда с плеч спало напряжение, и посмотрел в сторону, где сидела Алейда с распущенными волосами. «Как нормальный муж», — сказал он себе. — Ну вот, что такое ты хотела обсудить, сладкий цветочек?

— Майский праздник [\[50\]](#), милорд. Как вам известно, это... Хадвиза, налей мне вина. А вы, милорд, хотите?

— То, что нужно, — сказал Иво, и ему вручили кубок. Он сделал большой глоток и склонился вперед, чтобы прачка помыла ему поясницу. — Что насчет майского праздника?

— У нас тут в Олнвике есть определенные традиции, и мне интересно, вы бы... — она снова остановилась, прерванная стуком в дверь. — Выясни в чём дело, Хадвиза.

Горничная скрипнула дверью:

— Ваш ужин, миледи.

— А, хорошо. Пусть внесут.

Один за другим потянулись слуги, неся стулья и скатерти, кубки и подносы, накрывая на стол. Иво, чтобы прикрыться, накинул маленькое полотенце на промежность.

— Какого дьявола тут происходит?

— Сегодня вечером я ужинаю в спальне, милорд, — сказала Алейда.

Иво с сомнением оглядел стол:

— Что-то многовато еды для одной женщины.

— Я взяла на себя смелость попросить принести и вашу еду, — она махнула одному из слуг и оторвала ногу от цыпленка, которого он нес. — Простите, если начинаю без вас, милорд. Я умираю с голоду. Не хотите ли ещё вина?

Он помедлил, но она не выглядела чересчур опасной, сидя с ножкой цыплёнка в руке и с наполовину заплетёнными косами, и он сказал «да». Немного погодя, когда прачка спросила, должна ли она помыть теперь ему голову, он осушил кубок, откинулся назад и произнес:

— Надеюсь, у меня останется чуток волос, когда ты закончишь, — и получил удовольствие от тихого смеха женщины.

«Это настоящее блаженство, — размышлял Иво, — когда твои волосы моют в тёплой ванне в тёплой комнате, и ты не съёшь голову в лошадиное корыто». Он расслабился, опёршись спиной на обитый край бадьи и закрывая глаза от капающего мыла, пока слуги продолжали кружить по комнате. Право слово, он действительно был обыкновенным мужем, принимающим обыкновенную ванну.

— Смываем, милорд.

Он наклонился вперёд, пока женщина поливала водой его голову, затем откинулся назад для следующего намыливания. В этот раз она возилась дольше, массируя его до отупения своими сильными руками прачки. Шёпот беседы между Алейдой и её женщинами, в то время как те наводили ей лоск, убаюкивал его словно песня, а вино разливалось по всему его телу. Он начал придрёмывать.

Иво и не заметил, как всё поменялось, просто, потихоньку, как это бывает. Разговор сошёл на нет, комната погрузилась в тишину, руки стали нежней. Меньше. О, нет.

— Алейда?

— Да, милорд, — прошептала она ему на ухо, и до того, как её намыленные руки скользнули вокруг его шеи, он уже знал, что пропал.

«Он будет не в состоянии отказать тебе».

И он не смог. Ещё до первого касания он попал в её власть.

Алейда заключила силу этого обещания в свое сердце, когда мышцы Иво напряглись у неё под руками. Он ещё не успел подумать о побеге, как она перегнулась через его плечо и поцеловала, ничего пока не требуя в ответ, лишь напоминая ему. Он не мог её отвергнуть.

Он потянул полотенце выше колен.

— Где твои служанки?

— Ушли. Ты мыльный на вкус, — нежно произнесла она. — Ополоснись.

Иво разок окунулся в воде, потом ещё, а когда поднялся, она стала с боку кадки и поцеловала его сквозь струящуюся воду, ещё одно напоминание:

— Лучше.

— Позови их обратно, — сказал он. Борясь, он обвил руками края бадьи, но это было бесполезно.

— Нет. — Встретив его взгляд, она развязала платье и позволила ему распахнуться. Под ним ничего не было, и она знала силу своего созревшего тела. Силу Евы. — Коснись меня.

Бадья заскрипела, когда он напрягся, распирая деревяшки, как будто они могли его спасти. Глупец. Только она могла его спасти, и она являла собой Искушение. Она подалась вперед, чтобы медленно провести одним соском по внешней стороне его пальцев, пока тот не сморщился, затем перешла к другому, просто оттого, что это было приятно.

На этот раз застонал он. Она потянулась и поймала звук поцелуем, вобрав в себя его

силу и добавив его в свой стон:

— Прикоснись ко мне.

Иво замотал головой:

— Нет. Боже милостивый, Алейда. Я...

Она снова напомнила ему, теперь уже решительнее, требуя, чтобы он раскрыл для неё губы. Алейда протиснулась язычком к нему в рот, используя всё свое умение, чтобы показать, как сильно она его хочет, чтобы заставить его вспомнить, как он хочет её.

Иво обхватил её голову двумя руками и оттянул от себя.

— Я сказал «нет», Алейда.

— А я говорю «да». Ты слишком долго избегал меня, муж, — она скинула платье движением плеч, принимая его резкий вдох, как должное. Он двинулся, намереваясь встать, и она положила руки на середину его груди и толкнула обратно. Алейда погрузила одну руку в воду, сдвигая его полотенце в сторону, и обвила пальцы вокруг его твёрдости. — Ты хочешь меня, и вот тому подтверждение. Ты не можешь воспрепятствовать этому. Ты не можешь воспрепятствовать мне.

— Ты не понимаешь, — начал он.

Она задвигала рукой и ощутила, как он подпрыгнул, задышав со свистом.

— Я понимаю вот это. Поцелуй меня, — поглаживание. — Поцелуй меня, — ещё одно поглаживание. — Поцелуй...

И внезапно Иво оказался там: его губы на её губах, его руки блуждают по её плечам и рукам. Одна, найдя её грудь, теребила большим пальцем вершинку, которую Алейда уже сделала чувствительной, теребила, пока девушка не задохнулась. Другая рука скользнула вниз, туда, где её рука держала его, обвиваясь вокруг её пальцев, и начиная направлять движения.

Он начал вздыматься и напрягаться, и вдруг до неё дошло, что он делает.

— Нет, — она, рассердившись, резко отдернула руку. — Нет. Не таким образом. Во мне.

У него был исступлённый взгляд и сердитый голос:

— Алейда. Я не могу.

— Можешь, — одним стремительным движением она скользнула через край бадьи и к нему на колени, раздвигая ему ноги, ловя его своим телом. Его твёрдость откликнулась на растущую внутри неё неистовость. Алейда задвигалась, и он застонал.

— Возьми меня, — приказ шёпотом.

— Ах, женщина, ты не ведаешь, о чём просишь, — Иво схватил её за талию, но не оттолкнул, хотя знал, что легко мог это сделать. И сделал бы, в любое другое время, но сегодня вечером магия Мейрвин остановила его.

— Я прошу только то, что мне принадлежит, — она лишь слегка задвигалась, не желая протолкнуть его через грань, но желая ощутить, как он упрётся в неё, ощутить весь жар, и мужчину, и скользкую от мыла воду. — Я прошу тебя.

Алейда подалась вперед, чтобы провести грудью по его бледной коже и он запульсировал под ней. Увлечённая, она начала целовать его и прикасаться к нему, проходя руками по каждому дюйму его кожи, до которого могла добраться, просто, чтобы узнать, что ещё могло бы заставить его делать это: поцелуй с языком. Прикасаясь к его соскам, таким маленьким и плоским. Проводя кончиками пальцев по коже внизу живота. Возвращаясь, чтобы накрыть его. Медленно, она изучала его слабые места и использовала их, требуя такой же капитуляции от него, какую он однажды потребовал от неё.

— Прикоснись ко мне, — прошептала Алейда еще раз, когда поняла, что Иво готов, и, резко вздохнув, он уступил. Его руки заскользили по её влажной коже, сгребая её грудь, чтобы донести до своих губ. Она испустила стон, и он скользнул рукой между их тел, чтобы поласкать её. Внутри Алейды нарастал первый спазм. Она оттолкнула его руку. — Нет. Я же говорила. Во мне. Во мне.

Иво попытался ещё последний раз отказать, но она слишком далеко зашла, чтобы слушать. Со стоном Алейда поднялась, подвигалась над ним и плавно оказалась в нужном месте. Она остановилась, когда он вошёл в неё, удовольствие, которое началось от его руки,хватило её даже до того, как он заполнил её собой. Иво снова застнал, продвигаясь в ней и оставаясь глубоко внутри, пока она дрожала и пульсировала над ним. Но даже тогда, когда дрожь достигла пика, она знала, что он продолжает сдерживаться, что он не присоединяется к ней и что, к тому же, было для неё важнее. Она стала двигаться, оседлав его, беря его так, как он отказывался брать её. Напряжение снова нарастало в ней, даже быстрее. Он начал дрожать под ней.

— Остановись. Алейда. Пожалуйста.

Она знала эту просьбу. Она вспомнила её из их брачной ночи, когда не ведала что к чему. Теперь она понимала, и это возбуждало её, опять толкая её ближе к этому месту. Иво впился пальцами в бёдра Алейды в решающей попытке контролировать её, вероятно, чтобы остановить, но она приложила усилия, ища наслаждения, и, наконец, он сдался и ответил ей. Его бёдра дёрнулись и приподнялись, когда он рванул её на себя, мышцы напрягались в такт. «Почти. Почти. Почти». И вот Алейда была там и он вместе с ней, и она закрыла глаза и отдалась магии.

«Нет ещё. Нет ещё». Пыл Алейды, словно волной, окатил Иво, и она обессилила в его руках, изгибаясь взад и вперед, её тело остановилось само по себе, бессознательно сжимаясь вокруг него, когда она, задыхаясь, выражала свое наслаждение. Он сдерживался столько, сколько было сил, но следом за ней нахлынула его собственная разрядка. С отчаянным вскриком, он отыскал единственную последнюю частичку самообладания, поднял и снял её с себя, отодвигая прочь, чтобы излиться в воду.

— Нет. Нет. Ты не должен был меня отвергать, — Алейда привалилась к нему, трепеща, когда он закончил. — Не должен был.

— Тшш, сладкий цветочек. Я вижу, что могу чуть-чуть отказывать тебе. Позволь мне это, — Иво подтянул её ближе и запечатлел поцелуи на волосах, шее, везде, где мог достать, в то время как прошептал: — Если бы ты только могла понять.

Алейда опомнилась гораздо скорее, чем он считал возможным, и оттолкнулась вверх, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Я устала слышать это. Я устала от этого всего. И я понимаю больше, чем вы думаете, милорд, — румянец удовольствия перерос в гневную красноту. — Я понимаю, что вы попусту растрчиваете свое семя.

— Не попусту, мой цветочек. Я получил столько же удовольствия, сколько и ты. — «И сверх того защитил её», — думал он, признательный любому божеству, которое даровало ему то последнее усилие. — И у меня веская причина.

— Пфф. Ваша причина глупа, милорд, и вдобавок слепа, — она, дрожа после любовных утех, с трудом поднялась на ноги и нависла над ним, всем своим видом, со струящейся по обнаженному телу водой, напоминая ему одну из дочерей Аегира [\[51\]](#). — Посмотрите на меня.

Иво вряд ли мог поступить по-другому, учитывая, как она обхватила его, расставив ноги. О боги, он мог нырнуть в это изящество и не выбираться наружу годами.

— Вы несколько месяцев не наслаждались моим телом, монсеньор, но в самом ли деле это то, что вы помните? — Алейда накрыла грудь ладонями. — Припоминаете, чтобы я была такая большая тут? — она провела руками вниз по талии. — Или тут? — ниже, бережно обхватив живот. — Или здесь? А не считаете ли вы, что я просто толстею?

Его желудок скрутило мёртвым узлом, когда он увидел, что упустил, ослеплённый похотью. Грудь налилась, талия располнела, живот вот-вот начал округляться. «Один, помоги им обоим». — Ты носишь ребёнка.

— Верно. Вы тут играли в монаха, когда могли брать меня, не рискуя сверх того, — она вышла из бадьи и отыскала полотенце. — Как я говорила, я довольно хорошо соображаю, — схватив платье, она куда-то скрылась с глаз, бормоча ругательства в его адрес.

Иво погрузился в воду, его руки сжали голову, чтобы та не взорвалась. Он говорил Бранду, что она могла быть беременна, но он никогда по-настоящему в это не верил. Когда прошли недели, а от неё и слова не было, он был уверен, что они избежали опасности.

Но нет. Ребенок был, и, так или иначе, он должен помочь ему и Алейде — особенно Алейде — выжить. Он про себя начал взывать ко всем богам и богиням, которых знал и которые могли бы ей помочь, даже христианскому богу и его сыну и их тысячи святым. «Пожалуйста. Пожалуйста».

Прошло много времени, тихие шаги оторвали Иво от молитв. Он расплющил веки и обнаружил Алейду, стоящую рядом с бадьёй. Она развернула полотенце и широко раскрыла его для него.

— Вылезайте, пока не простудились.

Простуда. Она, вероятно, вынашивает чудовище в своем животе, а беспокоится о его простуде. Вздохнув, он с трудом поднялся. Она обернула его плечи полотенцем и начала его вытирать.

— Простите меня, монсеньор. Я не так намеревалась рассказать вам.

— Тут нечего прощать. Это было... — он смахнул локон волос с её лба, и она резко откинула голову. — Ты должна была мне раньше рассказать.

— Только в последние две недели у меня появилась уверенность, и я не думала... — она передала ему полотенце, чтобы он вытер волосы, и пошла за свежим бельём для него. — Сомневаюсь, что и до Беаты дошло, что я так быстро забеременела, — она замолкла, уставившись на кровать. — Она до сих пор считает, что мы лежали вместе, как муж и жена. Как и другие, я полагаю.

Чушь. Алейда пыталась успокоить его. Должно быть наоборот; муж здесь — он, хотя и никудышный. Иво обернул полотенце вокруг бёдер и вышел, чтобы встать рядом с ней. Осторожно он убрал волосы с её шеи и, когда она на этот раз не отпрянула, поцеловал её там.

— Как бы мало это не значило, я лишь стремился защитить тебя.

— От малыша? — она повернулась и улыбнулась ему, несведущая в том, что грядёт, и положила руку на живот. — Ребенок — это благословение, милорд, а не то, чего боятся; хотя я знаю, что вы его не хотите, — её улыбка сникла. — В чём я не уверена, так это в причине — то ли вы совсем не хотите ребенка, то ли не хотите ребенка от меня.

О боги, это слишком большой груз для худеньких женских плечиков, и каждый камень в нем — это его промах. Он мог, по крайней мере, частично облегчить ей бремя, и лучше всего

он мог это сделать, сказав правду.

— Я бы предпочел ни с одной женщиной не иметь ребенка, Алейда. Ни с одной во всей Англии.

Иво запечатлел поцелуи на её лице, чувствуя солёный вкус, когда из-под её закрытых век просачивались слёзы.

— Ах, сладкий цветочек. Не плачь.

— Простите, милорд. Я знаю, вы не любите слёз, — Алейда хлюпнула носом, похлопывая ладонями по своим щекам. — Во всяком случае, эти — от радости.

Печально усмехнувшись, он обвил её стан руками.

— Тогда выплачь их, чтобы я, по крайней мере, хоть что-то радостное вызывал у тебя.

— Счастье или печаль, у меня небогатый выбор, — она снова вытерла щёки и тяжело вздохнула у его груди. — Я теперь неделями плачу. Вините своего сына и радуйтесь, что пропустили большинство из них.

Его сердце непроизвольно ёкнуло:

— Сын? Тебе это известно?

— Нет, но, несомненно, это должен быть сын, раз так охотно забрался ко мне в лоно, — она криво усмехнулась, всё ещё немного всхлипывая. — Говорят, мужчинам там нравится.

— Мне нравится, — уверил Иво её, не зная, шутит ли Алейда, но, не желая её расстраивать, если она это всерьёз. Будь это ему по силам, он никогда бы снова не расстраивал её без нужды. С неё и так хватит боли и без него.

— Говорят, также, что мальчик с каждым днем делает женщину чувственнее, — теперь в её глазах сквозь оставшиеся слезинки сияло озорство.

— Верно ли это в твоём отношении? — спросил он осторожно.

— Да, к несчастью, — сказала она, обнимая его за талию. — Или, может, не к такому уж несчастью?

«Боже милостивый. Вероятно, это был мальчик»:

— Когда ты набралась такой смелости, жена?

— Необходимость заставила, милорд. У меня был ленивый муж, однако, надеюсь, этому пришёл конец. — Алейда поцеловала его в грудь. — Вы больше не должны избегать меня, милорд. Сделанного не воротишь, а мы, вдобавок, можем наслаждаться друг другом.

Иво опустил взгляд на неё, не зная, как ответить. Ужас предстоящего события давил на него, но прямо сейчас он ничего не мог поделать, разве что не огорчать Алейду и облегчить для неё предстоящие месяцы, чтобы у неё были силы справиться с тем, что наступит потом. Видимо, она была бы счастлива иметь его в постели — да и по правде говоря, большего вреда уже не нанести. Но в силах ли он это исполнить?

— Не отвергай меня, — она откинулась назад, чтобы взглянуть на него и умостила попку у него в паху, так бесстыдно, как какая-нибудь шлюшка в доках. Его тело подскочило под полотенцем. Он был в силах это сделать.

— Чтобы отказать тебе, мужчина, вероятно, должен быть евнухом. Или безумцем.

— А кто вы, милорд?

— Ни тот и ни другой. — «Для неё», — добавил Иво про себя. Он сорвал полотенце и уложил её спиной на кровать, решив использовать всё своё умение со своей жёнущкой. Он был должен ей всё больше и больше. — А Иво.

Иво выскользнул из залы немного позже обычного. Он только зашёл за угол, направляясь к конюшне, когда что-то его ухватило, шмякнуло о соседнюю стену и

удерживало там, добрый фут отделял его носки от земли.

— Ты обезумел? — дико зарычал голос Бранда в ухо Иво. — О боги, мне следует оторвать у тебя кое-что и прибить к её дверям, чтобы напомнить тебе, — он ещё раз хлопнул Иво о стену, просто выбивая из него последний дух, и кинул его в кучу.

— Эй, — произнес Иво, всё ещё ловя ртом воздух.

— Я видел тебя, — прошипел ему вниз сквозь зубы Бранд. — Я поднялся и начал открывать дверь, а там ты сверху неё. Я чуть было не вошёл и не вылил ведро воды на тебя, собака ты эдакая. И ты ещё смел предостерегать, чтобы я держался подальше от Мейрвин.

— Она... — он опять с трудом вдохнул и оттолкнулся вверх. — Она носит ребёнка.

Бранд замер, на его лице было такое же выражение, какое, как полагал Иво, было тогда у него.

— Она что?

— Она беременна. Теперь идем. Обсудим это там, где нет столько ушей.

Они отыскиали своих лошадей и молча выехали, и когда оказались довольно далеко от стены, Бранд произнес:

— Прошло столько времени, я не думал...

— Как и я. Как ни крути, а ей, видимо, сопутствовала луна.

— Проклятье. Что нам теперь делать?

— Не знаю, — Иво, лёжа рядом с Алейдой, старался выкинуть из головы всю эту историю; теперь она снова нахлынула. Если Ари прав, через несколько месяцев они узнают, как заботится о младенце, который может летать. Ему сразу припомнился день, когда закат поймал его в ста футах от земли. Он, по пути вниз, налетел на ветку, но представив ребенка, падающего таким образом, он чуть не выпал из седла. — Может, получится найти другую ведьму, белую, чтобы снять...

— Я проверил других ведьм. Ни одной белой, — отрезал Бранд. — У них у всех души черные, как их птицы. А как насчёт одного из их священников?

— Кого, Теобальда? — спросил Иво, и Бранд фыркнул. — Вот именно. Кроме того, они сжигают всё, что считают злом, и у меня нет ни малейшего желания наблюдать, сможем ли мы умереть в огне. — Он уставился на птицу: — Вызови ещё одно видение. На сей раз попроси указаний.

— Они не всегда приходят, когда он их вызывает, — напомнил Бранд. — Что нам делать, пока будем ждать?

— Разве у нас есть выбор? Мы, как умеем, проживаем наши проклятые жизни, и я сделаю всё, что смогу, обеспечивая безопасность и счастье Алейде.

Бранд помолчал, а потом спросил:

— Обеспечил ей безопасность сегодня ночью, да?

Иво взглянул на него, увидел, как тот сверкнул улыбкой, и ощутил, как его затопила благодарность от понимания и прощения Бранда:

— Нет. Это относилось к счастью.

— Ну, в этом деле оно беды не наделает. Как ни крути, пока ты в состоянии, можешь наслаждаться ей.

Они ехали молча. Лес всё сгущался и сгущался вокруг них, приглушая серый свет приближающегося рассвета, тем не менее, вокруг них щебетали и выводили трели птицы.

— Ты когда-нибудь слышал, что ребенок мужского пола делает женщину более... чувственной? — спросил Иво, когда они приблизились к месту, где он оставит Бранда.

— Нет, — его друг изогнулся в седле и окинул его проницательным взглядом. — Проклятье. Полагаю, частичка тебя счастлива от этого.

— После трех месяцев самовоздержания? Ну да, частичка меня очень счастлива, — Иво остановил поводьями Факса на краю рощи, по которой этим днём будет бродить медведь. — Но я бы охотно позволил тебе оторвать эту часть, если у Алейды от этого наладятся дела.

Бранд соскользнул с Кракена, быстро разделся и привязал одежду позади седла. Когда Иво отъехал, он крикнул ему вдогонку:

— Если у неё от этого наладятся дела, я бы и себе оторвал.

— Знаю, — сказал Иво, признательный, что у него есть такой друг.

— Хватит.

Обессиленный, Ари погрузил руку в кроваво-красную воду и, держа её там, обратился к орлу, сидящему на иссохшем дереве по ту сторону озера.

— Я не могу больше это делать. Я теряю слишком много крови, — он застонал, когда острая боль от воды пробилась сквозь онемение, вызванное молитвами. — Сожалею, мой друг, они не заговорят, от меня нет пользы вам обоим, если я не могу ровно стоять на ногах. Пока что, это — конец.

Орёл уставился своими золотисто-карими глазами, так не похожими на глаза Иво, чудно моргнул — снизу-вверх, затем взмыл в небо и стрелой понесся к Олнвику. Морщась от боли, Ари потянулся за чистой полоской ткани, которую положил недалеко. Теперь он ежедневно около месяца вызывал видения, и его ладонь была исполосована свежими порезами и бледными рубцами. Его неизменная повязка вызывала вопросы в замке, и от таких частых и сильных кровотечений его конечности наливались свинцом. Ему нужно время отдохнуть и восстановить силу, прежде чем снова устанавливать контакт с богами.

Он с трудом поднялся на ноги и направился к лошади. Та, казалось, стала огромной, пока он истекал кровью. Чертыхнувшись, он поднял свинцовую ногу в стремя, глубоко вдохнул, и, вынужденный подтягиваться больной рукой, с кряхтением поднял себя. Что ему нужно — так это вздремнуть. Подольше подремать, хорошенько поесть и неделю не вскрывать себе вены. Вдыхая, он направил лошадь к Олнвику.

«Этот обладал даже большей магией, чем его друзья».

Мейрвин стояла, скрытая густой кроной ивы, и видела отъезд сенешаля. Она знала сэра Ари по деревне, ей довелось издали наблюдать, как он присматривал за сооружением замковой насыпи. Сегодня она наткнулась на него, когда он стоял на коленях, истекая кровью и взывая к богам, и молча следила за его тщетными попытками. «Невидящий провидец, что беседует с орлом, как с другом. Весьма странно».

Она добавила эти новые любопытные факты к тому, что знала о сэре Бранде и его друзьях. Их непонятные приезды и отъезды продолжались вопреки всё укорачивающимся ночам и ребенку, о котором всем было известно. Несколько умело заданных вопросов — и она уже знала, что никто в деревне или поместье не видел лорда Иво и Бранда днём, а сэра Ари — ночью.

Однако почти таким же странным было то, что это, казалось, мало, кого беспокоило. Деревня процветала, люди были счастливы в ожидании, что хорошо укреплённый замок их защитит, и всех троих считали благородными и чистыми на руку мужчинами. Большинство верило, что лорд Иво и Бранд много охотились — хотя редко успешно, — а ночные отсутствия сэра Ари можно приписать некой шлюхе в Лесбери. Пока всё шло хорошо, и леди Алейда поддерживала своего мужа, едва ли были причины подвергать сомнению эти убеждения.

Тем не менее, картина, свидетелем которой была Мейрвин, говорила о некой серьёзной проблеме. Усилия сенешаля были похожи на отчаяние; он излил так много крови в воду, что ей довольно долго не хотелось бы собирать травы на краю озерца.

Кто такая «она», кому он пытался помочь? Конечно, какая-то лесберийская шлюха не

стоила того, чтобы растрачивать на неё всю эту кровавую магию. А кто тогда стоил? И почему?

Ей перебили утренний сбор трав, мысли путались, и Мейрвин повернула обратно к дому. По дороге перед её глазами всплывали картины: нож, кровь, орёл, лорд Иво, ворон, Бранд, леди, приворотное зелье, сэр Арии, озеро... Эти картины — непонятные и тревожащие — перемешались между собой. И над всей сумятицей вопрошал голос госпожи: «Ты можешь мне помочь? Поможешь?»

Вероятно, в этом скрывалась суть всех её поисков, причина, по которой боги привели сэра Бранда к её двери. Они и поставили её сегодня на пути сэра Ари, чтобы она не сбивалась с этой стези, послав настолько ясное сообщение, насколько могли, не вкладывая настоящего видения ей в голову. Когда Мейрвин постигла эту вероятность, облака над головой внезапно разошлись, посылая луч света вниз сквозь высокие деревья, чтобы позолотить лесную рябину, её густые ветви с ещё зелеными ягодами.

— Да, Матушка, — сказала Мейрвин. Она упала на колени в ярко-желтом пятне перед священным деревом и смиренно подняла ладони к свету. — Как всегда, я повинуюсь. Но сперва, прошу вас, покажите мне остальное, чтобы я поняла и лучше следовала вашей воле. Да будет так.

— ... и герцог женился на прачке, хотя та не была знатных кровей, и она родила ему сына, который вырос и превзошел своего отца. Но этот сказ — на другой раз.

— Отлично, Томас! — Алейда и остальные благодарно захлопали, как только Томас закончил. — Если бы я знала, что ты такой потрясающий рассказчик, я бы давно уже потребовала твоих услуг, и милорд остался бы без оруженосца.

— Эй, — запротестовал со своего места Иво, восседая без рубашки на подушке у её ног.

— Тогда я рад, что вы не знали, миледи, — произнес Том, покраснев от удовольствия. — Впрочем, боюсь, эта история мне не принадлежит. Я услышал её от сэра Ари.

— Какое бы ни было её происхождение, ты хорошо её рассказал, — заметила Алейда.

— Ты, случаем, не надоедал сенешалю, а, парень? — спросил Освальд. Он передвинул камень на доске Морриса.

— Нет, маршал. Я лишь слушал, когда он говорил. Он почти всегда рассказывает одну-другую историю.

— Сплошь и рядом треплет языком, ты это имеешь ввиду, — Иво ответил на ход Освальда и занял участок. — Продолжай слушать его, Том. Мне почти так же, как и твоей госпоже, нравится хорошая байка.

— Я выучил эту историю, только чтобы угодить ей, милорд, — признался он. — Но, слушая, я научился разным вещам. И не только от сэра Ари.

— Так и должно быть. Маршал, какую работу ты приготовил для юного Тома на завтра?

— Будет покорять насыпь, милорд, — Освальд взглянул на Тома сверху вниз. — Дважды. В кольчуге.

Стон Тома был едва слышен, но Иво засмеялся:

— Тогда отправляйся спать. Тебе надо отдохнуть, — он взглянул вверх на Алейду. — Как и тебе, возлюбленная жена моя.

— Эй вы, поторапливайтесь, — Освальд сгрёб доску Морриса с камнями и вместе с остальными последовал за Томом, вознося своё «покойных снов», когда они уходили. Одна Беата задержалась, чтобы вернуть мех и похлопотать над доставленным ранее Хадвизой

подносом, нарезая хлеб и намазывая масло.

— Ах. Эта лентяйка, — она подняла глиняный кувшин и погремела внутри него ложкой. — Мёд стал словно камень, а Хадвиза и пальцем не пошевелила. Скажу ей, чтобы лучше подавала.

— Просто поставь его у огня, — сказал Алейда. — Он размягчится быстрее, чем Хадвиза забредет обратно наверх.

— Да, пожалуй, он всё-таки станет мягче, — Беата поставила глиняный кувшинчик возле углей и, кряхтя, выпрямилась. — Не оставляйте его надолго, ягненок, как бы не закипел.

— Не оставим, — ответила Алейда. — Покойного сна, няня.

— И вам, миледи. Милорд.

Как только за ней закрылась дверь, Иво поднялся на коленях, и глазами почти поравнялся с Алейдой.

— Ты верно поступаешь с Томом, — сказал он. — В нём с каждым днем всё меньше от конюшни.

— Вероятно, он ещё смутит вас при дворе, — произнесла Алейда. — Дайте только время, он будет готов к службе. Он столь же проворен, как его отец, и, если посчастливится, то докажет, что и смел.

Иво поморщился.

— Освальд сказал, что он бастард и сирота.

— Да. Но ясно же, кто приходится ему отцом. Приходился, имею ввиду.

— О? И кто он... был им? — подразнил он.

— Муж Мейрвин. Эльфвайн, — она скривила губки, заметив сомнение в лице Иво. — Том его точная копия, вплоть до походки. Даже Мейрвин замечает это... в особенности она, наверно.

— Что ты имеешь в виду?

— У нее не было собственных детей. Я была слишком юной, чтобы знать такое, но Беата рассказывала, что по этой причине Эльфвайн крутился вокруг других женщин. Мать Тома одна из них.

— Мейрвин упоминала о смерти мужа как раз тогда, когда я остановился с Брандом. Что произошло?

— Это случилось четыре, нет, пять лет назад. Я только вернулась после воспитания в Бэмбурге. Собака напала на стадо наших овец в Свинлисе. Эльфвайн узнал и помчался на помощь пастуху. Оба были искусаны, не сильно, но...

— Это было бешенство, — тихо произнес Иво.

Она кивнула, блуждая в воспоминаниях.

— Беата и Мейрвин старались что есть сил, а мы все, конечно, молились, но они оба умерли в течение месяца от вызванной бешенством лихорадки.

— Страшная смерть.

— И страшная потеря для деревни: Мейрвин и Эбба овдовели, шестеро детишек остались без отца... а у юного Тома вообще никого не осталось. Его матери уже не было в живых. Над ним сжалился дед.

— И так он стал работать на конюшне?

Она кивнула:

— И таким же образом у меня оказалась Хадвиза. Она — старшая из детей Уилла

Шеперда. Они нуждались в её жаловании, чтобы прокормиться.

Глаза Иво заблестели:

— О-о. Это многое объясняет.

— Что именно?

— То, как ты снисходительна к девчонке. Ей нужна твёрдая рука. Ты позволяешь ей то, что не потерпела бы от других, даже от Беаты.

Алейда, насупившись, откинулась на спинку.

— Может, вы и правы.

— Может?

— Ох, ну ладно. Вы правы. Кстати, я многое позволяю Беате.

— Слишком много, даже для твоей няни.

— Как я могу бранить женщину, которая утирала мне слёзы? — спросила она. — А как насчет вас? Вы столько всего сносите от сэра Ари. Он каждую ночь исчезает, отправляясь по шлюхам, а вы и слова не говорите.

— Бегаёт по шлюхам? Именно этим и занимается? — глаза его озорно блеснули, в то время как произнесено всё было самым невинным голосом. — Не знал, что среди добропорядочных женщин Олнвика встречаются шлюхи.

— Почему? Вы их искали?

— Нет, — решительно ответил он. — Кроме того, разве у меня есть на них время? Или силы?

— Пфф, — она откинула руку, которой он скользил вверх, чтобы накрыть её грудь. — У него женщина в Лесбери, Беата сказала.

— Ах, Лесбери. Я знал, в Олнвике такого не могло быть, — его рука проскользила обратно, и она не стала сопротивляться, наслаждаясь теплом.

— Вы должны заставить его остаться тут, милорд, чтобы он, по крайней мере, развлекал вас. Он и правда рассказывает хорошие истории, пару раз мне удалось припереть его к стенке, чтобы послушать одну из них.

— Я уже все их слышал, — он потянул за край её платья, чтобы обнажить верхнюю округлость одной груди, и подался вперед, чтобы запечатлеть там долгий поцелуй. — Более того, я предпочитаю развлечения, которые сулишь ты.

— Но он...

— Довольно, Алейда, — голос его был спокойным, но когда он поднял голову, глаза его предостерегающе сверкали. — Ночи Ари принадлежат ему.

— Ах, да. Как вам — дни, монсеньор, — разгневанная, она вскочила на ноги и обошла вокруг него.

Он вздохнул позади неё:

— Не делай этого, Алейда. Так уж обстоят дела.

Она развернулась, готовая дать резкий отпор, но удержалась. У него неожиданно появился такой изнуренный вид, такой одинокий, когда он вот так уставился на огонь.

— Если бы вы просто раскрыли мне причину, может, я смогла бы...

— Это не изменило бы положение дел. Не настаивай. Прошу тебя.

«Прошу?» За всё время, он ни разу не произнес «прошу», ни в этом вопросе, и её гнев поутих от безысходности, звучавшей в этих словах.

— Пока я не буду настаивать, милорд, но не обещаю, что мне не придет это в голову снова.

— Тогда «пока» должно сработать, — он взглянул вверх, к нему вернулась некоторая доля юмора. — Пока.

Она с нежностью взъерошила его волосы.

— Мир? Я бы опустилась вниз и в знак примирения предложила бы поцелуй, милорд, но, боюсь, вы найдете чересчур забавным видеть, как я буду обратно подниматься.

Он вскочил прежде, чем она закончила фразу, и широко развел руки.

— Никогда не позволяй ходить слухам, что жене сложно поцеловать меня, по моей же вине.

Она охотно шагнула к нему, настолько счастливая от исчезновения его необъяснимой тоски, что даже не стала ему напоминать, как не так давно, он, в самом деле, создал ей в этом огромную трудность. Но то было прошлым, а это — настоящим, и их совместный поцелуй был нежен, нетребователен и полон прощения с обеих сторон.

— Ты, правда, выглядишь усталой, — произнес он позднее, держа ее в объятиях.

— Не больше, чем в любую другую ночь, — она подалась назад в его руках, чтобы взглянуть на него, и уловила запах подгорающего меда, исходящего от очага. — Но я проголодалась.

— Отправляйся в постель. Я принесу тебе твой хлеб.

У неё вошло в привычку каждую ночь перед сном съедать ломтик хлеба с мёдом. Это уберегало её от полуночных походов, когда, изголодавшись, она, по-видимому, искала облегчение для своего больного желудка. Как только Иво вынул из очага мёд, она отбросила своё платье и скользнула в постель, подтягивая одеяла вверх, чтобы скрыть неуклонно растущий живот.

— Думаю, мы его передержали, — сказал он, показывая ложку. Теплый мёд стекал тонкой струйкой.

— Всё будет отлично. Два кусочка, прошу тебя.

— Два? Ты голодная.

Он быстро намазал мёд на три ломтика и принес их, предлагая один ей, один оставляя себе, и придерживая добавку. Когда он ел, второй кусок немного наклонился, и мёд потёк по пальцам.

— Смотрите, — Алейда быстро проглотила первый ломтик и потянулась за вторым, прежде чем Иво справился с половиной. Она облизала края и откусила кусочек. — Вы становитесь весь липкий.

— Как и ты, — он замахал руками и брызги, от которых она уклонилась, теплым каскадом приземлились ей на грудь, как раз выше одеял. — Нам снова нужно мыться.

Они сидели и доедали хлеб, оставив свои липкие руки, чтобы не измазать белье. Когда Алейде осталось пару укусов, чертёнок, по вине которого она так часто попадала в неприятности, поддел её своими вилами.

— Знаете, — произнесла она беспечно, — самый лучший способ очистить кожу от мёда — слизать его.

— Да? — неторопливая, озорная ухмылка растянулась на его лице. Он протянул свои измазанные мёдом пальцы. — Покажи.

Смутившись вдруг от своей дерзости, она неуверенно лизнула разок.

— Так не годится, надо больше, — потребовал он.

Она втянула в рот его палец, посасывая его как леденец. Он застонал, и её смущение растаяло от вспыхнувшего между ними жара. Она перешла к соседнему пальцу, потом к

следующему, справилась с одной рукой, затем с другой, задерживаясь на каждом пальце, пока на том не оставалось меда, даже слизала оставшиеся потёки с ладони, прежде чем откинулась назад.

— Видите? Всё чисто.

Она подняла последний кусочек, чтобы доесть его, но он обхватил её талию своими еще влажными пальцами и притянул к себе её руку. Однако, вместо того, чтобы завладеть кусочком, потянул его вниз и коснулся своей груди, так что струйка меда растеклась по его соску.

— Ты меня не убедила. Показывай снова.

Алейда подалась вперед, послушно, нетерпеливо, и слизала сладость, она слышала, как ее муж втянул воздух, когда она потёрла напряжённый кружок. К тому времени, как женщина во второй раз откинулась назад, его возбуждение стало очевидным. Алейда сунула последний кусочек в рот и вытянула руки.

— Теперь, если позволите, ваша очередь, монсеньер, — Иво сделал одолжение, уделяя даже больше времени ее пальцам, чем она его, пока каждое посасывание, каждое движение языка не отозвалось внутри неё. Затем подался вперед к капельке на её груди. Та, по всей видимости, стекла ниже, раз он стянул вниз одеяла, следуя за ней к соску, и, пока полностью не слизал её, не остановился.

Когда она открыла глаза, он улыбался ей своей голодной улыбкой. Алейда не понимала, почему этот вид всегда пугал её. Сейчас он лишь вызывал в ней собственные растущие аппетиты, распутные, как она сама. В этой улыбке крылась порочность. Грех, который приглашал её согрешить с ним.

Без единого слова он поднялся и освободился от брэ, затем пошёл к столу, чтобы забрать кувшин с медом.

— Что вы делаете?

Он не ответил, но вернулся назад и подполз к ней на кровати с мёдом в одной руке. Иво помешивал мёд, ложка мягко цепляла дно горшка.

— Ложись на спину.

Она повиновалась, но снова спросила:

— Что вы делаете?

— Желаю кое-что узнать, — ответил он.

— Что?

— Раскройся, сладкий цветочек. Я хочу видеть всю тебя, — она снова подчинилась. Он передвинулся и встал на колени меж её ног, подталкивая локтями, развёл их широко в стороны, и она почувствовала, что краснеет от того, как он жадно поедает её глазами. Ещё раз помешав мёд, он поставил кувшин ей на живот и вытащил ложку.

Мед, все еще теплый и жидкий после огня, струился вниз на её живот. У неё перехватило дыхание, когда он протянул дорожку вверх, неторопливо вырисовывая спирали вокруг её груди. Он зачерпнул еще одну ложку и теперь проложил дорожку вниз, и она снова задохнулась, когда теплый мед пролился у неё между ног. Она задрожала перед ним, уже балансируя на грани желания, хотя он и не прикоснулся к ней.

— Хочу узнать, — наконец-то объяснял он, отставляя в сторону кувшин и наклоняясь к ней, — что слаще. Ты или мёд.

— О, — произнесла она, когда он начал пробовать её на вкус. — О.

Прошло много времени прежде, чем он пришёл к решению, и к тому часу она была

чистой-пречистой.

Чего, однако, нельзя было сказать о простынях.

Сэр Ари снова писал.

Алейда, стоя на лестничной площадке, наблюдала, как он изогнул переплетенную книгу, которой был поглощен. Он часто что-то добавлял в неё, но записями дело не ограничивалось. Она не раз замечала, как ближе к вечеру он яростно делает наброски на кусочке старого пергамента или на простом кожаном лоскутке, или даже пару раз на куске дерева или коры. Позднее она неоднократно узнавала эти самые огрызки в руках мужа или сэра Бранда или видела, как те скручиваются, превращаясь в огне в золу — единственное видимое ей свидетельство того, что пути Ари вообще с ними пересекались.

День за днём её все больше интересовали его записи. Может, подозревала она, они связаны с тем, почему муж принадлежал ей по-прежнему только в тёмное время — время, которое, чем ближе лето, становилось короче, и она почти не видела мужа.

Не сказать, что Иво неумело использовал их ограниченное время. Она зарделась, лишь подумав о том, чему он научил её за последние недели — они оба, вероятно, попадут в ад, например, за его проделки с мёдом, и она никогда не получит отпущения грехов, так как ей ужасно хотелось когда-нибудь снова попросить повторить их. Когда-нибудь скоро, решила она, потому что от одной только мысли она увлажнилась внизу.

Алейда всё думала о меде, когда Ари обратил на неё внимание. Он немедленно вскочил на ноги.

— Вам что-то требуется, миледи?

— Ммм? — какое-то мгновение она приходила в себя от жара, и, несомненно, Ари со своего места должен видеть краску на её лице. — О, нет, мессир. Я просто начала уставать от трескотни. — Она неопределенно махнула в сторону солара, где жалобы Милдрит на своего мужа прервал взрыв саркастического смеха. — У меня начинает болеть голова от шума. Что вы пишете, мессир?

— Летопись, — он склонился и нежно подул на надпись, чтобы чернила поскорее высохли.

— Обязанности монаха.

Он тихо засмеялся:

— Уверю вас, я не монах, миледи.

— Ну да, я слышала, — она начала спускаться по лестнице. — Почитайте мне немного, позвольте узнать, о чём вы пишете.

Он положил квадратик тонкой кожи поверх страницы, чтобы защитить новые чернила, и она успела лишь мельком взглянуть на текст, как он плотно закрыл книгу и туго затянул ремешки.

— Нет, миледи. Мне было бы стыдно, заметь вы, что я, вообще, не силён в словах.

— Пфф. Я слышала, вы ораторствуете каждый божий день, сэр, и обращаетесь со словами, как золотых дел мастер со своими инструментами, — это вогнало его в краску, и она поспешила продолжить, поддразнивая. — Я всегда могу приказать вам почитать.

Он посмотрел вниз на книгу, затем поднял взгляд на неё, лицо его помрачнело.

— Прошу вас не надо, миледи, так как мне пришлось бы послушаться.

Его сопротивление лишь подстегнуло её желание увидеть, что он написал, но это явно случится не сегодня.

— Я только намеревалась уговорить, мессир, не приказывать, — произнесла она беспечно, притворившись, что это совершенно несущественно. — Если ваше повествование настолько нескладное, вам следует оставить его при себе. Дайте мне другое взамен, а то я начала уставать от женской болтовни.

На его лице спало напряжение, хотя он продолжал держать руку на книге, будто думал, что она могла бы выхватить её.

— Ещё один дракон, миледи?

— Нет, в этот раз я, думаю, предпочла бы какое-нибудь другое чудище. Возможно...

— Миледи! — в дверь ввалился Том с деревянным тренировочным мечом в руке, красный от волнения. — У ворот человек. Он говорит, что принес послание от короля!

— Ну, миледи, — невозмутимо произнес Ари, сгребая книгу, чтобы унести. — Видимо, чтобы развеять скуку, вам таки не понадобится моя история.

Со смесью любопытства и дурного предчувствия Иво взял у королевского посланника сложенный пергамент и жестом пригласил Бранда следовать за ним наверх.

Алейда встала, когда он вошёл, демонстрируя живот, который, он мог поклясться, стал больше, чем был только утром.

— Вы уже встре...? — она остановилась, заметив послание в его руке. Она заломила руки в тревоге. — Встретились. Он прибыл сразу после обеда. Что он сказал?

Иво запечатлел поцелуй на её щеке и улыбнулся её нетерпению.

— И я тебя приветствую, жена. Не хмурься так. Это всего лишь послание.

— От короля, — с неприязнью вымолвила она. — Оттуда мало чего хорошего приходило.

— Я получал от Вильгельма и хорошие, и плохие вести, — произнес Иво. — Позволь мне посмотреть, что там, пока ты не предположила наихудшее. Давай-ка, начинай ужинать. Я скоро спущусь.

Он подождал, пока за ней и её женщинами не закрылась дверь, а затем сломал печать. Послание было написано ровным и разборчивым почерком, и Иво, читая его, нахмурился, слыша в каждом слове жёлчный заикающийся голос Вильгельма. Однако просьбы короля таили в себе и возможности, и он быстро их оценил.

— Хм.

— Что? — спросил Бранд.

— Хорошее и плохое, как я и говорил Алейде. В Уэльсе стало больше беспорядков, к тому же, он подозревает, что Роджер из Пуату замысливает предательство в Камбрии, и приказывает мне заняться этим.

— Так это плохо или хорошо?

— Полагаю, и то и другое. Мне придется уехать именно теперь, когда у нас с Алейдой, наконец-то, настоящий брак — это плохая сторона. Хорошая — мы вынуждены уехать в час, когда ночи стали так чертовски коротки. Она снова расспрашивает о моем образе жизни.

— Интересуется, почему ты едва сняв одежду, опять начинаешь одеваться, да?

— Вроде того. Полагаю, Мейрвин никогда не спрашивает, отчего ты навещаешь её в такое странное время.

— По правде говоря, нет. Она, кажется, просто... мирится с этим, как мирится со всем.

Иво считал такое поведение странным, но и целительница была странноватой, потому он решил оставить эту тему.

— Вдобавок это решает другую проблему, — отметил он. — Летом этот лес слишком

мал для медведя.

Бранд кивнул. Лето всегда было наихудшим временем. Длинные теплые часы вереницей гнали как простых смертных, так и знатных в лес за древесиной и пчелиным воском, прутьями и древесным углем, поиграть и пособирать ягоды, и трудно остаться незамеченным в чересчур долгие дни. Для Иво настоящий риск заключался только в том, что его могли заметить, когда он менял обличье; для Бранда, — что его, вообще, увидят — в Англии больше не было медведей.

— В Камбрии леса настолько густы, что в них и целые армии затеряются, — отметил Иво. — Ты там будешь в безопасности, пока я буду шпионить для короля, а к тому времени, как вернёмся, начнется сбор урожая, и в лесу будут лишь свинопасы. Я смогу уберечь тебя от них.

— Было бы неплохо. Но, что насчет третьей проблемы? — Бранд выгнул руки над своим животом, изображая живот Алейды. — Ты хочешь быть рядом, когда появится малыш. Ты будешь ему нужен. Ты будешь нужен ей.

— Она только, — Иво показал на пальцах, — беременна чуть больше четырех месяцев. У нас достаточно времени, чтобы вернуться, и, может быть, пока будем отсутствовать, что-то обнаружим, кое-что узнаем, появится новая идея. Не знаю. Но это лучше, чем сидеть здесь, без дела, наблюдая, как она округляется.

Бранд понимающе закивал.

— Ага. Я тоже присматриваю за ней, а она даже мне не принадлежит. Тем не менее, тебе будет трудно сообщить о своем отъезде. Я помню, как Илфа обычно смотрела на меня, — будто я или обезумел, или уже умер — когда я говорил, что мы опять отправляемся корчить из себя викингов. И она плакала.

— Алейда понимает, что у меня обязательства перед королём. Она ожидает это. Она с этим выросла.

— И Илфа понимала. Тем не менее, плакала, — лоб Бранда на миг пересекли морщины от воспоминания, но он его отбросил. — Как на счет Ари?

Иво глянул на ворона, сидящего на жердочке:

— Он остается тут. Это его время — дольше всего пребывать в человеческом обличье. Он, помимо всего, может этим воспользоваться.

— Позаботься о ней, — сказал он птице, довольный, что глупая ревность не вскипала от мысли оставить его с Алейдой. — Заканчивай замок. Я хочу, чтобы она была под надежной защитой, когда я действительно должен уехать.

Ворон склонил голову и приглушенно хохотнул.

— Думаю, это означает да, — сказал Бранд. — Проклятье. Без его компании я совсем не жажду соваться в чужой лес. Когда мы должны уехать?

Иво еще раз глянул на послание, на настойчивую просьбу, спрятанную за резкими словами Вильгельма.

— Перед рассветом.

— Это означает, что завтра на заходе солнца мы будем в пути. Скажу-ка тогда «до свидания» Мейрвин.

— Ага, — кивнул Иво, жалея, что у него нет еще денечка, прежде чем он должен сказать свое прощай, прежде чем Алейда расплатится из-за него.

Затем он начал спускаться вниз, так как времени у него не было.

Странно, как мало что изменилось, с тех пор как Иво ушел, размышляла Алейда, наблюдая за тем как под бдительным присмотром Освальда, Томас атакует соломенное чучело. Слуги бесшумно исполняли свои обязанности. Пыль тихонько поднималась ввысь. Ее живот слегка увеличился. И Ари что-то тихо царапал, правда только в своей книге, так как необходимость в обмене письмами давно пропала. За исключением того, что рабочий график в поместье несколько изменился, каждый день проходил точно так же, как это было при Иво.

Каждый день.

Но не ночь... Ночи были разными. Это настало, когда она ощутила его отсутствие. Обеденный зал выглядел пустым без лорда за столом, ее кровать остыла без мужа. Но это было еще не все. Не только она с болью скучала по нему, весь замок нуждался в лорде, и ее тело молило о ласках мужа.

Уже три месяца она ждет Иво домой. Она истосковалась по совместным играм в шахматы, ужинам, перешептываниям в темноте по поводу всякой чепухи, спорах с ним, по его смеху, когда он в компании с Брендом. По всему... Она хотела бы знать, что он рядом, даже если бы он весь день занимался своими таинственными делами, и она только ночью могла бы встречаться с ним.

Ее рука покоилась на животе, и она чувствовала легкое трепетание, словно под ее ладонью билась колибри. И вот это как раз было тем, где изменения были заметны. Ребенок начал шевелиться сразу же после отъезда Иво, и каждый раз, когда он двигался, она мечтала, чтобы Иво тоже мог чувствовать малыша вместе с ней. Она хотела увидеть его лицо в этот момент, понять, хочет он этого ребенка или нет. Малыш снова задвигался, более беспокойно, словно подозревал о ее мыслях...

— Я очень хочу тебя, моя маленькая птичка, — успокоила она его. — И папа тоже хочет, однажды он узнает про тебя. Не бойся.

Алейда направилась на склад, куда она держала курс перед тем, как позволить себе отвлечься на посторонние мысли. Затем она забрела в кухню, чтобы проверить, хватает ли повару специй, и, заодно прихватив себе яблоко из запасов, рассеянно пошла назад в зал. Тома и Освальда там уже не оказалось, но ее удивило, что и Ари исчез вместе с ними. Однако оставил на столе свою книгу.

Она медленно подошла посмотреть на нее. Обложка была сделана из невзрачной, но весьма прочной вареной кожи, скрепленной суровыми нитками вдоль переплета. Крепкие ремни, которые должны держать книгу закрытой, в данный момент были расслаблены. Искушали раскрыть ее прямо сейчас. Но она не могла себе разрешить сделать это...

— Где сэр Ари? — она остановила пробегающего мимо нее слугу.

— В небольшой рощице спор перерос в борьбу между двумя командами. Сэр Ари и Освальд бросились посмотреть на это.

Человек ушел по своим делам, а книга продолжала нашептывать ей. Борьба. Они, вполне вероятно, ушли на короткое время.

Ей не следует, но... Быстро оглянувшись по сторонам, она открыла обложку.

Она не могла различить ни слова.

Что бы там ни писал Ари, он делал это в весьма странной манере, его заостренные,

похожие на частокол, буквы выглядели смутно знакомыми, но не имели сходства ни с латынью, ни с французским языком, которые она знала. С разочарованием она пролистнула еще несколько страниц для полной уверенности, но только обнаружила одинаково непонятные записи.

И зачем ему утруждать себя прятать эту книгу, она не понимала, никто в Олнвике не смог бы разгадать эти знаки. Единственное, что ей было знакомо, это маленькие изображения животных, украшающие края: медведь, волк, черный ворон и еще кто-то, кто, по ее предположению, мог оказаться львом. На другой странице она обнаружила оленя наряду с вызывающей страх собакой, быка и орла. Ее орла, если это была летопись, или одного из герба Иво. Она поискала своего дракона.

К двери приближались голоса. Ее охватило чувство вины, она торопливо захлопнула книгу и поспешила наверх. Сэр Ари прав, что записывает свои хроники таким странным шрифтом, решила она, это удержит людей таких, как она, от чрезмерного любопытства.

То, что она увидела, пчелой зудело в ее мозгу, она обдумывала это за ужином, шахматами и даже тогда, когда легла в кровать. Она размышляла об этом, уже находясь в полудреме, когда в ее мозгу вдруг вспыхнуло воспоминание, что она видела эти картинки раньше: некоторые были очень похожи на животных на камне. Возможно, Ари нарисовал тех, кого он видел, и затем добавил еще парочку для собственного развлечения. Да, должно быть так.

За исключением двух вещей, нашептывал ее засыпающий разум: некоторые из его знаков есть на камне, сверкающая молния, странный крест, вилы. И Ари не было возле этого камня.

Внезапно ее сон как рукой сняло.

Несколько дней спустя Алейда все еще раздумывала над тем, что она видела в книге, пока прогуливалась по небольшому деревенскому рынку, не вполне законному, так как для него следовало получить разрешение от короля и заплатить в казну налоги, а здесь просто шла торговля местными товарами и продовольствием, которая каждый год стихийно возникала на перекрестках в день святой Магдалены и осенью на праздник урожая. Она надеялась, что кто-нибудь, ловкий и умный, смастерит какой-нибудь маленький символ, который бы она могла купить как подарок для Иво и приложить к новому плащу, вышитому ею специально к его возвращению. Ничто не радовало ее глаз, она отдала монету в полпенса за флейту из слоновой кости и протянула ее Тому.

— Моя благодарность, миледи, но я не играю.

— Тогда учись, — приказала она, — нам нужно больше музыки в зале, а тебе нужно научиться некоторым способам, чтобы развлекать леди, когда ты начнешь путешествовать со своим рыцарем. Эсмунд, можешь научить его за пенни?

— Миледи, уже к концу дня он сможет играть простенькую мелодию, — ответил Эсмунд, сияя, — иди сюда, мальчик, давай я тебе покажу.

Она оставила Тома заниматься и неторопливо подошла к следующему человеку, продающему резные вещи, которые он смастерил зимой. Она любовалась булавкой для плаща, когда услышала знакомый голос.

Алейда с улыбкой повернулась.

— Мейрвин. Вы пришли на рынок?

— О да, миледи. Хочу посмотреть, что я могу выручить за свои сыры. — Она наклонила корзину, прислоненную к бедру, чтобы похвастаться несколькими, завернутыми в бумагу,

солеными головками. — У меня есть еще несколько для поместья, если желаете.

— Да, и мы заберем их все, — сказала Алейда, подходя к одному из следовавших за ней слуг, чтобы отдать сыры, и затем к Джеффри за кошельком. — У нас есть лук-порей для пирога?

— Да, миледи.

— Хорошо. Я хочу его на ужин. Проследите за этим, у вас еще есть время. Я желаю прогуляться с Мейрвин.

Мейрвин засунула свои монеты в кошелек и последовала за Алейдой вдоль рядов, пока рынок и толпа остались позади.

— Я не видела Вас раньше, чтобы поблагодарить, — сказала Алейда, когда они оказались одни. — Ваша настойка подействовала так, как Вы обещали, и после нее между нами стало все легко и просто.

— Я рада этому, миледи, но сожалею, что ваш лорд покинул Вас так скоро после этого.

— Служение королю — это цена за земли, или, по крайней мере, я так утешаю себя.

— Лорд Иво вернется еще до рождения ребенка, — заметила Мейрвин, — у Вас есть еще вопросы, миледи?

Алейда вздохнула.

— Множество. Но сегодня я хочу узнать о стоячем камне. Что ты знаешь о нем?

— Он очень стар, миледи, стоит еще с тех дней, когда монстр разгуливал по этим землям.

— Я знаю эту историю. Меня интересуют отметки на камне. Что они означают?

— Руны, своего рода письменность.

У Алейды появилась надежда.

— Вы сможете прочесть их?

— Увы, нет, но я знаю их названия и магические значения. В опытных руках они могут предсказать многое в судьбе человека. Время от времени я их использую, хотя реже, чем мать.

— Ты знаешь кого-нибудь, кто сможет прочесть их?

Мейрвин немного подумала и покачала головой. С разочарованием Алейда продолжила:

— Что насчет животных, вырезанных на рунах?

— Моя бабушка рассказывала, что они символизируют души тех, кого загубил монстр. Миледи, откуда такое внезапное любопытство?

— Я проезжала недавно мимо камня, и рисунки отложились в моей голове. В моих снах. Я подумала, что ты сможешь очистить мой разум.

Мейрвин с беспокойством нахмурилась.

— Будьте осторожны, миледи. Камень наделен сильной ограничительной магией, это требовалось для того, чтобы сдерживать монстра все эти годы. Не позволяйте ей коснуться Вас, иначе она причинит вам большой вред.

Мейрвин смотрела так озабоченно, что Алейда не выдержала.

— По правде говоря, дело не в камне, а в книге сэра Ари. — Она осмотрелась, чтобы удостовериться, что их никто не может подслушать, и вкратце рассказала всю историю.

— Назовите мне еще раз животных, миледи, — попросила Мейрвин, и Алейда перечислила их заново. — Вы уверены, что он никогда не подходил к камню?

— Нет, по крайней мере, не со мной, и когда я упоминала о нем, он ничего не сказал.

— Это говорит о том, что сенешаль — большой сказочник. Возможно, он записывает

истории, которые сам же и придумывает.

— Я так не думаю, — Алейда выждала минуту, — но ты утверждаешь, что рунические надписи использовались в очень древние времена.

— В Англии, миледи. Я ничего не знаю о том, как их используют в других странах. Я думаю, вы можете дать простор Вашему воображению.

— Скорее всего, ты права. Я чувствую такое зло в камне и тогда, когда я смотрела на эти же рисунки в книге сэра Ари...

— Это вполне естественно, миледи, но на самом деле, Вы не можете позволить себе заикливаться на таких темных вещах. Они приведут Вас к болезни. Переключитесь на другие, более жизнерадостные дела, ради Вас и Вашего ребенка. — Она поставила свою корзинку на траву и протянула раскрытые ладони к Алейде. — Можно?

Девушка кивнула и застыла, пока руки Мейрвин бродили по ее упругому животу. Абсолютное спокойствие окутало Алейду, и ей почудился малыш, кувыркающийся и прыгающий, как будто в танце, широкая улыбка осветила лицо Мейрвин.

— Все в порядке, — она послала Алейде проницательный взгляд. — Берегите себя, миледи. Я молю Вас.

— Я буду. — Ответила Алейда, должным образом пристыженная. — Ты на самом деле дала мне облегчение. Теперь мне надо идти, так как у меня еще много дел, которые нужно завершить прежде, чем я сяду поглощать свой луковый пирог. Прощай, Целительница.

— Прощайте, миледи. — Мейрвин подняла свою корзину и пошла по направлению к своему дому.

Алейда вернулась в свой зал и к своим разнообразным обязанностям, которые заняли оставшуюся часть дня, съела свой луковый пирог и той ночью впервые из всех предыдущих заснула без единой мысли о книге или камне.

Последнее задание, сказал Иво сам себе. Последнее послание, которое он доставит, а затем поедет домой. Он осторожно приблизился к одиноко стоящему замку, его кожа предупреждающе покалывала, когда он оповестил о себе стражников у ворот сразу после наступления полной темноты. Стража быстро провела его во двор, где его приветствовал дряхлый рыцарь, чей живот напоминал брюхо свиньи, а ноги были настолько кривыми, будто тот каждый день обнимал ими бочку.

— Добро пожаловать в Рибблсвуд, милорд. Меня зовут Годфрит, это мой замок. Проходите. Здесь кое-кто желает познакомиться с Вами. — Он обошел вокруг замка, направляясь к другому строению поменьше, и открыл дверь. — Эти покои — мой свадебный подарок моей молодой невесте. Здесь Вы будете в безопасности. Когда Вы закончите, мы ждем Вас в замке.

Годфрит шагнул назад и закрыл за собой дверь. Человек, находящийся внутри, преклонил колено.

— Меня зовут Уэйклин. Возможно, Вы помните меня.

— Вы ехали верхом к де Жену, — сказал Иво, поднимая его жестом с колен.

Уэйклин кивнул.

— Мой лорд посылает свои поздравления и спрашивает, убили ли Вы все-таки того орла?

— Мудрый мужчина никогда не убьет любимца своей жены.

— Да, милорд, — согласился Уэйклин.

Иво снял свои перчатки.

— Вы женаты, я помню.

— Да, мой лорд, но я редко ее вижу. У Вас есть новости для сэра Роберта? Он просил меня передать, что дрозд потерял свой голос.

— А व्यюрок потерял свои крылья, — Иво закончил пароль. Он вытащил из рукава свое письмо. Почти два месяца он вел войска Вильгельма к скрывающимся лагерям лордов, находящихся вне закона, свой третий месяц он провел в наблюдении за Роджером де Пуату, который не дал повода сомневаться, что его занимает что-то другое, кроме заботы о своих землях. Подозрения Вильгельма о том, что Роджер и Дольфин Данбар строят планы, как вернуть Шотландии Камберленд, оказались беспочвенными.

Уэйклин осторожно спрятал свое сообщение в ботинок.

— Лорд Роберт поедет в Нормандию, чтобы передать это послание королю. Сейчас же сэр Годфрит ждет нас на ужин. Нам следует присоединиться к нему.

— С чего это вдруг сэр Годфрит предоставил нам убежище? — удивился Иво, открывая дверь. — Разве он не должен вернуть эти земли Пуатвену?

— О, да, но его новая жена — племянница лорда Роберта.

— Ага. Так вот почему он накрывает хороший стол? — уточнил Иво.

— Не такой обильный, как Ваш, милорд, но лучше, чем у других.

— Он будет лучшим из тех, что были у меня за последние месяцы.

Жена Годфрита мало походила на своего дядю, но ее улыбка была искренней, а стол, обеспеченный ее мужем, щедрым, о чем свидетельствовал живот хозяина. К тому времени, когда кости были брошены собакам, Иво заполнил свой пустой желудок, который не видел

такого обилия с тех пор, как покинул дом. Пресытившись, он откинулся назад и стал изучать мужчин вокруг себя. Это была разношерстная группа, некоторые походили на нормандцев, некоторые на англичан, а по другим можно было сказать, что их отцы совершали набеги на Шотландию и Данию.

Внезапно он увидел знакомое лицо, скрывающееся у дальней стены.

— Что Фитц-Хьюберт здесь делает?

Уэйклин проследил его взгляд.

— Лорд Роберт отправил его сопровождать леди Иветту.

— Ага, сказал, что если хочу, могу его забрать, — добавил сэр Годфрит, — но я еще не решил.

Невилл почувствовал следящий взгляд всей троицы и понял, что они говорят о нем. Он впился взглядом в Иво, сжал губы в линию, тонкую, как лезвие меча, и прищурился.

Сэр Годфрит был очень приятным человеком, а его молодая жена слишком юной, чтобы позволить Невиллу Фиц-Хьюберту испортить ужин. С ровной улыбкой Иво отчетливо произнес каждое слово так, чтобы, несмотря на болтовню в зале, этот проныра смог различить их.

— Если Вы действительно оставите его у себя, мессир, смотрите за ним в оба и не ожидайте от него храбрости в бою.

Годфрит поднял свою бровь так, что на лбу образовались три глубокие борозды, делающие его похожим на свежевспаханное поле.

— А что на это думаете Вы, сэр Уэйклин?

— Лорд Иво дал хороший совет.

Лицо Годфрита разгладилось, он принял решение.

— Сэр Невилл, подойдите ко мне.

Невилл преклонил колено перед высоким столом.

— Да, мой лорд.

— Я решил обойтись без Ваших услуг. Вы вольны уехать вместе с сэром Уэйклином, когда он решит покинуть нас.

Вспыхнув, Невилл склонил голову.

— Да, милорд.

Поднявшись, он излил весь яд в своем взгляде на Иво. Того это несколько не беспокоило, и после приятного вечера в компании Годфрита он попрощавшись, вскочил на Римфэкси и поскакал вперед на северо-восток. К рассвету Рибблсвуд и Невилл были далеко позади, на закате его скачка продолжалась. Вперед, к Бренду и Алейде, домой.

Неделю спустя Иво и Бренд стояли под Олнвиком с северной стороны, осматривая земляную насыпь, окруженную частоколом.

— У тебя прямо замок, — сказал Бренд.

— Еще нужно построить башню, но Ари хорошо справляется, — Иво всмотрелся в ночное небо, выискивая среди звезд черную птицу. — Я удивляюсь, почему его нет. Будет странно, если ты появишься без него.

— Вероятно, прячется от сов, — Бренд положил два пальца в рот и свистнул, ответный свист слышался со стены. — Твои стражники не дремлют.

— Они должны быть лучшими.

Они двинулись вдоль рва, хорошо различимого при лунном свете, и направились к страже, когда воздух взволновался от взмахов крыльев ворона. Бренд вытянул свою руку, и

птица спикировала на его плечо.

— Хорошая работа, — выдохнул Бренд и добавил чуть громче: Божья птица, хорошо, что ты вернулась.

— Назовите себя, — пролаял за воротами Освальд.

— Что? Прошло всего три месяца, а ты забыл меня? — крикнул Иво.

— Милорд? Открыть ворота. Открыть ворота для лорда Иво. Кто-нибудь, разбудите леди Алеиду.

— Нет, не тревожьте ее, — приказал Иво.

Приветствия во дворе были восторженными, несмотря на поздний час и трудный путь, который они проделали с места их последнего привала. Из замка, спотыкаясь, вышел Джеффри, сонный и взъерошенный, следом за ним Том и еще несколько мужчин, но большинство так и не проснулось. Иво выслушал краткое изложение событий, которые произошли за его отсутствие, разрешил всем отдыхать до вечера и извинился. Когда он начал подниматься по лестнице, Том вручил Бренду рог с элем, а все остальные вернулись под свои одеяла.

Женщины на соломенных тюфяках беспорядочно спали на полу солара, где Алейда расположилась в его отсутствие. Благодаря свету маленькой лампы, стоящей на столе, он смог добраться до кровати, Иво снял с себя все, кроме брюк, и нырнул под балдахин. Темное пятно, которое было его женой, беспокойно зашевелилось в кровати, аромат, исходивший от нее, окутал мужчину. Она что-то пробормотала, и он обнял ее.

Боже всевышний, она была огромной! Ее размеры шокировали его, он осторожно прикинул время — прошло около семи месяцев. Ее живот округлился, она была такой мягкой и теплой и спала в его руках.

— Алейда?

— Ммм... Иво, — выдохнула она. — Наконец-то, Иво.

Он нежно поцеловал ее плечо.

— Да, моя сладкая. Иво. Я вернулся домой.

Она вздохнула, и этот вздох, идущий с глубины ее души, эхом отозвался в сердце Иво. Ее рука нащупала его руку и с усилием притянула к себе, прижала к груди, словно запрещая ему еще раз ее покидать. Щемящая тоска, которая накопилась в нем за эти месяцы, одурманила голову.

— Мне нравится этот сон, — ее голос казался слегка опьяненным.

Однако это он пьянел, впитывая ее аромат, касаясь ее, ощущая охвативший ее жар.

— Это не сон. Я здесь, рядом с тобой.

Он снова поцеловал ее, в этот раз чуть выше, за ухом и почувствовал дрожь, пробежавшую вдоль ее позвоночника. Она извернулась, чтобы поцеловать кончики его пальцев на той руке, которую она держала.

— Ммм... — Слегка изогнувшись, она немного подвинулась поближе к нему и переместила его руку поверх своей груди. О, они увеличились, но не только. Стали более женственными. Даже у сосков был другой вкус. Он поиграл одним, пока тот не съезжился. Внезапно он понял, что его жена полностью проснулась.

— Ты дома! — Она повернулась и бросилась на него, осыпая поцелуями его щеки, глаза, подбородок, их губы встретились в глубоком поцелуе, и языки переплелись. Следующий из тех душераздирающих вздохов коснулся его лица. — Ты в порядке? Невредим?

— Конечно, — ответил он. Но она, словно не веря его ответу, руками ощупывала его,

проверяя цело ли лицо, руки, живот, бедра, и смело положила руку на его чресла. — Я полностью в порядке, — повторил он, пряча смех в ее волосах и убирая ее руки, — прекрати, здесь твои женщины.

Она потянулась через него и задернула занавес, погружая их во тьму и заглушая доносящийся храп. Ее шепот был сладостно греховным, ее язык скользил по его уху.

— Значит, Вам нужно постараться не разбудить их, так как я не собираюсь останавливаться. До тех пор, пока я не удостоверюсь, что ты на самом деле рядом со мной.

— Я тоже.

С ней. В ней. Все, что он хотел, — это зарыться в нее и знать, что он на самом деле дома. Он скользнул по ней руками, изучая ее новые формы.

— Я жирная, — ее шепот прозвучал рядом с его ухом, — Вы никогда больше не захотите меня.

В качестве ответа он вернул ее руку назад на свои напрягшиеся чресла. С едва слышным восхищенным вскриком она исследовала их через ткань, проводя по бугру ногтями. Он подавил стон и направил ее пальцы к завязкам. Через несколько секунд он полностью обнажился, и, сгорая от желания, отшвырнул свои брюки куда-то на пол.

Она была слишком кругла для их излюбленного способа, поэтому он повернулся на бок и закинул ее ноги на свои бедра, прижимая ее к себе. Он скользнул пальцами в ее лоно, влажное и скользкое, и продолжал распалять его до тех пор, пока сам мог сдерживаться. Алейда потянулась к нему и приняла его в себя.

Соединившись с ней, он дал волю своему желанию, и время замедлилось. Она лежала рядом с ним, скрытая покровом темноты, его руки стали его глазами. Мужчина медленно исследовал Алейду, открывая заново это знакомое тело, изучая, запоминая его и вызывая в ее памяти науку, которую он преподавал ей другими ночами.

Она задвигалась, зашевелилась, как беспокойные волны, опаляющие его жаром и ароматом. Иво снова прикоснулся к ней, она напряглась, натянулась, как струна. С учащенным дыханием она выгнулась в его руках. Он прижался к своей жене, позволяя удовольствию охватить и его, пока он не излился в ее лоно с таким же бесшумным удовлетворением, какое высказала и она.

Много времени спустя, когда мужчина подумал, что Алейда заснула, он слез с кровати, чтобы поискать свои брюки, и стал одеваться.

— Что ты делаешь?

— Ничего не изменилось, мой сладкий лепесток. Я должен покинуть дом к рассвету.

Ее осуждающее молчание ужалило сильнее, чем слова, на которые он еще мог бы найти возражения. Пока он завязывал шнурки, она потянулась, чтобы раздернуть балдахинный занавес. Одиноким свет единственной лампы упал на кровать.

— Что ты делаешь?

— Я хочу посмотреть на твое лицо, — прошептала она, — подвинься немного. Отлично. — Она взяла его за руку и приложила ее к своему животу. — Вот. Теперь подожди.

Холодок пополз по Иво. Он боялся этого момента и надеялся, что сможет как-то избежать его. Но это была Алейда, она никогда бы не позволила ему улизнуть от чего бы то ни было. Все, что он мог сделать, это не сорваться с места в страхе от своих ощущений, но поскольку его рука уже лежала на ее животе, он взял себя в руки еще раз, чтобы отреагировать в соответствии с ее ожиданиями.

— Жди. А, вот. — Она переместила его руку на несколько сантиметров и прижала к

себе, — чувствуешь?

Кто-то шевелился под его ладонью, двигался и ворочался, кто-то живой. Даже опасность проклятия бледнела перед таким чудом, как ребенок, шевелящийся в женском теле. Его ребенок. Какая-то округлость вновь перекатилась под его ладонью. Он нажал сильнее, пытаясь понять, что же это.

— Это голова?

— Я думаю, попка, — ответила она, и улыбка, которую, он думал, будет сложно вызвать, осветила его лицо от такого простого предположения. Женщина потянулась и погладила его по щеке, — Ах, ты на самом деле улыбаешься ему. Я рада.

— А я рад, что ты радуешься, — сказал он совершенную правду.

— Вот, — она положила его руку рядом со своими ребрами, где ощущался более твердый овал, — его нога.

Он провел вдоль выпирающей линии.

— Такая маленькая. Ты уверена?

— О да. Он думает, что мои ребра существуют исключительно для того, чтобы пинать их. — Она зевнула и склонила голову на его плечо. Он обнял свою жену и притянул ее поближе. — Пожалуйста, останься. Только в этот раз. Я покажу тебе крошечные распашонки, которые сама сшила.

— Покажешь их сегодня вечером. Я вернусь так быстро, как только смогу.

— Я все еще не понимаю твои странные приезды и отъезды.

— Тебе не обязательно понимать их. — Это прозвучало резче, чем он собирался сказать, поэтому он уступил, насколько мог, — я могу остаться чуть дольше, если это порадует тебя.

— Порадует, — вздохнула она и обхватила его руками, — но только потому, что должно.

Небо на востоке уже прояснялось, когда Бренд спустился в долину, где медведь собирался провести весь день. Раннее утро было теплым, но влажным, с чистым небом и туманной дымкой, которая клубилась вокруг его ног, как морская пена. Mugga, как они называли такую погоду дома. Он не знал, как ее называли здесь, даже проведя в этом месте столько времени.

Он прикрыл глаза и позволил утренним звукам поглотить его. До того как приплыть в эти земли, предрассветный час был у него самым любимым временем суток, когда он мог лежать, слушая сонное бормотание Ильфы, и будить ее для любовных утех.

Он задавался вопросом, чем занималась Мейрвин ночами, похрапывала или бормотала что-нибудь во сне, или просто спала так же мирно, как и бодрствовала. Он провел много часов за последнюю сотню лет, размышляя о таких вещах. Приятный, хотя и бесполезный способ убить время. Он должен остановиться. Мысль об их предстоящей встрече его взволновала. Сегодня вечером. Он улыбнулся.

Солнечный диск уже поднимался над горизонтом. Бренд заканчивал последние приготовления, когда услышал треск сучка выше по берегу.

— Кто здесь? — Он повернулся на звук, осматривая подлесок, но никого не замечая. Его сердце сжалось от внезапного страха. — Покажись.

Первая волна боли, пронзающая его, совпала с первыми шагами фигуры, появившейся из рощи на вершине оврага.

— Вы вернулись, мессир!

Мейрвин. Мейрвин.

Она послала ему нежный взгляд, но ее улыбка померкла от смущения.

— Вы без одежды...

— Уходи, — крикнул он, когда вторая волна разорвала его спину, и когти расщепили его пальцы. — Беги!

Но она стояла там, словно в трансе, наблюдая, как он падает на землю, корчась от боли. Он пытался снова ей крикнуть, но слова застряли в глотке. Рев потряс ее, вернул к жизни. Последняя вещь, которую он увидел, прежде чем полностью превратиться в медведя, были ее глаза, широко распахнутые от потрясения и ужаса.

Затем туман окутал его мозг, и медведь вышел на охоту.

Медведь учуял запах Мейрвин и пришел в ярость, при этом все еще стоя на задних лапах как человек, которым он и был всего лишь мгновение назад.

— Мать, защити меня!

Ее просьба унеслась в небо вместе с протяжным ревом медведя. В своем сердце она понимала, что умрет, что ей никогда не обогнать такое чудовище.

И все же она побежала, побежала обратно по тому же пути, по которому и пришла, тем самым выигрывая еще несколько мгновений своей жизни.

Медведь с шумом припал к земле позади нее, раздался гром, и она прибавила скорости. Дыхание прерывистыми толчками вырывалось из груди, подобно тяжелому туману, то расступавшемуся, то обволакивающему ее.

Туман. Что ж, возможно.

— Мать, пожалуйста!

Дико озираясь по сторонам, она обнаружила дерево, хоть и полумертвое, но все же еще крепко стоящее, и трещину в коре достаточно большую, чтобы в нее можно было пролезть. Она кинулась в эту расщелину, понимая, что это слабое убежище, но она нуждалась в любом укрытии. Протиснувшись внутрь до предела, Мейрвин закрыла глаза, стараясь успокоиться, и полностью погрузилась в свои мысли.

Она звала туман, всего лишь выдыхая слова, призывая, требуя. Влага начала клубиться вокруг, темнота окутала ее. Медведь издал рев снова, всего в шаге от нее, но она продолжала звать, собирать, сплетать, пока туман вокруг старого дерева не стал настолько плотным, что заглушил все звуки извне, и она начала дрожать от практически летнего тепла, скопившегося внутри.

Медведь бродил вокруг дерева, сопя и фыркая, пытаясь найти то, чего не мог увидеть. Он прошел около разлома и в воздухе повис его запах, мускусный и терпкий. Конечно, он тоже чувствовал и ее аромат, и Мейрвин вжалась еще глубже, сжимая веки еще сильнее, как ребенок, который прячется от опасности, закрыв глаза. Если она позволит себе открыть их, то медведь поймает ее, потому что она будет слишком напугана, и магия спадет.

Где-то неподалеку от боли вскрикнуло какое-то животное, и медведь бросился прочь в поисках более легкой добычи. Звуки его шагов медленно исчезали. Мейрвин все еще цеплялась за туман, ведь любой треск или шелест, безусловно, вернут хищника обратно. Только когда солнце коснулось верхушки дерева, она решилась отпустить туман прочь. Она неуверенно двинулась наружу, окунаясь в лучи солнечного света, все еще ожидая, что безжалостные когти разорвут ее.

Вместо этого там оказался сэр Ари, он сидел верхом на своей лошади немного в стороне, и его лицо пылало гневом и беспокойством. Он подъехал ближе и протянул ей руку.

— Пойдем, Целительница, пока он не вернулся.

Дрожа от утомления и пережитого страха, она позволила ему усадить себя позади него.

— Я собирала росу для... Я не знала. Я должна помочь ему.

— Вы ничем не можете помочь, — сказал он, ссылаясь на ее юный возраст.

— Мать думает, что могу, — произнесла она, уверенная в предначертаниях богов. — Какое зло наложило на него это проклятие?

— Я не тот, кто должен рассказывать вам об этом.

— Но вы... — ее ум лихорадочно прокручивал все, что ей известно. — Вы ведь в действительности Ворон?

Его спина перед ней окаменела.

— Я провожу вас домой и прослежу за вашей безопасностью. Задавайте свои вопросы Бранду.

Он сделал все в точности так, как и сказал, проводив ее до дверей ее комнаты и оставшись наблюдать как солнце пробороздило небо и село за горизонтом. После чего пришло наконец ему время уехать прочь.

МЕЙРВИН.

Почти обезумев от осознания того, что должно быть сделал медведь, Бранд начал поиски задолго до того, как отголоски чудовища оставили его. Не было никакого тела, никакой крови, никакого зловония смерти, и как только его разум очистился сильнее, он понял, что это именно то место, где он последний раз видел ее. Медведь блуждал. Все еще искривленный от боли, он направился к долине. Но и там ничего не нашел, и отсутствие следов дало ему надежду, поскольку даже если медведь сожрал бы ее, он бы оставил следы. А «ничего» означало, что она могла быть невредимой.

«Пожалуйста, Тор, пусть с ней будет всё хорошо»

Он все еще пытался прийти в себя, когда показался Иво, пробирающийся через лес на Кракене.

— Она видела меня. Медведь... — произнес Бранд, когда тот остановился.

— Я знаю. Она в порядке.

Колени Брэнда едва не подогнулись от облегчения. Он ухватился за гриву Кракена, чтобы устоять.

«Благодарю, Тор»

— Где она?

— Ари отвел ее домой. Бранд, она знает, что мы есть. — Гнев, смешанный с мучением от перспективы разлуки с Алейдой, опережал рассудок.

— Только обо мне. Я... я не знаю, — Бранд начал дергать одежду. — Я обо всем позабочусь. Я выясню это.

Сжав челюсти, Иво уставился на деревья, будто намереваясь в них найти способ держать себя под контролем.

— Ты никогда не говорил, что она ведьма.

— Она не ведьма.

— Она использовала магию, чтобы защититься. Она вызвала туман.

Это ошеломило Бранда, но он отбросил эту мысль.

— Нет, она похожа на Ари, что-то знает об этом, но не более того.

— Ари не может вызывать туман, — рычал Иво. — Он может только вызывать свои видения.

— Она не ведьма, и ничего не знает о тебе. Мы можем все спасти.

Бранд запрыгнул на Кракена, и погнал его, оставляя Иво позади и направляясь к домику Мейрвин.

Чувство беспомощности оставило его снова как только он увидел ее, стоящую в дверном проеме, ожидающую его, как всегда. Он выскользнул из седла и обхватил ее руками. Но только когда ее теплое, живое дыхание коснулось его груди, лишь тогда он окончательно

убедился. Безопасность. Она в безопасности.

— Я думал... Я не мог остановить это. Если бы...

— Шш... — она высвободила руку, чтобы успокоить его, приложив палец к его губам будто в поцелуе. — Я знаю, что это существо не ты.

Слава богам, на ее лице не отражался страх. Он не вынес бы, если бы она боялась его. Медведя — да, это он понимает, но не его. Пожалуйста, только не его.

Иво прибыл как раз в этот момент, и Мейрвин вышла вперед, чтобы встретиться с его яростью напрямую и без извинений.

— Боги направили меня, милорд. Я должна знать.

— Знать что? — потребовал Иво.

— Знать, почему они послали мне всех вас. Рыцаря, который является медведем. Другого — ворона. И рыцаря, который является — она посмотрела на Иво с приподнятыми бровями — орлом?

Иво яростно чертыхнулся и кинулся прочь от Фокса, представ перед Мейрвин с лицом, белым от гнева. Его ладонь накрыла рукоять меча.

— Поклянись, что никогда не заговоришь об этом, ведьма, или сейчас же умри!

— Ивар! — Бранд оттолкнул Иво назад и встал между ним и Мейрвин.

— Она поклянется! — кипел Иво. — Мне не нужны ее разговоры. Я должен быть здесь когда у Алейды появится ребенок!

— Так и будет. Она не станет болтать.

— Ребенок, — выдохнула Мейрвин, хватая их обоих за рукава. Она упала на колени, подняла сложенные вместе руки к Иво. — Я клянусь своей жизнью всем вам троим, ваша тайна — моя тайна. И да умру я, если открою ее кому-то другому.

— Ты удовлетворен? — разъяренно потребовал Бранд, поднимая Мейрвин с колен. — Или она должна присягнуть на крови, чтобы угодить тебе?

— Он только стремится защитить то, что принадлежит ему, — сказала она более милостиво, чем склонен был быть Бранд. — Не бойтесь меня, милорд. Боги послали меня, чтобы помочь вам.

Глаза Иво сузились. — Как?

— Я пока не знаю, но это наверняка так. Зачем бы еще они заставили наши пути пересечься? Они привели вас к Олнвику, указали сэру Бранду на мою дверь, показали мне сэра Ари, призывающего к ним и говорящего с орлом. Мама даже завлекала меня в леса этим утром, и я смогла понять.

— И рисковала жизнью! — кипятился Бранд, раздражаясь из-за того, что она подвергалась опасности, пусть даже ведомая богами.

— Она послала туман, чтобы защитить меня, — она успокаивающе положила руку ему на плечо. — Должна быть какая-то цель во всем том, что сделало меня вашей... — она заколебалась, а затем ее губы изогнуль в некоем подобии лукавой улыбки, когда она закончила, — Хозяйкой пивной.

— Вы ведьма? — спросил Иво прямо.

— Я сказал тебе — нет! — взорвался Бранд.

Она бросила на него заискивающий взгляд, а когда начала говорить, то слова адресовались ему, а не Иво.

— Боги говорят со мной. Они используют меня, чтобы врачевать и дать мне навыки, которые необходимы для этого. Так они отмечали всех женщин в моей семье с покон веков.

— Целители не вызывают туман, — сказал Иво.

— Нет, это кое-что, что я всегда умела делать. Будучи ребенком, я пользовалась этим, чтобы спрятаться от матери. Игра такая.

— Никакая не игра спасла вас от медведя. Я спрашиваю еще раз: вы ведьма?

— Чуть-чуть.

— Нет, — сказал Бранд. Его воротило от Квен и ее кипящего варева. — Ты не можешь быть.

— Нет, мессир, я... — она остановилась и ее глаза расширились от понимания происходящего.

— Ведьма сделала эту ужасную вещь с вами.

Бранд все еще не мог прийти в себя, чтобы ответить, поэтому Иво выложил все как есть.

— Да. Ее звали Квен.

— Почему?

— Мы убили ее сына, — сказал Иво.

— *Я убил его*, — произнес Бранд с нажимом. — И я расскажу об этом. Иди, Иво. Твоя леди будет рада видеть тебя.

Иво двинулся. Казалось, он был так обеспокоен будущим, что совершенно забыл о том, что Алейда ждет его в настоящем.

— Пойдите к ней, милорд, — убеждала Мейрвин. — Вы только что вернулись, а она нуждается в вас.

— Я вернусь на рассвете, чтобы посмотреть, есть ли у вас какая-нибудь помощь для нас, — Иво произнес это угрожая, но фактически не высказывая угрозу.

Они наблюдали, как он растворился в сумраке, а затем прошли внутрь, где Мейрвин протянула Бранду немного пива.

— Страх в лорде Иво настолько силен, что я могла чувствовать его запах.

— У него достаточно причин для страха, — он взял кружку, выставив пальцы, только лишь бы коснуться ее.

— Но ему не следовало угрожать тебе.

— Ты сделал бы то же самое для Ульфы.

— Да. — Он бы сделал это для Мейрвин, даже если бы она этого и не знала. Он повернулся, чтобы смотреть на огонь. Он боролся бы с Иво сегодня ради этой женщины. «Ради этой ведьмы» — сказал он себе, и хотя все в нем противилось этому названию, он сегодня все же едва не убил ее. Боги насмехались над ним на каждом шагу.

— Расскажи мне об этой Квен, — мягко сказала она, стоя позади него.

— Зло создало плоть, — сказал Бранд, заставляя слова вырываться сквозь резкий привкус, заполнивший рот, металлический, как и кровь, пролитая здесь, той давно минувшей ночью. — Нас было полных две судовых команды. Пять по два десятка и десять. Сейчас, за исключением девяти, все мертвы... и все это лежит на мне.

Мужчины, которые превращались в животных, чтобы быть замученными вечностью. Видения, проклятия, которые передавались их детям.

Мейрвин стояла неподвижно, глядя в ярко-красную сердцевину тлеющих угольков, пытаясь осмыслить, осознать все. Она и Бранд несколько раз менялись местами во время его рассказа, один отходил к очагу, другой перемещался к столу — как если бы ни один из них не мог выдержать встречного взгляда, пока продолжалась история. Он облокотился о стол и положил голову на руки. Она влила изрядное количество эля в него, чтобы заставить его

высказаться более легко, однако каждое слово давалось ему с большим трудом, будто бы он снова переживал все заново, после стольких лет, осознавал, что он привел своих людей в ловушку ведьмы.

Нет. Не ведьмы. Квен была больше, чем ведьма. Нечто, сильнее, чем сочетание знахарства и чародейства. Она была истинной колдуньей, одной из величайших сил, возможно даже жрица темных богов, и ее вековая месть все еще пылала так же неистово и горячо, как и эти угли. Можно было сделать такое одному-единственному человеку, повинному в смерти ее сына. Такое, в некотором роде, даже Меревин могла бы постичь. Но со всеми ими? С их потомками? Проклятие, питаемое такой ненавистью, невозможно сломать.

«Мама, почему я столкнулась с этими мужчинами? — молила она мысленно. — Я всего лишь целительница. Моя магия совсем не того вида, она не настолько сильна. Возможно, я ничем не могу помочь им»

Слезы расстройства и горя хлынули из глаз. Ей не стоило вселять в них надежду. Это было глупо. Жестоко. Но ведь было очень много знаков... Может быть, она упустила какие-то крошечные детали, какую-то незначительную и в тоже время важную деталь, которая подскажет ей, что делать дальше?

Она вытерла слезы и повернулась к Бренду, чтобы попросить его рассказать ей историю снова. Слова замерли у нее на языке. Он выглядел таким усталым, склоненным под тяжестью смерти всех тех мужчин. Она подошла и положила руку ему на плечо. Напряженность его мышц передалась по ее рукам.

— Когда ты в последний раз спал? Тебе нужно лечь отдохнуть.

Он покачал головой. — Я не могу. Медведь...

— Я не буду ложиться, а потом придет лорд Иво. Мы разбудим тебя вовремя, — она взяла его за руку и потащила к изголовью кровати, и он опустился на нее со вздохом. Она села рядом с ним и заставила повернуться, чтобы получить возможность помассировать его плечи.

Бранд снова вздохнул. — Так хорошо.

Он медленно расслаблялся, и когда она почувствовала, что он начинает погружаться в забытие, то немного отодвинулась и опустила его, позволив голове воина спокойно покоем у нее на коленях. Он постепенно засыпал, дыхание становилось ровным, а голова все так же лежала у нее на бедрах. Через некоторое время, убедившись, что он действительно крепко спит, она мягко убрала волосы с его лба, окрестила его защитным символом одним пальцем, а затем сложила свои ладони и начала молиться Матери. Во сне он накрыл ее руку своей.

Именно так и застал их Иво, вернувшись на рассвете. Мейрвин приложила палец к губам, когда он настежь распахнул незапертую дверь. Он застыл в дверях как изваяние, смотря то на них, то на нее, а затем закрыл дверь и спокойно прошел по комнате и уселся за ее стол.

— Вы точно ведьма, если заставили его так умиротворенно спать, — его голос перекрыл песню сверчка снаружи.

— Это не чары, милорд. Рассказ совсем истощил его, — она погладила пряди волос Бранда, которые лежали у нее на бедрах. — Чем сильнее вы переживаете за все, тем сильнее становится его бремя вины.

— На все это имеются причины, — сказал Иво, снова вспомнив об Алейде и ребенке.

— Есть хорошие новости для меня?

Она покачала головой.

— Боюсь, такое темное колдовство вне моего знания, милорд. Я концентрирую свои мысли на этом, и, возможно, Мать подскажет мне что-то...

— Нужно, чтобы Бранд дал вам книгу Ари. Возможно, она подскажет вам путь.

— Возможно, — она с секунду колебалась, а затем высказала вслух вопрос, наиболее касающийся его. — Он рассказал о видениях сэра Ари.

Лютый страх начал снова подниматься, но на этот раз его можно было держать под контролем.

— Тогда вы понимаете, почему я должен оставаться здесь.

— Да. Но что, если все пойдет не так? Что, если ребенок появится днем?

«О нет. Пожалуйста, Один, только не это»

— Это не выходит у меня из головы с тех пор, как Алейда рассказала мне. Но даже если он родится ночью, мне все равно придется уйти на рассвете. Я не могу унести новорожденного в леса, если он не изменится, и я не могу оставить орленка на руках у Алейды, если это все же произойдет. Мне нужен кто-то, кто понимает, кто может остаться, когда я вынужден буду уйти, кто сможет позаботиться о них обоих несмотря ни на что. Кто-то вроде вас.

— Тогда я буду там, милорд, хотя я совсем не уверена, что вы действительно этого хотите.

— Мы будем там вместе, — он изучал ее суженными глазами. — Вы странная, Целительница. У вас что, совсем нет ко мне неприязни?

— Вы не причиняли мне вреда

— И тем не менее я не должен был быть так... — он пытался подобрать слово, но не находил его. — Примите мои извинения.

Она примирительно кивнула. — Что изменилось, милорд? Почему вы решили доверять мне?

Он кивнул в сторону Бранда. — Он. Он презирает всех ведьм, и все же спит на ваших коленях. — Он поднялся и пошел к дверям, чтобы проверить небо. Позади него Мейрвин вскрикнула от озарения.

— Я много раз видела, как Бранд делает то же самое, — объяснила она.

— И теперь вы понимаете почему.

— Да. Я буду хранить вашу тайну, милорд, — пообещала она снова.

— Я знаю, — он закрыл глаза, пряча эмоции, которые вызвали простые, полные понимания слова Мейрвин. Бранд был прав: она была хорошей женщиной. Было трудно поверить, что она была ведьмой. — Разбудите его, Мейрвин, нас не должно быть здесь, когда медведь вернется. Я позабочусь о вас.

Несколько ночей спустя Иво передвинул своего слона и произнес:

— Мат?

— Уже? — Со вздохом Алейда повертела своего короля между пальцами. — Мне кажется, что по мере того, как растёт мой живот, мозг мой уменьшается.

— Да, миледи, — сказала Беата со своего места в углу комнаты, — малыш сейчас высасывает ваш разум точно так же, как позже он будет высасывать молоко из Ваших грудей, и они станут такими же плоскими, как кошелек бедного человека.

— Беата!

— Вот почему Вы должны взять кормилицу, — невозмутимо продолжила Беата, — я Вам твержу об этом уже сотни раз.

— Я, эээ, думаю, что хочу увидиться с Освальдом, — пробормотал Бренд, поднимаясь.

— И я говорила тебе, что не хочу никакой кормилицы, — проигнорировала его резкое отступление Алейда. — Для чего мне тогда грудь, если я не могу кормить ею своего ребенка?

— Я иногда могу ее использовать, — добровольно вставил Иво.

Алейда повернула к нему лицо и начала расставлять шахматы для следующей игры.

— Ваше удовольствие не рассматривается.

— А почему нет? — требовательно спросила Беата. — Вы ведь хотите, чтобы он пожелал от Вас ещё одного ребенка? — Она повернулась к Иво. — Если она будет кормить грудью этого, то не скоро сможет подарить Вам следующего.

— Это правда? — Иво обратился к Алейде.

— Я не знаю. Она так говорит, но она также говорит еще много других вещей, насчет ложности которых я абсолютно уверена. И это не имеет никакого значения. — Алейда развернулась к Беате. — У меня не было кормилицы, и прекрати донимать меня этим, иначе я отошлю тебя назад и попрошу Мейрвин быть моей повитухой.

— В любом случае я хотел бы, чтобы Мейрвин присутствовала, — произнес Иво, переставляя свою фигуру на клетку, которую Алейда так беспечно ему открывала.

— Я принимаю всех младенцев в поместье, милорд, — сказала Беата.

— Этого ты тоже будешь принимать. Но все равно я хочу, чтобы Мейрвин тебе помогала.

Беата от гнева даже покраснела.

— Мне не нужна ничья помощь, я...

Алейда остановила ее взмахом руки.

— Милорд, я только поддразнивала Беату. Я не ожидала, что Вы так серьезно отнесетесь к этому.

— Ваши слова только напомнили мне мои мысли, и я высказал их. — Он постарался, чтобы его голос не звучал слишком озабоченно, иначе она опять начнет спорить с ним. — Я знаю, что Вы справитесь без нее, но побалуйте меня.

На мгновение ее брови взлетели вверх, но, к счастью, она через минуту согласилась с ним.

— О, хорошо, тогда мы примем ее помощь, не так ли, Беата?

— Как пожелаете, миледи, — голос служанки был достаточно милым, но ее взгляд,

обращенный на Иво, был чистым ядом.

— Найди Бренда и скажи ему, что все в порядке, и он может возвращаться, — приказал Иво, желая избавиться от нее. — И потом проверьте, остался ли еще яблочный пирог. Я все еще голоден.

Когда она ушла, Алейда открыла игру ходом пешки.

— Есть и другие вещи, которые мы должны обсудить, милорд, например, имя.

Имя. Рука Иво зависла над шахматной доской. Он не хотел участвовать в выборе имени. Оно делало ребенка слишком реальным. Человеком.

— У нас еще есть время.

— По словам Беаты, имя даст уверенность, что он скоро появится.

— Ага. Ну, тогда подбери ему что-нибудь.

— А у тебя нет предпочтений?

— Нет.

— Возможно, имя твоего отца или деда.

Торли или Бьянлаукр.

— Они не подходят.

— Тогда имя кого-нибудь из друзей. Бренд или Ари, или кого-нибудь еще.

— Нет. — Если он не будет отвечать ей, возможно, она прекратит эту пытку.

Но на этот раз вылезла ее дотошная сторона, и она продолжила допрос.

— Я точно знаю, какое имя я не хочу, — она продолжила, пытаясь втянуть его, — Роберт, Невилл, Виталь, Юстас.

— Юстас? Какое-то оно короткое и неуверенное.

— Да, зато Виталь — обратное. Но я не хочу, чтобы у моего ребенка было одно из этих имен. Ни Вильгельм. — Добавила она. — Даже, если он твой господин.

— И твой. Нравится тебе это или нет, ты должна быть ему преданна, как королю.

— Он получит мою преданность, когда я верну своего деда, но мой сын не получит его имя.

— Выбери какое-нибудь еще.

— Но какое? — Она пытала его, явно раздраженная отсутствием у него интереса к такому важному вопросу. — Хью? Фальк? Гай? Мартин? А если я ошиблась и будет девочка? Как насчет Изабеллы? Матильда? Херлив? Джоанн?

— Святой Бог, Алейда, имя — это все, что тебе требуется?

— Мне нужно... — рявкнула Алейда, — знаешь, почему я переживаю? Ты не хочешь этого ребенка, и это ясно, как божий день. Осмелюсь предположить, что ты с большей готовностью подберешь кличку лошади. Возможно, мне следует назвать его Римфэкси. По крайней мере, я знаю, что это имя тебя устраивает. — Ее глаза сверкали от слез, она отодвинула назад свой стул, в гневе стукнув кулаком по шахматной доске.

Еще до того, как она вскочила на ноги, Иво упал перед ней на колени.

— Прости меня, Алейда, — он взял ее руки в свои и поднес к губам. — Я не хотел расстраивать тебя. Я знаю, что это важно для тебя.

— Так же, как должно быть важно для тебя, — она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Когда она их вновь открыла, слез уже не было. — Имена очень важны. У них есть значение и значимость, и имя нашего сына следует выбирать с осторожностью, если конечно нет никакой причины, чтобы он оставался маленьким птенчиком.

Он сжал ее пальцы.

— Кем?

— Я его так иногда называю, — объяснила она, улыбаясь своему животу. — Когда он первый раз пошевелился, его толчки были как трепыхание маленьких крылышек. Отсюда и «маленький птенчик».

Один, нет. Ее голос, потрескивание огня, звуки в замке и все вокруг заглушило биение его сердца. Алейда подняла голову и с сомнением посмотрела на него, он почувствовал, как кровь отлила от его лица, возможно, даже от тела, так что его сердце перегоняло по венам только сухой воздух, громко, как поющий барабан.

— Что-то не так? — забеспокоилась она. — Ты выглядишь, словно увидел привидение. Его язык налился свинцом, но он смог совладать с собой.

— Нет.

— Я сказала что-то не то?

— Нет. — Он поднялся с колен. — Нет, я... я только что вспомнил... я кое-что должен немедленно сделать. — Прочь. Он должен уйти отсюда. — Я скоро вернусь. — Сказал он, наталкиваясь в дверях на входящего Бранда.

Он добежал до конюшни прежде, чем его колени подогнулись. Падая, он зацепился за стойло Фэкса, и повис на нем, неспособный стоять, чтобы не свалиться в навоз, где ему собственно и было место после того, как он поступил с Алейдой. Тяжелые шаги пересекли двор вслед за ним.

— Что с тобой происходит? — потребовала Бренд. — Когда ты чуть не сбил меня с ног, у тебя было такое выражение, будто ты попал в пекло ада.

— Так и есть... — произнес Иво, — Алейда зовет... она зовет ребенка «мой маленький птенчик».

— Ба... — Бренд не мог справиться с вырвавшимся проклятием, но через секунду он кивнул. — Может быть, все не так плохо, как ты думаешь.

— Бренд, это означает маленькую ПТИЦУ.

— Я знаю, что это значит, но женщины так делают, — ответил Бренд, — они дают еще не родившимся детям уменьшительные имена. Ильфа звала нашего первенца Флотар, потому что ее постоянно рвало, она говорила, что он должен стать мореплавателем. А моя сестра Руна называла всех своих детей яйцами вплоть до того момента, когда они появлялись на свет.

Иво поднял глаза на Бренда, пытаясь понять, шутит он или говорит всерьез.

— Правда?

— Ты не помнишь? Яичко этот. Яйцо тот. «Из-за моего Яичка меня тошнит», так она говорила, или «прекрати толкаться в живот, мое Яичко».

Иво кивнул, припоминая, и Бренд вернул разговор в прежнее русло.

— Вот и Алейда поступает так же, как и все. Это ни о чем не говорит.

— Боже, надеюсь, что так оно и есть. — Он несколько раз стукнулся лбом об угол стойла, пока боль не заставила пульсировать кровь. — С тех пор, как мы вернулись я чувствую себя так, будто нахожусь в челюстях акулы. А ведь прошла всего лишь неделя. Что со мной будет через несколько месяцев?

— Веди себя так, как следует. Улыбайся, держи рот на замке и делай свою жену счастливой так долго, как сможешь.

Иво выпрямился и взял себя в руки.

— Сейчас сделать ее счастливой легче, чем когда нас объявляли мужем и женой.

— Ну вот, — сказал Бренд. Он снова хлопнул его по спине. — Иди. Та нянька вернулась в зал. Твоя леди поплачет у нее на руках.

— О боже, ты подложил мне еще одну свинью, чтобы она стала меня ненавидеть. Эта женщина еще хуже, чем все происходящее.

— Они все такие, — заметил Бренд и подтолкнул его к выходу.

Это было легче, чем он предполагал, решил Невилл Фитц-Хьюберт, взгромождаясь на раскидистые ветви тиса, собираясь наблюдать за сэром Ари в один из вечеров накануне дня святого Михаила.

Он засек сенешаля двумя днями ранее, перед закатом объезжая лес, следующим вечером он увидел Де Васи, скачущего этим же путем. Небольшое следствие привело его в чащу, где он обнаружил лошадей лорда Иво и сэра Бренда в своеобразном загоне, но никого из мужчин поблизости не оказалось. Сегодня Невилл хорошенько спрятал своего коня подальше от этого места, а сам залез на дерево и приготовился ждать. Пока он ждал их возвращения он еще раз вспомнил все оскорбления, нанесенные ему Де Васи, всего четыре. Пять, если зачислить в список реакцию его отца. Невилл провел языком по шраму на губе, куда заехал этот старый подлец перед тем, как запретил возвращаться в дом до тех пор, как от него не будет хоть «какой-то пользы».

Он бродил вокруг родового замка еще несколько недель, вынашивая желание немедленной мести, высматривая лорда, который нуждался в ударе копьем, и которое он получит. Он оказался в Морпете, лорд которого поскакал в Олнвик. Невилл даже не знал, как ему удовлетворить свою жажду убийства, которое было очень легким для Де Васси и таким опасным для его собственной шеи. Но у него получится. Это он знал наверняка.

На поляне сэр Ари тщательно осмотрелся вокруг и спешил. Он не тратил впустую время на рассёдлывание лошади, только поставил ее в загон к той паре. Затем, к удивлению Невилла, начал скидывать с себя одежду.

Так вот, что приводило Де Васси и этих мужчин каждый день в лес — гомосексуализм. Невилл улыбнулся. Даже если бы все шепоты о короле были бы верными, такие же слухи об извращениях среди лордов ниже по статусу едва ли были допустимы. Интересно, этот вопрос касался только этих двух или вся троица будет совокупляться вместе? Внезапный вопль заставил его вздрогнуть, и он чуть не свалился с дерева.

— Вот вы где, — сказал сэр Ари, когда орел спикировал с неба на землю. — Я думал, что опоздал.

Отчаянный стон возрастал по мере того, как солнце скрывалось за горизонтом. Он превратился в крик, из которого исчезли все человеческие ноты, стал более высоким. Сэр Ари начал скручиваться, сжиматься и темнеть, в то время как орел становился все больше и выше. Матерь Божья, что это? Фигуры пульсировали и менялись в сумерках, одна становилась все более похожей на человека, другая, наоборот, на птицу, словно они обменивались душами. Крик орла становился более человеческим. Невилл начал дрожать, это все, что он мог сделать, чтобы сохранять тишину и обмочиться от страха.

Невероятно. Ужасно.

Но реально. Невилл вцепился в ствол дерева, его кровоточащие пальцы зарылись в кору, пока он слышал агонизирующие крики снизу. Внезапно, как и началось, все закончилось, только скачущие удары его рвущегося из груди сердца нарушали тишину.

Там, где приземлился орел, стоял голый Де Васси, в то время, как на месте сэра Ари

расправлял свои крылья ворон. Птица еще немного попрыгала, затем взлетела и сделала несколько кругов по роще, пока Де Васси доставал свое облачение из различных лесных тайников. Невилл прижался к дереву, стараясь стать невидимым, молясь о защите от этих демонов.

Де Васси внизу закончил одеваться и начал седлать лошадей. Несколько минут спустя он поманил ворона на свое плечо и поскакал в Олнвик, проезжая рядом с деревом, где примостился Невилл.

Разум Невилла приходил в себя после увиденного, тщетно пытаясь найти какой-нибудь смысл в этом. Они были монстрами, оба, наполовину животными, наполовину мужчинами, и без сомнения, сэр Бренд был одним из них. Чистое зло, вот что это было, черная магия самого ужасного проявления. Их следует убить, сжечь на огне, как демонов, которыми они были.

Он свидетель. Вот способ, которым он отомстит Де Васси, который же сам ему его и подсказал. Ему не надо убивать человека. Церковь сделает это для него или Короны, и одна или другая вознаградят его за то, что он принесет свет в оскверненный Олнвик. Взволнованный перспективой сожжения Де Васси, Невилл убедился, что внизу никого нет и спустился на поляну.

Вот именно. Он пойдет в Дарем и расскажет все Архиепископу. О, старый сыч мертв. Тогда он лично расскажет всё королю, и когда Вильгельм спросит, что тот хочет в награду, он ответит: «Алейду и Олнвик».

Алейда... Он растворился в фантазии обладания ею, когда тонкий сук надломился. С визгом он умчался прочь, продираясь сквозь подлесок, охваченный безумным порывом потребовать это у короля, независимо от того, какие еще монстры живут в лесах Олнвика. Когда он станет лордом, он убьет все, что движется, и завезет сюда животных, в которых он уверен, что это животные.

Но пока он хотел только бежать прочь. Он обнаружил свою лошадь, подобрал снаряжение, которое смог отыскать во мраке, и поскакал, словно одержимый дьяволом, пока Олнвик не остался далеко позади. На безопасном расстоянии от него он нашел для себя убежище на ночь, и на рассвете следующего дня продолжил свой путь в Лондон к королю.

Судя по болям в спине, она слишком долго сидела на низком стуле. Алейда прижала обе руки к источнику боли и попробовала встать, но ей помешал слишком объемный живот.

— Прощу, подай мне руку, Томас.

Том вскочил и подбежал к ней, и она оперлась на его руку, чтобы встать.

— Хорошо, что Освальд заставляет тебя много работать. Твоя сила растет вместе с моими объемами.

— Вы тоненькая, словно тростинка, даже сейчас, моя госпожа.

— Хорошо сказано, оруженосец. Однако, если я похожа на тростинку, ты гулял у довольно странных рек. У этой тростинки очень большой...уф. — Внезапно боль накрыла так сильно, что она задержала дыхание.

— Что такое, моя госпожа?

— Большой...нет. О, боже, — вода стекала по ее ногам, собираясь в лужицу.

— Ой.

— Беата, на помощь! Госпожа течет.

В мгновение ока пять женщин отпихнули ошарашенного Тома, и повели Алейду к постели, не переставая говорить.

— Нет, не в кровать, — говорила Алейда, уверенная, что ей станет хуже, если она ляжет.

— Мой стул.

— Но моя госпожа, вы...

— Стул, — она отошла от кровати, таща за собой всех остальных.

— Том, вернись сюда. Ты знаешь, где сегодня охотится лорд Иво?

— Нет, моя госпожа.

— Спроси у сэра Ари. Может, он знает. Он должен быть здесь. Я хочу, чтобы он был здесь.

— Да, моя госпожа. Я также пошлю за Мэйрвин.

— Нам она не понадобится, — проворчала Беата. Всё еще чувствуя обиду из-за решения Иво.

— Она будет лишь мешать.

— Тогда дайте ей больше пространства, — приказала Алейда, теряя терпение.

— Лорд Иво прямо сообщил нам о своих желаниях, и я также хочу, чтобы она присутствовала.

Беата фыркнула от отвращения:

— Она ничем не лучше меня в акушерстве.

— Да, но она меня успокаивает. Ты же хочешь, чтобы я была спокойна?

— Да, — согласилась Беата.

— Ну ладно, приведи ее, Том, и заодно попроси Джеффри послать за священником. И нам также понадобятся родильный стул, простыни, которые я отложила, а также много воды и древесина для камина. И никому из мужчин нельзя сюда входить.

— Кроме лорда Иво, — сказала Алейда.

— Даже ему нельзя, — возразила Беата.

— Будет интересно посмотреть, как ты попытаешься его остановить м-маааа, — она

вцепилась в Беату, когда схватка заставила ее выгнуть спину. Побелевший Том пулей выскочил из комнаты, зовя управляющего и сэра Ари. Боль накатила и так же быстро отхлынула, слава святым, и Алейда устроилась на стуле.

— Я думала, что это начинается постепенно. Почему схватки повторяются так часто?

— Ягненочек, а спина у тебя не болела?

— Весь день болела.

— Некоторые женщины чувствуют боль в спине, а не в животе во время родов. Скорее всего, прошло больше времени, чем ты думаешь, и теперь, когда воды отошли, ребеночек должен вскорости появиться, — ободряла Беата Алейду.

— Давайте снимем с вас мокрое платье.

В комнате собралось много женщин, так что они в два счета раздели ее и переодели в мягкую, старую рубашку, отложенную Беатой. Они успели прежде, чем Алейда вновь почувствовала боль. Она на сей раз была готова, и лишь тихонько застонала. Вероятно, она всё-таки сможет родить элегантно. Женщины стали исполнять приказы Беаты, и вскоре в комнате всё было готово. И оставалось только ждать, мучиться схватками, и снова ждать.

Иво даже не прочтя записку Ари, понял, что время пришло: орел видел, как Том бежал к Мэйрвин, и это Иво ясно помнил, поднимаясь на ноги после превращения. Лишь по одной причине мальчик мог отправиться к целительнице.

Он дрожащими руками стал натягивать одежду. Он лишь подтянул подпруги на лошадях прежде, чем вскочил на Фекса и отправился встречать Бранда.

— Время пришло, — сказал он, натянув поводья, остановившись на краю долины. Бранд минуту непонимающе смотрел на него, потом всё понял. Он вскочил на Кракена, и они направились к замку. Они даже не могли разговаривать, так как испытывали страх.

Он не может позволить Алейде увидеть свой ужас, — говорил самому себе Иво. Ему придется сделать вид, что всё в порядке, помочь ей во время родов. И подождать до утра: так или иначе, тогда они всё узнают.

Они успели доехать до ворот до темноты. Иво бросил поводья Фекса ближайшему к нему человеку и побежал в гостиную.

— Вам нельзя туда входить, мой господин, — предупредил его Джофри, когда Иво начал подниматься по лестнице.

— Ему можно, — сказал Бранд.

— Но церковь запрещает... — управляющий умолк, увидев угрожающий взгляд Бранда, и Иво продолжил свой путь наверх. Он также поспорил с женщиной у дверей, но Алейда застонала, и он плечом проложил себе путь, не заботясь о том, что они могут подумать.

Она стояла у камина, сжимая плечи Мэйрвин в то время, как Беата растирала ее поясицу. Лицо девушки было искажено болезненной гримасой, она тяжело дышала и стонала.

Всё внутри Иво сжалось от беспокойства, не имеющего ничего общего с боязнью за дитя. — Почему она не в постели?

— Ходьба помогает ускорить процесс, — ответила Беата.

Он посмотрел на Мэйрвин, которая подтвердила:

— Беата права, мой господин.

— Разумеется, я права, — проворчала Беата.

— Так же лучше. Ягненочек?

— Ах. Намного, — Алейда посмотрела на Иво и улыбнулась, но кожа вокруг рта

натянулась и побелела.

— Я рада, что ты здесь.

Он постарался улыбнуться в ответ и наклонился, чтобы поцеловать ее, словно всё было в порядке. — Я прибыл так скоро, как только мог. Как ты?

— Мне больно, но отец Теобальд говорит, что так и должно быть, в наказание за грехи Евы.

За это он вырвет печенку через глотку отца Теобальда, но пока что, он продолжал улыбаться и убрал со щеки мокрую от пота прядь волос своей жены. — Если бы я мог страдать вместо тебя, я бы страдал, сладкий листочек.

— К сожалению, это невозможно, но ты даешь мне силу своими словами.

— Ты и так сильная. Ты хорошо справляешься.

— Говоришь, словно Беата, — ответила она. Поморщилась от очередного приступа боли, застонала так, что Иво захотел ударить что-то, чтобы жена больше не страдала.

— Вы должны уйти, милорд, — сказала Беата.

— Нет, я хочу, чтобы он остался, — сказала Алейда.

— Попробуй тереть сильнее, Беата.

— Ему нельзя оставаться, — няня начала сильнее поглаживать спину Алейды.

— Сильнее! — приказала Алейда.

— Я так не могу, ягненок.

Мэйрвин увидела взгляд Иво и рукой указала на Алейду:

— Сильная рука облегчит ее боль, мой господин, и тем более хорошо, что помогать ей будет супруг.

Испытывая благодарность, Иво оттолкнул Беату и положил руки на спину Алейды. Несмотря на то, какой она была большой, сейчас она казалась почти крохотной. Он никогда не думал, насколько она хрупкая до этой минуты. Как же она справиться с родами, а потом...?

— Божьи колени, супруг, я не сломаюсь. Сильнее! — закричала Алейда.

— О, да. Вот так. Намного лучше.

Она вздохнула, когда схватка прошла, и Иво изумленно посмотрел через плечо на Мэйрвин:

— Это нормально?

— Я достаточно видела такого, чтобы считать, что в этом нет ничего необычного. Она в порядке.

— Прекратите говорить обо мне так, словно меня тут нет, — заворчала девушка.

— Прости нас, сладкий листочек, — он поцеловал ее в макушку, и спросил Мэйрвин:

— Сколько я могу оставаться?

— Вас здесь уже быть не должно, — заметила Беата.

— Это грех, и вы позорите мою госпожу.

Не обращая на старуху внимания, Мэйрвин положила руку на живот Алейды:

— Недолго. Вы знаете, когда вам следует удалиться, мой господин.

Он помог Алейде перетерпеть еще шесть схваток, накатывающих всё чаще, и волнующих его сильнее, чем ее. Потом накатил еще один приступ, хуже прежних. Она застонала громче, по животному, и закричала бы, если бы упрямо не сжала губы. Он касался спины так сильно, как мог, не причиняя ей лишней боли. — Успокойся, сладкая. Успокойся.

Она рывкнула и отпихнула его:

— Успокойся? Давай я тебе пару ножей воткну в спину, и посмотрим, как ты «успокоишься». Боже, почему ты не рожаеть вместо меня! Уходи.

Женщины рассмеялись, но Иво отступил, изумленный неожиданной вспышкой ярости Алейды. Мэйрвин покачала головой и сочувствующе улыбнулась:

— Она этого не имела в виду, мой господин.

— Я имела в виду именно это, — серьезно повторила Алейда.

— Он со мной это сотворил. Я никогда его не хотела, — она согнулась, сжимая свой живот. Глаза расширились от беспокойства. — О, боже. Помогите мне.

— Что-то не так? — спросил Иво.

— Почему ей так больно?

— Потому что настало время, — ответила Беата с нетерпеливым отвращением. Он отпихнула его от жены, и обняла Алейду.

— Пойдем, ягненочек, Давай устроим вас.

— Я, гм, думаю, что мне пора, — сказал Иво, и Мэйрвин кивнула.

— Вас вообще быть здесь не должно, — пробурчала Беата, устраивала Алейду на родильном стуле.

Он хотел бы поцеловать Алейду еще раз, но и она, и ее няня были против. И он ушел, услышав лишь успокаивающие слова Мэйрвин:

— Такое происходит, когда время подходит, мой господин. Она сейчас начнет тужиться, и на этом всё закончится.

— Позаботься о ней, — молил он.

— О них обоих.

Он мельком заметил, как Беата и Хадвиза сняли с Алейды рубашку, а потом дверь у него перед носом захлопнулась. И ему ничего не оставалось, как спуститься и молча молиться Фригге за здоровье Алейды, и Одину, чтобы помог сделать потом то, что надо.

Всё закончилось вскоре после полуночи, у Иво родилась дочь, краснолицая, медноволосая, покрытая веснушками миниатюрная копия Алейды, замечательная награда за всю боль матери.

Иво смотрел на младенца на руках у Мэйрвин, испытывая страх сильнее того, что чувствовал при битвах. Он ожидал, что родится мальчик, и так хорошего было бы мало, но девочка? Как ему вырастить девочку в лесу? Наполовину зверя, наполовину человека, которая никогда не сможет жить не в животном мире, ни в людском? Невозможно. Лучше бы девочка умерла сегодня, но если видение Ари было истинным, то она не сможет умереть.

— Она здоровая и сильная, мой господин, — тихо сказала Мэйрвин то, что при другом стечении обстоятельств было бы превосходно.

— Вы хотите ее поддержать?

— Я... — Я не могу. Он не мог заставить себя прикоснуться к ней. Он прошел мимо Мэйрвин.

— Сначала я хочу увидеть жену.

— Она устала, мой господин, — ответила Беата, укутывая Алейда мехами.

— Не беспокойте ее.

— Ты слишком суетишься, старуха, — ответила Алейда.

— Я совсем не устала.

— Устала, — решительно сказала Беата. Она многозначительно посмотрела на Иво.

— Она просто это пока не осознает.

— Понимаю. Я лишь побуду тут недолго. — Он подумал, что это похоже на пыл, который испытываешь в битве: сначала вкладываешь все силы. Потом чувствуешь триумф победы, а затем внезапно накатывает жуткая усталость. Он наклонился, чтобы поцеловать Алейду.

— У тебя на губах вкус слез. Это было так ужасно?

— Нет, даже не так плохо, как я опасалась. Я заплакала, когда увидела ее. Разве она не совершенство? — Алейда ослепительно улыбнулась ему, счастье создало золотое сияние вокруг нее. И Иво вдруг понял, что означали те нимбы вокруг матери Христа.

— Я мало знаю о детях.

— Ты научишься. Теперь, когда я узнала, насколько это просто, я собираюсь завести много детей, — ответила Алейда, не сознавая того, повернув кинжал в его сердце.

— Мэйрвин, принеси ее сюда, прошу.

Девушка подошла и передала Алейде сверток с ребенком. Несмотря на то, что она была очень осторожна, ребенок проснулся и тихонько запищал. Девочка открыла глаза, которые поразили Иво своей бледностью.

— Они не карие, — он сел на край кровати и наклонился, чтобы рассмотреть их.

— Я думал, что, судя по волосам, и глаза будут как твои.

— Сначала у всех младенцев глазки голубые, мой господин, — заметила Мэйрвин.

— Они меняют цвет потом. А ее глаза настолько светлые, что могут остаться голубыми.

— Нет, они станут серыми, как у ее отца, и у нее также будет десять сотен веснушек, — сказала Алейда, разговаривая с дочкой. Она нежно провела пальцем по носику и щечкам малышки.

— Вот тут, и тут, и тут, не так ли, сладенькая? Но мы будем волноваться об этом потом. Сейчас, пора познакомиться с папой, — она протянула ребенка Иво.

— Мой господин, ваша дочь. Беатрис.

Беатрис. Он смотрел на младенца, серьезно глядящего на что-то невидимое в дюжине футов позади него. И потом малышка отрыгнула.

— Давайте, мой господин, — подбадривала его Мэйрвин.

— Подержите ее.

— Я... я ей причиню боль.

— Нет, не причинишь, — возразила Алейда.

— Помоги ему. Мэйрвин.

— Вот так, — Мэйрвин взяла его руки и сложила их так, словно это колыбель, и он почувствовал спокойствие, охватившее его при ее прикосновении. Сейчас он был очень благодарен девушке.

Алейда наклонилась вперед и положила дочку на изгиб его руки. Она начала пронзительно кричать, и Иво инстинктивно притянул ее ближе к себе и стал укачивать. Она еще немного пошумела, а потом успокоилась и устроилась у него на груди. И что-то в нем изменилось, как будто он всегда умел держать на руках дочь.

Дочь. Его дочь, к лучшему или к худшему. Он встал и понес ее к камину, для того, чтобы она не замерзла, и для того, чтобы скрыть, как тяжело ему удержаться от слез, подступившись к глазам. Когда он подумал, что женщины не видят его, он опустил пальцы в чашу с водой на столе и дотронулся до лба малышки, шепча ее имя, приветствуя ее приход на этот свет по старым обычаям.

— Здравствуй, малышка, — он поднял Беатрис, поцеловал в лоб, и когда его губы

коснулись мягкой, мокрой кожи, он почувствовал дуновение чего-то соленького. Он повернулся, удивившись: — Они все пахнут, как бульон?

Мэйрвин, казалось, забавлялась:

— Только немного. Потом от них начинает пахнуть по-другому.

— Что? Ой.

— Вам повезло, что вам не придется этим заниматься, мой господин, — сказала Беата.

Но ему придется иметь с этим дело, и он заволновался от того, что он не знал, что написано на его лице. Мэйрвин подошла к нему и коснулась его руки, чтобы успокоить его.

— Я покажу вам, милорд, если хотите. Будет хорошо, если отец будет знать, как заботиться о своем ребенке.

Беата и Алейда странно посмотрели на нее, но Иво с облечением ответил:

— Я с удовольствием выучу этот урок, целительница. Сейчас же, если можно.

— Но я только что запеленала ее, — возразила Беата.

— Значит, перепеленаешь. Я ее отец, а значит должен уметь о ней заботиться, даже если никогда не буду этого делать, — он протянул малышку Мэйрвин.

— Покажи мне.

Аледа с изумлением наблюдала за ними. Мэйрвин положила малышку в изножье кровати и распеленала ее.

— Это хвостовой лоскут. Он идет сюда, — она обернула тканью, подвязав концы, вокруг ужасно маленькой попки.

— Это несложно, но эту ткань следует часто менять, чтобы не появлялись опрелости. А завязки удерживают всю конструкцию на месте.

— Покажи еще раз, — попросил Иво.

Мэйрвин повиновалась и научила его, не обращая внимания на раздражительное неодобрение Беаты.

— Если нет чистой ткани, часто используют сухой мох или шерсть, — говорила она, предвкушая его следующий вопрос. -

И когда вы подкалываете булавками пеленки, смотрите, чтобы не уколоть ребенка.

— Разумеется, — бесстрастно говорил он.

— Большое спасибо. — Он никогда не сможет этого сделать. Никогда. «Прошу, Один, не заставляй меня делать это. Освободи мое дитя от этого проклятия, которое лежит на мне. Я сделаю всё, что угодно. Всё, что угодно».

— Я также благодарю тебя, Мэйрвин, — сказала Алейда.

— Я тоже не умею этого делать. Я подозреваю, что будь воля Беаты, она бы держала все в секрете, чтобы быть незаменимой на год или два, потому что мы все знаем, как я хочу поскорее избавиться от нее.

Беата фыркнула и схватила ребенка:

— Это вовсе не секрет, но вам не придется этого делать, моя госпожа, так что вам не стоит и учиться.

— Если послушать тебя, то мне вовсе ничего не нужно знать о ней, даже ее имя, — тяжело вздохнула Алейда, почти зевнула.

— Видите, вы устали, — сказала Беата, но отдала ребенка Алейде.

— Прежде чем заснуть, вы должны дать ей грудь, чтобы ваше молоко пришло. Пора вам удалиться, мой господин. Мужчине здесь делать нечего.

— Он не увидит ничего нового, — ответила Алейда.

— Нет, она права, я уйду. Через минуту, — сказал он Беате и Мэйрвин. Обе женщины отошли, позволяя им уединиться.

Когда он повернулся к Алейде, мучительно сознавая, что, скорее всего, видит ее в последний раз. Если видение Ари сбудется, завтра на закате он убежит с ребенком, оставив Алейду страдать от того, что он с ней сотворил.

Пока он стоял там, она расстегнула платье и приложила Беатрис к груди, которая принадлежала ему до настоящего момента. Ребенок, открыв рот, тыкался в материнскую грудь, потом нашел сосок и впился, посасывая как фермерский поросенок.

— Хорошая девочка, — прошептала Алейда.

— Видишь, нам совсем не нужна Беата. Она лишь будет шить для тебя, и рассказывать тебе истории.

Как же он сможет так поступить, когда Алейда так любит Беатрис? Как же она переживет потерю супруга и ребенка? Как он сможет выдержать ее потерю?

— Мой господин? — сказала она, глядя на него.

— Вам нехорошо?

— Нет, всё в порядке, — он сел рядом с ней нежно дотронулся до ее щеки, вспомнив, когда она спрашивала его об этом. — Я лишь думаю, какая ты красивая, Алейда из Олнвика.

Она изумленно посмотрела на него:

— Ты меня пугаешь, когда вот так на меня смотришь. Словно хочешь оставить то, что видишь в своей душе.

— Я бы хотел, чтобы ты была со мной всегда, — чувствуя горечь от того, что надо будет сделать, он поцеловал ее на прощанье.

— Спи спокойно, сладкий листочек, — сказал он.

— Пусть тебе приснюсь я. — И, наконец, отпрянул и погладил Беатрис по щеке.

— Ты тоже, малышка. Поешь хорошо, потом спи, ради своей матери.

— Беата, присматривай за ними, — приказал он, и ушел, задержавшись на лестничной площадке, глядя вниз в зал, подождал, пока к нему выйдет Мэйрвин.

— Ари устроился рядом, — сообщил он тихонько, когда она стала рядом с ним.

— Он придет сюда после восхода.

Она кивнула:

— Если дела пойдут плохо, вы найдете меня там, где мы договаривались. Но, по правде сказать, господин, я ничего странного не почувствовала. Я думаю, что завтра вы будете здесь вместе с женой и ребенком.

— Надеюсь, что ты права, Целительница.

«Один, Фригга, Тор, Фрейя, все вы, — не дайте ей ошибиться, умоляю. Прошу, пусть она окажется права».

Изумленная Мэйрвин склонилась над колыбелькой и быстро осмотрела ее.

Пальчики на ножках и ручках, животик, спинку, голову — ничего.

Беатрис была милым и здоровым ребенком безо всяких признаков зла, даже теперь, когда солнце скользило по земле снаружи, а петухи возвещали наступление утра.

Слова благодарности подступили к губам Мэйрвин, а слезы, на сей раз полные радости, пролились дождем на дитя.

Она все еще стояла на коленях, когда звук голоса сэра Ари прервал ее благодарственную речь.

Она перепеленала Беатрис и побежала ему на встречу к лестнице.

Он увидел ее слезы и побледнел прежде, чем она смогла произнести, — Все в порядке.

— Вы уверены?

— Да. Видите? — Она показала ему малышку и он поморгал, словно борясь с собственными слезами.

— Вы можете ему сказать?

— Вы покажете ее ему через окно. Он как раз подлетает.

Мэйрвин побежала обратно в спальню, а в это время темная тень промелькнула снаружи.

Орел медленно облетел вокруг и опустился на ограждение всего в дюжине ярдов.

Мэйрвин распеленала ребенка, чтобы показать ее грудь и руки, и осторожно поднесла ее к окну.

Орел посмотрел, моргнул, потом расправил крылья и поднялся в воздух, снова пролетев мимо окна, так, что кончик его крыла был всего в нескольких дюймах.

Поток прохладного воздуха, который коснулся ее кожи, разбудил Беатрис и она заревела. Этот звук был человеческим, а не птичьим. Снаружи великолепная птица метнулась вверх, взлетая все выше и выше, двигаясь и кружась, радость орла была заметна в каждом взмахе крыла, пока он танцевал в небесах.

— Беата? — Раздался слабый голос позади нее.

— Мэйрвин, моя госпожа, — Мэйрвин прижала Беатрис к груди и быстро поправила ее пеленки.

— Почему она плачет?

— Мы встретили ее первый рассвет, моя госпожа, — Мэйрвин закрыла ставни, вытерла слезы со щек и повернулась с улыбкой, чтобы отнести ребенка матери.

— Ваш орел прилетал, и леди Беатрис его приветливо встретила.

— Вы уже закончили, моя госпожа? Это первое кормление леди Беатрис и будет лучше, если вы ее покормите сами, и молоко появится.

— Принеси ее сюда. — Алейда с трудом проглотила остатки пресной, жидкой овсяной каши, которая являлась ее ужином и отставила миску в сторону, когда Беата принесла ее дочь.

— Вот, мой ягненок, — Беата склонилась над краем постели, широко улыбаясь, когда Алайда приложила малютку к груди.

— Посмотрите на нее. Она знает, чего хочет. Сосет, как теленок.

— А я — корова, — заметила Алейда, поморщившись, так как молоко еще не появилось, а Беатрис очень старалась поесть.

— Почему ты так улыбаешься, Беата?

— Вам и ребенку, ягненок. Я всегда думала, что вы выйдете замуж и уедете, а для меня все кончится. Но вот вы здесь, леди и мать, и я все еще здесь и помогаю вам. Это чудо.

— Да, ты права, няня, — произнес низкий голос у дверей.

— Иво! — воскликнула Алейда, испытывая непонятное облегчение.

Беата поднялась и вышла вперед, чтобы не дать ему подойти ближе. — Мужчинам запрещено видеть ту, кто лежит в этой комнате, мой господин, тут прошлой ночью были роды, и так и должно быть.

— Эти правила придумали мужчины, у которых нет ни жен, ни детей.

Беата перекрестилась. — Богохульство.

— Правда. — Он обошел ее и наклонился, чтобы поцеловать Алейду в щеку.

— Добрый вечер, жена. — Он наклонился ниже, и поцеловал Беатрис в голову.

— И тебе тоже, дочь.

Его дыхание согрело грудь Алейды и на ее глаза навернулись слезы. Она попыталась спрятать их, наклонив голову, но он был слишком быстрым.

— Что такое? — Он поднял ее подбородок и нахмурился.

— Беата права? Мне стоит уйти?

— Нет. — Она поцеловала его пальцы.

— Я просто... весь день размышляла, увижу ли тебя сегодня вечером.

— Вы не должны видеть его, — заметила Беата.

— Пока не побываете в церкви. Вы не можете остаться, мой господин.

Иво выпрямился, на его губах была улыбка, но глаза гневно сверкали.

— Няня, ты хочешь служить другой госпоже?

Лицо Беаты стало пустым:

— Нет, мой господин.

— Тогда закрой рот. Я предоставлю себя священнику и приму любое наказание, которое он назначит, но я не стану ждать сорок дней, чтобы увидеть жену и ребенка. Теперь оставь нас. Я не задержусь. Я знаю, что они обе нуждаются в отдыхе.

— Да, мой господин, — Беата отошла к двери.

— Конечно, мой господин.

— Она только желает защитить меня, — сказала Алейда, когда няня вышла.

Иво подошел и сел на краешек постели:

— Тебе нужна защита от меня?

— Только иногда. — Она коснулась его челюсти и притянула, чтобы поцеловать, как следует.

— Ты весь в поту. Снаружи жарко?

— Нет, я спешил. Я с нетерпением желал побыстрее добраться до тебя.

Она сглотнула комок в горле, а по щекам снова покатились слезы.

— Снова? Если я каждый раз заставляю тебя плакать, я пойду и верну старушку назад.

— Нет! — Она вцепилась в его рукав.

— Каждый раз, когда я засыпала сегодня, мне снилось, что я тебя ищу. Я устала от этого. Я хочу, чтобы ты был здесь.

— И почему это ты охотилась в своих снах? — нежно подразывая спросил он.

— Чтобы привести тебя на крестины Беатрис. Я заставила отца Теобальда ждать твоего возвращения, знаешь ли, так как она такая крепенькая.

— А.

— И потому, что твой поцелуй прошлой ночью показался мне прощальным, — добавила она, в ее голосе прозвучал намек на обвинение. Какое-то сильное чувство мелькнуло в его взгляде, пока он гладил ее по щеке.

— Нет, это было не так. Я тут, леди жена, и тут я намерен оставаться, пока небеса мне позволяют.

Он провел пальцем по кулачку Беатрис, позволив ее крошечным пальчикам сомкнуться вокруг него, пока она сосала.

— Я давно не посещал крестины и обращал мало внимание на такое событие, когда мне случалось присутствовать. Напомни, что мне необходимо делать?

Позже ночью Иво обнаружил, что Беатрис посапывает, как и ее мама.

В следующую ночь, он узнал, что если легонько провести пальцем вдоль ее носа, ее глазки закроются непроизвольно и она заснет, даже, если она обеспокоена. На третью ночь, он осознал, что ноготок на ее пальчике не больше ячменного зернышка.

Эти открытия происходили после полуночи, после того, как Беатрис будили, чтобы покормить, а потом опускали обратно в колыбельку. Иво прислушивался из холла, ждал, пока Алейда уснет, а Беата переползет на свою койку, потом проскальзывал в спальню, чтобы наблюдать за ребенком до рассвета, удивляясь тому, что боги и его леди жена дали ему.

На четвертую ночь, возле колыбельки стояла табуретка и столик с чашкой свеженалитого эля.

Когда он взглянул туда, где лежала Беата, ее глаза, смотревшие на него, блеснули в свете лампы. Он кивнул в знак благодарности, и на удивление, она улыбнулась, благословляя его дежурство.

Так что теперь он наблюдал за Беатрис ночью, а днем, в образе орла, он наблюдал целый день за именем.

Каждую ночь он находил что-то новое в своей дочери. Скорость, с которой она росла и изменялась, изумляла его. Каждую ночь он замечал изменения, и чем больше она росла, тем больше походила на свою мать.

Кроме глаз, которые точно не станут карими, подумал он, когда она смотрела на его кольцо как-то ночью, практически спустя месяц после ее рождения. Он передвинул руку, и усмехнулся, когда дочь внимательно следила за движущимся сиянием глазами, голубовато-серого оттенка. Хорошо, подумал он, что на ней есть и его отпечаток, но был рад, что в остальном, она походила на мать, особенно, что касалось ее носа. Она начала слегка всхлипывать, так что он погладил ее нос, в точности, как у Алейды, чтобы она снова заснула и не разбудила мать.

Он зевнул вслед за ней, изнуренный всеми этими ночами и днями наблюдения за ней, но не в состоянии даже на некоторое время отказаться от этого.

Он потянулся за пряным вином, которое Беата оставила для него этой ночью, и выпил все, позволив теплу пройти через свое тело. Беатрис снова посапывала во сне, и Иво отставил в сторону чашку и склонился над колыбелькой, чтобы посмотреть, не проснулась ли она. Она спала, но он все равно остался, подбородком опираясь на сложенные руки, и смотрел как она спит.

Следующее, что он осознал, снаружи закукарекали петухи, а его голова была тяжелой, как от сильного удара. Пытаясь прийти в себя, он встал и открыл ставни. Снаружи туман был слегка розоватым. Неужели рассвет так близко? Паника охватила его одновременно с болью изменения. Один, нет! Он попытался броситься к двери, когда понял, что у него нет времени скрыться. Все что он мог — это открыть ставни и снять свою одежду, забросив ее и свой меч под кровать, где они были бы незаметны. Вторая волна боли прошла сквозь него, и он издал утробный стон.

— Иво?

Он развернулся, а Алейда села на кровати.

— Нет, — молил он Богов, пока боль прошла по его рукам, где появились перья. Алейда смотрела, выражение замешательства на ее лице сменилось ужасом, когда его ноги превратились в когти и он упал на пол, сжимаясь, обращаясь в орла. Он открыл рот от раздирающей боли, только это были уже не губы, а клюв, и душераздирающий крик орла смешался с вздохом Алейды, переживающей шок.

Вот, что видел Ари, понял Иво остатком сознания, когда его поманили небеса за окном. Это было видением, которое прислали Боги. Он, а не Беатрис.

Алейда, прижав руки к открытому рту, попыталась закричать, но была слишком напугана, чтобы издать хоть какой-то звук.

Еще раз закричав, орел прыгнул на подоконник, чтобы попробовать свои крылья, сильно хлопая ими над спящим младенцем, потом он вылетел в туман, подальше от ужасной тишины.

Кричала, она кричала, но беззвучно, не в состоянии пошевелиться, и это был он.

Потом появилась Беата, крепко сжала ее в знакомых, безопасных объятиях, и Алейда смогла наконец закричать, и ее крик был приглушенным грудью старушки.

— Тссс, моя госпожа. Успокойтесь. С леди Беатрис все в порядке, она в порядке.

— Но это был он, — всхлипывала Алейда, пытаясь сказать ей.

— Это был он.

Беата обняла ее крепче, почти раздавив ее:

— Да, так и есть, но он улетел. Его больше нет. Все хорошо.

— Нет. Все плохо. — Алейда вырвалась из рук Беаты и бросилась к колыбельке, где ее дочь спала, как будто ничего не произошло. Снаружи, в тумане не было и следа птицы, и на секунду Алейда засомневалась.

«Кошмар», подумала она. «Обман зрения».

Закрыв ставни,крепила их, и стояла, дыша так тяжело, что ее легкие словно горели.

— О, Господи. Это был он. Он превратился в птицу. В орла. — Стон в ней почти стал криком.

Беата схватила ее за плечи, ее пальцы вцепились в плоть Алейды, пока она ее трясла.

— Молчите, глупая, прежде, чем кто-то услышит вас, — прошипела она.

— Где вы окажетесь, если другие узнают, что ваш муж — демон? Где окажется леди Беатрис? Они сожгут вас обеих.

Ее слова прервали крик Алейды, наполнив ее еще более сильным страхом.

— Мужчина, который обращается в птицу, — продолжала Беата, явно выказывая отвращение. — Неудивительно, что он уходил от вас с наступлением рассвета.

— Значит, ты тоже это видела, — выдохнула Алейда, испытывая почти что облегчение, потому что это значило, что она не сумасшедшая.

— Да, я видела это, но на наше счастье, никто другой не видел, так как они бы уже появились здесь, вытаскивая нас троих, чтобы подвергнуть вас и меня пыткам и умертвить леди Беатрис.

— Нет, о, Боже, пожалуйста, нет, — Алейда упала на колени рядом с колыбелькой Беатрис и перекрестилась.

— Молитвы вам не помогут, — заметила Беата. Она налила в стакан вина и протянула его Алейде.

— Выпейте это. До дна. — Она ждала, пока Алейда не исполнила ее приказ.

— Теперь, слушайте меня. Лорд Иво большая угроза для нас, чем Церковь. Мы знаем, кто он, Дьявол, который принял вид человека, чтобы получить от вас ребенка. Он заберет леди Беатрис, и убьет меня и вас.

— Нет, он не причинит нам вреда.

— Причинит. Ему придется, так как пока мы живы, мы являемся угрозой для него, и для его друзей, потому что они приходят и уходят так странно по той же самой причине. Они демоны — все трое.

— Я спрашивала его о причине такого странного поведения. «Верь мне», ответил он, — прошептала Алейда. Она беспокойно ходила, обняв себя, пытаясь не кричать.

— И я так и сделала. О, Боже, я так и сделала, а он оказался этим... существом. — Она схватила Беату.

— Что нам делать?

— Бежать, моя госпожа. У нас нет выбора. Мы должны убраться, прежде, чем он вернется.

— Но... — Это казалось неправильным. Иво всегда был нежным, и он обожал Беатрис, но даже сатана любит свое потомство. Ее голова стала такой тяжелой.

— Я не знаю. О, Боже. Что мне делать?

— Бежать, говорю Вам, быстро и далеко, чтобы никто не узнал, чем является леди Беатрис, и что Вы легли с дьяволом.

— Но я не знала, — запротестовала Алейда.

— Меня нельзя в этом винить. И Беатрис тоже.

— Никто не станет слушать про вашу невиновность, моя госпожа, они будут слишком заняты, поджаривая вас и вашего дьявольского ребенка. Мы должны бежать. — Не дожидаясь решения Алейды, Беата стала собирать теплую одежду.

Она помогла Алейде подняться:

— Одевайтесь, моя госпожа, соберите столько золота и серебра, сколько сможете. Оно нам понадобится по пути в Шотландию. Да, он нас там не найдет.

Все еще ничего не чувствуя от шока, Алейда позволила уверенности Беаты распоряжаться собой. Она надела теплые чулки и сапоги и две плотные, шерстяные юбки под самое теплое платье и плащ. Она высыпала деньги в корзинку, наполнила свой кошелек и Беаты, а остаток спрятала в вещах, вместе с драгоценностями. Пока Беата складывала остатки вчерашнего ужина в платок, Алейда засунула еще драгоценности в пеленки Беатрис и запеленала ее теплее, чтобы та не простудилась. Малышка стала плакать и разволновалась.

— Я должна покормить ее, чтобы она замолчала.

— Потом. Я не буду сожжена из-за этого демона, — Беата склонилась над колыбелькой, сделала что-то, чего не увидела Алейда, и Беатрис перестала плакать.

— Это сдержит ее. Я знаю безопасное место, где Вы сможете покормить ее, как только

мы отойдем подальше. Поспешите, моя госпожа. Сэр Ари может вернуться. Он один из них. Он никогда не отпустит нас.

— А что же Освальд и остальные? Как мы объясним...?

— Я позабочусь об этом. Оставайтесь здесь, — Беата выскользнула из комнаты. Несколько минут спустя она вернулась с флягой вина и сыром, который она протянула Алейде вместе с одеждой.

— Нам действительно сопутствует удача, моя госпожа. Они все спят. Идите. Тихо.

Беата взяла Беатрис, и они прошли вниз по лестнице и через холл в молчании, изредка нарушающимся храпом и ворчанием.

Снаружи туман был настолько густым, что он заглушал любой звук и превращал все в тени. Никто не остановил их во дворе, и человек, который должен был быть на посту у боковых ворот, казалось, отошел.

Беата быстро подняла решетку и открыла ворота достаточно, чтобы выйти. Она поманила за собой Алейду. Это неправильно, снова прозвучал тихий голосок в ее голове, как будто сквозь туман. Алейда посмотрела назад, по направлению холла, но все исчезло в тумане,

Так же, как исчез Иво, орел. Ее орел, поняла она внезапно, и от этого стало только хуже.

— Идемте, ягненочек, — настаивала Беата.

— Я позабочусь о вас.

Рядом прозвучал приглушенный звук шагов. Запаниковав. Алейда быстро прошла через ворота, а Беата закрыла их за ними без единого звука. Не в состоянии видеть дальше нескольких футов в тумане, они практически на ощупь прошли к реке, нашли и бесшумно перешли через мост. Оказавшись на том берегу, они поспешили на запад, подальше от Олнвика и зла, которое представлял собой его господин и ее супруг.

И все это время, Беатрис спокойно спала на руках у Беаты.

— Ворота, — во второй раз крикнул Ари, и снова никто не ответил. Странно. Жизнь во дворе должна сейчас кипеть ключом... он повернулся назад во внезапно образовавшемся тумане и после долгих поисков своей лошади возвратился обратно. Близилось время обеда.

Он снова крикнул, громче, и заколотил по железным лентам на воротах, но единственным ответом было ржание лошадей в конюшнях. Холод пробежал по спине, и он с проклятием, подхлестнув коня, развернулся и поскакал к дому Уота.

Управляющий выкапывал свеклу в своем огороде, там его и нашел Ари.

— Что-то не то творится в поместье. Быстро найди столько людей, сколько сможешь, и води их туда.

К тому времени, когда подошли сельчане, Ари обнаружил, что ворота заднего входа не заперты. Он вытащил меч и осторожно их открыл. Позади него сквозь туман кралась остальная группа людей, вооружившихся, как и Уот, сжимающий бродакс [\[52\]](#). Когда они приблизились к стене, Ари увидел нечто, напоминающее тело. Он подкрался поближе, не увидел крови, но заметил, как поднимается и опускается у человека грудь. Он кольнул его кончиком меча. Эдрик перевернулся и зевнул.

— Задница! Вставай! Вставай! — Разъярившись, Ари поднял того на ноги. — Спишь на посту, с открытыми воротами. Да за это я шкуру с тебя спущу. Пятьдесят ударов плетью.

— Чт...? — Эдрик с недоумением посмотрел на него. — Но я... Но я...

— Где остальные?

Эдрик часто качал головой, в это время раздался крик Уота: — Здесь, сэр.

Двое мужчин, призванные охранять главные ворота, лежали, растянувшись на посту, как какие-то пьянчуги. Его гнев немедленно сменился беспокойством, Ари бросил Уота будить их и помчался в зал.

Он толкнул незапертую дверь и обнаружил, что все, даже Освальд, пребывают в состоянии оцепенения. Ари начал трясти его и кричать.

— Проснись, маршал. Что здесь происходит? Стены не охраняются и все спят.

Освальд протёр глаза руками и изо всех сил попытался понять, что от него хотят. Затем вошёл Уот и начал будить остальных.

— Я... Я не знаю, messire. Все было как обычно. — Он туго соображал, очевидно, совершенно сбитый с толку. — Лорд Иво приехал как обычно, но без сэра Бранда. Мы играли в шахматы, потом я пошёл ложиться спать, а после Вы начали трясти меня.

— Где женщины?

— Мм...

— В кладовой, messire, — сказал Том, широко зевая. — Беата поздно вечером оправила их всех вниз. Она сказала, что Леди Алейда тоже устала, и приказала, чтобы никто не беспокоил её.

Алейда. Без дальнейших вопросов Ари взлетел вверх по лестнице.

Абсолютная тишина солжара подтвердила его худшие подозрения. Всюду были признаки поспешного отъезда — от ночных одежд на полу до шкатулки для драгоценностей Алейды, лежащей открытой и пустой на кровати.

— О, Боже, — сказал Освальд позади него. Он отпихнул прочь Ари и начал осматривать комнату, отбрасывая в стороны ткани и открывая сундуки, как если бы внутри бы он мог

найти кого-нибудь. Рёв беспомощного гнева прошёлся эхом через зал, когда он упал на колени. — Господь помоги мне, я подвёл её. Я подвёл свою леди.

— Мы все подвели её, маршал, но слезами горю не поможешь. — Он осмотрел комнату, отмечая, что находится на месте и чего не хватает. — Кто бы не забрал их, он взял тёплую одежду для женщин и вещи для ребёнка. Они собираются заботиться о них. Вероятно, чтобы получить выкуп. Я хочу, чтобы всех разбудили и собрали в зале. Держи их там. Я не желаю, чтобы кто-нибудь испортил следы.

Освальд, выкрикивая приказы, ринулся вниз по лестнице, и Ари ещё раз прошёлся взглядом по соляру. На этот раз его взгляд выхватил из-под кровати отблеск металла. Он подошёл и вытащил предмет: меч Иво и зацепившуюся за него его же серую тунику. Испытывая тошноту, мужчина залез под кровать и обнаружил остальные одежды Иво.

Дело — дрянь. Это было плохо. Иво явно обернулся здесь в орла... Со стоном Ари посмотрел в окно. Он мог себе это представить: орел, взлетающий с колыбели, Алейда, кричащая, так же, как в его видениях. Но это был Иво, не Беатрис. Алейда видела превращение Иво. Никто их не похищал. Она сама в ужасе убежала.

Он осел у столбика кровати и заколотил по голове кулаками.

— Один, что я наделал?

Ари вырвал бы видения из головы, если бы мог, но, как он и говорил Освальду, сожаления бесполезны. Что сейчас требовалось, так это привести всё в норму. Они оказались перед необходимостью бежать, это понятно, но сначала им нужно вернуть Алейду и Беатрис домой в целости и сохранности, не разоблачив при этом Иво. Действуя быстро, он скатал одежду Иво в его льняную рубашку, затем обвязал свёрток полосой, оторванной от подола старого киртла ^[53] Алейды, проверяя, чтобы ни одна из серых одежд Иво не выглядывала наружу. Он подошёл к двери и позвал Тома.

Мальчик, всё ещё зевая, побежал наверх.

— Messire, Леди Алейду и Леди Беатрис в самом деле похитили?

— Именно так всё и выглядит. — Ари обдумал, как лучше всего сказать это. — У меня есть для тебя задание, оруженосец, но никто не должен знать о том, что ты делаешь. Ты поклянёшься молчать, служа твоим лорду и леди?

Широко раскрыв глаза, мальчик кивнул.

— Конечно, messire.

— Иди в конюшню и оседлай Факса.

— Разве лорд Иво не взял его сегодня утром?

— Нет. Ему... надо было кое-куда пойти пешком. Отведи Факса к дому Мейрвин и жди его там. И возьми эти вещи с собой. — Ари указал на одежду и меч.

— Его меч! Messire, он никуда не ходит без своего меча.

— Этим утром он так поступил... но об этом тоже никто не должен знать, поэтому я сброшу их тебе из окна. Ты можешь выйти из ворот, не сообщая никому, куда идёшь?

— Охранники увидят, что я выхожу.

— Я позову их внутрь. Возьми Факса, затем свистни, когда будешь готов. Удостоверься, что никто не видит, как ты уезжаешь, Том. Это важно.

— Я понимаю, messire. Милорду понадобится и его броня.

Ари колебался. Кольчугу Иво было бы непросто заменить, но...

— Нет. Ему надо скакать налегке. Беги, Том.

Том выскочил из комнаты. Ари пошёл на лестничную площадку и велел Освальду

привести охранников, затем вернулся и стал ждать у окна, рассматривая свой план на предмет недостатков. Казалось, что прошла лишь пара минут, как свистнул Том. С ним были и Факс, и его мышастая ^[54] лошадь. Ари скинул одежду, затем меч и португую, а мальчишка быстро прикрепил их к седлу Факса.

— Воспользуйся воротами у заднего входа, — крикнул Ари. — Удостоверься, что двор чист.

Том кивнул и двинулся в путь, Ари же направился вниз. Как только он вошёл в зал, все голоса стихли.

— Леди Алейду с ребёнком и кормилицей похитили. Мы не знаем, кто забрал их и с какой целью, поэтому Олнвик должен быть приведён в состояние боевой готовности, как будто сейчас война. — Он подождал, пока беспокойный ропот не прошёл по комнате и не превратился в мрачную решимость. — Я сообщу лорду Иво и Бранду, и мы поскачем за ними, кто бы это ни сделал, и вернём женщин.

— Пожалуйста, *messire*, позвольте мне пойти с Вами, — умолял Эдрик, явно желая получить прощение. — Вы знаете, у меня верный глаз.

Ари покачал головой.

— Все вы нужны здесь, пока мы не узнаем, перед кем и чем мы оказались. Освальд, ты за главного. Будь готов ко всему.

— Да, *messire*, и, если понадобится, мы будем готовы последовать за вами.

— Хорошо. — Ари посмотрел на мужчин и женщин, которых он знал и с которыми смеялся почти год, тихо простился с ними и ушёл.

Начав у ворот заднего входа, он кружил взад и вперёд в тумане, пока не нашёл отпечатки на мягкой земле. Он не был удивлён тем, что нашёл: два набора следов, и оба женских, одни лёгкие и одни тяжёлые, направляющиеся к мосту. Он нашёл ещё след на другой стороне реки и увидел, где они повернули на запад. Поблизости оказалось ещё несколько отпечатков копыт, но они выглядели старше, и конечно если бы кто-то захватил их, то женщин посадили бы на лошадей, чтобы иметь возможность быстрее передвигаться.

Нет. Повинуясь какой-то причине, Алейда без принуждения пошла пешком. Он мог легко последовать за ней, но что потом? Она умна и, возможно, поняла, что он и был вороном, приезжавшим на плече Бранда каждую ночь. Если так, то она никогда добровольно с ним не вернётся.

Но, по крайней мере, он мог проследить за ней и сообщить Иво, куда она направилась.

Затем он решит, что надо делать.

Охваченный смертельным ужасом орёл быстро летел вдаль, и к тому времени, когда Иво немного пришёл в себя и заставил птицу направиться обратно в деревню, появился туман, настолько густой, что скрыл землю на многие мили вокруг. Потеряв ориентиры, птица кружилась между синим небом и морем белой дымки, выискивая хоть что-то знакомое — дерево, вершину башни... пока изнеможение, свалившее Иво в соляре, не истощило даже орлиные силы. Неспособный больше лететь, он направился в туман и пикировал вниз, пока не нашёл высокое дерево, и, опустившись на ветку, уснул.

Когда он проснулся, туман рассеялся, и вдалеке показалась башня. Он полетел к Олнвику, но было поздно, и у него хватило времени лишь для того, чтобы скользнуть мимо стен прежде, чем закат вынудит его вернуться к лесу.

Он облетел коттедж Мейрвин, заметив его, Факс дружески заржал. Орел обнаружил Тома, который стоял между Факсом и своей мышастой и наблюдал за лесом, как если бы

ждал кого-то. Узнав в небе птицу, мальчик подозвал её к себе.

Вышла Мейрвин, вытирая руки об одежду. Она взглянула вверх и что-то сказала Тому о похлебке. Мальчишка исчез в доме, и Мейрвин подняв связку с табурета за дверью, направилась в лес. Орел последовал за ней к поляне, где она положила кулёк на землю, развязала узел и отошла подальше. Он устремился вниз, приземлился, и, когда солнце скользнуло за горизонт, боль нанесла по нему удар.

Мейрвин наблюдала за ним до тех пор, пока он не стал более похож на человека, чем на орла, затем отвернулась, предоставляя ему некое подобие уединения, в то время как он обнаженный лежал на земле, корчась от боли. Боль всё ещё не отпустила его, когда он с трудом подполз к своей одежде.

— Она видела меня, — сказал Иво сквозь сжатые от боли зубы.

— Да, милорд. Я догадалась, когда Том пришёл с Факсом, а вслед за ним приехал сэр Ари и всё мне рассказал. Милорд... — Она не решалась продолжить, и даже находясь у неё за спиной, Иво с уверенностью мог сказать, что она была не слишком рада рассказывать ему об этом. — Леди Алейда уехала, и Леди Беатрис, и Беата с нею.

Он замер с одной ногой в штанах.

— Уехала? Куда уехала?

— Убежала от вас, милорд. От орла.

Иво застонал.

— Алейда... Почему Ари и Освальд не вернули их?

— Ваши люди думают, что их похитили, чтобы получить выкуп, и сэр Ари не стал разубеждать их в этом, защищая и вас и её. Но он пошёл по их следу. Они отправились пешком. Ворон покажет вам дорогу к ним — он едет с Брандом.

— С ними хотя бы всё хорошо?

— Да, милорд, но меня сильно беспокоит то, что произошло этим утром.

Он продолжил одеваться, а она рассказала ему о том, как Ари долго не мог попасть в поместье и о том, что он нашёл там.

— Мой сон тоже был чересчур крепок, — сказал Иво, страх, как гадюка, скользнул по его спине. — Поэтому я и попался. Я думал, что просто устал.

— Это было больше, чем просто усталость, милорд. — Она повернулась, и её брови наморщились от беспокойства. — Утренний туман был странным. Я доила своих коз, когда он приблизился. Он поднялся внезапно, отовсюду сразу, и я почувствовала в нём зло. Птицы тоже ощутили это. Они не пели весь день.

Иво покачал головой.

— Я ничего не понял.

— Возможно потому, что орёл — не настоящая птица, милорд.

— Скажи это моей жене. — Желчь обожгла ему горло.

Её глаза наполнились сочувствием.

— Я скажу, если вы пожелаете, милорд. Я могу пойти с вами и объяснить это ей, успокоить её страхи.

Иво покачал головой. Он видел ужас и отвращение на лице Алейды.

— Она видела слишком много волшебства, чтобы её кто-нибудь мог успокоить, даже ты. В любом случае, Беата тоже меня видела. Это зашло слишком далеко. — Он надел свои башмаки и поднялся. — Мой меч?

— У Тома. Он об этом ничего не знает, милорд. Только то, что кто-то похитил их. Я

оставила вам возможность самому ему рассказать, если захотите. — И она повела его обратно к дому.

Том встретил их на краю поляны.

— Милорд! Я слышал крики, похожие на крики раненого. Я подумал...

— Это орёл, — сказала Мейрвин, заставляя сердце Иво пропустить удар. — Напал на белку.

— Я оказался без оружия, оруженосец, — сказал Иво, стремясь отвлечь Тома чем-нибудь ещё и стереть это сомнение с его лица.

Том снял меч с портупеей.

— Он острый, милорд. Я затачивал его, пока ждал.

— Молодец. — Пока Иво застёгивал портупею, Мейрвин проскользнула в дом и вернулась, неся миску с ложкой.

— Поешьте, милорд, пока ждёте сэра Бранда.

Иво с благодарностью взял миску и начал уплетать горячую похлебку так быстро, как мог. Мейрвин ещё раз зашла в дом, на сей раз появляясь с мехом эля, ломтем хлеба и кругом сыра. Том закончил убрать всё это в седельные сумки на Факсе, как раз когда Иво окончил свою трапезу.

Звук тяжеловесных лошадей, скачущих через подлесок, сказал им, что Бранд уже близко. Иво вручил миску Мейрвин и вскочил на Факса. Том направился к своей мышастой.

— Куда ты собрался, оруженосец?

— С вами, милорд.

Иво покачал головой.

— Я хочу, чтобы ты остался в замке. Освальду нужны люди на стены.

— Но, милорд, я...

— Стены, Томас.

Он с неохотой склонил голову.

— Да, милорд.

Бранд тронулся, ведя за собой гнедого Ари.

— Что эта омерзительная птица пытается сказать мне? Где ты был сегодня утром? Что здесь делает Том?

— Расскажу по дороге, — сказал Иво. — Благодарю, Целительница.

Она вышла вперёд.

— Возьмите меня с собой, милорд. Леди Алейде потребуется...

— Нет. Я не буду подвергать опасности ещё и тебя.

— Опасности? — переспросил Бранд. — Кто в опасности?

— Позже, — отрезал Иво. — Оставь лошадь Ари и пошли. — Он пришпорил Факса и направился к реке.

Бранд мгновение поколебался, затем, пожимая плечами, улыбнулся Мейрвин, бросил Тому уздцы гнедого и исчез вслед за другом.

Мейрвин наблюдала за его уходом, сохраняя в памяти то, как он заглянул в её сердце. Она могла бы увидеть его снова, ненадолго, ведь как только он и лорд Иво вернут женщин, они уйдут навсегда. Каждое воспоминание внезапно стало драгоценным.

Позади неё тихо выругался Том. Она со слезами на глазах обернулась и заметила его угрюмый хмурый взгляд.

— Отчего ты так рассержен?

— Лорд Иво сделал меня оруженосцем, — проворчал он. — Но он никогда не берёт меня с собой.

— Он хочет, чтобы ты сначала хорошенько обучился, лишь так ты будешь способен защитить себя.

— Но он даже не берёт меня на охоту! Я хорошо обращаюсь с луком.

— Твое время ещё придёт, Том. Терпение. — Теперь ему потребуется много терпения, чтобы найти другого рыцаря, согласного взять в качестве оруженосца незаконнорожденного помощника конюха. — Заходи внутрь и закончи свой ужин прежде, чем уйдёшь.

Она вновь наполнила его миску и отрезала ему толстый кусок сыра, затем оставила его, решив позаботиться и о своих животных. Когда Мейрвин закончила, она обнаружила его в дверном проёме всё ещё в расстроенных чувствах, он играл с каким-то маленьким амулетом, висевшем на тонкой цепочке на его шее, Том так походил на своего отца, что её сердце сжалось.

— Что это там у тебя? — спросила она, пытаясь отвлечь его от неприятных дум.

— Х-мм? А, это, — он поднял небольшую серебряную вещицу. — Это мой счастливый талисман.

Мейрвин повнимательнее пригляделась, и волосы встали дыбом у неё на руках. — Где ты это взял?

— Мой... один мужчина нашёл его в колодце, в последний раз, когда его чистили. Он отдал его мне.

Мужчина. Он имел в виду Эльфвайна — он был тем, кто спустился в колодец пять лет назад, чтобы вытащить оттуда всякую дрянь, единственный, кто пожелал спуститься. Вероятно, амулет был единственным подарком, который он подарил мальчику. Но не это заставило её похолодеть.

— Лорд Иво когда-нибудь видел его?

Он странно посмотрел на неё.

— Не думаю. Я всегда держал его под рубашкой. Но я думаю, что это благодаря талисману он выбрал меня в оруженосцы. Видите? — Он наклонил символ в исчезающем свете. — Это орёл, как на его щите.

Нет, как тот, что Бранд показывал ей в книге Ари — амулет лорда Иво. Колодец. Проклятье. Символ. Чудовище. Спящие люди. Её мысли перескакивали с одного события на другое на вызывающей головокружение скорости, и внезапно её дом исчез, а она оказалась над землями к северу от реки, наблюдая, как Беата положила Леди Беатрис перед стоячим камнем.

— Мейрвин?

Она снова оказалась на земле, не раздумывая побежала внутрь и схватила рунные палочки с полки.

— Мать, что я должна сделать?

Она бросила палочки на стол с пустой миской Тома. Только три из них упали лицом: Проводник, Влюблённые, Смерть. Её дыхание застряло в горле, но она кивнула, повинуюсь Богине даже в этом.

— Я понимаю, Мать. Это такая малость.

Том уставился на неё из двери.

— Я слышал, что ты ведьма.

— Только чуть-чуть. Оруженосец, ты на самом деле желаешь послушаться своего лорда,

чтобы помочь спасти его леди и дочь?

Он резко повернул голову к рунам.

— Твои палки говорят, что я должен?

— Нет. Они говорят, что я должна, но у меня нет никакой возможности последовать за ними. Ты поможешь мне?

Он уставился на неё, затем кивнул и направился к лошадям.

— Гнедой быстрее. Сэр Ари простит нас, надеюсь.

Затем он подал руку, чтобы помочь ей взобраться на лошадь, его сила удивила её.

— Ты становишься мужчиной, Том.

— Да. — Он послал ей всезнающий взгляд через плечо. — Я надеюсь, таким же хорошим, как и мой отец.

Значит, он знал. Мейрвин ухватила руками за его талию и обняла так, как никогда не сможет обнять собственного сына.

— Если станешь, то ты без сомнения будешь рыцарем, как и хочет лорд Иво. Мы сможем нагнать их?

— Да. Держитесь крепче. — Он пришпорил гнедого, и они сорвались с места.

Чтобы не попасться на глаза охранникам Олнвика, Бранд и Иво обошли мост и выше по течению, у плотины, перешли реку вброд, затем повернули на запад. Следуя за вороном по торфяникам, Иво, как мог, объяснил ситуацию.

— Значит, наше пребывание здесь подошло к концу, — вымучено сказал Бранд. — Как только мы удостоверимся, что они благополучно вернулись домой, мы должны будем уйти.

Иво будто получил резкий удар в живот, услышав это, но кивнул.

— Да.

— Я, наконец, получил... Мейрвин. — стон Бранда пришел из таких глубин, что казалось, будто он поднялся из земли. — Я даже не сказал ей «до свиданья».

— Я ничего не мог сказать перед мальчишкой. Сожалею.

— Она знает, хотя бы?

— Да. Она поймет. — В отличие от Алейды, которая никогда не поняла бы, почему он сделал то, что он должен был сделать, как ужасно он хотел её и всё, что она собой представляла. Единственная хорошая вещь во всем этом — ему не придётся отнимать у неё Беатрис... Беатрис, чей смех он никогда не услышит и не увидит её первые шаги. — Я должен был оставаться в лесах.

— Нет. Ты был прав, уйдя оттуда. Мы не можем постоянно скрываться. Ты показал нам, что мы опять можем жить среди людей.

— Только чтобы снова уйти. Независимо от того, что мы делаем, независимо от того, как долго мы позволяем этому длиться, мы всегда должны будем уходить, оставив жен и дочерей, и друзей, и нетерпеливых юных оруженосцев.

— Это не хуже того, с чем сталкиваются другие мужчины, когда идут в войну, — сказал Бранд.

— Другие мужчины, идущие на войну, надеются вернуться домой. Мы же уходим вообще без каких-либо надежд. — Он снова подумал о Беатрис и Алейде, которая оживила его всего и теперь будет учить его дочь бояться и презирать его. — Мы никогда не можем вернуться.

— Возможно, ты сможешь найти способ сделать это, — возразил Бранд. — Но даже если не сможешь, по крайней мере, ты ещё раз попробовал жить как человек.

— И нашел, что это горько.

— Нет, Ивар. У тебя были жена и ребенок. Это самое сладостное из всего, что когда-либо давала жизнь.

Иво нечего было возразить. Они передвигались в тишине, пока ворон не повернул на юг от тропы. Земля была ему знакома с того дня, когда орел следовал за Алейдой. Внезапно, он понял, куда они должны идти.

— Стоячий камень.

— Из истории Уота?

Иво кивнул.

— Он там, впереди в лесу у подножия того холма. — Что они собираются делать у камня? Они не очень далеко ушли.

— Меня больше беспокоит туман, — сказал Бранд. — Какой-то он странный.

Он был прав. Клочья тумана, переплетающиеся меж деревьев, залитых лунным светом,

лежали только на северной стороне холма, вокруг того места, где стоял камень. Иво вспомнил о том, что Мейрвин рассказывала ему об утреннем тумане. В его стремлении добраться до Алейды, он не придавал значения её обеспокоенности, но теперь...

Они поскакали к подножию холма, затем поехали вдоль границы закутанных в туман деревьев, пока не оказались у узкой тропы. Дальше по тропе, словно бы от отблесков огня, туман пылал мутно-желтым. Бранд наклонился к свечению и коснулся уха. Иво поднял голову и прислушался.

Звук усилился — напеваемая знакомым голосом колыбельная звучала в дали. Беспокойство Иво начало ослабевать. Если Беата пела колыбельную у огня, значит, всё было хорошо. Он жестом показал Бранду спешиться, и они, привязав лошадей, ступили в туман, оставляя ворона сидеть на вершине дерева.

Внутри покров тумана поглотил лунный свет, и больше чем на фут [\[55\]](#) невозможно было рассмотреть что-либо. Они на ощупь двигались между стволами деревьев, Иво глубоко вдохнул влажный воздух, и капельки влаги попали на его язык. Они были горькими и холодными, а его жена и дочь находились где-то посреди этого. Он должен был слушать Мейрвин. Он должен был попросить её помочь.

Тропинка внезапно расширилась, не оставляя для ориентира даже призрачных деревьев. Иво, пребывая в уверенности, что камень где-то рядом, на ощупь двинулся вперёд, стремясь найти Алейду и Беатрис и увести их как можно дальше от этого места. Песня Беаты становилась всё отчетливей, и туман светился более ярко, по-видимому, от костра.

Со следующим шагом земля исчезла.

Иво начал скатываться по какому-то невидимому склону и остановил своё падение, ударившись о землю. Мгновение спустя на него налетел Бранд. Они поднялись, перевели дух и взяли в руки мечи.

Перед ними расстилалась широкая низкая пещера, озаряемая светом странного огня, который пылал в её центре. На краю костра стояла Беата, мягко раскачиваясь и напевая младенцу в колыбели её рук. Алейда неподвижно лежала на боку на куче свежесрезанного вереска.

Песня Беаты смолкла, и она подняла на него взгляд со странной, довольной улыбкой.

— Ты нашел нас. Хорошо. Я долго ждала, когда ты придёшь. Очень долго.

Обеспокоенный Иво прошёл дальше в пещеру.

— Кормилица. Все хорошо?

— Очень хорошо. — Она погладила щёку Беатрис. — Такой хороший ребёнок. И не плакала всё это время.

— А моя жена?

— Спит, как видишь, — сказала Беата.

Пристальный взгляд Бранда прошелся по стенам пещеры.

— Что это за место?

— Полость под камнем, — сказала Беата, продолжая раскачиваться. — Место, где сэр Эгберт преследовал дракона. Но конечно, это только старая сказка. Не было никакого дракона.

— И никакого сердца, — сказал Бранд. — Звук в пещере является всего лишь эхом отдаленных волн.

— Только люди, которые побывали на море, поймут это. — Она говорила будто бы сама с собой. — Да, это волны, но звуки биения сердца были достаточно реальными.

Иво вложил меч в ножны, подошел к жене и встал перед ней на колени.

— Алейда?

— Ты уверен, что хочешь, чтобы она проснулась? — спросила Беата. — Она не обрадуется, увидев тебя.

Вполне возможно Старуха была права. Как бы то ни было, он легонько похлопал Алейду по плечу.

— Проснись, сладкий листочек.

— Иво? — Алейда зашевелилась и медленно открыла глаза, улыбка держалась на её губах, пока она окончательно не проснулась и не вспомнила. Улыбка исчезла, она села, вытянувшись в струнку и отпрянув назад, упираясь в скальную породу. — Что ты здесь делаешь? Уходи.

Иво протянул свои пустые руки, чтобы она смогла увидеть, что он не собирается причинить ей вреда.

— Я приехал, чтобы отвести тебя и Беатрис домой.

— Нет. Я знаю, кто ты. — Страх в её глазах сжал внутренности Иво. — Я видела, как ты превратился в это... это существо.

— Орла. Тот же самый орёл, которого ты хотела получить в качестве домашнего питомца, который следил за тобой и защищал тебя от де'Жена. Ну, позволь мне проводить тебя домой.

— Мы не можем отправиться домой. Церковь...

— Никто не узнает. Как только ты окажешься в безопасности, я исчезну, клянусь. Ты можешь сказать, что меня убили. Никто не узнает.

— Но Беатрис... — Она с трудом сдерживала рыдания. — Её отец — демон.

— Нет. Я не демон. Я — человек, Алейда. Проклятый человек, но только человек.

— Только человек, — повторила Беата и пощекотала Беатрис под подбородком. — У людей нет перьев и меха, не так ли, дорогая?

— У орлов нет меха, — сказал Бранд.

— Нет, нет, нет, конечно, нет. У кого есть мех, дорогая? — проворковала Беата. — Львов и лошадей и волков и оленей и собак и быков.

Холодный страх прошёлся по спине Иво, как только Беата перечислила животных, в которые обращались другие.

Она бросила взгляд на Бранда, и её лицо осветилось той странной улыбкой.

— И медведей, детка. Давай не будем забывать о больших, бурых медведях, которые, не задумываясь, съели бы такого нежного *baïrn* [\[56\]](#), как ты.

— Кто ты, старуха? — потребовал ответа Бранд, но Иво уже понял. Он снова вытащил меч и встал между Алейдой и злом.

— Ты знаешь меня. Я — Беата. Старая Беата, воспитавшая Леди Алейду для твоего друга, чтобы она смогла выносить ему ребёнка. Беата, вынувшая ребёнка орла из её тела и вдохнувшая в него жизнь. — Она погладила животик Беатрис и улыбнулась, когда ребёнок счастливо залепетал. — Ты знаешь меня, не так ли, дорогая. И ты тоже знаешь меня, Медведь. Я сделала тебя таким.

Зарычав, Бранд поднял свой меч и приготовился к нападению.

— Бранд, нет! — Иво оказался перед Квен и поймал опускающийся клинок Бранда своим собственным. В своей ярости Бранд напал снова, сила его удара заставила Иво опуститься на колени. — Бранд, остановись! Беатрис. Ты причинишь боль Беатрис.

Слова Иво проникли сквозь кровавую пелену, застилающую глаза Бранда и остановили меч перед смертельным ударом. Руки Бранда дрожали в попытках усмирить себя, затем он медленно начал опускать оружие и освобождаться от медвежьей свирепости.

Старуха от удовольствия рассмеялась.

— Хорошо, Орел. На сей раз ты остановил его. Ты должен был остановить его прежде, чем он убил моего Сигвейрда.

Иво повернулся, чтобы стать лицом к лицу с ведьмой.

— Чего ты хочешь, Квен?

— Кто такая Квен? — спросила Алейда.

— Ведьма, наложившая на нас проклятье, — сказал Бранд. — Она.

— Что ты имеешь в виду? Это Беата. — Алейда поднялась на ноги. — Беата, скажи им, прежде чем они причинят тебе боль.

— Успокойся, ягненок. Они не смогут навредить мне. — Ведьма провела рукой над огнём и шагнула в центр костра. Языки пламени взвились вокруг её юбок, обнимая её, но не обжигая. Алейда закричала, когда образ пухленькой кормилицы растаял, оставляя целую и невредимую Беатрис в руках более худой, более молодой, более высокой женщины, у которой единственным сходством с Беатой была довольная улыбка. — Как видишь, я — Квен.

— Беатрис! — Алейда кинулась к огню. Иво поймал её за талию и оттащил назад. — Отпусти меня. — Алейда извивалась в его руках, обезумев от желания спасти своего ребенка. — Беатрис.

— Алейда, остановись. С ней всё хорошо. Не вынуждай Квен уронить её. — Иво прижал её к груди и держал, пока его слова не проникли сквозь безумие Алейды, и она не успокоилась. — Я верну её тебе, — шептал он ей на ухо. — Позволь нам сделать это.

Она смирившись, взглядом, находясь под гнётом этого нового страха, преодолевающего старые. Она кивнула, и он медленно освободил её и подтолкнул себе за спину.

— Знаешь ли, я растила тебя для этого, — сказала Квен. — Несколько лет назад у меня было видение о том, что он получит твою руку, и я приехала, чтобы ждать и готовить тебя, позаботиться о том, чтобы ты возжелала его и родила ему ребенка.

— Поссет [\[57\]](#), — прошептала Алейда, внезапно понимая, откуда было это странное желание, нахлынувшее на неё той ночью.

— Да. Он заставил тебя хотеть его. Он позволил его семени зацепиться так, чтобы эта малышка родилась в нужное время. Ей сегодня месяц. Ты знаешь, что сегодня за день, не так ли, ягненок?

У Алейды перехватило дыхание. Канун Дня всех святых. День тёмного волшебства, день, когда демоны царили на земле.

— Беата, пожалуйста, — попросила она.

— Не называй меня именем этой служанки. Я — Квен. — Она выпрямилась так, будто бы вместе со своим именем обретая и силу. — Я была королевской волшебницей прежде, чем эти двое родились, а это было давно. Спроси их, сколько им лет.

Алейда взглянула на Иво. Он покачал головой и шагнул к Беате.

— Я ещё раз спрашиваю, чего ты хочешь?

— Простую вещь, Орёл — твою дочь взамен моего сына. И ты отдашь её мне.

— Нет. — Алейда снова дёрнулась к огню, и Иво выставил руку, чтобы не дать ей сделать это.

— Никогда, — с яростью высказал он Квен. — Сначала мне придётся умереть.

— Пустая клятва, так как ты не можешь сделать этого. — Свет от пламени превратил измождённое лицо Квен в ужасающе красивое, ещё больше напугав Алейду. — Это было самой хитрой частью того, что я сделала, и самой трудной, но я хотела, чтобы ваши мучения были вечными, как и моё собственное. Каково это — знать, что ты больше никогда не увидишь солнца?

Иво шагнул к ней.

— Со временем я полюбил луну.

— Ах, но ты помнишь прикосновения солнца... — Она щелкнула пальцами, и золотистая теплота окутала пещеру, как если бы они стояли нагишом под освещённым солнцем небом. — Радость летнего дня... — Другой щелчок, и прохладный бриз пронёсся мимо, неся с собой аромат свежескошенного сена. — Как дневной свет переливается на волнах, когда ты плывёшь домой... — Щелчок, и звук воды, несущейся мимо корпуса корабля, заполнил их уши.

Иво поднял лицо к теплу и свету, лившемуся на него сверху, и вздохнул.

— Это снова может стать твоим, — шептала Квен. — Я освобожу тебя от проклятия. Отдай мне Беатрис, и ты снова станешь человеком и сможешь прожить свою жизнь на солнце. В своём доме. Я буду любить её, заботиться о ней, воспитывать её как свою собственную. Скажи «да», и ты получишь всё это.

Даже испытывая страх, Алейда поняла, что предлагала Квен. Как человек, Иво мог пойти домой. Одно слово — и у него было бы солнце. Всё, что ему надо было сделать, это бросить их ребёнка. Он мог сделать это. Она знала, что он сделает это. Ах, Боже, нет.

Иво открыл глаза и пристально уставился в холодные синие глаза Квен.

— Возьми меня вместо неё.

— Нет! — закричал Бранд, и Алейда поняла, что и она кричит вместе с ним.

Иво проигнорировал их обоих.

— Я буду твоим сыном, — сказал он Квен. — Я всего себя отдам тебе, буду уважать тебя и учиться любить тебя так, как сын любит мать.

— Ты! Ты думаешь, что мне нужен один из животных, растерзавших моего мальчика? — Гнев потряс её настолько сильно, что Беатрис задрожала в её руках.

Иво опустил меч и вышел вперёд, соединяя запястья так, как если бы он был скован кандалами.

— Тогда возьми меня как раба, чтобы служить тебе. Чтобы ты могла истязать меня, как пожелаешь.

— Или меня, — сказал Бранд. — Я тот, кто убил Сигвейрда, тот, кого ты действительно хочешь заполучить. Потрать свой яд на меня, ведьма. Ты больше насладишься этим.

— У меня другие планы относительно тебя, Медведь, — сказала Квен голосом, от которого мурашки пробежали по коже Алейды. — Я хочу ребёнка. Она мала. Она будет любить меня как мать.

— Как это делала я? — спросила Алейда, глотая от слёз слова, заполнявших глаза и забивающих горло. — Неважно как ты называешь себя, ты — моя Беата, та, которая воспитывала меня и нянчилась со мной, и учила меня шить. Моя Беата, та, которую я любила все эти годы. Неужели ты не понимаешь, что у тебя уже есть желаемый тобой ребёнок.

Выражение лица Квен смягчилось.

— Почти что, ягнёночек. Ты больше любила свою мать и бабушку. Этот ребёнок будет

любить только меня.

— А кого я должна любить? — рыдала Алейда. — Как ты можешь забрать у меня моё дитя, когда сама знаешь, что значит потерять собственного ребёнка?

— Я не собираюсь отнимать её у тебя, ягнёночек. Он отдаст её.

— Но он не сделает этого. Ты слышала, что он сказал. Пожалуйста, отдай её мне. — упрашивала Алейда и потянулась к ней.

— Я могла бы забрать вас обоих, — размышляла Квен, — и иметь и дочь и внучку. Что ты на это скажешь, Орёл?

— Нет. — Иво притянул назад Алейду и снова поместил себе за спину. — Возьми меня, Квен. Это единственное предложение. Ничего кроме этого. Отошли домой Алейду с Беатрис, поклянись, что твое зло больше никогда не коснётся их, и я навечно буду принадлежать тебе.

— Как трогательно. Ты любишь её, — глумилась Квен. — Это не поможет тебе теперь, когда твоя жена видела тебя в твоём истинном обличье. У тебя нет выбора. Брось своего ребёнка и наслаждайся жизнью, или откажись и продолжай жить в своём аду. В любом случае Алейда будет ненавидеть тебя.

— Скорее ад замёрзнет, — сказал Иво. — Ты не получишь никого из них.

— Конечно же, я могу заставить Алейду забыть, — предложила Квен. — Всё это. Орёл. Всё, что она видела. Даже Беатрис.

— Я никогда не забуду собственного ребёнка, — поклялась Алейда.

— Ах, но ты забудешь, ягнёночек, и полюбишь его. Отдай мне ребёнка, Орёл, и у тебя будет Алейда и солнце.

— Ты многое предлагаешь, Ведьма, пытаешься заставить меня сказать да. Почему?

— Потому, что она должна, милорд. — Мейрвин вошла в пещеру, Том шел за ней по пятам.

По лицу Бранда промелькнуло беспокойство.

— Мейрвин. Уходи отсюда.

Она покачала головой.

— Я должна быть здесь.

— Пожалуйста, Мери, уходи. Ты не знаешь, кто она. Том, уведи её отсюда.

— Том, позаботься о своей леди, — спокойно сказала Мейрвин. — Я знаю, кто она, messire. Именно поэтому Мать послала меня.

— Самонадеянность, — глумилась Квен. — Твое простое волшебство богини не сможет сравниться с моим.

— Я слушала у входа в пещеру, великая. Я хорошо знаю, что может сделать твоё волшебство. — Она повернулась к Бранду, привлекая к себе внимание Квен.

Том подошел к Алейде и взял её за руку.

— Я помогу вам быть сильной, миледи.

— Она хочет вашу душу вместе с ребёнком, милорд, — продолжила Мейрвин. — Именно поэтому она предлагает сердце вашей леди, чтобы соблазнить вас. Не позволяйте ей сделать это. Откажитесь.

— До последнего вздоха, — поклялся Иво.

— Миледи, она также влияет и на вашу душу. Этот страх... это она, не вы.

— Ты вмешиваешься в вещи, не имеющие к тебе никакого отношения, Целительница, — предупредила Квен.

Мейрвин проигнорировала её.

— Думайте, миледи. Как вы могли настолько испугаться своего мужа?

— Я... — Запутанная, Алейда посмотрела на Иво, затем на Квен, потом назад на Мейрвин. Спокойствие целительницы привлекло, и она выбрала её, решив позволить ей успокоить свои спутанные мысли. — Я видела, как он изменился. Беата сказала мне, что он демон. Она сказала, что они сожгут меня за то, что была с ним. Но я продолжала думать, что он — Иво, он — мой муж. Она заставила меня выпить... чтобы успокоить меня, как она сказала.

— Но вам становилось ещё страшнее, не так ли? Она сделала так, что вы ещё сильнее испугались, — сказала Мейрвин.

Алейда старалась заставить себя думать.

— Я так испугалась.

— Ах, сладкий листочек, я никогда не причинил бы тебе боль, — сказал Иво. — Ты должна знать это. Никогда не бойся меня.

— Бойся его, — приказала Квен, и Алейда захныкала и задрожала под весом наседающего на неё ужаса.

— Оставь её, — сказал Том. Он отпустил Алейду, и смело встал рядом с Иво между ней и Квен. — Она не боится его, Ведьма. Никто из нас не боится.

— А должен бы, мальчишка. — Квен над его плечом нашла взглядом Алейду. — Они сожгут тебя, если узнают, миледи.

— Как они узнают? — спросила Мейрвин. — Вы рассказали бы им, миледи?

Голова Алейды была такой тяжёлой, но не настолько, чтобы она не смогла ответить.

— Никогда.

— Они узнают и сожгут тебя за это, — пообещала Квен. Её голос изменился, и он снова походил на голос Беаты. — Или он убьёт нас, ягнёночек, даже малышку, чтобы сохранить свою грязную тайну.

— Нет, — сказала Алейда. Теперь она поняла, что делает Квен, и она боролась, желая вышвырнуть её из своего разума. — Ты лжёшь. Ты лгала мне всё это время. Он любит нас.

— Его слабость, — сказала Квен. — И твоя.

— Тогда сделайте это вашей силой, миледи. — Том повернулся спиной к Квен и положил кулак на грудь, где только Алейда могла увидеть, и открыл его. — Будьте сильны для орла, который следовал за нами в тот день.

Том пытался сказать ей что-то. Рука. Он оставил что-то в её руке. Она приоткрыла свой кулак только, чтобы мельком увидеть проблеск серебра и разглядеть фигурку орла. Она повернулась к Мейрвин, вопрошая её взглядом.

— Вся сила, что нужна вам, находится в вас, миледи, — сказала мягко Мейрвин. — Когда вы пришли ко мне за помощью, микстура, которую я дала вам, была только успокоительным маслом, без капли волшебства. Все волшебство находилось здесь. — Она сжала пальцы в кулак и приложила к своему сердцу. — Здесь, этим вы и покорили лорда Иво.

— Но я...

— Вы на самом деле боитесь? — спросила Мейрвин. — Вы на самом деле боитесь своего мужа?

— Нет. — Алейда поняла, что именно это и имела в виду... Но что, если она ошиблась? Что, если он... Нет, это была Квен. Её дыхание стало прерывистым. — Нет, не боюсь.

— Тем не менее, тебе страшно, — выдохнула Квен, её яд ещё раз проник в душу Алейды.

— Нет. — Она сжимала кулак, пока маленькая фигурка орла не впиалась ей в руку, используя боль, чтобы избавиться от волшебства Квен. — Нет. Я не боюсь.

Заглядывая глубоко в себя, она поняла, что сила помогла ей сделать несколько шагов к принятию стороны Иво. Уже более уверенная в себе, она приложила руку к сердцу Орла и сказала правду, которую весь день пыталась вспомнить, когда как Беата вела её всё глубже и глубже по дороге страха. — Я не боюсь. Я люблю Иво. Боже помоги мне, я действительно люблю его, даже сейчас.

— И я... — Иво внезапно закричал и напрягся, его спина, как лук, изогнулась дугой. Что-то дурное обволокло его нитями густого бурого тумана. С ужасом Алейда наблюдала, как он задыхается в тёмных парах тумана. Умирает. Он умирает. Она убивает его. Её крик слился с его, соединившись с криком призрачного орла, появившегося из тумана и расправившего свои широкие крылья над их головами. Орёл ещё раз издал крик и внезапно исчез, оставляя вместо себя только слабое свечение в воздухе.

Иво упал на колени, хватая ртом воздух, Алейда рухнула рядом с ним.

— Нет! — выкрикнула Квен. — Нет, этого не может быть. Это невозможно. У тебя нет его. Ни у кого его нет. Заклинание не может быть разрушено одной лишь любовью.

— Твоя власть над ним кончилась, — сказала Мейрвин. — Как и власть над его леди.

Квен сместила хватку и подвесила Беатрис над огнём.

— Ещё не кончилась.

— Нет! — Иво бросился всем телом на Квен, отбросил её в сторону, одновременно с этим выхватывая Беатрис из её рук. Он развернулся в воздухе так, чтобы приземлиться под малышкой, защитить её, когда они угодили в костёр, и откатился подальше в сторону от тлеющих угольков.

— Довольно. — Воздух вокруг Квен вскипел от силы её гнева. Она притянула к себе, пышущие жаром пары и вскинула руку, направив её на Иво. С криком Мейрвин бросилась между ними. Удар молнии, предназначенный для Иво и Беатрис, ударил ей в грудь и поднял над землёй. Она, корчась, висела там, молнии, потрескивали по её коже.

— Мейрвин! — взревел Бранд и кинулся к Квен. Ещё один резкий выброс руки Квен развернул Бранда и отбросил прочь его меч, пока неподвижное тело Мейрвин опадало на землю. Квен повернулась к Алейде и начала поднимать руку.

— Нет. — Худенькое тельце Тома полетело как копье. Он врезался прямо в Квен, с криком вонзил ей в грудь кинжал, в то время как молнии иссушали его тело. Они упали, врезаясь в стену. Том откатился далеко, и Бранд поднялся на ноги, желая свернуть Квен шею.

Его лезвие нашло только воздух и дым. Зарывав от расстройства, он поворачивался в разные стороны, ища ведьму.

— Куда она делась?

Том поднял отброшенный меч Иво и приготовился сражаться, вместе с Брандом осматривая пространство пещеры в поисках Квен.

— Исчезла.

Вокруг них земля начала дрожать. Пыль и камни градом посыпались с потолка.

— Уходим, — выкрикнул Иво. — Алейда. Уходим!

Она побежала к выходу, Иво следовал за ней по пятам, в который раз защищая Беатрис своим телом. Позади них Бранд бросил свой меч Тому.

— Беги, парень.

Он подхватил Мейрвин и побежал изо всех сил, едва они вышли из прохода, пещера обрушилась. Грохот и землетрясение не прекращались до тех пор, пока стоячий камень не сместился и, наклонившись, не заслонил собой вход в пещеру. Землетрясение прекратилось, и ночь, успокаивая, окутала их. Всё выглядело так, будто пещеры никогда и не было.

— Мери? Ах, нет. Нет. — Бранд крепко прижал истерзанное тело целительницы к своей груди. — Мери.

Иво передал Беатрис в руки Алейды и сорвал с себя плащ, чтобы расстелить его на траве. — Бранд, сюда.

Пока Алейда цеплялась за своего ребёнка, со слезами облегчения, повторяла её имя, Бранд встал на колени, чтобы положить Мейрвин на плащ, мягко укрывая её собственным. — Всё будет хорошо, — шептал он, глядя ей волосы. — Я позабочусь о тебе.

Мейрвин вздохнула, и медленно открыла глаза. Мягкая улыбка коснулась её губ. — Ты спасён.

— Да, — сказал Бранд.

— Леди Беатрис?

— Да. Она тоже спаслась.

Плача, Алейда встала на колени, чтобы показать Мейрвин перепачканную пылью, но невредимую малышку, вопящую у неё на руках.

— Ты спасла её, Мейрвин. Ты спасла нас всех.

— Любовь спасла вас. — Она снова задрожала, и её дыхание с шумом вышло из легких. — Милорд?

— Я здесь, Мейрвин. — Иво встал на колени рядом с Алейдой. — Мне не хватит слов, чтобы выразить тебе свою благодарность.

— Любите её, — просто сказала она, затем добавила, — Том знает. Спросите его.

— Я спрошу. Мир с тобой, Целительница. — Иво помог Алейде встать и отвёл её в сторону. Она разрыдалась на его груди, обвиняя себя в ощущении огромной радости, оттого что он и Беатрис живы и здоровы, когда как так много было потеряно.

— Как красиво, — шептала Мейрвин. Туман исчез вместе с Квен, оставляя ночь, такую ясную, что казалось, будто звёзды висят на ветвях деревьев. Глаза Мейрвин нашли молочно-белую полосу. — Дорога Одина [\[58\]](#). Сегодня я легко попаду туда.

— Нет, Мери. Не оставляй меня. Держись. Я отвезу тебя домой.

— Мать зовёт меня. — Она с трудом подняла руку, чтобы коснуться щеки Бранда. — Не печалься, любовь моя.

— Мейрвин, пожалуйста.

— Когда придёт наше время, я найду тебя. — Её рука упала, и, вздохнув, она прошептала, — Жди меня.

А потом она ушла, её глаза так и остались смотреть на небеса. Со стоном Бранд сгрёб её в свои объятия. Слезы блестели на его щеках, яркие как звёзды, он закрыл её глаза и поцеловал, прощаясь.

Они всю ночь двигались по направлению к дому, и всю дорогу Бранд нёс Мейрвин. Иво усадил Алейду и Беатрис на Фэкса и вел его под уздцы, идя рядом с Брандом. Том плелся в конце с двумя оставшимися лошадьми, а высоко в небе кружил ворон.

За милю [\[59\]](#) до моста Бранд остановился.

— Здесь я поворачиваю. Она должна оказаться дома, не в их церкви, а если пройду по деревне, возникнут вопросы.

Иво кивнул, зная, что Бранд должен сделать это, чтобы защитить Мейрвин.

— Я пойду с тобой.

— Нет, позаботься о своей семье. — Бранд тяжело сглотнул, его челюсть выпятилась вперед, когда он попытался взять себя в руки.

— Ты двинешься дальше? — спросил Иво.

— Нет. Квен не умерла. Если она вернется, то мы тебе понадобится. Я буду на этом самом месте сегодня вечером, после того, как... — Он остановился, не находя в себе сил произнести эти слова. — Ари может поехать на лошади Тома и вечером вернуть мне Кракена.

Он повернулся и ушел, его спина была прямой и негнущейся, ведь он нёс Мейрвин домой, ворон тихо полетел за ним.

Иво следил за Брандом с Мейрвин, пока темнота не скрыла их, затем повернулся, чтобы взглянуть на Алейду.

— Как она?

— Прекрасно. — Она заглянула под плащ, чтобы проверить. — Спит.

— Хорошо. Я... — Он запнулся. — Вероятно, я должен пойти с ним. Я не знаю, что может произойти на восходе солнца.

— Зато я знаю. — Она потянулась вниз, чтобы коснуться его волос, благословение более драгоценное, чем любое, данное священником. — Небо изменит свой цвет, станет розовым с позолотой, а затем синим, и солнце коснется этих бледных волос, и я заплачу, сначала от радости, а затем от печали, по Мейрвин. Всё будет хорошо, любовь моя. Ты освободился от этого. Мейрвин сказала так. Даже Бе... Даже Квен сказала так.

Мейрвин сказала так. В унынии, которое следовало за ними по торфяникам, он не подумал расспросить Тома, но сейчас он жестом подозвал мальчишку к себе.

— Мейрвин сказала, ты знаешь. Что она имела в виду?

— Она сказала мне все, когда мы поехали за вами, милорд, что я должен сделать. И почему. Она сказала, что я должен помнить, но я не знал, почему до... — Том сглотнул, затем посмотрел на Алейду. — У вас всё ещё при себе это, миледи? То, что я дал вам?

Алейда удивилась, затем мельком взглянула на свой кулак, туго сжимающийся вокруг какой-то вещицы. — Я даже не понимала, что всё ещё держу это. — Она медленно раскрыла руку, и Иво смахнул слезу, когда увидел то, что она стискивала так сильно, то что оставило отпечаток на ее ладони.

Иво смотрел на кусочек серебра, который много лет назад сорвала с его шеи Квен. — Он был у тебя все это время?

— Его достали из колодца, милорд, — сказал Том. — Эльфвайн нашел, когда его чистил. Мейрвин сказала, что Эльфвайн не понял что это, и просто отдал вещицу мне, на

хранение. До тех пор пока она не сказала мне, я и не знал, что это принадлежит вам, милорд.

— Да. Да, ты и не мог этого знать. — Он сжал плечо Тома. — И, тем не менее, ты берёг его для меня. — Он забрал у Алейды своего орла и через голову натянул цепочку. Он не ощутил никакой тяжести, как если бы вещица никогда не покидала его.

— Почему в нём было такое волшебство? — спросила Алейда.

— Это — мой fylgja. Мой... — Иво попытался подобрать похожее слово на французском языке. — Мой дух хранитель. Мой отец надел его на меня в день моего рождения, а Квен похитила его много лет назад.

— Мейрвин... — голос Тома внезапно застрял у него в горле, и ему стало необходимо откашляться. — Она сказала, что Квен использовала это, чтобы превращать милорда в животное, и что этим волшебство могло быть уничтожено, если бы ещё была любовь. Любовь, которая знала правду, сказала она. Она попросила меня, положить вещицу в вашу руку, миледи, сказав, что она даст вам силу, чтобы сказать, то, что у вас на сердце. И милорд, она просила сказать вам, что остальные тоже должны найти их талисманы.

— Есть и другие, помимо Бранда и Ари? — спросила Алейда.

— Всего нас девять. Все существа, названные Квен. — Иво невидящим взглядом уставился в ночь, думая о других. — Порядочные люди. Чуть позже, днём, я расскажу тебе о них немного. — Позже днём, подумал он. Он собирался жить день за днём...

— Возможно, нам стоит ещё раз почистить колодец, вдруг там fíl... хранитель Бранда.

— Fylgja. — Его там нет, почувствовал Иво, но он кивнул. — Мы сделаем это. И мы найдём пещеру, если сможем, и раскопаем её, и крепость на холме, и любое другое место, где она могла спрятать их. И мы пошлем знание другим, чтобы и они искали. Вполне возможно им повезет, и кто-кто из них найдёт их.

— Они все должны найти, милорд, — сказал Том. — Мейрвин сказала, что волшебство Квен связывает сэра Бранда более сильно, потому что он победил вас той ночью, и все вы должны разрушить проклятье прежде, чем он сможет освободиться.

Все они? Когда потребовалось двенадцать десятилетий, чтобы наткнуться на этот единственный? Невозможно.

— Тогда мы найдем их все, — сказала уверенно Алейда, и её решимость передалась Иво так же, как её любовь, развеивающая все сомнения.

— Мы не остановимся, пока не сделаем это, — поклялся он. — А пока мы должны доставить тебя и Беатрис домой. Мы можем ехать теперь, когда Бранд ушел с... — Он не смог произнести её имя. — Я возьму Кракена.

Том вручил ему поводья Кракена, затем начал забираться на гнедого Ари и вздрогнул, оказавшись в седле.

— Покажи мне руку, — приказал Иво. Том протянул руку, и даже при исчезающем лунном свете, Иво смог увидеть, что его ладонь почти до кости была пересечена раной.

— Томас, ты должен был сказать хоть что-то, — сказала Алейда.

— Она только немного побаливает, миледи. Были более важные вещи.

— Да. Были. — Коль скоро Иво был обязан, то мальчишка уже заработал свои шпоры, даже если ему придётся подождать совершеннолетия, чтобы получить их. Но ещё будет время сказать ему об этом, поблагодарить его ещё раз, вознаградить за его храбрость. Целая жизнь... но только одна. Он должен помнить об этом теперь и лелеять каждое мгновение. Каждый день.

— Ну, давай доставим тебя и моих леди домой.

Петухи уже начали кричать, когда они пересекли мост и поднялись на холм, направляясь в Олнвик. Со стены раздался крик, и ворота широко раскрылись в приглашении. С чувством облегчения Иво повёл Алейду во двор. В безопасность.

В следующее мгновение чувство ушло при виде толпы дворян, стоящих у двери в зал. Иво быстро просмотрел лица, узнав Фламбарда ^[60], Браинарда, де Жена, и других членов королевского совета. Ранульф Фламбард поднял руку, и два десятка вооруженных рыцарей, рассеянных по двору, окружили наездников. Мужчины Олнвика заворчали, но, что очевидно... не сделали ничего, чтобы предупредить их.

Том переместился поближе к Алейде, сместив руку к мечу Ари, висящему у седла.

— Полегче, Том, — сказал Иво.

Мгновение спустя Король Вильгельм вышел из дверей, и Иво расслабился. Он мог иметь дело с Вильгельмом. Затем он увидел мужчину, вышедшего за ним.

— Фиц Хьюберт, тебя уже дважды предупреждали держаться подальше от моих земель. — Иво соскочил с Кракена, послав Невиллу суровый взгляд прежде, чем помочь спуститься Алейде с Беатрис. Он удостоверился, что малышка хорошо устроена на руках у матери и поцеловал жену и дочь.

— Почему король здесь? — настойчиво зашептала Алейда.

— Увидим. Веди себя, как ни в чем не бывало. — Он прижался ещё одним поцелуем к её щеке, подвёл её вперёд и помог опуститься на колени перед королем. — Сир. Добро пожаловать в Олнвик.

— Встаньте, — сказал Вильгельм нетерпеливо. — Это твоя леди?

— Да, Ваша Светлость. Леди Алейда, которую вы дали мне как невесту, и наша дочь, Беатрис.

Алейда опустила в реверансе... не столь низко, как она могла бы, но достаточно низко, чтобы Вильгельм мог рассмотреть ребёнка... и произнесла спокойно:

— Ваша Светлость.

— Миледи. Ваш маршал сказал, что вас похитили разбойники.

— Да, Ваша Светлость, похитили.

— Я вернул их невредимыми, — сказал Иво.

— А где ваши люди?

— Хоронят тела, включая кормилицу моей жены, которая была частью мерзкого заговора. — Он позволил людям Олнвика переварить это прежде, чем многозначительно посмотрел на Фица Хьюберта. — И говоря о мерзком, Ваша Светлость...

— Осторожнее, милорд. На сей раз сэр Невилл приехал со мной. — Вильгельм пододвинулся, и Невилл вышел вперед, самодовольно улыбаясь. — Он принес мне известия о тёмных делах, творящихся в Олнвике. Он утверждает, что ты практикуешь черную магию и общаешься с демонами. Фактически, сам являешься одним из них.

— На самом деле тёмные... если бы это было правдой.

— Невилл, что за ложь вы на сей раз несёте? — потребовала с негодованием Алейда.

Улыбка Невилла только стала шире.

— Никакой, миледи. Вы никогда не задавались вопросом, почему ваш муж исчезает в лесу перед каждым рассветом и возвращается только после наступления темноты?

Алейда покачала головой, будто мать, не верящая разыгравшемуся воображению ребенка, и повернулась к Вильгельму.

— Если любовь к охоте — признак черной магии, Ваша Светлость, леса Англии полны благородных инкубов [\[61\]](#).

Смех, который сотряс двор, превратил улыбку Невилла в ядовитую насмешку.

— Он не охотится, Леди Алейда. Он — демон, и он превращается в орла с восходом солнца и обратно в человека на закате. Я видел, как он делает это, своими собственными глазами. Действительно, дьявольские делишки.

— Орла? — сказал Иво, выдавливая из себя улыбку, ведь ускользала его вновь обретенная жизнь. — Конечно, Ваша Светлость, вы не можете верить такой чепухе.

— Я не знаю, стоит верить ему или нет, — сказал Уильям. — Именно поэтому я здесь. Алейда деликатно откашлялась.

— Я уверяю вас, Ваша Светлость, днём или ночью, мой муж — мужчина в полном смысле этого слова.

Вновь засмеялись, но громче всех был Вильгельм. Её острый язычок мог бы помочь в этом деле, подумал Иво, порадовавшись, что никогда не пытался приручить его. Только морщинки в уголках её глаз и рта выдавали, чего стоила ей борьба с остатками подлости Квен.

Вильгельм рукой стер усмешку со своего лица.

— Тем не менее, Леди Алейда, я лично хочу убедиться в истинности слов Фиц Хьюберта. У меня достаточно неприятностей с приспешниками дьявола на севере, и не стоит забывать о настоящем, сидящем в хорошо укрепленном замке. Будет довольно легко разрешить это дело. — Вильгельм поднял свой взгляд вверх на проясняющееся небо, рассеивающиеся порозовевшие облака, слегка тронутые золотом, о которых говорила Алейда. — Солнце скоро взойдёт. Мы посмотрим, что произойдёт. Взять его.

Двое крепких рыцарей вышли вперед, отталкивая Алейду в сторону и хватая Иво за руки. Иво боролся с желанием сопротивляться, вместо этого посылая Алейде ободряющую улыбку.

— Ваша Светлость, у моей жены был трудный день и более трудная ночь. Вы позволите ей удалиться, ведь она не имеет к этому никакого отношения?

Вильгельм кивнул.

— Лорд Роберт, проводите Леди Алейду и её дочь в солар.

Алейда отступила от Роберта. — Пожалуйста, Ваша Светлость, я предпочла бы оставаться. В конце концов, будет весьма забавно наблюдать за падением Невилла.

— Действительно ли вы уверены, миледи? Вы можете оказаться свидетельницей падения своего мужа.

— Нет, Ваша Светлость, такого не будет. — Её спокойная уверенность укрепила Иво. — Я никогда не смогла бы полюбить мужчину, который являлся бы злом.

— Надеюсь, что так, миледи. Ну, встаньте рядом со мной, и вместе узнаем правду.

Розова на облаках исчезла, как только небо посветлело и стало синим. Свет раскрасил вершины отдаленных холмов. Иво приготовился, как готовился каждый рассвет последние двенадцать десятилетий, ожидая боли.

— Будьте наготове, — приказал Вильгельм. — Если он обратится в орла, я не хочу чтобы он скрылся прежде, чем им займутся епископы.

Ещё чуть-чуть и от усмешки лицо Невилла треснуло бы пополам.

— Мне стоило позволить Бранду выпотрошить тебя, — сказал Иво мягко, смакуя страх, который расширил глаза Невилла.

Солнце выглянуло из-за горизонта, и первые лучи света упали во двор. Мужчины, державшие Иво, напряглись; их пальцы впились ему в руки. Влиятельные пары рвались вперед, страстно ища первых признаков клюва или когтей.

Мгновение прошло без боли, и сердце Иво убило свой бег от надежды. Разочарование наполнило лица вельмож. Невилл тревожно переступал с ноги на ногу. Солнечный луч подкрался к Иво, коснулся его, ошеломил своей теплотой и яркостью.

— Вы видите, Ваша Светлость. — Алейда оттолкнула баронов, чтобы отнести Беатрис Иво, и солнце прошлось по её щеке, а затем по малышке, и все, что он мог делать — дышать. — Нет никакого орла кроме как в грязном воображении Невилла. Это уже третий раз, когда он доставляет нам здесь неприятности, и всё потому, что я отказалась от его ухаживаний и ждала того, чтобы вы сами отдали мою руку, согласно вашему праву.

— Так вот поэтому ты организовал это, Фиц Хьюберт?

— Нет, Сир. Нет. Я видел, как он обернулся. Я клянусь, что я видел. Это какая-то уловка. Он — орел. Орел, говорю я вам.

— Орел. Раны Господни, человек, я не могу поверить, что позволил тебе попусту тратить моё время. Уведите его отсюда, — приказал Вильгельм. Освальд и Пенда помчались вперед, чтобы выполнить приказ. — По правде говоря, вышлите его из Англии. Мой вероломный брат нуждается в людях, чтобы идти с ними на Иерусалим. Если повезёт, то сарацины избавят нас от них обоих. Сэр Невилл, ты возьмёшь Крест сегодня же утром. Тащите его к часовне, чтобы он мог дать клятву.

Приветствия раздались с того места, где собрались люди Олнвика. Рыцари, удерживающие Иво, выпустили его и занялись Невиллом, волоча его к часовне.

— Ты удачливый человек, де Вэсси, — сказал Вильгельм, — иметь жену с такой верой в тебя и таким язычком, чтобы использовать его для твоей защиты.

— Я счастлив за то, что имею и то, и другое каждый день, с тех пор как вы выбрали её для меня, Ваша Светлость.

— Хорошо. Тогда ты не будешь возражать, если я вознагражу её за это. Что бы вы хотели, Леди Алейда?

— Вы знаете о том, что я хочу, Ваша Светлость, из ходатайств, которые я посылала вам. По одному, каждый месяц весь этот год?

— Да. Вы пристаёте ко мне не хуже, чем папа римский. Я пошлю приказ в Виндзор, и если ваш дедушка и дядя поклянутся в верности и убедят меня, что на сей раз они будут благоразумно себя вести, вы получите их свободу.

Пылая, она опустила в глубоком реверансе.

— Спасибо, монсеньор.

— Да. Хорошо. — Вильгельм повернулся, чтобы направиться внутрь. — После того, как позавтракаю, де Вэсси, я хочу посмотреть на ту башню, за которую я заплатил.

— Конечно, Ваша Светлость.

Джефффри подозревал обитателей Олнвика, чтобы представить их королю и его людям, и, вздохнув с облегчением, Иво заключил в объятия жену и дочь. Наполовину рыдая, наполовину смеясь, Алейда взъерошила его волосы. — Видишь? Я же говорила тебе. Говорила.

Они ещё долго там стояли, обнимаясь, в то время как люди и животные ходили мимо них. Через некоторое время, Том откашлялся.

— Смотрите, милорд.

Над отдаленными деревьями в утреннее небо вздымался серый дым. Голос Алейды застрял где-то в горле.

— Домик Мейрвин.

— Её похоронный костер, — пробормотал Иво. — Они подумают, что она умерла в огне. Никогда не смей говорить иначе.

— Не буду, милорд, — сказал Том, затем, — Смотрите. Сэр Ари.

Приближался Ари, на полном скаку он проехал сквозь ворота, спрыгнул с лошади Тома и подбежал к Иво. Он резко остановился, пристально взгляделся, как будто не верил тому, что видели его глаза, наполняющиеся слезами.

— Ты сделал это, — сказал он. — Ты сделал это. Мы можем разрушить его.

— Да, — сказал Иво. — Мы можем.

— Это так... Видения. Я сожалею...

— Они были делом рук Квен, мой друг. Часть её плана. — Иво взял Ари за плечи и внимательно посмотрел на него, затем притянул его поближе и обнял. — Здесь король и его люди. Мы поговорим позже.

— Клянусь богами, мы поговорим! — сказал Ари на норвежском. Он подозвал рукой Тома и, перейдя на французский, произнёс, — Подойди, оруженосец. Я думаю, что тебе известно кое-что о моей украденной лошади.

Иво посмотрел искоса вниз на Алейду, его глаза, все еще непривыкшие к солнечному свету задержались на её лице. — Чем вызвана эта улыбка?

— Ты и Ари. Я никогда не видела вас вместе. Будет довольно странно видеть тебя рядом весь день.

— Да. Тебе понравится это?

— Боже, муж, ты не должен даже спрашивать. — Она запрокинула голову, полусмеясь и полуплача, ее headrail [\[62\]](#) опустился, чтобы позволить солнцу коснуться её волос. Они засверкали медным огнем, даже более яркие, чем в его мечтах, столь яркие, что ему пришлось закрыть глаза от этой невероятной красоты.

Когда он посмел открыть их снова, её лицо стало серьезнее.

— Обещай мне одну вещь.

— Какую?

Она улыбнулась той улыбкой женщины, которая сделала его счастливым оттого, что он был мужчиной, полным страстей и возможностей. — То, что ночи не изменятся.

Он притянул ее к себе, тихо обещая богам, что он всегда будет почитать их за эту женщину, которую они послали, чтобы спасти его.

— Для этого, миледи жена, у тебя есть моя клятва.

И он поцеловал её.

ВМЕСТЕ ИВАР И его возлюбленная Алейда перемещались сквозь года, воспитывая Беатрис и её пятерых сестёр, и наблюдали, как они выходят замуж. Вместе они прожили полную меру отпущенного им времени. И вместе они умерли, тихо отойдя в один день друг вслед за другом, почти в день зимнего солнцестояние, в году 1133 от рождества Христова.

Бранд оставался поблизости, живя в лесах, и как мужчина, и как медведь, чтобы следить за лордом Олнвиком и его леди, пока его друзья не почил. Тогда, вооруженный знанием того, как разрушить проклятие, он поехал дальше в поисках своих людей и fylgjur, которого Квен спрятала, взяв с собой ворона, своего преданного друга, в холод зимы.

Над головой крикнул ястреб, и Ари, поднял взгляд от пергамента.

— Проклятье.

Вечерело. Он мягко подул на чернила, чтобы высушить их, читая слова, что он только что вывел. Он кивнул в удовлетворении, пока не прочитал последнее слово, и его внутренности сжались.

Он ненавидел зиму, когда солнце стояло в небе так кратковременно, а ночи медленно тянулись. Зима оставляла ему так мало времени в каждом из этих дней вечности.

Когда чернила высохли, он закрыл книгу и застегнул ремни ^[63]. Он сломал пополам перо и позволил бризу унести его. Оставшиеся чернила он просто вылил на землю. Их так же не было смысла оставлять. Он просто сделал бы больше в следующий раз, он мог запастись временем, чтобы писать. Чернильный орешек ^[64] можно было легко найти в лесах этой проклятой земли, а перья... хорошо, перья были всегда.

В быстром темпе он проверил лошадей, чтобы удостовериться, что они были в безопасности от Бранда, затем освободился от одежд, обернул их вокруг книги и привязал связку позади седла. Только спустя мгновение он подошел к краю ущелья, где последние лучи солнца были самыми яркими. Он стоял там, его голая кожа, впитывала редкую теплоту, его сердце, колотилось всё быстрее и быстрее, когда ударила боль, его руки, становились всё более легкими, более сильными, длинными.

Как он любил солнце. Это была последняя мысль, вспыхнувшая в его душе прежде, чем он сделал шаг в воздух и воспарил прочь над деревьями, вороном, черным как ночь, в которую он летел.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

^[1] В норвежской мифологии fylgja (старо-норвежский, буквально "тот, кто сопровождает", мн.ч. fylgjur) — сверхъестественное существо или создание, которое сопровождает человека в его судьбе или роке. Fylgjur обычно появляются в форме животного и приходят во время сна, но в сагах рассказывается, что они могут также появляться и когда человек бодрствует. И для такого видящего fylgja — знак надвигающейся смерти.

[2] Донжон — сторожевая центральная или главная башня средневекового замка.

[3] Солар — расположенные на верхнем этаже (чаще всего, имеется в виду спальня или гостиная второго этажа, примыкающая к залу со стороны возвышения или помоста для мест хозяев дола; в средневековом доме) частные покои хозяев.

[4] jongleur — средневековый бродячий певец и комедиант.

[5] На протяжении книги герои будут в качестве экспрессивных выражений употреблять «Господь свидетель», «колени божьи», «пальцы Господни» и т. д. как дань расцвету христианства в Англии в период, к которому относится действие романа. Тогда как герои-норвежцы будут упоминать своих богов: «ради Одина», «Фреев идиот» и т. д.

[6] Curia Regis — в норманнской Англии королевский двор, исполнявший все функции правительства.

[7] Тор — в германо-скандинавской мифологии бог грома, бурь и плодородия.

[8] Скрамасакс — (лат. scramasax, sax) — меч или длинный нож древних германцев; как правило, имел заостренный конец и только одну ударную кромку (заточенную часть лезвия). Длина скрамасака колебалась в пределах 44–76 см, клинок имел около 6,5 см ширины, рукоять была весьма длинна и предназначалась для обеих рук.

[9] Óдин (Вотан, Водан) — "всеотец", "воитель", верховный бог в скандинавской мифологии, отец и предводитель асов. Мудрец и шаман, знаток рун и сказов (сак), царь-жрец, князь (konung) — волхв (vielur), но, в то же время, бог войны и победы, покровитель военной аристократии, хозяин Вальхаллы и повелитель валькирий.

[10] Шеврон — декоративный, зигзагообразный орнамент, «зубчики».

[11] Grand-père — фр. дед, дедушка.

[12] Освальд занимает должность marshal, т. е. маршала. Согласно Большой Советской энциклопедии, маршал (франц. marechal, от позднелатинского mariscalcus, от древневерхненемецкого marah — лошадь и scale — слуга) — придворное звание в средневековой Франции — королевский слуга, смотревший за лошадьми; с 12 века — придворный сановник, ведавший телохранителями, конной стражей и конюшнями короля.

[13] Ivo de Vesci. Barea. Dominus. Alnwick — лат. Иво де Вэсси. Одаряем. Господин. Олнвик.

[14] Рыцарь-бакалавр — низшая степень рыцарства; пожизненный титул; рыцари-бакалавры титулуются сэрами.

[15] Шенс (chainse), как и шемиз (chemise) — производные от латинского слова камиза (camisia).

Камиза (camisia) — нижняя рубаша простого кроя из льна, хлопка или шерсти, с длинными узкими рукавами и круглым вырезом горловины. Женская камиза доходила до щиколотки, а мужская, с клиновидными вставками по бокам, закрывала верхнюю часть бедра. Камиза могла быть просторной либо облегать тело благодаря шнуровке, которая собирала ткань на боках. Существовали женские камизы без рукавов, которые держались на плечах на узких бретельках, силуэтом напоминая современные сорочки.

При этом "шемиз" — нательная рубашка, исполняющая роль нижнего белья, а "шенс" — нижняя рубаша, надеваемая поверх "шемиза" под котта.

[16] Гаун — парадная одежда; у мужчин — длинная верхняя одежда без застежки, с откидными от локтя рукавами, иногда — с большим меховым воротником или на меховой подкладке; у женщин — верхнее орнаментированное платье.

[17] Корабль-дракон (dragonship) — очевидно, это драккар (норв. Drakkar, от

древнескандинавских Drage — «дракон» и Kar — «корабль», буквально — «корабль-дракон») — деревянный корабль викингов, длинный и узкий, с высоко загнутыми носом и кормой. На носу крепилась вырезанная голова дракона — отсюда и название типа корабля.

[18] Плаз — место на судостроительном заводе, где изготавливаются парусные суда.

[19] *Oui* — фр. да.

[20] Браслет — в данном случае украшенная полоска металла (обычно драгоценного), носимая вокруг верхней части руки, плеча.

[21] *Pautonnier de linage felon* — старо-фр. мерзавец, сын предателя.

[22] Иссоп — род многолетних сильно пахучих трав или полукустарничков с линейными или продолговатыми листьями. Упоминается в Библии (Исх.12:22, Пс.50:9) как растение, которое использовалось евреями в качестве кропива (его стебли, связанные в пучок, были удобны для кропления предметов жидкостью). Вообще, с древнейших времен во многих местах, где рос иссоп, он применялся в обрядах очищения. Для этого пучками этого растения, смоченными водой или жертвенной кровью, кропили людей, скот и любые предметы, нуждающиеся в сотворении над ними такого обряда.

[23] *Ego conjugo vos in matrimonium. In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti. Amen* — лат. Объявляю вас мужем и женой. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

[24] Тренчер — деревянная доска, на которую выкладывалась еда, прообраз тарелки.

[25] Мерельс — древняя, со времен Римской империи настольная игра для двух человек (по-другому «Девять парней Морисов», «Мельница»), некий вариант крестиков-ноликов, где, вместо привычной для нас сетки квадрата, круг, разбитый на 8 сегментов. На 9 пересечениях линий игроки по очереди ставят свои фишки. Цель — поставить 3 своих фишки в ряд.

[26] Поссет (posset) — напиток из горячего молока, вина, эля или других спиртных напитков, часто с пряностями и сахаром.

[27] Плат (wimple) — женский головной убор, прикрывающий также подбородок, шею и часть груди; мантилья; покрывало.

[28] Котт/котта (cote) — как мужское, так и женской средневековое верхнее одеяние, подпоясываемая туника с длинными узкими рукавами, которые приходилось шнуровать от локтя до кисти или пришивать на них множество мелких пуговиц, сочетавших практическую и декоративную функции. Со временем от цельнокроеных рукавов отказались и стали кроить котту без рукавов, а рукава, соответственно, — отдельно. Их не вшивали, а надевали непосредственно на тело, прикрытое рубашкой, и привязывали или пристёгивали в нескольких местах у плеча. Котт носился поверх шенса (рубашки) и под безрукавным сюрко.

[29] Майский праздник (May Day) — народный праздник в Англии, отмечается в первое воскресенье мая танцами вокруг майского дерева и коронаванием королевы мая.

[30] Брэ (Braies) — короткие штаны, первоначально от пояса до бедер, позднее до колен или лодыжек, где подвязывались.

[31] Фрейя — богиня любви и красоты в скандинавской мифологии.

[32] Вар — одна из асов, в германо-скандинавской мифологии богиня истины. Она выслушивает и записывает клятвы и обещания людей, а также мстит тем, кто их нарушает.

[33] Oxgang — староанглийская мера длины. Земли в то время делились на гайды — (англ. *hide*, англо-сакс.: *h id* или *hiwisc*; лат. *carrucate*) — единица величины земельных участков в англосаксонской Британии (за исключением Кента и территорий датского права). Одна гайда представляла собой величину обрабатываемого земельного участка,

достаточного для содержания одной семьи свободного крестьянина (керла). Реальная площадь гайды варьировалась в зависимости от региона: так в Кембриджшире и, вероятно, в других среднеанглийских областях, обычная гайда достигала 120 акров пахотной земли, в то время как в Уилтшире и Дорсете — лишь 40 акров. Различие в площади гайд в разных регионах объяснялось тем, что гайда была фактически не единицей площади земли, а единицей её продуктивности. Первоначально гайда представляла собой земельное владение одного свободного земледельца или одной семьи. Соответственно обязанности свободного земледельца в ранних англо-саксонских королевствах (военная служба в фирде (ополчение), продуктовая рента королю, содержание мостов и замков) распределялись по гайдам. В дальнейшем практика оценки земель в фискальных и иных государственных целях по гайдам сохранилась, несмотря на то что сами гайды перестали представлять собой владения одной семьи. Восьмая часть гайды названа по-древнеанглийски "oxgang", или латинским термином "bovate" (от "bovus" — бык). 1 Oхgang = 15 акрам = 60 702 метра квадратных.

[34] (фр.) мошонка, яйца.

[35] Бродэкс (broadax) — большой боевой топор с короткой ручкой и широкой режущей поверхностью

[36] Стоячие камни или же менгир. Бретонское слово, в переводе означающее «длинный камень». Простейший мегалит в виде установленного человеком грубо обработанного либо дикого камня, у которого вертикальные размеры заметно превышают горизонтальные.

[37] Дональд Бейн (Donald Bane) — Дональд III, король Шотландии с 1094 по 1097 (род до 1040 — умер в 1099).

[38] Малькольм — Малькольм III, король Шотландии с 1057(58), старший брат Дональда III, убит в ноябре 1093 близ Олнвика (Нортумберленд, Англия).

[39] Лига — единица длины, 4828.032 м.

[40] Денье (фр. denier от лат. denarius — денарий) — французская средневековая разменная монета. Чеканена в подражание римских денариев. Из одного фунта чистого серебра выпускали 240 денариев (денье) весом около 1,3 г. Вес менялся, но в конце X века он снова весил около 1,2–1,3 г, но проба серебра упала до 416-й (менее 50 % серебра, остальное — добавки, чаще всего медь).

[41] Мерельс — древняя, со времен Римской империи настольная игра для двух человек (по-другому «Девять парней Морисов», «Мельница»), некий вариант крестиков-ноликов, где, вместо привычной для нас сетки квадрата, круг, разбитый на 8 сегментов. На 9 пересечениях линий игроки по очереди ставят свои фишки. Цель — поставить 3 своих фишки в ряд.

[42] Стоун — мера веса, равная 14 фунтам, или 6,34 кг.

[43] Скади (древнескандинавск. Skaði; варианты написания: Skade — общеупотребительный скандинавский, Skadi, Skadhi, Skathi — транслитерация имени Skaði) в скандинавской мифологии инеистая великанша, покровительница охоты. Атрибуты ее (так же как и бога Улля) — лук и лыжи. Первоначально она, вероятно, была богиней плодородия в её зимней ипостаси. Скади представляет зиму и лёд, является супругой Ньёрда. Упоминается в Старшей Эдде, Младшей Эдде и Саге об Инглингах.

[44] В Средние века металлический наперсток был самой желанной и используемой вещью. Кольцеобразный тип портновского наперстка использовался для проталкивания иглы через кожу и плотные материалы. Такой тип наперстка использовался со времен

Римской Империи.

[45] Ноны — девятый час (церковное богослужение суточного круга, совершается в три часа дня).

[46] Сенешаль — управляющий хозяйством в средневековье в доме благородного человека, дворянина.

[47] *Bién sûr* — фр. «Конечно же».

[48] Гэлдерс (*Guelders*) — иное название *Gelderland*, земли в Нидерландах.

[49] День покаяния — первый день Великого поста у католиков и англиканцев.

[50] Народный праздник; отмечается в первое воскресенье мая танцами вокруг майского дерева [*maurole*] и коронованием королевы мая [*May Queen*]

[51] Аегир (Эгир) — (*Aegir, Oegir*) — в сев. (германской) мифологии демон (бог) мирового моря; его супруга — Ран (*Ran*) — своей сетью ловит мореплавателей и останавливает корабли. Э. состоит с богами в дружественных отношениях: он приглашает их к себе на пирушку и сам их посещает. В поэзии он является описанием или олицетворением спокойного моря. Говорят, он имеет девять дочерей (Гьяльп, Грейп, Эйстла, Эйргьява, Ангейя, Атла, Ульврун, Имд, Ярнсакса), каждая из которых представляет какой-либо тип волны; и они, как одна сущность, являются матерью Хеймдалля.

[52] Средневековый плотницкий топор

[53] Длинное нижнее платье. Характерным признаком этого платья являются: глубокая шнуровка спереди, опускающаяся ниже линии талии, и короткие рукава с пристегивающимися «фальшивыми» т. е. накладными длинными рукавами. Носилось как с верхним платьем, так и без него.

[54] Масть лошадей с серой окраской.

[55] 30,48 см

[56] *bairn*(шотл.) — ребёнок

[57] Напиток из горячего молока, вина, эля или других спиртных напитков, часто с пряностями и сахаром.

[58] Так в Скандинавии называли Млечный путь. Так же иносказательно Дорога Одина — это тропа мертвых, тропа поэтов и музыкантов, дорога бога искусств.

[59] 1609 метров

[60] Епископ Даремский (с 1099 г.), главный советник английского короля Вильгельма II и лорд-канцлер Англии в 1107–1123 гг.

[61] Дьявол в образе мужчины; нападает на женщин во сне и совокупляется с ними.

[62] Женский платок или головной убор.

[63] Раньше книги были очень ценны и поэтому чтобы уберечь их, книжный переплет имел застёжки, скреплённые ремешками.

[64] Нарост на листьях дуба.